

В.В. Гуцин

**УРОКИ БУДУЩЕГО.
УЧИМСЯ ПРЕДВИДЕТЬ ВМЕСТЕ**

**Обновленная методика
научного прогнозирования**

Монография

RU
science
RU-SCIENCE.COM
Москва
2018

УДК 321.01
ББК 66.0
Г98

Г98 **Гущин, Виктор Викторович.**
Уроки будущего. Учимся предвидеть вместе. Обновленная методика научного прогнозирования : монография / В.В. Гущин. — Москва : РУСАЙНС, 2018. — 282 с.

ISBN 978-5-4365-2898-4

Предлагаемая книга вместе с двумя предыдущими «УМЕНИЕ ПРЕДВИДЕТЬ. КАК ЭТОМУ НАУЧИТЬСЯ» (2015) и «ПРАКТИЧЕСКАЯ МЕТОДИКА ПРЕДВИДЕНИЯ» (2018) завершает 30-летний цикл исследований автора.

Трилогия не только предьявляет десятки сбывшихся авторских политических прогнозов, но и демонстрирует оригинальную научную методику их практического воплощения.

Для специалистов в области социологии, политологии, политических обозревателей и журналистов, а также широкого круга читателей, интересующихся будущим России.

УДК 321.01
ББК 66.0

ISBN 978-5-4365-2898-4

© Гущин В.В., 2018
© ООО «РУСАЙНС», 2018

Содержание

ОТ АВТОРА ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ	4
Урок первый: ПРЕДВИДЕНИЕ НЕ ДАР СВЫШЕ, А ОСОБЫЙ ТИП МЫШЛЕНИЯ.....	6
Урок второй: В ОСНОВЕ ПРЕДВИДЕНИЯ ВСЕГДА ЛЕЖИТ «КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ПРОГНОСТИЧЕСКАЯ ИДЕЯ»	40
Урок третий: ПЯТЬ ПРИНЦИПОВ РЕАЛИЗАЦИИ «КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ПРОГНОСТИЧЕСКОЙ ИДЕИ».....	79
Урок четвертый: СТРАТЕГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПЕРХОДА К ПРЯМОМУ НАРОДНОМУ САМОУПРАВЛЕНИЮ. ПО СУТИ И В ДЕТАЛЯХ	162
Урок пятый (дополнительный): В СМЫСЛЕ ПРАКТИЧЕСКОЙ МЕТОДИКИ ПРЕДВИДЕНИЯ, ЛИДЕР ВСЁ-ЖЕ НЕ ГУЦИН, А ДМИТРИЙ МЕНДЕЛЕЕВ	179
Задание на дом. Для размышлений и упражнений	187

ОТ АВТОРА ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Виктор ГУЩИН, политолог, публицист.

Так уж случилось, что вот уже третью книгу подряд начинаю хотя и по-разному, – сами можете сравнить с предыдущими двумя «УМЕНИЕ ПРЕДВИДЕТЬ. КАК ЭТОМУ НАУЧИТЬСЯ» (См. М. 2015 г. Издательство URSS, 450 стр.) и «ПРАКТИЧЕСКАЯ МЕТОДИКА ПРЕДВИДЕНИЯ» (См. М. 2018 г. Издательство «КНОРУС». М., 508 стр.), – но с одного и того же эпизода собственной жизни, предопределившего всю мою творческую биографию. И это вполне естественно.

Тематика того, о чем пишу уже более четверти века такова, что опираться приходится только на собственный опыт. Другого просто нет. Никто до меня систематической разработкой самой методики научного прогнозирования политических процессов практически не занимался. И до сих пор не занимается. То есть прогнозов как таковых, сколько угодно, на все цвета радуги и самые изощренные вкусы, но вот из чего и как они рождаются в мозгу исследователя будущего никому неизвестно.

Как и те обстоятельства, почему некоторые из прогнозов сбываются, а другие, – их подавляющее большинство, – с треском проваливаются, по сути дела не ясны. Причем, чем глубже начинаешь копать, чтобы докопаться до истинных причин происходящего, тем реже находишь правильные ответы. Зато самые нужные и актуально востребованные.

Да это и понятно. Только на базе уже накопленных знаний и зрелого опыта, прошедших проверку временем, может появиться что-то новое. Не потому, конечно, что его раньше не существовало в природе, а в силу того, что вы совершенно по-иному взглянули, на казалось бы уже познанное и накопленное.

Так, наверное, и родился на свет один из главных методических заветов: **повторение мать учения**. Вот и приходится всякий раз в погоне за новым, сначала в нужном объеме и направлении повторять предыдущее, иначе никаких открытий не сделаешь. А хочется, – и когда пишешь, и когда только читаешь, – пусть маленьких, но именно открытий. В итоге так получилось, не столько под воздействием воли автора, сколько в результате объективной логики задуманного, все мои книги не столько повторяют, а в чем-то, очень важном, а может быть и главным, дополняют друг друга.

Предназначение нынешней – сосредоточить внимание по ходу изложения на сути, предпосылках и деталях реализации идей перехода к Народному Самоуправлению, как исторически обусловленной и до

сих пор сохраняющей приоритет в показателях эффективности принятия государственных решений. Этот аспект выбран для книги стержневым, пронизывающим всю историю человеческой цивилизации снизу доверху, из прошлого в будущее.

Вообще, на мой взгляд, существуют всего два вида власти, напрямую соединяющие провозглашение цели и их практическое достижение. Первый вид – личная диктатура, второй – прямое Народное Самоуправление. Только в первом случае позитивный исторический результат получается лишь в случае использования ограниченной разумом силы, а во втором – силой раскрепощенного разума.

В нынешней книге ключевым аспектам прямого Народного Самоуправления посвящена целая глава, (См. **«СТРАТЕГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СИСТЕМЫ НАРОДНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ. ПО СУТИ И В ДЕТАЛЯХ...стр....»**), однако для того, чтобы правильно понять, о чем в ней пойдет речь, нужно научиться видеть суть прошлого таким, каким оно действительно было, а будущее строить, опираясь на понимание, каким оно может или должно стать. Ни то, ни другое умение само по себе не приходят. И тому и другому приходится учиться. **Так что давайте, дорогие читатели, начнем вместе постигать прошлое и созидать будущее в неразрывной связи.** Первый урок я намерен посвятить развитию именно этой темы.

Поскольку в работе над нынешней книгой предстоит повторить многое из того, что вроде бы уже было сказано, – но именно того, без чего к новому не подобраться, – она обрела и в содержании, и в композиции характерный дидактический ракурс. Отсюда и название книги: **«УРОКИ БУДУЩЕГО. ПРЕДВИДЕТЬ УЧИМСЯ ВМЕСТЕ»**. Начнем, как и положено, с главного, что предшествует первому уроку: со знакомства с учителем.

Урок первый: ПРЕДВИДЕНИЕ НЕ ДАР СВЫШЕ, А ОСОБЫЙ ТИП МЫШЛЕНИЯ

Поисковая система Яндекс в Интернете на запрос кто такой **Виктор Гуцин** сообщает: известный российский политолог, публицист, автор многочисленных журнальных публикаций и книг, носитель должностного ранга Государственный Советник РФ, обладатель отечественных и международных творческих премий. В 2004-ом году с публикациями «Я голосую «против всех» стал лауреатом конкурса Союза журналистов России «Журналистика как поступок».

Однако, в этом перечислении речь идет лишь о профессиональной журналистской работе автора нынешней книги на разных уровнях, в различных отечественных и зарубежных изданиях. Начиная с редактора областной многотиражной газеты «За рулем автомобиля» ещё будучи студентом филфака МГУ в 1962 году и заканчивая консультантом Шеф-редактора международного журнала «Проблемы мира и социализма», который издавался с 1948-го по 1990-ый год в Праге.

После возвращения на Родину, работал политическим обозревателем, членом Редколлегии журнала «Народный депутат». Вплоть до 1993-го года, с которого началась моя, так называемая, государственная служба Советником Аналитического Управления Государственной Думы.

К науке, собственно, приобщился случайно. Возникли проблемы в семье, связанные с потребностью в дополнительном жилье, и тут вдруг очень кстати предложили в целях повышения профессиональной квалификации «податься» в очную аспирантуру, с сохранением заработка, весьма высокого, и предоставлением жилья. Были при советской власти и такие возможности. Правда, не по выбору, а по назначению с «самого верха».

Иными словами, моя собственная исследовательская работа, о которой я до того момента совершенно не думал, успешно и продуктивно работая во внешнеполитическом еженедельнике «Новое время» Заведующим отделом и Членом Редколлегии, началась только весной 1980-го года.

Тогда передо мной, почти что как как государственную, поставили задачу *попытаться разработать практическую методику научного прогнозирования политических процессов, с тем, чтобы использовать её в дальнейшей работе.* По крайней мере именно так она

была сформулирована в решении Секретариата ЦК КПСС о направлении меня в целевую аспирантуру Академии общественных наук при ЦК КПСС. Уровень структуры, принявшей решение был на тот момент вполне сопоставимый с Советом министров СССР, а в политическом отношении согласно Конституции, ещё и повыше.

Прямое отношение к постановке этой задачи имели два очень влиятельных в ту пору человека, с которыми я был тесно связан по работе в «Новом времени»: Вадим Загладин, как организатор, и Георгий Шахназаров, как вдохновитель. Я им обоим за это очень признателен. Теперь, опираясь уже на личный опыт готов утверждать: действительный успех в науке в решающей степени зависит от того насколько своевременно и точно, в смысле выбора исполнителя и постановки цели, было сформулировано направление исследования.

В. Загладин формально был Первым заместителем Заведующего Международным отделом ЦК КПСС Б. Н. Пономарева, а фактически руководителем Отдела. Пономарев в силу преклонного возраста и больших заслуг перед КПСС и Международным Коммунистическим Движением оставался на своем посту, скорее, как реликвия, чем партийный функционер. Именно по этой причине Первых замзавов в других Отделах ЦК не существовало.

В. Загладин напрямую руководил самостоятельной Консультантской группой, в которую меня не раз привлекали по разным поводам, в основном для подготовки концептуальных политических документов или для работы в редакционных Комиссиях съездов, международных встреч и Совещаний компартий. Сегодня об этом напоминают лишь зафиксированные в моей Трудовой книжке благодарности.

Г. Шахназаров, был тоже одним из заместителей Заведующего Международным Отделом, но больше сосредоточенный на вопросах концептуальной стратегии и развитии политической науки. Его вполне можно считать основоположником нашей отечественной политологии. Именно ему принадлежит инициатива создания Советской ассоциации политических наук, которую он и возглавил. В моем журналистском архиве до сих пор сохранилась вырезка беседы с Г. Шахназаровым на эту тему.

Тогда он и высказал мысль, что отечественная «политология», – в ту пору в нашей стране этот термин в позитивном значении употреблял только Г. Шахназаров, – должна быть сосредоточена на проблемах научного планирования политического будущего страны и мира. Прежде всего, под углом зрения предотвращения войны.

Об этом же мы говорили с ним и перед направлением меня в 1985-ом году на работу в Прагу, в журнал «Проблемы мира и социа-

лизма», затем в 1988-ом уже непосредственно в Праге, на международной конференции, посвященной 30-летию журнала, который мы все между собой называли «малым Коминтерном».

Отчитаться перед Г. Шахназаровым об итогах проделанной работы я уже не успел, но его сыну Карену, ныне знаменитому кинорежиссеру, первую прогностическую книжку **«Умение предвидеть. Как этому научиться»**, вышедшую в 2015 году с соответствующим уведомлением счел необходимым переслать. Хоть в такой форме поблагодарив его отца за подаренную мне идею, заслуживающую, как я считаю, уже по самой постановке вопроса Нобелевскую премию... На мой взгляд, конечным результатом проделанной мной работы должны были стать **практические подходы к выработке научно обоснованной национальной модели развития страны**. Сегодня, к сожалению, на результаты проделанной работы под таким углом зрения смотрю только я. Появятся другие претенденты, буду только рад.

Однако, это не значит, что смысл и значение поставленной перед мной четверть века задачи было ясно с самого начала. Это далеко не так. На первых порах вполне хватало профессионального журналистского интереса к амбициозно поставленной цели. И только гораздо позже понял, насколько глубоким был её смысл и предназначение.

С самого начала поставленная задача попытаться разработать некую модель практической методики научного прогнозирования представляла собой привлекательной и достойной, что даже сама по себе мысль расшифровать её содержание не возникала, как если бы она была музыкальным лейтмотивом, который просто завораживал. Теперь я это сделал и с удовольствием готов своим открытием поделиться. Оно сводится к трем гармонично связанным между собой понятиям.

Понятие первое, ключевое: **научное прогнозирование политических процессов**. Его было вполне достаточно, чтобы обозначить высочайшую цену материала, к которому предстояло прикоснуться. Это как клеймо 89 на золотом изделии. **Второе**, авторское, как имя Феберже на этом драгоценном материале: **подтвержденные самой жизнью практические достижения Виктора Гущина по реализации прогностических проектов**. Третье, что ещё только предстоит попытаться сделать: **перспективная возможность превратить методические находки В. Гущина, в реальный механизм целенаправленного принятия правильных решений, о каких бы сферах деятельности ни заходила речь, личной жизни или созидания будущего всей страны**.

По молодости и недомыслию я за реализацию этой идеи взялся с энтузиазмом, вовсе не осознавая, что решение поставленной задачи

займет всю оставшуюся жизнь и только три десятилетия спустя, мне удастся выйти на рубеж предъявления предварительных итогов, воплотившихся в упомянутых уже книгах, включая нынешнюю.

До этого все многочисленные попытки привлечь общественное внимание к набиравшей ход работе ничем не заканчивались. Хотя, чтобы заинтересовать и даже заинтриговать, были, казалось бы, все необходимые предпосылки.

Перечисляю по пунктам. Многочисленные публикации, причем, весьма резонансные, за науку никто не принимал. Уж слишком написаны в смысле языка были «не по науке». В период с 1994 по 2005 год вышло даже несколько прогностических сборников. Называю по порядку: «**Пророков нет...**» (1994 г.), «**Глас вопиющего...**» (1999 г.), «**Я знаю Who is m-r Putin & что есть Россия**» (2005 г).

На отсутствие читательского интереса к своим публикациям, газетно-журнальным и книжным, посетовать не могу. Некоторые оценки и суждения, имели серьезный резонанс, вплоть до того, что их неоднократно, раз пять или шесть, в период с 1991-го по 2000-ый год воспроизводили в дайджесте российской прессы «Спутник» в качестве наиболее ярких отечественных публикаций.

Но долгое время не мог понять, почему главное, ради чего трудился мои аналитические усилия, выводы и прогностические рекомендации не находят спроса. Более того, вызывают какое-то странное недоумение, даже у близких людей.

Иногда мне даже начинало казаться, что они видят во мне какого-то странного чудака, совершенно оторванного от реальной жизни, витающего в каких-то утопических эмпиреях. Дело кончилось тем, что самые надежные друзья, в самых любимых изданиях – в «**Независимой газете**», в «**Новой**», в «**Журналисте**», похоже, вообще перестали воспринимать меня всерьез как автора.

Дольше всех держалась «**Литературка**», в которой я 10 октября 2012 года отметилась публикацией на тему о политическом будущем России. Статья завершалась так: *«На самом деле людей в нашей стране в начале XXI века, как и в начале предыдущего, давно уже не волнует, кто конкретно якобы представляет их интересы в Кремле, Белом доме, в Государственной Думе. Все кровно заинтересованы лишь в том, чтобы успешно, быстро и эффективно решались текущие дела и проблемы, чтобы жизнь протекала нормально в разумно обозримых пределах*

А для этого только и нужно, что предоставить людям те права, которыми они уже наделены, полномочия действовать на местах в

соответствии с ними. Сами по себе права и свободы почему-то действовать не хотят. Нет в стране механизма, позволяющего гражданам прямо, а не через посредников участвовать в принятии решений, их непосредственно касающихся, и контролировать исполнение решений, принимаемых коллективно.

Чтобы создать такой механизм, а это вполне возможно и даже не слишком сложно, нужно лишь упорядочить и переформатировать имеющиеся соответствующие предпосылки. Сделайте это, и российские граждане с удовольствием забудут и про Кремль, и про Белый дом, и про Государственную Думу, а главное – про необходимость выходить на протестные манифестации с требованием «честных и свободных выборов». В этом просто отпадёт необходимость».

Казалось бы, ничего сверх радикального в процитированных строках не было, да и сама мысль, заключенная в них, ничего кроме доверия и уважения к каждому из отдельно взятых соотечественников, и вообще к стране и её народу, как таковому, не выражала.

Однако, поди ж, ты: статья оказалась единственной из моих публикаций, на которую откликов было мало, а главное, почти все сердитые, более того обидные. Утопия, мол, совершенно оторванная от жизни. Никому не нужная. Ни властям, ни народу. Поначалу такой зигзаг мысли меня чуть не вверг в полное уныние, чуть ни в ступор.

Потом начал понимать. Далеко не всё из того, что представляется принципиально важным, встречает правильное понимание. Чаще всего потому, что столкновение прошлого с будущим, как правило, обретает парадоксальную форму, как воплощения, так и изложения.

А это, в свою очередь, осложняет восприятие. В только что упомянутой публикации в «Литературной газете» «**Какое будущее ждет Россию**» ключевой компонент высказанной мной концептуальной прогностической идеи был сформулирован так: «**Ныне наша страна оказалась в полосе принятия заведомо ошибочных политических решений**».

В ответ посыпалась масса упреков, даже возмущения: как, мол, такое вообще может быть?! Решений еще нет, а их заведомо объявляют ошибочными! По жизни такое случается сплошь и рядом, как это ни странно на первый взгляд. Ведь правильность принятого решения в конечном итоге определяется не столько его содержанием, сколько особенностями его восприятия массовым общественным сознанием и конкретными возможностями реализации. А эта возможность всегда находится в прямой зависимости от способов, методов и инструментов достижения цели.

Вот, пример, казалось бы, самый простой: у вас в руках только топоры и лопаты, а перед вами ставят задачу просеку среди дремучего леса проложить. В истории понятие «переломные эпохи» всегда связано со временем, когда одни методы и способы цивилизационного развития неизбежно утрачивают свой функциональный потенциал, а идущие им на смену, – условные мотопилы, еще не появились на свет. В результате любое решение о «прокладке новой просек среди дремучего леса» как бы попадает в «мертвую зону». На прежний манер оно уже нереализуемо, а для решений по-новому еще условия не созрели.

Разрешимо ли это противоречие? В перспективе, безусловно. На этом зиждется прогресс человеческой цивилизации. Согласитесь, хотя бы условно, в сугубо методических целях, что существующая ныне в России система управления исчерпала свой функциональный ресурс, о чем я толкую уже лет пятнадцать-двадцать, а новых идей ее замены нет. Что это означает?

Только одно: страна оказывается в полосе принятия заведомо ошибочных решений. Как-то на днях в телевизионных новостях сообщили, что Президент встретился с ведущими учеными страны, чтобы обсудить перспективы разработки и принятия перспективной программы развития страны на период до 2030 года. Какие в ней будут поставлены цели и задачи, я естественно, не знаю.

Могу лишь с уверенностью утверждать, ориентированы они будут не в будущее, а в прошлое. Методы их решения и достижения наверняка будут основаны на способах и методах себя функционально давно исчерпавших. Следовательно, на перспективу работать не будут.

Чтобы получить ориентир на принятие правильных, научно обоснованных решений, необходимо обладать как методической, так и технологической базой их реализации. На это уходит какое-то время, иногда весьма значительное, но работа в этом направлении идет постоянно. Я, к примеру, перед каждой своей публикацией ставлю непременное условие: она должна содержать концептуальную идею, указывающую путь к принятию правильного решения, и, следовательно, ведущего к достижению поставленной цели.

Было бы наивно предполагать, что переход от нынешнего режима к народному «самоуправлению» совершится по щелчку или по «царскому указу». Проснувшись поутру мы вовсе не вдруг окажемся в другой стране. Переход, без всякого сомнения, будет непростым и потребует усилий равнодушной к судьбе России части общества.

Только благодаря ее упорному труду такое преобразование, а впоследствии и строительство страны на современных, отвечающих глу-

бинным чаяниям людей, началах может стать на долгие годы воистину Национальным Проектом, о котором в последнее время стали всё чаще говорить.

Вот почему я воспринял как приятный, выбивающийся из общего строя сюрприз, когда к моменту выхода книги **«Умение предвидеть. Как этому научиться»** на Интернет-сайте научного Издательства URSS в разделе **«Новые публикации»** появилась соответствующая информация. Что меня больше всего, честно признаюсь, приятно порадовало, она была размещена под рубрикой **«Бестселлер»**, хотя ни одной книги еще не продали, даже авторского экземпляра на руки ещё не выдали.

Чего-чего, а завышенного читательского спроса я никак не ожидал. Однако, подумал я тогда, поживем, посмотрим, может, кто и купит. Предпосланный книге анонс, тоже размещенный на Сайте, такую надежду вроде бы внушал. Вот он.

«В книге известного российского политолога и публициста Виктора Викторовича Гущина «УМЕНИЕ ПРЕДВИДЕТЬ. КАК ЭТОМУ НАУЧИТЬСЯ. ЗАПИСКИ «ТАЙНОГО СОВЕТНИКА» ТРЕХ ПРЕЗИДЕНТОВ», речь идет о практической методике научного прогнозирования политических процессов, много раз проверенной, не давшей за последние четверть века ни одного сбоя. В этом убеждают сопровождающие книгу документальные Приложения.

*Не стану лукавить, – пишет автор, – был бы вполне удовлетворён, даже счастлив, если бы пройдя проверку временем, получив общественное признание, (не получит, так и говорить не о чем) предьявленная методика вошла в терминологический обиход теории и практики научного предвидения как **прогностический «Кодекс Виктора Гущина»**, как это произошло со знаменитой периодической Таблицей Менделеева.*

А главное книга, которую очень интересно читать, нацелена на то, чтобы помочь каждому, кому она попадет в руки, научиться принимать правильные решения. Как в науке, в политике, так и повседневных делах. Ведь умение предвидеть в конечном итоге сводится к достижению именно этой цели. **Управление, говорил П. Столыпин, это, прежде всего, умение предвидеть».**

Ныне считаю целесообразным присовокупить к сказанному ещё и содержание анонса к следующей книге **«ПРАКТИЧЕСКАЯ МЕТОДИКА ПРЕДВИДЕНИЯ»**, само появление которой наводит на мысль о заявке на книжную серию, объединяющей не только прошлые публикации, но и все будущие, если такое случится.

Вот он. «Новая книга Виктора Гущина, – говорится в нем, – как бы **«завершает тридцатилетний цикл прогностических исследований, в которых практически не было совершено ни одной серьезной ошибки или погрешности. Теперь только осталось ответить на вопрос: «Кому и зачем эти достижения нужны?»**»

Сама по себе научная формула предвидения, выведенная автором на основе собственного практического опыта и богатого эмпирического материала, выраженная в некоем математическом подобии «**1 к.п.и. + 5 п.н.п. = Р/А**» расшифровывается как **«концептуальная прогностическая идея»** плюс **«пять принципов научного прогнозирования», – предназначения, градации, интуиции, альтернативы и регистрации**, – даёт результат, превращающий Математическую теорию вероятности в Практику фактической предопределенности **Р/А**, по которой как в детской песенке поется, **«что ни пожелается, всё всегда произойдет, всё всегда сбывается»**.

Порадовало в анонсе и повторение констатации в отношении дидактического предназначения предшествующей работы. Мол, помимо того, что Сам автор считает, что **«на будущее как в жизни, так и в науке имеют право претендовать только правильные решения»**.

Перед выходом очередной книги из наметившейся уже прогностической серии помимо издательских анонсов появилась возможность предъявить ещё и парочку рецензий на предыдущую книгу **«ПРАКТИЧЕСКАЯ МЕТОДИКА ПРЕДВИДЕНИЯ»**, на фоне которой считаю целесообразным уточнить некоторые существенные аспекты самой прогностической методики. **(В текстах самих рецензий они выделены жирным шрифтом,.. В. Г.)**

**РЕЦЕНЗИЯ ПЕРВАЯ. «Независимая газета». 12. 04. 2018 г.
«О будущем устройении России».**

Прошедшие выборы могут стать поворотным пунктом в отечественной новейшей истории.

Виктор Гуцин. Практическая методика предвидения. Все, что достижимо, должно быть постижимо. Книга сбывшихся прогнозов в двух частях: Монография. – М.: РУСАЙНС, 2018. – 508 с.

Виктор Гуцин, давний, кстати, автор «Независимой газеты», и не скрывает, что очень старался подгадать выход своей новой книги к президентским выборам. Это объяснимо, раз в пять-шесть лет гражданам демонстрируют повышенный интерес к политике; в печати, соцсетях и на кухнях с различным градусом напряженности обсуждают прошлое, настоящее и будущее страны. Подчеркну – страны, в обычные дни говорят о тех или иных действиях власти, режима, а в поворотные – думают и говорят именно о стране. Собственно, об этом и книга, о неизбежной кончине нынешней модели управления и о будущем устройении России.

Тот, кто внимательно прочтет не самый, правда, простой текст, легко убедится – в науке прогнозирования автору равного в нашем отечестве нет. Простое перечисление его сбывшихся прогнозов занимает основной объем книги – здесь и предсказанный уход Горбачева, предвидение трагедии 1993 года, отставка Ельцина и появление преемника и многое другое. Так автор доказывает читателю свое право на прогноз будущего России.

Как это ни банально звучит, «жизнь вносит свои коррективы». Виктор Гуцин вполне логично доказал, что прошедшие выборы могут стать поворотным пунктом в отечественной новейшей истории, поэтому и спешил закончить книгу к началу марта-2018. Но даже он не в силах предвидеть и предсказать – не Ванга же в конце концов! – оголтелой атаки Запада после отравления Скрипаля и страшной кемеровской трагедии. Но детальные предположения на тот счет, что события могут развиваться именно так, им высказаны.

События эти вопиют: «Так жить нельзя!».

А как можно или, скорее, даже должно?

Ради ответа на этот вопрос и написана книга Виктора Гуцина. Читая ее во время предвыборной кампании, все время ловил себя на мысли – как же получилось, что все эти люди, называющие себя политиками и якобы пекущиеся о будущем своей родной страны и ее народа, прошли мимо гуцинских идей, не взяли их на вооружение, не написали на своих знаменах? Вместо серьезного разговора о будущем, из вечера в вечер по известному выражению «жевали сопли», плескались водичкой, выставляли вместо себя разных «фриков» и доводили единственную даму до слез.

Последние события показали – мы подошли к краю пропасти, к черте, за которой решается – быть или не быть России. Уверен, это ощущение возникло у многих. Ежевечерняя болтовня телевизионных «экспертов» и неизменного набора «политологов» была терпимой вчера, но в поиске образа будущего она не только не нужна, более того – вредна. К счастью, последние замеры аудитории убедительно говорят о том, что думающие люди ищут ответы на вопросы не в телевизоре. И здесь книга Виктора Гуцина как нельзя кстати.

Не секрет, что разные высокие чиновники вместе с пресловутыми «политологами» не один год ломали головы над изобретением пресловутой национальной идеи. Можно предположить, что и денег попилили немерено, но, как говорится, воз и ныне там. Не под тем фонарем искали.

Шутки, прямо сказать, кончились. Или – или. Нужна не лакировка – там подмазать, тут подкрасить, а здесь тазик подставить. Нужен прорыв. Свой путь. Большой проект. Так вот он, перед вами. В книге объемом свыше 500 страниц он охарактеризован всего одной фразой: «Сегодня Путин, завтра – Народное Самоуправление», а всё остальное посвящено тому, как.

Берите и делайте. Даже если кому-то и кажется, что поздно или, наоборот, рано, стиснуть зубы и попытаться, бывали ведь в российской истории времена и потяжелее. Но если побеждали, то неизменно всем миром. Ведь и только что избранный президент призывает сделать то же самое. Вот только захотим, сможем ли, вот в чем вопрос. Тут, к сожалению, и Виктор Гуцин не в силах ответить. Один мой родственник, выбирая имя рожденной в эти дни дочери, сказал: «Веры уже нет, Надежда осталась».

Наверное, нужно было написать, что в книге Виктора Гущина есть еще немногословный, но выпуклый образ автора и его родителей, несколько очерков новейшей истории и просто человеческая боль за страну, в ней органично соединились наука, публицистика и мемуары – большая и достойно прожитая жизнь очень незаурядного человека. (См. «Независимая газета», 12.04.2018 г.).

Фразу из рецензии, что **«в науке прогнозирования Виктору Гущину равно в нашем отечестве нет»**, опровергать не стану, однако вовсе не потому, что согласен. Просто, сравнивать не с чем. Да и не с кем. Время ещё не пришло. До 1980-го года по факту задачу **«попытаться разработать практическую методiku научного прогнозирования политических процессов и событий»**, никто ни перед кем не ставил. А значит, и решать было некому.

В результате по сути дела по совершенно случайному стечению обстоятельств я стал поначалу первым в смысле разработки совершенно самостоятельной темы, – а именно практической методики научного предвидения, – а теперь вот, пожалуй, остаюсь ещё и единственным, у кого на этот счет есть хоть какие-то достижения. Буду искренне признателен любому, кто возьмётся доказать, что на этот счёт я заблуждаюсь.

Одно дело предъявить сам по себе факт сбывшегося предвидения, и совершенно другое доказать, что этот факт не просто угадан, а именно научно спрогнозирован. Сегодня единственное мое преимущество перед коллегами, как я уже сказал, состоит лишь в том, что меня вовремя и точно сориентировали на целенаправленную работу, которая, как я теперь понимаю, сводилась к созданию принципиальной доказательной базы достоверного научного предвидения.

Эти требования относились в основном не столько к предъявлению неопровержимых фактов, – которые, как это отмечали ещё энциклопедисты-просветители, часто не столько проясняют, сколько затуманивают истинный смысл событий, – к демонстрации предварительно сформулированных объективных причин и конкретных особенностей происходящего.

Такая демонстрация и такие доказательства по сути дела сводятся к статистическому подтверждению, что предъявляемые в книге авторские прогнозы, были действительно сделаны с предвосхищением событий и по истечении контрольно-расчетного времени, тоже заранее оговоренного, сбылись не случайно, а по причине вполне закономерных причинно-следственных связей.

Достаточно было к высказанным выводам и предъявленным прогностическим рекомендациям прислушаться, и многое вообще могло пойти по-другому. Вот этот перечень. Выборочный, конечно, за его пределами еще много чего осталось. (См. Приложение. «Умение предвидеть». Стр. 254-450. Ровно половина объема вышедшей книги, ...В.Г.).

1. Августовский 1991-го года путч. Г. Янаев, как его предвестник и олицетворение. (См. «Независимая газета», 07.03.1991 год. «Объективная логика политического краха Горбачева». Приложение книги «Умение предвидеть. Как этому научиться». См. 266-277. В 2001-ом году статья была названа «Независимой газетой» «одним из наиболее точных политических прогнозов десятилетия». (См. юбилейный выпуск газеты от 29.09. 2001-го года под названием «Особая папка», где статья об Августе и Горбачёве воспроизведена полностью. В 2015-ом году тоже самое практически сделала и «Литературная газета», откликнувшись таким образом на выход «в свет» моей книги «Умение предвидеть. Как этому научиться».)

В этом контексте считаю необходимым упомянуть ещё одну публикацию, написанную фактически вдогонку уже упомянутой статье об Августовском путче, но опубликованной лишь через четверть века. Я имею в виду материал «Если бы Августовского путча не было, его следовало придумать», написанный в начале сентября 1991-го года, после трех дней и ночей, проведенных во время Августовского Путча в Белом Доме правительства.

Именно тогда я высказал навеянную мятежным Августом мысль, что перспектива распада СССР была заложена в самой его коммунистической природе. Я лично считаю, что М. Горбачев совершенно осознанно и целенаправленно вел дело к ликвидации КПСС и Советской власти, а вот «заплачено» за достижение этих целей было распадом Советского Союза, чего по всей видимости бывший Генсек КПСС даже не предполагал...

В рукописном виде статья была передана для ознакомления Горбачеву, Ельцину, Собчаку, Народному депутату А. Стаднику, тогдашнему Председателю Комитета по национальной безопасности Верховного Совета СССР. Благодаря Стаднику, статья и сохранилась до сих пор. Мысль о неизбежном распаде Советского Союза и о том уроне, который, тем самым, будет нанесен стране, была фактически высказана за четыре месяца до решения, принятого Ельциным, Кравчуком и Шушкевичем на встрече в Беловежской Пуще. (В 2015 году статья была включена в книгу «Умение предвидеть. Как этому научиться». См. стр.233-248.).

2. Неизбежные негативные эксцессы либерально-демократического реформирования России в 90-х годах XX столетия. «Эх, недотепы... Человека-то забыли!». «Независимая газета». 06.06 1992 г. (См. Приложение книги «Умение предвидеть». Стр.313-320. «Геннадий Бурбулис ведет свою игру. На кон поставлены судьба страны и Президента». «Независимая газета», 30.11.1993 г. «Игры всё те же. Только ставки теперь делает Чубайс». Приложение книги «Умение предвидеть. Как этому научиться», См. стр.321-333).

3. Прогностическая оценка событий 4-6 октября 1993-го года в Москве, обнародованная еще в сентябре того же года, но получившая фактическое подтверждение лишь 20 лет спустя. (См. «Почему Олег Лобов не внял предостережениям». Постскриптум. Вот соответствующий текст, опубликованный в «Независимой газете» 24 сентября 1993 года, то есть за десять дней до самой пальбы из танковых пушек по российскому парламенту.

«Указ президента от 21 сентября о роспуске парламента – поступок политического Каина. Ельцин давно уже утратил право судить и карать кого-либо своей президентской властью. В том, что происходит с Россией и её народом, он виноват ни чуть не меньше, чем его конституционные братья из Белого дома. Казнить их собственными руками, превращать в виноватых и отверженных – это акт политической мести, выпад провинциального кулачного бойца, но не поступок ответственного государственного мужа, озабоченного поисками выхода из кризиса. Единственное, на что имел законное и моральное право Ельцин – уйти добровольно в отставку и призвать народных депутатов последовать его примеру. Но он, – в который уже раз! – пошел против совести и здравого смысла».)

4. Альтернативный геополитический прогноз развития России, нацеленный на предотвращение идейно-политического и социально-экономического распада страны. (См. «Быть России имперской», «И все-таки имперской России быть». «Независимая газета», 23.07 и 17.09. 1993 г. (См. Приложение книги «Умение предвидеть. Как этому научиться». См. стр.289-313. «Надо ломать судьбу, а не менять политиков». «Литературная газета», №45, 1998 г. Статья была признана лучшей публикацией года. Откликам на неё был посвящен предновогодний номер газеты. См. Приложение. Стр. 419-429.).

5. Прогностическая гипотеза о пяти семилетних циклах (два «разрушительных», первый – с 1985 по 1991 г, второй с 1991 по

1999, третий – с 2000 по 2007 г., «имитационный»), либерально-демократического реформирования России, получившая реальное подтверждение в ходе развития последующих политических процессов вплоть до 2025-го года (См. «Кремлевская расписка». Еженедельник «ВЕК», №44, 1997 г, а также книгу «Умение предвидеть», стр. 27, стр. стр. 396-398). В книге совершена попытка дополнить прогностическую версию о трех реформаторских циклах политических циклах предложением о новой периодизации российской истории как таковой, начиная с лет «давно минувших» (с мая 1896. Коронация Николая II), по еще только грядущие десятилетия (с 2030 по 2050 гг.) (См. книга «Умение предвидеть». Стр.36-37).

6. Принципиальное несогласие с действующей в стране системой выборов губернаторов и глав администраций, неминуемо ведущих к расколу России. (См. «Выборы губернаторов довершат распад России». «Независимая газета», 28.05.1999 г. Приложение книги «Умение предвидеть. Как этому научиться», стр.347-350. Указ В. Путина об отмене губернаторских выборов по тем же самым соображениям и аргументам, изложенным в статье, был принят в 2004-ом году).

7. Прогностическое эссе о смысле и политическом предназначении прихода к власти в России В. Путина. (См. «Отчизна-мать в предвкушении нового мученика. Досушие размышления о политической судьбе В. Путина». «Независимая газета», 30.11. 1999 г. Приложение книги «Умение предвидеть. Как этому научиться». Стр.351-354. Это вообще была первая публикация российской печати, в которой не только В. Путин был назван будущим Президентом России, но и выводящей на размышления о его функциональном предназначении как политика и наиболее вероятном исходе того периода в истории России, в который он будет находиться во главе государства).

8. Прогностический взгляд на развитие России в годы правления В. Путина. (См. «Мы возвращаемся на круги своя. Самодержавие и борьба с ним как извечная форма существования России». «Независимая газета», 07. 04. 2000 г. Приложение книги «Умение предвидеть. Как этому научиться». См. стр.355-358).

9. «Вперед к имперскому авторитаризму», (См. «Литературная газета», №36, 14.10. 2002 г. Приложение книги «Умение предвидеть. Как этому научиться». Стр. 358-364. «Что, как и почему после Путина». Сборник «Восемь лет с Путиным», М. 2008 г. стр. 162-169. Приложение книги «Умение предвидеть», стр. 394-405.).

10. В дополнение к фактологическому прогностическому перечню публикаций считаю необходимым присовокупить небольшую разъясняющую ремарку к уже высказанной мысли о практическом предназначении прогнозов. Они с самого начала мыслились как попытки обратить внимание властей и общественного мнения на признаки тревожного развития идейно-политической и социально-экономической обстановки в стране.

Такие попытки обычно сопровождались усилиями напрямую достучаться «до верхов» принимающих решения, с целью обратить их внимание на опасные признаки надвигающихся бед. Как правило, тщетно. Как это, к примеру, было с моими попытками привлечь внимание общественного мнения проблемам возрождения России в имперском качестве, поскольку иной возможности после политического краха Советского Союза не оставалось. (См. «НГ» 23. 07 и 17.09. 1993-го года «Быть России имперской» и «Всё-таки имперской России быть»).

Вот как выглядели мои тогдашние «пророческие рекомендации», в которых я обрисовывал во всех деталях, что и как нужно было делать в плане имперского возрождения страны под углом зрения борьбы за возвращение Крыма в состав России. *«На Черноморье в результате прошлых хрущевских благоглупостей, возникших на почве пролетарского интернационализма и рабоче-крестьянской щедрости, вековая российская территория Крыма, россиянами добытая, потом и кровью умытая, вообще оказалась от России отторгнутой.*

А ведь кто владеет Крымом, тот господствует над Черным морем. Вот бы сейчас узнали об этом Петр I вместе с дочерью Елизаветой и их приемницей Екатериной II, столь много сделавшие для присоединения к России Крыма, то-то бы они своих почитателей, нынешних российских демократов-антиимпериалистов, не пожаловали.

В возникшей ситуации вообще непонятно, зачем России Черноморский флот, если она не собирается бороться за возвращение Крыма? Лучшие сегодня, вслед за стратегическим полуостровом, сделать Украине еще один щедрый стратегический подарок – Черноморский флот. В таком поступке будет хоть преемственность исторической глупости и внешнеполитического головотяпства, а то ведь творим вообще бессмысленность – режем организм, одну из опор безопасности России по живому, приговаривая при этом, что отдавать по частям менее болезненно и не так обидно, как все сразу. Как тут не вспомнить сердобольного хозяина, который из жалости к своему доберману, купировал ему хвост не единым махом, а по кусочкам...

Говорят, что имперские поползновения России могут нанести удар ее добрососедским, равноправным, взаимовыгодным отношениям с независимыми государствами, бывшими «братскими республиками». Те, кто так рассуждает, по всей видимости, забывают, что, порвав бывшие союзные «братские» связи, Россия оказалась перед необходимостью утвердить себя в совершенно ином качестве, адекватном ее потенциальным возможностям и той мере геополитической ответственности, которая объективно ложится на ее плечи.

Наивно думать, что там, где господствуют рыночные отношения, возможна какая-нибудь иная, нерыночная политика. В ней столь же опасно продешевить, как и заломить непомерную цену. Речь, понятно, в данном случае идет не о материальных потерях, хотя их со счетов сбрасывать тоже нельзя, а об ущербе, который наносится статусу и репутации государства суетливой, несолидной политикой. Вроде той, что проводится сегодня Россией, к примеру, в отношении Крыма или четырех Курильских островов.

Чем обернется российско-японская тяжба из-за дальневосточных островов, нам еще предстоит увидеть, а вот крымская эпопея уже дала обильную пищу для размышлений. Начнем с того, что случай с постановкой вопроса о статусе Севастополя и территориальной принадлежности Крыма в Совете Безопасности ООН – вообще политический нонсенс.

Его бы даже не приняли к рассмотрению, если бы Россия проявила в своих претензиях твердость, но сделала бы это без нарушения правил дипломатических приличий, без демонстративного пренебрежения возможностями договорного процесса. (К которому в конце концов пришлось-таки обратиться, но предварительно наломав дров сверх всякой меры.)

Ведь по сути дела нет ни одного государства, нет такого международного ограничителя, которые бы могли помешать России предъявить свои права на Крым. США, к примеру, полвека, включая годы достопамятной «разрядки» и «перестройки», не признавали включения в состав СССР прибалтийских государств, несмотря на советские законы, указы и конституции. Разве у России меньше исторических и политических прав на Крым, чем у США на Прибалтику?

А разве ФРГ, никогда не соглашавшаяся на окончательный раздел Германии, имела для этого больше оснований, чем Россия в отношении Крыма? И кто вообще сказал, что у Украины, в составе которой Крым находился, да и то по сути дела условно, три десятилетия,

на него больше прав, чем у России, владевшей Крымским полуостровом более двухсот лет?

К тому же нельзя считать, что предъявление Россией своих прав на Крым означает немедленное и чуть ли не обязательное объявление Украине войны. Так возникшую ситуацию могут воспринимать только политики, тупые как сибирские валенки. Любому мало-мальски сведущему во внешней политике человеку известно, международно-правовые документы не исключают самой возможности возникновения споров о границах и территориях. Они лишь запрещают использование для их разрешения неполитические средства. Что, кстати, зафиксировано в документах СБСЕ.

Мы же испугались предъявления собственных прав на Крым, как импотент – посягательств на свою невинность. На Западе, конечно, подивились такому поведению, но особого значения возникшему инциденту между Россией и Украиной придавать не стали. Явно в намерении поглядеть, как будут развиваться события дальше. Вот если мы и впредь будем действовать столь же нелепо, себе во вред, тут уж, как говорится, вольному воля...

Хотя есть основания предполагать, что в стратегическом плане, как с учетом собственных интересов, так и по соображениям обеспечения глобальной стабильности, цивилизованный Запад не только не опасается, а наоборот, заинтересован, чтобы Россия проводила имперскую политику, как внутри страны, сохраняя политическое единство и территориальную целостность государства, так и вне, в отношениях со своими ближайшими соседями, а также государствами, находящимися в зонах влияния бывшего Советского Союза.»

*По поводу нынешнего украино-российско-американо-европейского кризиса, его политической сути, я тоже успел высказаться в переписке с авторитетными представителями Президиума Академии Наук России А.В. Кряжимским и Ю.С. Пивоваровым сопредседателями Оргкомитета и координаторами Программы фундаментальных исследований Президиума РАН под названием **«Перспективы скоординированного социально-экономического развития России и Украины в общеевропейском контексте»**.*

*В ответ на их приглашение принять участие в намеченной на середину декабря 2013 года XIУ Международной научно-практической Конференции в рамках реализации вышеназванной фундаментальной Программы, я счел необходимым ответить следующим образом: **«Уважаемые господа! За приглашение благодарю, но в целесообразности проведения такой Конференции, как и участия в ней, глубоко сомне-***

ваюсь. О каких, спрашивается, «перспективах скоординированного развития» обеих стран, да еще в «европейском контексте», может идти речь, когда ни в той, ни в другой не существует концептуальной ясности по вопросу о том, почему на протяжении вот уже более ста лет, при совершенно разных политических режимах, ни будучи вместе, ни оказавшись врозь, ни одна из ключевых стратегических задач в области общественно-политического и социально-экономического развития в наших странах не была решена. И нет никаких надежных оснований полагать, что ситуация в разумно обозримом будущем изменится к лучшему.

Пока Россия и Украина не разберутся в парадигмах собственного развития, конструктивное обсуждение перспектив скоординированного курса бессмысленно. И в России, и на Украине все упирается в необходимость проведения назревших реформ системы государственного и общественного управления. Пока такие реформы не будут осуществлены, им гарантировано либо топтание на месте, либо попятное движение, а то и вообще катастрофический разлад».

На всякий случай уточняю, письмо было отправлено 24 сентября 2013 года, Конференция проведена, организаторы утверждают, очень успешно, 14-15 ноября, всего за неделю до резкого обострения внутриполитической обстановки в самой Украине и возникновения острейшего кризиса между нашими странами, оказавшимися чуть ли не на грани войны друг с другом. В момент отправки письма я еще не полностью отдавал себе отчет, как именно всё это произойдет, но смрадный запах в политической атмосфере российско-украинских отношений отчетливо ощущался уже в ту пору.

РЕЦЕНЗИЯ ИЗ «Литературной газеты». 25.04.2018 г.

Заметки на полях.

«Искусство предвидеть»

Виктор Гуцин. «ПРАКТИЧЕСКАЯ МЕТОДИКА ПРЕДВИДЕНИЯ. Всё, что достижимо, должно быть постижимо.» Монография, RUSCience, Москва, 2018 г. 508 стр.

Эта книга – седьмая в прогностической серии автора. Вместе с предыдущей «Умение предвидеть. Как этому научиться» она в чём-то итожит 30-летний целенаправленный научный и публицистический труд по выработке методики научного прогнозирования политических процессов и событий. В новой книге в виде приложений – почти все сбывшиеся прогнозы, опубликованные автором в популярных изданиях, включая «ЛГ».

*Любой, даже привередливый читатель найдёт в книге для себя что-нибудь интересное. На мой взгляд, **особо в книге волнует её заключительная глава, где речь заходит о перспективах возникновения и реализации Большого проекта будущего России. Смысл его сформулирован так: «Сегодня Путин, завтра народное самоуправление!».***

Кстати, приход Путина к власти автор встретил много лет назад прогностическим комментарием «Отчизна-мать в предвкушении нового мученика». И в своё время Гуцин обращал внимание, что Владимир Путин, начав «третью ходку в Кремль» в 2012 году, планировал начать и движение к созданию в России системы прямого народного самоуправления.

«Ключевым в этом смысле, – отмечал тогда Гуцин, – до сих пор считаю ежегодное Послание президента Федеральному Собранию от 12 декабря 2013 года, где задача перехода к новой системе управления была сформулирована как стратегическая. Речь в Послании шла о назревшей необходимости возродить российское Земство как народный управленческий институт, в интересах проведения социально-экономических преобразований, которые бы по темпам, масштабам и эффективности не уступали Столыпинской реформе...»

Не исключаю, что немалая часть российского политического истеблишмента, по всей видимости, сочла, что события российско-украинско-евро-американского кризиса 2014 года вообще исключили проведение в стране коренного реформирования системы управления. Это ошибочное представление. Недооценка глубокого смысла поставленных президентом задач недопустимо. Кстати, к их решению под-

талкивает и высказывание Путина в Послании от 11 декабря 2016 года. Напомню, президент чётко сказал: «У нас в России ничего не получится, если не сумеем привлечь граждан к принятию государственных решений методом прямой демократии».

Россия в силу стечения исторических обстоятельств, что Виктор Гуцин убедительно показывает в **«Практической методике предвидения»**, оказалась сегодня ещё ближе не только к обозначенной животворной идее, но и к реализации нового цивилизационного проекта будущего в форме народного самоуправления, которое естественным образом объединяет возможный творческий потенциал личности с многократно усиленными созидательными устремлениями общества. Эта идея никому и ничему себя не противопоставляет, ничего не отвергает из оправдавшего себя опыта и в то же время ничего не навязывает из того, что было бы чуждо людям, противоречило их интересам.

Отныне, как сказал Владимир Путин после одержанной 18 марта победы на выборах, любое итоговое решение будет приниматься «исключительно в интересах россиян». «На смену межпартийному соперничеству и политической конкуренции должно прийти стремление к консолидации сил и упрочению гражданской солидарности. Наша повестка развития носит консолидирующий характер, общенациональный характер и должна объединить всех». Как это будет сделано, за счёт каких методов, способов и средств обязательно покажет ближайшее время.

Именно переход к народному самоуправлению превращает людей из разномастного, погрязшего в частных заботах населения, в полноценных и полноправных граждан, напрямую участвующих в принятии решений, по которым предстоит жить. Только право на такое участие каждого в принятии решений делает людей действительно равными. В этом смысле понятия «Народное Самоуправление» и «Гражданское общество» однокоренные. Одно без другого существовать не может. Это две стороны одной медали, обладание которой Россия давно заслужила.

Всё это автор глубоко и доказательно рассматривает в новой замечательной книге, взывающей к размышлениям и действиям.

Причём, в добавление к сказанному в рецензии, опубликованной в «Литературной газете», хочу отметить, – это важно, – В Путин предпочитал вести дело к достижению намеченной цели как бы исподволь, без предварительного афиширования, предпочитая, видимо, чтобы об итогах развития страны и реализации намеченных решений, люди су-

дили по конечным **результатам, а не по предварительным намерениям. По крайней мере, на тех направлениях, где их реализация** аккуратно вписывалась в предоставленные президенту конституционные полномочия.

На самом-то деле все великие дела в истории человечества творятся только таким способом, то есть не умышленно, не по собственной «задумке,» а по велению судьбы и стечению обстоятельств. В действительности, что называется, «по жизни,» реализуются только те идеи, которые объективно уже давно назрели и даже перезрели...

В таком случае, возникает вопрос, из чего должен складываться общественно-политический Проект вообще? На мой взгляд, **это прежде всего субъективно осмысленная необходимость осуществления объективно назревших преобразований, востребованных временем.** В обиходе их перечисление принято называть Концептуальной программой целенаправленных действий, ориентированных на созидание будущего страны и её граждан.

Сейчас самое время предъявить календарь событий, свидетельствующих о реальном движении президента и всей страны в указанном направлении не только после объявленного в ежегодном Послании от 2013 года политическом курсе на Народное Самоуправление, – *(На том, что олицетворяет собой это понятие, я останавлиюсь чуть ниже,..В.Г.)*, – а за весь период пребывания В. Путина на президентском посту, то есть с 2000-го года по сей день. Вот этот календарь.

В период с 2000 по 2012 год было принято свыше 300 (по подсчетам Илларионова, бывшего помощника Путина) президентских Указов и Постановлений Правительства о перераспределении прав и полномочий между органами представительной и исполнительной власти в пользу исполнительной. **Самым важным из них был Указ от октября 2004 года об отмене прямых губернаторских выборов.**

На сегодняшний день в смысле функциональных полномочий у представительной власти не осталось ни одной позиции, которые не были бы продублированы органами исполнительной власти вновь образованными общественными структурами, созданными следом за Общественной Палатой, которая была сформирована Указом президента в 2005 году.

Вернувшись в 2012 году в президентское кресло В. Путин стал действовать в этом направлении ещё интенсивнее. Перечислю лишь важнейшие шаги, не позволяющие ему сегодня отклониться от избранного политического курса ни на сантиметр.

2011 год. По инициативе В. Путина накануне его возвращения на президентский пост в пике многопартийному плюрализму создан **Об-**

щероссийский Народный Фронт. Выступая на его учредительном съезде В. Путин сказал: *«Общероссийский народный фронт должен действительно стать широким общественным движением, чтобы у всех граждан страны была возможность ставить свои, народные задачи, добиваться их исполнения, сдвигать с места те вопросы, которые тонут в бюрократическом болоте, напрямую вносить свои предложения, которые затем станут законами и государственными решениями».*

2012 год, май. Издание одиннадцати президентских Указов по сути выводящих вопросы жизнедеятельности государства и осуществления социальной политики, то есть конкретной жизни людей, за пределы полномочий и нормативной-правовой практики Законодательной власти. Исполнение этих Указов было поставлено под ежегодный контроль непосредственно В. Путина и органов Общероссийского Народного Фронта. Последние из таких «ревизий» с участием Правительства и из таких отчетов состоялись в мае 2018 года, то есть нынешнего.

Судя по отчётам выполнено около 80 процентов из 218 поручений, поставленных на контроль Указом президента. За день до инаугурации 2018 года на встрече с членами правительства предшествующего состава В. Путин отметил, что *«ключевые направления работы Правительства были связаны с реализацией “майских указов” 2012 года. Да, здесь были сложности, проблемы, не всех показателей удалось достичь с точностью до запятой. Так всегда бывает, когда берешься за масштабный, долгосрочный проект. При этом ситуация постоянно менялась, появлялись новые, часто очень объективные факторы. Но повторю, ощутимые результаты, динамика, изменения есть. Стратегический вектор развития задан правильно».*

Полагаю, никто из депутатов Госдумы не станет возражать, что в последние годы, а именно с мая 2012-го, ставших особенно сложными в экономическом отношении, взятыми президентом под личный контроль решениями удалось не только предотвратить резкое понижение жизненного уровня российских граждан, но и позволило государству исполнить взятые на себя социальные обязательства.

12 декабря 2013 года. Обнародовано уже упомянутое обильно в начале главы программное Ежегодное Послание президента Федеральному Собранию РФ о необходимости возрождения в России практики российского народного управления, которое могло бы вывести страну на уровень социально-экономических преобразований, которые бы по темпам, масштабам и эффективности не уступали Столыпинской ре-

форме. Не исключаю, что к подробному изложению его содержания ещё придется вернуться.

22 июня 2016 года. Выступление В. Путина на заключительном заседании весенней сессии Государственной Думы. Начало речи было вроде бы «во здравие»: *«Мы с вами вместе хорошо поработали»*, а вот её завершение прозвучало, почти что «запокойной»: *«Не думайте, что на предстоящих 18 сентября выборах главными будут кандидаты в депутаты и партии. Вовсе нет. Это прежде всего избиратели, их интересы, чаяния и заботы. Их успех целиком и полностью будет зависеть от того, насколько эти интересы будут обеспечены или защищены»*.

27 июня 2016 года. Через пять дней на предвыборном съезде «Единой России» В. Путин вернулся к высказанной мысли в новом её обрамлении: *«Смысл выборов состоит не в состязательном соперничестве кандидатов в депутаты и политических партий с их идейно-политическими платформами и предвыборными программами, которые, хотим мы того или нет, разъединяют людей, а в поиске путей к обеспечению широкого общественного согласия, в сосредоточении усилий практически каждого гражданина страны на достижении стоящих перед страной стратегических целей и реализации перспективных, прорывных проектов»*.

30 сентября 2016 года. Под этой датой в моём календарном мониторинге политических намерений В. Путина, о котором я уже упоминал чуть выше, содержится следующая запись: «Начали появляться признаки того, что проблема совершенствования государственного управления на самом высоком уровне действительно стала рассматриваться под новым углом зрения. В. Путин и Д. Медведев провели совещание, на котором было констатировано, что «сейчас государственная машина неповоротлива и несет на себе черты переходного периода, сохраняя и часть советских управленческих механизмов, и переходные черты 1990-х гг. и «наши последующие новации».

В результате, эта система зачастую имеет довольно низкий КПД. Нередко уже согласованные на всех уровнях и законодательно обеспеченные решения, не дают тех результатов, на получение которых были рассчитаны. По мнению президента Института современного развития И. Юргенса, если в ближайшие 5-6 лет система государственного управления не претерпит радиальных изменений к лучшему, Россия окажется в глубокой стагнации, из которой уже не сможет выбраться».

27 октября 2016 года. Выступление В. Путина на Международном дискуссионном Клубе «Валдай» на тему **«Будущее начинается**

сегодня: контуры завтрашнего мира». Смысл выступления президента России сводился к тому, что многовековая эра торжества представительной демократии как формы государственного Управления завершился. Она исчерпала свой функциональный ресурс и на будущее должна уступить принадлежащее ей место более эффективным способам обеспечения коренных интересов стран и народов.

11 декабря 2016 год. На этот раз в ежегодном Послании Президента Федеральному Собранию в отличие от аналогичного документа 2013 года развернутого сюжета о Народном Самоуправлении нет, присутствует лишь одна фраза, имеющая к нему отношение. Зато какая! **«У нас в России ничего не получится, если не сумеем привлечь граждан к принятию государственных решений методом прямой демократии».**

Выходом именно на эту фразу В. Путина я и завершил книгу **«ПРАКТИЧЕСКАЯ МЕТОДИКА ПРЕДВИДЕНИЯ»**, увидевшую свет весной 2018 года. Не стану скрывать, я перед сдачей рукописи нынешней книги в издательство намеренно не стал дожидаться публикации предвыборной путинской Программы, с которой он сам явно не торопился. *(Почему именно, отдельный вопрос, к которому ещё придётся вернуться чуть позже,.. В.Г.)*

Да и выбора у меня по сути дела не было. После выхода в 2015 году первой книги **«УМЕНИЕ ПРЕДВИДЕТЬ.КАК ЭТОМУ НАУЧИТЬСЯ»**, где одна из глав называлась **«Я взял за правило предугадывать намерения Путина»**, мне ничего иного и не оставалось. Поэтому об ожидающем Россию **«назревшем прорыве»**, который после возвращения В. Путина в Кремль должен вывести страну в мировые лидеры, я заговорил задолго до президентских выборов 2018 года. В качестве доказательства лишь процитирую соответствующий сюжет из выше названной главы. Вот он.

«Выступая 19 декабря 2013 года в Москве на Международной научной Конференции на тему **«Модернизация России: ключевые проблемы и решения»**, прошедшей под эгидой Президиума РАН с докладом, **«Концептуальные основы неизбежных политических перемен в России»**, я произнес новый «пароль», открывший очередную потайную дверцу, чтобы через неё заглянуть в ближайшее будущее.

Под аплодисменты, что не так уж часто случается в научных аудиториях, воспроизвожу по информации, «вывешенной» на интернет-сайте Президиума РАН, он прозвучал так: «Жаль, что в попытке найти выход из нынешней сложнейшей социально-экономической ситуации

российская власть совершила роковую стратегическую ошибку, взяв курс на всеохватывающую «модернизацию».

Ориентируя общество и страну на обновление, улучшение и совершенствование уже достигнутого, – *(А чем же еще в правильно понятом терминологическом смысле может быть «модернизация»,..В.Г.),* – власти обрекают Россию ещё на один имитационный цикл в своём развитии. Но если **первый** такой цикл под названием «стабилизация», после двух предшествующих откровенно разрушительных *был вынужденным,* – то **нынешний «модернизационный», – абсолютно не обязательный и даже вредный**

В курсе на «модернизацию» нет никакого мобилизационного потенциала. Он размытый, рыхлый, не конкретный. Лозунги типа «Делай лучше, бери больше, кидай дальше» никогда к убедительным результатам не приводят. **В стратегическом смысле таким способом можно как-то держать консервативную «круговую оборону», но не более.** Для всего своё время – и для консерваторов, и для прогрессистов. Только это нужно правильно понимать. Неизбежно наступает момент, когда одни превращаются в других и наоборот. Иначе бы мир давно застыл в полном унынии.

Сегодня России нужен «прорыв» на главных направлениях, качественный скачок из одного состояния в другое, если хотите из самодержавия в самоуправление, минуя демократию. Наука такой гипотетической возможности не исключает, точно также, как не допускает другого: догнать, а тем более перегнать развитые страны, следуя за ними след в след, по уже пройденному ими пути. Стратегические победы – это не игра в «догонялки» или «перегонки». Это движение в нужном направлении по ещё нехоженным тропам».

Теперь, по прошествии пяти лет, скажу совершенно честно и откровенно, я не рассчитывал на моментальный «отзыв», не усматривая для него публичного формата, но ошибся. В. Путин ответил, не стану настаивать, что именно мне, но на поднятую мной проблему, откликнулся точно. Значит и мной она была поставлена вовремя.

Во всяком случае, впрямую, так как это сделал я, власти в стратегической ошибке с выбором курса российские власти и президента в том числе, никто другой не упрекал. В случае, если В. Путин отвечал не мне, назовите кому. Не себе же самому?!

Это было сделано в апреле 2014 года на Санкт-Петербургском экономическом Форуме, – довольно неожиданно для всех его участников, мне об этом рассказал один из них, – В. Путин говорил так, как это

делают, обращаясь к конкретному, присутствующему в зале оппоненту: «не следует воспринимать «модернизацию» всего лишь как курс на повышение эффективности, увеличение объемов и ускорение процессов развития и производства. **Стоящие перед страной задачи требуют революционно-технологических решений, способных обеспечить не просто подъем, а прорыв на важнейших направлениях экономики, науки и техники.»**

С удовлетворением могу констатировать: ход мысли общий, даже термины одни и те же. Правда, за исключением одного, зато важнейшего компонента: под обеспечением давно назревшего **«прорыва»** я имел и имею в виду не сами по себе «революционно-технологические решения, способные обеспечить подъем на важнейших направлениях экономики, науки и техники», как, например, это уже было сделано в России в области вооружений, о которых В. Путин сообщил в своем Послании от 1 марта 2018 года.

В моем понимании «прорыва» речь идет о реализации концептуального управленческого Проекта Будущего, выводящего страну на принятие решений, обладающих максимальным мобилизационным эффектом не только в смысле достижения принципиально новых производственных или научных рубежей, но и в организации самой жизни.

Отсюда и название Проекта, ориентированного на Будущее – Народное Самоуправление. Поскольку в начале книги я уже пообещал, что рассмотрению ключевых аспектов Проекта по сути и в деталях будет посвящена самостоятельная глава сейчас коснусь только главного. А именно: смысла и предназначения Проекта, его исходных принципов, характерных особенностей принятия решений по его реализации и контролю исполнения.

Сразу хочу сказать, никаких особенных заслуг за собой в постановке вопроса о выходе России на рубеж «революционно-технологического прорыва» в развитии страны я за собой не чувствую. Не в последнюю очередь потому, что такая востребованность была и остается характерной не только для России, а, пожалуй, для всей нынешней человеческой цивилизации. Иное дело, когда речь заходит о содержании, методах и ресурсном обеспечении такого прорыва непосредственно в нашей стране. Вот здесь у меня, пожалуй, вполне найдутся некоторые авторские заслуги.

С исчерпывающими ответами на эти вопросы не было полной ясности не только до президентских выборов, состоявшихся 18 марта 2018 года, на которых В. Путин победил с подавляющим преимущест-

вом, но и вплоть до того момента, пока, по всей видимости, по тактическим соображениям президенту как главе государства соответствующих аспектов собственной деятельности можно было бы не касаться, дабы не навлекать на себя ещё до получения конкретных результатов, преждевременной критики.

Стратегические цели и задачи поставлены, непосредственная ответственность за их достижение и решение определена, – она на президенте и органах власти, – названы даже объёмы расходов, которые потребуются для обеспечения прорыва. Иными словами, некоторой тайной для «широкой общественности» остаются только вопросы, начинающиеся со слова «как», а ни «что».

Подчеркиваю, не «тайной» вообще, а лишь для «широкой общественности», дабы сохранить в практической деятельности для обеспечения запланированных целей свободу рук. Ведь объёмы и характер намеченного беспрецедентны, критерии, по которым предстоит судить о перспективах реализации Проекта ещё не опробованы на практике, как тут докажешь, что всё, о чем идет речь, реально достижимо?..

Судите сами, хотя бы по основным параметрам той Программы действий В. Путина на предстоящие шесть лет, которая складывается из двух основополагающих документов: из предвыборного ежегодного Послания Президента от 1 марта 2018 года и Указа, подписанного сразу после инаугурации 7 марта. Соответствующие позиции перечисляю по тексту обоих документов.

Вдвое снизить уровень бедности; обеспечить устойчивый естественный рост населения; на охрану материнства и детства направить 3, 4 триллиона рублей, то есть вдвое больше, чем до этого; увеличить прирост ВВП на душу населения в 1, 5 раза; выйти на уровень, когда бы ежегодно не менее пяти миллионов человек улучшали свои жилищные условия; увеличить объем жилищного строительства с нынешних 80 миллионов квадратных метров жилья до 120 миллионов; в период до 2024 года довести уровень выделения государственных средств на развитие здравоохранения более 4 процентов ВВП, то есть увеличить вдвое; обеспечить рост производительности труда на 5 процентов в год; вывести развитие отечественной экономики на уровень наиболее успешных в экономическом отношении государств. Чем ни программа?

Для того, чтобы проиллюстрировать грандиозность поставленных задач, где увеличение темпов и рост объемов развития страны исчисляется не в процентах, а в «порядках», назову лишь одну, зато главную позицию. За минувшие с 2008-го по 2018 год десять лет Внутрен-

ний Валовой Продукт России вырос всего на 7 процентов, а к 2024 году, как это следует со слов В. Путина, этот важнейший показатель намечено увеличить в полтора раза.

Назван даже объем ресурсов, которые придется потратить для достижения намеченных целей. Для этого потребуется не менее 25 триллионов рублей, из которых не совсем ясно откуда именно придется брать формально недостающие ещё 8 триллионов. Цифра более чем внушительная. Обсуждаются варианты, из которых предпочтительным считается рост экономики примерно на 5 процентов в год, что должно вывести отечественное развитие на уровень наиболее успешных в экономическом отношении государств. В чем даже многие специалисты как в России и за рубежом искренне сомневаются.

Я тоже не во всем уверен, но на мой взгляд «закавыка» здесь, как я себе её представляю, вовсе не в темпах роста экономики и не в объемах средств, необходимых для реализации Прорывного Проекта в Будущее. **Важнейший компонент здесь уровень зрелости совокупного общественного сознания, которое в ключевые исторические моменты развития человеческой цивилизации превращается в важнейший фактор появления новых идей и создания невиданных прежде возможностей их реализации.**

Так что дело, в смысле перспектив достижения намеченных целей ни столько в наличии и объемах необходимых ресурсов, сколько в поиске новых идей, способных обеспечить решение двуединой задачи: средства для реализации крупномасштабных социально-экономических преобразований изыскать и гражданско-политическую активность всего общества на осуществление таких преобразований мобилизовать.

Если по правде, то именно к этой констатации я и подводил мысль читателя всем предшествующим изложением, включая как собственные научно-прогностические достижения, так и путинские оценки функциональной сути той формы управления страной, которая по его убеждению президента, – *соответствующие высказывания В. Путина на этот счет в календарном порядке чуть выше перечислены*, – должна служить не столько олицетворением, сколько непосредственным воплощением интересов народа и предопределять смысл государственных решений, по которым людям предстоит жить.

А это можно, – я в этом глубоко убежден, – только одним способом: предоставив гражданам России исконного жизненного права такие решения не только принимать, осознанно участвовать в их реализации, а затем и контролировать исполнение. Достижение

прорывных целей лишь за счет организационно-технологических и административно-структурных возможностей государства невозможно.

Беда здесь, однако, в том, что уровень зрелости совокупного общественного сознания, которым на нынешнем этапе человеческой цивилизации предопределяется содержание системы управления, а, следовательно, и принимаемых государственных решений в большинстве наиболее развитых стран, вышел на тот рубеж, когда уровень возможностей перестал соответствовать уровню стремительно растущих потребностей людей и самих запросов времени.

Отсюда и появление термина «глобальный цивилизационный кризис управления», который сейчас начинает звучать всё чаще не только в научных дискуссиях, но и в обыденной речи, как бы подтверждая, что поименованная проблема уже перестаёт быть предметом специального интереса, а превратилась в историческую заботу повседневной жизни миллионов людей.

Лично меня это обстоятельство привело к выводу, что рассматривать нынешнюю ситуацию, как и ответ на существующий кризис, следует искать не в административно-структурном реформировании системы государственного управления и научно-технологической модернизации материального производства, а в принципиальном изменении самого взгляда на характер и качество цивилизационного мышления как такового, а вместе с этим и принятии на его основе государственных решений.

На мой взгляд, этот ответ должен быть основан на качественном изменении подхода к принимаемым государственным решениям с нынешних лукаво-посреднических принципов так называемой «представительной демократии», то есть «от имени народа и в его интересах», к методам «прямой демократии», предполагающим непосредственное участие граждан в принятии решений, по которым им же и предстоит жить.

Без этого, как отметил В. Путин «у нас с будущим ничего не получится». (См. ежегодное **Послание президента от 12 декабря 2016 года**). Опираясь именно на эту фразу в завершающих абзацах книги **«Практическая методика предвидения»**, вышедшей в свет накануне президентских выборов 2018 года, я высказал предположение, что предстоявшие на тот момент президентские выборы пройдут на мой взгляд под лозунгом: **«Сегодня Путин, завтра – Народное Самоуправление»**.

Ныне, уже после выборов готов лишь подтвердить, что победа В. Путина несколько не поколебала моей позиции, скорее наоборот, про-

яснила её. По крайней мере в той части, где я говорил, что «представительная демократия» уже давно исчерпала свой функциональный ресурс» и объективная логика исторического процесса не предлагает ей на смену ничего иного, кроме Народного Самоуправления, если не считать одного существенного нюанса.

Дело в том, что в контексте моих рассуждений о неизбежном «функциональном крахе представительной демократии» присутствует момент, который не только не исключает, но с точки зрения формальной логики предполагает, что переход от «представительной демократии» к «народному самоуправлению» может произойти не «напрямую», а через промежуточную фазу так называемого «утилитарно-прагматического авторитарного режима» во главе с инициатором будущих перемен.

Эта роль и это место в моей концепции перехода России от исчерпавшей себя системы государственного управления на основе принципов представительной демократии к «прямому народному самоуправлению», с самого начала, – а это значит с 1999 года, – принадлежит В. Путину, Правда, как ещё только будущему, а не нынешнему президенту России, хотя я в качестве эксперта не исключал и возможности, что сугубо внешне этот переход может выглядеть как стремление к установлению личной диктатуры.

В этом легко убедиться по двум моим предшествующим книгам: **«Умение предвидеть. Как этому научиться.»** (М., 2015 г.) и **«Практическая методика предвидения»** (М., 2018 г.). Ключевым фактором здесь по моим предположениям должна была стать сокрушительная победа В. Путина на президентских выборах 2018 года, когда ему в силу объективных требований сложившейся политической ситуации, – как международной, так и внутренней, – придется огласить Программу предстоящих действий как главы государства, состоящую из двух частей.

Первая – конкретные цели, которые были перечислены в ежегодном Послании президента от 1 марта 2018 года и президентском Указе, подписанном 7 мая после так называемой инаугурации, то есть официального вступления в свою нынешнюю должность, вторая – методы и способы их достижения, о которых вплоть до выборов практически ничего конкретного не говорилось.

На тот факт, что это обстоятельство, – то есть парадоксальный разрыв в постановке вопросов о том, что предстоит делать и как именно, – не только выглядело необычно, но и наводило на мысль не то чтоб о великой тайне, но каком-то специальном умысле или предназначении

такого разрыва, мне не раз приходилось обращать внимание. Состоявшиеся в марте президентские выборы и оценка их результатов самим В. Путиным внесли в эту логическую дилемму необходимую ясность. Теперь все необходимые слова, которые я так ожидал от президента услышать, им сказаны. Вот они.

1. "Очень важно объединять усилия всех людей даже вне зависимости от того, за какого конкретно кандидата люди проголосовали, потому, что перед нами стоит очень сложные непростые задачи, и нам нужно не просто их решать, как обычно в текущем режиме, нужно осуществить, я говорил об этом в Послании, прорыв, рывок. Мы можем это сделать, у нас есть для этого все основания так считать и добиться такого результата".

2. «На смену межпартийному соперничеству и политической конкуренции должно прийти стремление к консолидации сил и упрочению гражданской солидарности. Наша повестка развития носит консолидирующий характер, общенациональный характер и должна объединить всех... Я очень бы хотел, чтобы мы при этом руководствовались всегда соображениями и долгосрочными интересами России и российского народа, и на второй план всегда бы отодвигали групповые или партийные предпочтения».

3. «На пути к достижению намеченных целей могут быть приняты и непростые решения, это могут быть решения, требующие дополнительного объяснения».

Смысл первых двух высказываний, в которых глава государства констатировал, что эпоха торжества представительной демократии, когда государственные решения, по которым стране и её гражданам предстояло жить, принимались хоть и от имени народа и в его интересах, но через разного рода посредников, то есть одними за других, миновали, для меня сюрпризом не стали.

А вот третье, указывающее, что в процессе создания новой системы принятия решений не посредниками, а непосредственно гражданами, могут возникнуть серьезные затруднения, **«требующие дополнительных разъяснений»**, внимание к себе привлекло, в силу отсутствия ответов на давно назревшие вопросы, связанные с реализацией конституционных деклараций.

Так, например, почему, как в восприятии самих российских граждан, так и представителей властей, на протяжении почти четверти века остаются не более как дежурным повторением ключевой декларации Основного Закона о том, что *«носителем суверенитета и единственным источником власти является многонациональный народ Рос-*

сийской Федерации» (См. Конституция РФ, Статья 3.). По сути дела, это ни к каким конкретным политическим действиям ни ту, ни другую сторону не побуждало.

Иное дело, сейчас. Уточнение, что «на пути к достижению намеченных целей могут быть приняты и непростые решения, требующие дополнительного объяснения», навело меня на предположение, что суть предстоящих перемен, которые и должны обеспечить провозглашенный В. Путиным «прорыв в развитии России», будет связан именно с реализацией идеи Народного Самоуправления, лежащей в основе конституционной декларации.

Напрямую о такой перспективе президент прежде ещё ни разу не говорил, но, на мой взгляд, постоянно именно это имел в виду. Попробую свои предположения, если не доказать, то хотя бы обосновать. Что называется, «назвался груздем, полезай в кузов». Взятся «предугадывать намерения В. Путина», так предугадывай.

Лично мой ход рассуждений на тему о том, что могло бы обеспечить беспрецедентный «прорыв» в развитии России в постановке этого вопроса В. Путиным, привёл меня к однозначному выводу, что качественные критерии, по которым Россия должна будет выйти в число передовых держав, будут иметь не материально-производственное, а социально-психологическое содержание.

Это должны будут отражать и воплощать ни какие-то отдельные «прорывные» достижения в тех или иных сферах жизни или человеческой деятельности, пусть даже взятые в сумме, – что в принципе вполне возможно, – а единодушный отклик всей страны на целенаправленный призыв, направленный на мобилизацию как созидательных сил всего общества, так и каждого его гражданина в отдельности.

Значит искать решение поставленной задачи предстоит не в административно-организационных, производственно-экономических или научно-технологических ресурсах, за счёт которых в большинстве случаев происходят стремительные сдвиги на тех или иных направлениях деятельности, а в психологической активизации мотивационных стимулов созидательных устремлений людей как таковых.

А в этой сфере надёжно срабатывают не идейно-политические или социально-экономические, а исключительно морально-психологические или же интеллектуально-педагогические факторы, что предопределено тем обстоятельством, что положительный эффект в решении поставленных задач или достижения намеченной цели обеспечивается не с помощью формальных

стимулов, а личной заинтересованности каждого в получении желательного результата.

Иными словами, достижение целей, подобных тем, с какими после победы на президентских выборах выступил В. Путин, должно предполагать не только наличие соответствующей заинтересованности государства, но и самих граждан. А это возможно лишь при условии, что для них будет создана система, при которой именно люди становятся непосредственными участниками решений как о принятии, так и реализации прорывных проектов.

Суть того, что только что сказано, на мой взгляд, напрямую перекликается со словами В. Путина, процитированными чуть выше, особенно в части, указывающей, что «на смену межпартийному соперничеству и политической конкуренции должно прийти стремление к консолидации сил и упрочению гражданской солидарности», способной «вне зависимости от того, за какого конкретно кандидата люди проголосовали», решать очень сложные непростые задачи не в привычном щадящем режиме, а осуществить «намеченный страной рывок», что в моем понимании и составляет суть Народного Самоуправления.

И ещё парочка абзацев в качестве завершающей реплики к сказанному о перспективе реализации перехода от «представительной демократии» к системе Народного Самоуправления: в историческом смысле это, конечно же, произойдет не по чьей-либо подсказке или инициативе, а в силу объективно обусловленного процесса развития человеческой цивилизации. Идея Народного Самоуправления придумана не специально для России, тем более не высосана из пальца. Просто, в силу стечения исторических обстоятельств, здесь чуть раньше созрели условия для её реализации.

На мой взгляд, идея Народного Самоуправления обладает наивысшим мобилизующим эффектом. Она воплощает собой максимально возможный творческий потенциал личности с многократно усиленными созидательными устремлениями общества. Эта идея никому и ничему себя не противопоставляет, ничего не отвергает из оправдавшего себя опыта и не навязывает людям того, что было бы чуждо их интересам.

Именно переход к Народному Самоуправлению превращает людей из разномастного, погрязшего каждый в своих заботах населения, в полноценных и полноправных граждан страны, непосредственно участвующих в принятии решений, по которым предстоит жить. Только право на непосредственное участие каждого в принятии решений независимо от того, кто ты и зачем ты, делает людей действительно равными.

В этом смысле понятия «Народное Самоуправление» и «Гражданское общество» однокоренные. Одно без другого существовать не может. Это две стороны одной медали, обладание которой, если иметь в виду Россию, она давно заслужила.

Внимательный читатель конечно же помнит, что в самом начале нынешней книги, как и двух предыдущих, я обращал внимание, что действительное предназначение научного прогноза сводится не к политическим деталям, в том числе к фактам автобиографий политических деятелей и датам реализации предсказанных событий.

Это всё побочные данные, полученные в результате прогностических исследований развития политических процессов. Именно они определяют суть прогноза. В его основе всегда лежит стратегическая прогностическая идея, под углом зрения которой и рассматриваются все происходящие события и факты политических биографий тех или иных деятелей. Ни один прогноз вовсе не гарантирует, что научное предвидение вот-вот воплотится в реальность.

Период исторической реализации прогностической идеи иногда раскладывается на десятилетия, а может и столетия. Научный прогноз перед собой не ставит задачу определить в какие сроки случится переход от отслужившей свой срок представительной демократии к Народному Самоуправлению, – это зависит от очень многих причин, в том числе и случайных. Гораздо важнее, что научный прогноз становится конкретным инструментом конструктивным инструментом реальной созидательной деятельности людей в исторически правильном направлении.

На осознание такой перспективы указывает один из ключевых принципов научного прогнозирования. А именно: **«прогностической градации»**, о чем в главе о «принципах научного предвидения» ещё пойдет речь впереди. В соответствии с «принципом градации» ним каждый прогноз, претендующий на научность, должен указывать на степень зрелости прогнозируемого процесса в пределах пяти основных стадий развития. А именно: категорий **«случайности, вероятности, тенденции, закономерности и неизбежности» реализации прогноза.**

Смысл прогноза о переходе к Народному Самоуправлению, как я считаю, уже лет тридцать как теоретически и по наличию конкретных предпосылок реализации вышел на уровень **«неизбежности»**. А уж когда это произойдет на самом деле: сегодня, завтра, или ещё через полсотни, а то и более лет, зависит уже не столько от автора прогноза, сколько от деятельности нас самих. Точнее, от уровня зрелости совокупного общественного сознания и его влияния на людей, принимающих ответственные решения...

Урок второй: В ОСНОВЕ ПРЕДВИДЕНИЯ ВСЕГДА ЛЕЖИТ «КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ПРОГНОСТИЧЕСКАЯ ИДЕЯ»

При кажущейся научной фундаментальности темы, обозначенной в заголовке главы, я ставлю перед собой цели вполне конкретные, можно сказать, житейские: помочь людям, оказавшимся перед необходимостью принимать ответственные решения, делать это осознанно, без последующих огорчений и разочарований за допущенные просчёты и ошибки. Это важно, как для большой политики, так и в текущей жизни.

Прежде всего хочу обратить внимание на ключевую деталь, быть может, главную: никогда в своих прогнозах не ориентироваться на то, что и кому именно, следует сделать, чтобы оказаться творцом не только собственной политической биографии, но и судьбы страны. Это в живописи мыслят образами, а в научном прогнозировании объективными историческими запросами и конкретными жизненными интересами людей.

Я вообще считаю, что действительно в своих прогнозах стал попадать в точку только с того момента, когда это понял. В книге этот прогностический феномен охарактеризован следующим образом: сначала надо разобраться с наличием объективных предпосылок реализации таких запросов и интересов.

С течением времени именно такое осознание я начал называть "**концептуальной прогностической идеей**", – а затем оснащать её выработанными за долгие годы исследовательской целенаправленной работы "**ключевыми принципами реализации**". **Их пять: предназначения, градации, интуиции, альтернативы и регистрации.** Смысл и значение каждого из них, а также способы применения, будут подробно в следующем Уроке.

Теперь, опираясь на опыт проделанной за долгие годы работы, я исхожу из того, что прогноз, это не какое-то непостижимое таинство, а вполне доступная, при наличии такого желания и умения, конечно, возможность каждого приходиться к правильным логическим выводам, беря за основу закономерную последовательность действий и событий. И только затем принимать правильные решения. И даже давать рекомендации властям, как это с некоторых пор позволяю себе делать я.

Ещё древние говорили, нет ничего сильнее **идеи**, для реализации которой настало время. Поиск именно такой перспективной идеи на интересующем исследователя направлении составляет стержень, цель и смысл научного прогнозирования. Поэтому я и называю её **концептуальной**. В прогнозе остаётся только указать момент, когда это время наступит.

Самым уникальным, как я считаю, историческим примером реализации **«концептуальной прогностической идеи»** служит, на мой взгляд, казалось бы, решение вроде бы частного вопроса, а именно: о проведении 7 ноября 1941 года военного парада на Красной площади в момент, когда судьба Москвы, да и самой страны была под вопросом. Но именно в то хмурое и студёное ноябрьское утро была одержана первая морально-нравственная стратегическая победа над врагом.

Народ поверил в тот знаменательный день в собственную силу, в способность выстоять и разгромить врага. От этого 40-минутного парада затем вёлся отсчёт других солдатских и полководческих триумфов, – победоносной битвы под Москвой, под Сталинградом, на Орловско-Курской дуге, разрыва ленинградской блокады, освобождения Минска, Киева, Севастополя, Будапешта, Вены, Праги и в мае 1945-го штурма Берлина. Ныне эта прогностическая идея получила свое продолжение и новое воплощение в проведении массовой общественной акции Бессмертный полк...

Предвидеть можно по-разному: бывают вещие сны, у некоторых людей случаются пророческие видения, другие слышат потусторонние голоса, третьи вообще рождаются на свет умеющими видеть не только через предметы и стены, но и сквозь время. Можно, в конце концов, правильно угадывать развитие событий, как Вольф Мессинг (**Самая интересная попытка расшифровать как В. Мессинг это делал была совершена российским ученым, обладавшим экстрасенсорным даром В.И. Сафоным. См. Книга В.И Сафонов. Невероятное. М.1991 г. Из-во «Физкультура и спорт», 400 стр.)** или как Нострадамус, предсказывать судьбы мира и человечества на сотни лет вперёд.

Всё это бывает. Но прогнозировать в отличие от предвидения и ясновидения можно только научно, то есть с применением соответствующих методов познания и предъявлением убедительных результативных доказательств. А для этого необходимо ещё до того, как событие произошло выстроить всю систему доказательств собственной научной прозорливости, а затем только сравнивать предъявленное с тем, что и как на самом деле происходило. И делать на этой основе соответствующие выводы, подводить итоги.

Иного способа научного доказательства исторической достоверности осуществившегося прогноза пока никто не придумал. И вряд ли придумает. Если за неопровержимое научное доказательство, как это происходит сейчас, будет приниматься только сам факт осуществившегося прогноза.

Тогда придется согласиться, что и сам прогноз не более, чем интеллектуальная забава. А хотелось бы видеть в нем императивное предписание конкретных действий, направленных на достижение поставленной цели. Но тогда и «прогностические установки» должны быть другими.

Конечно, не сразу, но у меня всё-таки стали складываться собственные представления о том из чего должна складываться практическая, – в этом слове мне виделся какой-то особый смысл, – **методика научного прогнозирования**. Причем, не только политических процессов. Задачу захотелось поставить шире, выше, глубже.

Скажем, как практическую методику принятия правильных решений, о какой бы сфере человеческой деятельности не заходила речь. Не только профессиональной, но как уже было сказано чуть выше, даже в быту, в семье... Решающее значение здесь, на мой взгляд, обретал не сам по себе факт достижения цели, а безошибочность движения мысли в избранном направлении...

В этих размышлениях сначала родилась ассоциация. Вот она: **Периодическая таблица химических элементов Д.И. Менделеева**. Идеальный прогностический инструмент, в котором упорядочены не только все уже известные химические элементы, но и обозначены позиции, где ещё только могут появиться новые, с заранее заданными параметрами, качествами, свойствами.

Совершенно ясно, что искать, где искать, как искать, а главное, – результативно находить. Наука чистой воды. Вот бы изобрести что-нибудь подобное не только для точных наук, но и общественных... Так возник ориентир, на который равняюсь до сих пор... *(Подробнее об этом пойдет речь в «дополнительном уроке», размещенном в книге на страницах... , В.Г.)*

Работать в поисках ключевых элементов будущей магической формулы научного прогнозирования, она же, – поиск правильных решений ЧЕГО БЫ ТО НИ БЫЛО, – была долгой, сложной и мучительной. «Наводок» даже на направления верного поиска не находилось, видно такой универсальной задачи, найти «золотой ключик», к открытию главной тайны идейно-политических и социально-экономических процессов, – возможности надежно прогнозировать любое из избран-

ных направлений, – никто ни перед другими, ни тем более, перед самим собой не ставил.

В итоге, формулу научного прогнозирования я всё-таки нашел, но только, для личного пользования, хотя по позициям ещё четко не сформулировал. Это случилось гораздо позже. Мог и не дожить... Но результаты она стала надежно приносить. Правда, чтобы выйти на этот рубеж, потребовались сверх трех лет аспирантуры ещё семь лет напряженного целенаправленного труда.

То есть к 1991-му году, когда «в свет» вышла моя первая сугубо прогностическая публикация **«Объективная логика политического краха Горбачева»**, о которой уже была речь и, наверно, ещё ни раз будет, поскольку в моем восприятии она до сих пор олицетворяет ту самую **«неразрывную связь времен»**, которую лучшие умы человечества считали самой жизнью. На первый взгляд статья вроде бы посвящалась подведению итогов пяти лет «перестройки», а на самом деле всем своим содержанием была устремлена в завтрашний день.

По мнению очень многих людей, в том числе самого Горбачёва, она до сих пор остается в методологическом отношении образцовой, где каждый подход прописан, каждая позиция аргументированно обозначена, итог выведен на уровень закономерностей, а прогноз на будущее безупречен. Бери и пользуйся.

Проделанной работы было достаточно, чтобы не только политическую биографию Горбачева подкорректировать, роль Г. Янаева в Августовском путче предвосхитить, его участие в Путче предсказать, но и предостеречь страну от прихода Ельцина в Кремль, Советский Союз от развала уберечь, России на будущее верную дорогу подсказать. Достаточно было лишь поверить в то, что было написано. Но увы, видимо, никто не поверил. Да и кто я был такой, чтобы мне на слово верить...

Вслед за **«Объективной логикой политического краха Горбачева»** вышли ещё две прогностические публикации: это антиреформаторский политический памфлет **«Геннадий Бурбулис ведет свою игру. На кон поставлена судьба страны и Президента»**. (см. «НГ», 30.11.1993 г.). И по сути дела, его продолжение, увидевшее свет в полной версии уже в 1999-ом году только в книге **«Глас вопиющего...»**, (См. В. Гушин, М.1999 г., стр.131- – 157) под заголовком **«Игры всё те же. Только ставки теперь делает Чубайс»**.

В самом общем виде **«концептуальная прогностическая идея»** имеет мировоззренческий характер и исходит из общих представлений об устройстве мира и особенностях его существования, но не носит

универсального характера, как на это в свое время претендовал марксизм-ленинизм или экономическая теория Адама Смита.

В каждом отдельном случае, **в каждом конкретном прогнозе «концептуальная идея» обязательно обретает оригинальный, я бы даже сказал, индивидуальный авторский вид**, она всегда «личная» и воплощает в себе ключевую позицию любого научного исследования.

В «**концептуальной идее**», всякий раз по-своему, в зависимости от объекта исследования, но непременно сходятся в качестве основных движущих сил отживающее свой функциональный век «прошлое» и набирающее темп, жизненную энергию «грядущее». Иными словами, как если бы «*моменто мори*» и «*моменто вита*» сошлись в один и тот же роковой миг, в одной и той же точке.

Сформулировать, указывающую на эту точку «**концептуальную идею**», всё равно, что найти ключевое слово в поэзии, главную звуковую фразу в музыке, нужное сочетание красок в живописи. Иными словами, **поиск «концептуальной идеи» процесс творческий**, и потому доступный, даже при огромном багаже знаний, далеко не каждому.

Не все же становятся композиторами, поэтами, художниками. Родить «**концептуальную прогностическую идею**» сложно, зато очень важно научиться её отличать от ремесленнических поделок на тему о будущем, тем более профессиональных спекуляций на нем.

Вот почему на протяжении всех лет работы, ссылаясь на собственные прогнозы, я обязательно обращал внимание читателей именно на «**концептуальную идею**», стараясь подчеркнуть, что именно она лежит в основе любого сбывшегося научного предвидения, иначе мне вообще бы не удалось не только предсказать, но даже толково объяснить происходящее.

А сейчас о главном. Что же представляет собой заявленная выше в качестве ключевого элемента магической формулы «**концептуальная прогностическая идея**», предопределяющая, согласно авторской методике, перспективы реализации научного предвидения как такового?

Прежде всего, обращаю внимание: прямого отношения к мировоззренческим категориям она не имеет и на универсальный доктринальный характер не претендует. Слово «идея» в этом словосочетании присущим ему пафосом не обладает и имеет по существу сугубо прикладное значение по отношению к понятию «**концептуальная**».

Её предназначение в другом: обеспечить получение обоснованных, или как принято говорить среди ученых людей, к числу которых я себя отнюдь не причисляю, верифицированных, то есть

достоверных результатов на избранном направлении прогностического исследования.

Иными словами, такая идея обязана обозначить реперную точку ключевого противоречия между уже известным и еще неведомым, между произошедшим, и только предстоящим, в каких-то случаях между прошлым и будущим, на избранном для научного прогнозирования направлении.

Факт разрешения такого противоречия чаще всего олицетворяется научным открытием, неважно в чем или где: физике, химии, биологии, да и в политологии тоже. Только в разных сферах, как сами эти реперные точки открытий, так и формы разрешения назревших противоречий обретают разный облик, выглядят по-разному. Отсюда нередко путаница возникает.

Впервые «**концептуальная прогностическая идея**», которая, по сути дела, сопровождает меня и мою работу минувшие четверть века, была публично сформулирована **в прогностическом сборнике, «Глас вопиющего...» увидевшем свет в 1999-м году**, сыгравшем исключительно важную роль в моей исследовательской биографии.

Посвященная размышлениям на эту тему глава называлась: «**Теперь в России не осталось места ни для политики, ни для политиков**».¹ Привожу из этой главы ключевой аспект, в близком к оригинальному тексту изложении.

«Для кого-то может прозвучать странно, но так оно и есть: политика себя в России изжила, окончательно исчерпала. Для неё не осталось ни социальной базы, ни идейной основы, ни исторических ориентиров. В России уже давно все перепробовали, не оставили не дискредитированной ни одной здоровой политической мысли, ни одной продуктивной идеи.

А главное, в стране поставлен под вопрос смысл борьбы за власть. В 1996-м году Г. Зюганов уже не захотел победить Б. Ельцина по сугубо конъюнктурным соображениям, боюсь, в 2000-ых годах за власть в России не станет бороться ни один сообразительный, тем более уважающий себя порядочный человек. Слишком перспективы будут открываться мрачные. Интересуетесь почему? Отвечаю...

Я уже не раз высказывал мысль и делаю это вновь: политика начинается не там, где правительства, парламенты, министры, президенты, а там, где миллионы. Но не денег, конечно, а людей. Политика начинается там, где затронутыми оказываются жизненные интере-

¹ См. стр. 31-57

сы этих миллионов. Правительствами, парламентами, депутатскими и президентскими креслами, миллионными банковскими счетами, открытыми благодаря пребыванию у власти, политика заканчивается.

В сегодняшней России, где интересы миллионов людей оказались по одну сторону, а интересы властей по другую, истоки традиционной, классической, не утратившей смысла политики пересохли, ресурсы для взаимного доверия между властью и народом, исчерпаны. Теперь для продуктивного управления страной надо бурить новые артезианские скважины. Не от политики, не от борьбы за власть возродится Россия...

Те же, кто в борьбу за власть все-таки вступит, тоже знают и понимают, массовое общественное сознание, отягощенное удручающими результатами деятельности российских властей, во всех их ипотасях, ветвях и мастьях, будет активно откликаться только на различные модификации лозунга «Долой», адресованного так называемой «представительной демократии».²

С приходом представительной демократии началась великая управленческая смута. Силу, богатство и страх поколебать не удалось, они как правили, так и продолжали править миром, их только разбавили безволием, слабоумием, иждивенчеством и паразитизмом. Это при самом щадящем подходе к оценкам происходившего и происходящего. Судите сами.

Проблема управления как таковая в самом широком диапазоне, – от восточных деспотий до нынешних евро-американских демократий, – всегда предполагает оценку достигнутых результатов и перспектив развития, исходя из трёх уровней. Научно-теоретического, идейно-политического, организационно-технологического. Вот как это выглядит в самом общем виде, если не вдаваться в нюансы и детали.

Научно-теоретический уровень имеет стратегический характер и здесь работает история научной мысли, начиная с самых ранних времен, если удастся получить в своё распоряжение источники достоверных сведений. Следом идет всё остальное, вплоть до нынешних наших рассуждений. Для того чтобы эффективно управлять обществом и государством предшествующий опыт приходится изучать, повторять, видоизменять, дополнять, различные его компоненты сравнивать, делать выбор.

Справедливости ради следует напомнить, что и в иные времена здравомыслящие люди никогда не считали демократическую систему управления венцом творения, пригодным для повсеместного приме-

² См. В. Гуцин, «Глас вопиющего...». М. 1999 г. Стр.39 – 41

ния всегда и повсюду. Вспомним знаменитое высказывание Уинстона Черчилля: «Демократия наихудший способ управления, если не считать все остальные».

Значит, всё происходящее с демократией на наших глазах не случайность, не божья кара за совершенные грехи, а вполне закономерный исход исчерпавшего свой жизненный ресурс организма. Просто на свет появились способы и методы, позволяющие управлять нашей жизнью гораздо эффективней, чем это делала и продолжает делать представительная демократия.

Было время, причём весьма продолжительное, когда демократия с её делегированием полномочий от избирателя депутату была продиктована объективными обстоятельствами. Уровень образования населения, его культуры, средств общения, транспортных сетей, связи и информации при тогдашнем состоянии науки и техники были таковы, что без переадресовки прав и полномочий было не обойтись.

Но обратите внимание, отказ от прямого волеизъявления граждан был делом вынужденным, продиктованным не идейно-политическими, социально-экономическими, а сугубо административно-организационными, технологическими или иными формальными соображениями. Приоритет непосредственного участия в обсуждении и принятии решений, правда, всего лишь на уровне мысли, принципиально оставался непререкаемым.

Иное дело сегодня, в эпоху сверхзвуковых скоростей, торжества образования и внедряющихся в повседневную жизнь Интернет-технологий, способных в считанные секунды обеспечить прямой контакт практически с любой точкой света, с несметным количеством людей одновременно. Функциональный смысл демократического представительства по этой причине ныне стал анахронизмом, нонсенсом.

Уже достаточно богатые к началу XX века демократические традиции ничего не смогли противопоставить милитаристским силам, заинтересованным в развязывании Первой мировой войны. Демократия не помешала, а в чём-то даже способствовала приходу к власти фашистов в Италии и нацистов в Германии. Не под силу ей оказалось и предотвращение Второй мировой войны и последующего раскола планеты на две мировые системы – капиталистическую и социалистическую.

Сегодня она даже не пытается что-либо противопоставить довольно противоречиво развивающемуся процессу глобализации, авторитарным устремлениям «Большой семёрки» и «Большой двадцатки», постепенно превращающихся в мировое правительство, обеспечивающее интересы «золотого миллиарда» в ущерб остальному человечеству.

И всё это под аккомпанемент заклинаний, что демократия служит исключительно интересам людей, наиболее полному обеспечению их прав и свобод. Другого примера такой «самоотверженной» заботы о человеке и человечестве история не знает. Разве что «святая инквизиция».

Идейно–политический уровень соответствует уровню зрелости элит, в руках которых, собственно, и находятся инструменты и механизмы принятия управленческих решений. Здесь ключевую роль играют люди, сумевшие доказать своё превосходство по всем управленческим параметрам – силе, богатству, интеллекту. Такие люди, со временем их стали называть господствующими элитами, навязывают странам, обществу, свою политическую, экономическую, социальную волю.

В жестокие деспотические времена силой денег и мощью оружия, в «просвещенные» евро-американские, с помощью всё тех же денег и правовых законов, всегда воплощающих, в нормативном смысле, волю господствующих элит, а затем и классов, когда цивилизация вышла на новый структурный уровень своего развития. Элиты – суммы индивидуальностей, классы – продукт формирования коллективных интересов. Правовое государство, как с точки зрения истории, так и науки, всегда государство господствующих элит или классов.

Совершенно очевидно, перспектива победы в диалектическом споре между властью, которую на разных цивилизационных этапах олицетворяли те или иные элиты, и народом, исторически резервирована за народом. На одном из начальных витков исторической спирали человечество эту стадию уже проходило, что генетическая память её надёжно зафиксировала. И возвращение к нему исторически предопределено.

Тот совершенно очевидный факт, что представительная демократия «сама себя пережила», особенно красноречиво продемонстрировал пример России. Оказалось, что на новом месте, даже в своих самых неприхотливых образцах, демократия не приживается, плодов, которые еще вчера обильно приносила в других странах, на чужой земле и не в своем времени без предшествующей «исторической увертюры» длиною лет в сто, вообще не дает.

Дело в том, что парадигма, в рамках которой существовала и продолжает существовать демократическая власть, давно исчерпала свой системный функциональный ресурс. В этом, собственно, и состоит «объективная логика политического краха представительной демократии», а не в профессиональных или личных изъянах её «избранников» -- Горбачева, Ельцина, Путина. Все, кто приходят во власть «по

зову времени» по его же «предписанию» и покидают ее, исчерпав своё функциональное предназначение.

Уровень организационно-технологический объединяет первые два, возложенные на общее состояние общественного сознания. Сегодня все факторы, на которых зиждется управление, достаточны для того, чтобы отказаться от абсолютно дискредитировавшей себя, всем опостылевшей демократии. Мешает только крайне низкий уровень массового общественного сознания, не доросший до понимания, что демократия – это олицетворение безволия, слабоумия, иждивенчества и паразитизма. То есть качеств, по сути дела оскорбительных для всякой уважающей себя и других личностей.

Пока иждивческо-паразитическая система управления будет существовать никакого прогресса ждать не стоит. Всё, что с помощью демократии можно было достичь, достигнуто. Правда, не в России. Всё к чему следует стремиться, демократия как система управления обеспечить не может. **Прав Шекспир: «Не будет радости, пока не уничтожим чрево, способное рождать лишь негодяев».**

А в чем заслуги демократии? Открывает не то что возможность веками топтаться на жалком пяточке исторического пространства, не только отклоняться с магистрального пути развития, но и пятиться назад, в прошлое, якобы для обретения будущего.

Для этого даже созданы специальные нормативно-правовые механизмы: «разделение властей», «система взаимных сдержек и противовесов», «политический плюрализм», открывающий простор для деятельности политических прохиндеев, холуев и угодников.

Демократия это бессовестное, наглое и позорное лишение людей права непосредственно самим принимать решения, по которым предстоит жить. А ведь в нашем отечественном Основном Законе, повторяю, прямо сказано: **«Непосредственное участие граждан в принятии решений, является наивысшим выражением народной власти».**³ Где оно это «наивысшее выражение»?! За двадцать пять лет, прошедших с момента принятия Конституции, в России не было проведено ни одного референдума.

Вместо этого предлагается считать «наивысшим выражением» народной воли участие в «свободных выборах» депутатов, которые, якобы, выражают наши интересы. Это они-то? Один думский депутат на полмиллиона избирателей!? Зачем в открытую, в наглую врать народу на конституционном уровне? Вы верите, что нынешние депутаты

³ См. Конституция РФ ст.3, п.3

«упразднят» сами себя, на что ориентирует страну Конституция!? Побойтесь Бога, Господа!

Или тот же демократический принцип «приоритета большинства над меньшинством». Грубейшая мистификация, рассчитанная на клинических «идиотов». Именно так, кстати, один из величайших мыслителей в истории человечества Аристотель, называл людей, которые передоверяют своё исконное право принимать решения разного рода посредникам, доверенным лицам, порученцам, депутатам, делегатам.

Принцип «приоритета большинства над меньшинством» работает только при прямом непосредственном голосовании, полученный же итог воспринимается как справедливый, не по чьей-то посторонней воле, не редко подпадающей под лоббистскую или коррупционную заинтересованность, а под действием объективного закона больших чисел.

Одно дело «буйны головы» трёх богатырей, другое – трехглавый Змей Горыныч. Число голов одинаковое, наполнение разное. Нынешние же российские депутаты, прежде всего те, что из Госдумы, уже не Горынычи о трёх головах, а совершенно обезумевшие Медузы-Горгоны, у которых на плечах не головы, а целые «змеюшники». Им хватает наглости голосовать разом за сотни тысяч человек, в полном убеждении, что имеют на это право. Имели, пока другой возможности не было. Теперь же таких возможностей сколько угодно.

И, наконец, «представительная» демократия это прежде всего ставка на «коллективный разум». Использование в этом словосочетании термина «коллективный» вообще неуместно. «УМ» как следует из самого слова «РАЗ – УМ», это только «РАЗ». То есть «один», «единственный», «первый», а не «коллективный». Все достижения, все полученные открытия, все взлёты духа, все вершины знаний и умений, обязательно имеют конкретные имена, начиная с Эзопа, Эсхила, Архимеда, Пифагора, Леонардо да Винчи, Декарта, и заканчивая нашим соотечественником Перельманом.

Никто из перечисленных замечательных людей ни в грош и никогда не ставил не только «коллективный разум», но и «коллективное признание». «Коллективный разум» нигде и никогда не давал позитивных результатов. Наивысшим олицетворением, так называемого «коллективного разума», были КПСС и Советская власть, но мы же сами добровольно от них отказались, или, во всяком случае, не стали их защищать.

Значит, не стоили того, значит теперь не стоит и жалеть. Я мог бы ещё долго «сорить» примерами на счёт «слабоумия» демократии. Это её самое слабое место, самое уязвимое для нелюбезной крити-

ки. Гораздо сложнее с другими её генетическими пороками – иждивенчеством и паразитизмом.

Начнём с иждивенчества. В чем оно, применительно к демократии, состоит? В том, что подавляющее большинство людей, в силу природной лени, природной не одаренности, природной склонности к примитивным удовольствиям – поесть, поспать и поразвлечься, – в чем люди уступают только домашним кошкам, величайшим сибаритам в живой природе, – постепенно утрачивают жизненную энергию.

Став, вместо граждан, уполномоченных принимать самостоятельные решения, по которым предстоит жить, избирателями, превратившись в электорат, люди живут в ожидании, вот, мол, найдется «господин хороший», придет, все проблемы решит. Достижение желанных целей обеспечит. Да ещё за их неисполнение, если такое случится, непременно ответит.

Вот она во всей своей красе, так называемая электоральная, насквозь иждивенческая, генетически порочная основа «представительной демократии». А по сути халява-халявой. Любое посредничество, любое представительство, даже заверенное нотариально, не важно, о чем идет речь, о бизнесе или политике, заканчивается тем, что начинает работать только на себя.

И, наконец, преодолевая досадное раздражение и даже отвращение к глупости возникшей ситуации, (*как если бы поскользнулся на арбузной корке, банановой кожуре или подгнившем листе кочанной капусты, вызывающей особенно гадливые ощущения из-за своей тошнотворной вони и сопливости... В.Г*) скажу: если хоть кто-нибудь посмел посягнуть на представление моих интересов в парламенте, тем более принимать от моего имени решения, без удара «в пятак» наотмашь, если он даже Виталий Клячко, не обошлось бы.

Ведь в таких случаях не силой меряются, а личным человеческим достоинством, умением ценить достоинство других. Если даже в этой схватке Клячко меня убьёт одним ударом, всё равно проиграет. Я на чужие души не претендую, но и свою никакими депутатскими притязаниями поганить не позволю.

Люди поумнеют, научатся своими правами и свободами, пользоваться, добрым словом помянут. Потому я и презираю демократию, с её чичиковской природой, что она, пользуясь человеческими слабостями, на чужие души посягает. Я без неё всю жизнь прекрасно обхожусь, своего добиваясь.

Сегодня мы живем во времена, когда уважающий себя человек может в одиночку успешно противостоять, не то что армиям, а самому

могущественному в мире государству. Ассанж и Сноуден, -- конкретные тому примеры. Не берусь судить о мотивах, по которым они поступили так, как поступили. Здесь гораздо важнее по достоинству оценить возможности, которые они продемонстрировали.

Предпочитал и предпочитаю всегда биться с властью, но не за власть. Один на один, лицом к лицу, хоть в судах, хоть в чистом поле, а не стенка на стенку, подворотня на подворотню. При демократии побеждают скопом, навалом, а не умом и умением. Когда знаешь, за что бьёшься и почему, в помощниках и единомышленниках не нуждаешься. Есть хорошо, нет и без них, обойдусь. Когда на твоей стороне время вопрос о других союзниках как-то сам собой отпадает.

Теперь о депутатско-представительском паразитизме. Он вдвое отвратительнее электорального иждивенчества. Ведь «народные избранники» строят своё благополучие и свои депутатско-карьеристские биографии на заведомо бессовестном, наглом, даже подлом праве принимать решения «за других». Этим они кормятся, жируют, обеспечивают достижение собственных целей. Вот только не видно, чтобы страна при этом двигалась вперед.

Зато депутатская зарплата почти в полмиллиона дает основания чувствовать себя очень ценным и очень дорогим экспонатом для Отечества и его граждан. Отсюда надо полагать и уверенность, что эти самые граждане вообще не понимают, что на самом деле происходит, как их дурачат на каждом шагу.

И в чем-то они, – эти самопровозглашенные «слуги народа» правы, – ведь ходим же на выборы и голосуем. Хотя давно знаем, от нас вообще ничего не зависит. Депутатская власть всё равно всё сделает по-своему, как захочет. Вовсе не в наших с вами интересах, как было обещано в предвыборных речах.

С недавних пор под эту депутатскую наглость была подведена законодательная база. Депутаты протащили через Государственную Думу, причём, без особого труда, антиконституционную поправку в Федеральный закон «О выборах». Отныне они считаются состоявшимися и действительными по самому факту их проведения. Без оглядки на число участвовавших в выборах зарегистрированных избирателей, как это было прежде... Так был поставлен жирный крест на главном достоинстве «представительной демократии», её так называемой «легитимности»...

Видно придётся все-таки налаживать жизнь без парламентов, без депутатов, без партий. Так, как, собственно, и предписано Конституцией. «Суверенным носителем и единственным источником власти в Российской Федерации является её многонациональный народ».

А «наивысшим выражением» это самой власти, как уже не раз для пущей убедительности повторялось, служит «непосредственное участие» граждан не в выборах депутатов, а в принятии решений, отвечающих их непосредственным интересам. Вот это умно, это достойно. Переход от представительной демократии к «самоуправлению» не бунт, не революция, а её логическое завершение. Противиться этому процессу глупо.

Сегодня заложенная в природе национального характера идея народного самоуправления вышла на уровень исторического запроса. Значит не за горами и её воплощение. Это уже предопределено исторически, экономически, политически, научно, технологически, исторически и вообще любыми иными параметрами, которые можно себе представить.

Мешает только одно – недостаточно высокий уровень зрелости массового общественного сознания, которое всегда с большой опаской реагирует на обстоятельства парадоксального свойства: как так может быть, чтобы решения, принятые в самом «низу» оказались полезнее, разумнее и эффективнее, родившихся на самом «верху»?

Эта идея верой и правдой служила мне почти четверть века, помогая разбираться в хитросплетениях российской политики. **«Концептуальная прогностическая идея»** нигде не может быть позаимствована, ни в философских словарях, ни в энциклопедиях. Она должна прийти непосредственно в голову конкретному исследователю, посягающему на прогностический результат.

В его собственном сознании должно родиться ощущение взаимозависимости и целостности авторской «концептуальной прогностической идеи» и всего вокруг происходящего, как если бы вы ещё не знали, о чем вас спросят, но уже располагали уже готовым, а главное, – исчерпывающим ответом...

Следует попытаться это ощущение расшифровать и испытать на практике. Работает, значит, вы на правильном пути, даёт сбои, совершайте новые попытки. Лично я в прогностический коллективный разум не верю. Слишком часто придётся согласовывать несогласуемое и совмещать несовместимое.

В первой книжке прогностических очерков **«Пророков нет...»** я посвятил развитию этой заведомо спорной темы практически целый раздел, из которого приведу лишь выдержку. *«Преодолеть массово-психологический гнёт общественного сознания, разорвать цепи «коллективного разума», вырваться из оков традиционного стиля мышления и попытаться опередить время можно только в одиночку.»*

Существуют сольные партии, есть хоровые кантаты. У исполнителей того и другого должны быть разные данные, а у самих партий – разное предназначение. Прогноз – это соло, адресованное, прежде всего, тем, кто понимает, а не воспринимает. Никто не пишет симфоний, стихов и картин (за малым и очень редким исключением) даже в четыре руки. Прогноз, способный опередить время, – это продукт сугубо индивидуального творчества, специально посвятившего себя этому неимоверно трудному и неблагоприятному делу людей».

На встречах с читателями меня нередко спрашивают, чем я сам объясняю высокую степень точности собственных прогнозов. Обычно отвечаю так: «Принимаясь за работу, у меня даже в мысли нет намерения заглянуть в будущее, разглядеть там неведомую цель. Я стараюсь лишь правильно понять настоящее, события и людей, под углом зрения перспектив развития. Если вы разобрались в сути дела, то, наверняка, натолкнётесь на опознавательные знаки, прокладывающие дорогу в будущее».

Автор, посягающий на научное предвидение должен заведомо отказаться от стереотипа, что право на правду, справедливость, признание, уважение и даже право на будущее имеет лишь мнение большинства. По сути дела, речь идёт о том, чтобы рассматривать прогнозируемые события или явления не только под углом зрения их собственной логики, пусть даже объективной, но ещё в рамках взаимосвязей внутри социально-экономических и общественно-политических процессов, частью которых они являются.

Я уже, кажется, в этой или предыдущих книгах, говорил, что не занимаюсь прогнозированием конкретных фактов или чьих-либо политических биографий. Я преследую цель разобраться в процессах развития, в сути событий и явлений, в их закономерностях, а регулярное попадание в факты, должности и имена – это, как правило, побочный результат основного прогностического исследования, своего рода шлак, идущий в отвал.

Посягая на научное прогнозирование политических процессов очень важно выработать в себе отношение к будущему как к предмету научного исследования, у которого есть истоки, движущие силы, фазы перехода из одного состояния в другое, признаки объективных тенденций и закономерностей развития. Наконец, надо попытаться научиться расшифровывать опознавательные знаки предвестников неизбежных последствий как принятых, так и не принятых решений, если это было необходимо.

Понятно, что с концептуальных позиций приходится подходить не только к многослойным политическим процессам, уходящим корнями

ми в прошлое, а ветвями в будущее. Нередко для аналитического рассмотрения даже отдельной темы с прицелом на прогноз без сквозной концептуальной идеи не обойтись.

Приведу два конкретных примера, когда мне пришлось поступить именно так. Первый – разработка темы протестных массовых движений и голосования «против всех». Второй – международный терроризм и его российская версия.

Как по первой, так и по второй теме у меня была масса публикаций, и смею заверить, в отличие от большинства выступлений других авторов на эту тему, они отличались именно концептуальным подходом, в них обязательно вскрывались истоки того и другого общественного явления, указывалось на закономерности развития, особенности проявления, а на этой основе и появились суждения о перспективах развития. Вплоть до конкретных рекомендаций, какие встречные или ответные действия или противодействия, которые следовало бы предпринять.

В отношении протестной темы я даже вышел на попытку сформулировать идеологическую подоплёку явления, назвав её **«идеологией позитивного негативизма»**, как бы подчёркивая, что выступать «против всех» не значит «против всего», что отрицание в основе своей несёт не негативный, а позитивный смысл. С его помощью мы избавляемся от всего отжившего, тормозящего развитие.

Этому было посвящено несколько публикаций, в том числе «Что за теми, кто против всех», «Пробил час «позитивных негативистов», «Позитивный потенциал голосования “против всех”» и, наконец, двух полосная газетная публикация **«Через отрицание – к сплочению, через сплочение – к победе»** (См. «НГ», 06.06.1999 г.), которая чуть было не стала основой идейно-политической платформы Общероссийского общественно-политического движения “За гражданское достоинство”» во главе с Эллой Панфиловой.

Кстати, доклад на эту тему, представленный в буклетированном виде, я сделал на заседании Экспертного клуба Первого телевизионного канала, а затем на специальном заседании Горбачёв-Фонда. На первой обложке буклета Михаил Сергеевич оставил автограф, уже второй за историю наших контактов и взаимоотношений. «Вновь приветствую Проект Виктора Гущина», – так он оценил мои аналитические усилия. Напомню, что в первом случае на экземпляре газеты со статьей «Объективная логика политического краха Горбачева», он написал: «Приветствую попытки Виктора Гущина углубиться в проблемы и трудности перестройки».

Уже в тогдашних публикациях, относящихся в большинстве случаев ко второй половине девяностых годов было обращено внимание на тенденции и закономерности, ведущие к нарастанию протестных настроений, к формированию на этой основе массовых политических движений. До активного публичного обсуждения этих проблем дело дошло только на рубеже президентских выборов 2012 года.

Но к тому времени ситуация с проблемой протестного голосования была уже совершенно иной. Графу «против всех» из выборных бюллетеней вообще исключили, а в избирательное законодательство внесли поправку о том, что выборы любых уровней признаются состоявшимися, а их результаты действительными, не зависимо от числа российских граждан, принявших участие в голосовании.

Для меня это стало лишним подтверждением, что ранее сделанный вывод о «закате политики» как таковой, был своевременным, правильным и продуктивным, хотя с ним до сих пор категорически не согласны, преданные этой сфере деятельности люди. В этом смысле я разделяю мысль, выказанную В. Лениным: **«Настоящая политика начинается только там и тогда, где и когда в неё оказываются вовлечены миллионы людей.»**

В этом контексте заключительной публикацией, на которую ещё имеет смысл сослаться, стала обзорная статья в «Литературной газете» под заголовком **«Против всех»: обернутся ли думские выборы народным электоральным бунтом.** (См. «ЛГ», №22, 2003 г.). Читайте. «В 1995 г. на выборах в Госдуму норма голосования „против всех“ явилась на свет совершенно случайно.

Скорее всего, по недосмотру законодателей. Никакой особой потребности включать в избирательные бюллетени эту графу не было. Но поскольку все свои демократические устремления мы сверяли с образцами западных демократий, решили по аналогии ввести голосование „против всех“ и в нашу электоральную практику.

Поначалу казалось, что такое решение всего лишь символический жест, свидетельствующий о широте наших демократических взглядов. Ведь на Западе никогда ни в одной стране количество голосующих таким образом не превышало 1,5 процента. В России же голосование «против всех» с самого начала повело себя совершенно иначе.

На выборах в Госдуму 1995 г. эта экзотическая на первый взгляд норма голосования сразу же вмешалась в расстановку политических сил. Более того, оказала существенное влияние на результаты выборов.

В одном из одномандатных избирательных округов Свердловской области (Верх-Исетском N 162) кандидат «против всех» победил

(в 1999 г. этот казус повторился здесь вновь). В восьми других занял второе место (в 1999 г. в восьми округах кандидат «против всех» стал уже первым). В 27 округах он занял третье место (в 1999-м — в 75 округах). В 25 округах — четвертое (в 1999-м в 44 округах).

В «общем зачете», набрав 2,77% голосов по партийным спискам и 9,85% по одномандатным округам, кандидат «против всех» занял одиннадцатое место среди 43 участвовавших в выборах в Госдуму партий, избирательных блоков и движений (в 1999 г. — шестое).

Совершенно очевидно, что голосование «против всех» уже в 1995 г. заявило о своих значительных потенциальных возможностях, которые на выборах в 1999 г. предстали уже отнюдь не в виде случайностей или вероятностей, а как достаточно устойчивые тенденции и даже закономерности.

Вот как выглядят некоторые из них:

1. Сектор общественного поведения, находящий выражение в голосовании «против всех», формируется вполне самостоятельно, независимо от остального спектра политических партий, движений и объединений. Причем сразу на уровне, сопоставимом с массовым потенциалом федеральных избирательных блоков.

2. Обозначились устойчивые зоны голосования «против всех», где оно ведет себя особенно активно независимо от количественного и качественного состава претендентов на власть. Прежде всего это агломерации крупных городов. Гораздо ниже активность голосования «против всех» в «депрессивных» регионах и национальных республиках.

3. Голосование «против всех» проходит гораздо активнее в одномандатных округах, чем по федеральным спискам. Статистика свидетельствует, что двое из трех избирателей, проголосовав «ЗА» тот или иной партийный список, не удостоивают такого же доверия представителей этих партий в качестве кандидатов в депутаты по округам. Избиратель требует, чтобы ему предъявили не партийный билет, а действительно достойную личность.

4. На выборах 1999 г. по сравнению с выборами 1995 г. почти втрое увеличилось число округов, где кандидат «против всех» занял места с 1-го по 4-е (170 и 60 соответственно). Причем практически повсеместно активность голосования «против всех» возросла. В некоторых случаях в несколько раз.

5. От выборов к выборам стремительно сокращается дистанция между победителями и «кандидатами» «против всех». В отдельных случаях разрыв составляет сотые доли процента. К примеру, в Ачинском одномандатном избирательном округе N45 в 1999 г. он был всего

0,07%, в Люберецком N 107 — 0,34%, в Центральном N 93 — 0,93%. В целом при сравнении показателей выборов 1995 и 1999 гг. выясняется, что разрыв между победителями и «кандидатами» «против всех» сократился более чем втрое.

Можно привести еще несколько устойчивых зависимостей, свидетельствующих, что к парламентским выборам 2003 г. контингент голосующих «против всех» может выйти достаточно сплоченным. На региональных выборах, состоявшихся недавно в Нижнем Новгороде, Кемерове, Республике Коми, Норильске, такое голосование переваливало и за 40 процентов.

Итоги выборов в Госдуму могут поразить не столько результатами, сколько характером и масштабами их неизбежных последствий. При условии, что перечисленные выше тенденции и закономерности будут продолжать действовать даже в своих наименьших значениях, результаты выборов 2003 г. могут быть следующими.

1. Голосование «против всех» по партийным спискам достигнет 12 — 15 процентов.

2. В 20 — 25 одномандатных избирательных округах кандидат «против всех» одержит победу.

3. Превысить уровень голосования «против всех» сможет только КПРФ. Всем остальным партиям, включая «Единую Россию», этого сделать не удастся. При таких результатах Дума формально может быть сформирована, но ее морально-политический авторитет будет равен нулю. В этих условиях лучшее, что могут сделать депутаты, — это подать в отставку. Но такое вряд ли случится.

Помешать реализации предъявленного прогноза могут разве что сверхординарные политические усилия, способные радикально повлиять на изменение обстановки в стране. Однако никаких видимых признаков вызревания подобного рода целенаправленных действий не заметно. Из заявлений высших руководителей страны, включая президента, тоже ничего подобного не следует.

Зато можно вполне уверенно констатировать, что население страны испытывает инерционную физическую и психологическую усталость от затянувшегося процесса реформ, не приносящих людям позитивных результатов. А некоторые акции вроде тридцатирублевой прибавки к пенсии в рамках пенсионной реформы вызывают демонстративное раздражение.

Не должно обнадеживать и то обстоятельство, что в стране обозначился некоторый экономический подъем. Для того чтобы произвести на людей серьезное впечатление, тем более вызвать удовлетво-

ние, четырех процентов прироста явно недостаточно. Нельзя также забывать, что в психологическом плане медленные темпы роста раздражают гораздо больше, чем быстрые темпы падения или развала.

Парадокс? Ан нет. В Московской области наиболее активно (как в 1995-м, так и в 1999 г.) «против всех» голосовали избиратели самого богатого и благополучного региона — Одинцовского избирательного округа N 110, куда входят знаменитые рублево-успенские угодья.

Становится очевидным: в массовом сознании, в мотивационных факторах массового общественного поведения вызрел и набирает силу психологический императивно-негативистский синдром, связанный с ощущением, перерастающим в убеждение, что нынешние российские политические элиты (не важно, правые, левые или умеренные, либералы или консерваторы, патриоты или космополиты) себя исчерпали и функционально ни к чему не пригодны.

Благодаря воздействию телевидения примелькались, слова от постоянного употребления затерлись, а заверения и обещания от регулярного неисполнения окончательно обесценились. Но это еще не все. Психологические предпосылки активного голосования «против всех», безусловно, важная, но далеко не единственная и, может быть, даже не решающая сторона проблемы. Прежде всего голосование «против всех» стимулируется объективной социально-экономической и общественно-политической логикой переживаемого нынешней Россией периода.

Начиная с 1985 г. страна пережила два семилетних разрушительных цикла. С 1985-го по 1991 г. разгрому подвергались идейно-политические основы того строя, который мы называли развитым, или реальным, социализмом. Во время периода с 1991-го по 1998 г. с не меньшим остервенением были сокрушены социально-экономические, командно-административные, планово-централизованные цитадели все того же социализма.

На потребу этим разрушительным процессам (осознаем мы это или нет по своим личным качествам, по темпераменту, способу мышления и способам действий) в обойму ретивыми политиками загонялись только бронебойные патроны, а то и снаряды. Они добросовестно отбомбили, отвзрывали.

А сделав это, выхолостились. Как бы сегодня они ни перелицовывались, как бы ни меняли заряды, запалы и калибры, так и остались разрушителями. И ничего тут не поделаешь. Даже из двух бульдозеров на расчищенной ими же от разрушений площадке одного подъемного крана не соорудить.

Поэтому сутью третьего этапа, или, если хотите, еще одного семилетнего цикла, в рамках стала потребность полного, подчеркиваю, ПОЛНОГО ОБНОВЛЕНИЯ политических элит. Голосование «против всех» как нельзя лучше откликается на этот насущный вызов времени. Именно в этом состоит политическая энергетика такого голосования, его нарастающая активность и упругость.

Обращаю внимание еще на одно обстоятельство: феномен голосования «против всех» почти никем не изучается, о нем предпочитают умалчивать, особенно на высоком политическом уровне. А если и говорят, то в негативном ключе, влиятельные политические и государственные деятели пытаются представить такой способ голосования чуть ли не гражданско-политической диверсией (С. Шойгу).

Известны и крайне резкие выпады, по сути, входящие в противоречие с законным правом избирателей голосовать «против всех». Государственная «Российская газета» 24 марта 2000 г. в одном из предвыборных номеров дала заголовок: «Голосовать против всех — значит голосовать против России, против твоей семьи, против твоих детей!».

Неадекватная, тем более предвзятая оценка голосования «против всех», попытки наложить запрет на его информационное и агитационное сопровождение, чем энергично занимается Центризбирком, могут вызвать непредсказуемые последствия. Общество окажется дезориентированным и дезорганизованным, лишенным надежных критериев, необходимых для правильной оценки неоднозначного, но уже укоренившегося в нашей жизни общественно-политического явления.

В результате выборы в Государственную Думу 2003 г. из-за активного протестного голосования и низкой явки избирателей вполне могут обернуться электоральной катастрофой, делегитимизацией и сокрушительной дискредитацией представительной власти.

Эта беда может предстать перед нами в двух ипостасях: во-первых, обернуться народным электоральным бунтом. Как водится, бессмысленным и беспощадным; во-вторых, стать стимулом и импульсом осуществления кардинальной политической реформы. Жесткой, быстрой и эффективной.

Очень быстро парламентский коллапс перерастет в системный кризис власти как таковой, что вскоре приведет к установлению в стране режима прямого президентского правления, задача которого будет весьма ограниченной. Достаточно будет осуществить только то, чего страна и так давно ждет, — полную смену политических элит. Если всерьез задуматься, то норма голосования «против всех» как раз и придумана хитроумными

западными демократами на тот случай, когда возникает необходимость радикального обновления системы власти и ее кадрового состава.

Не всякий же раз, когда представительная власть теряет в глазах авторитет и уважение, становится тормозом на пути насущных преобразований, палить по парламентам из танковых пушек, как это было в России в 1993 г. Проголосовали «против всех» — и все. Спекулятивно-назойливой представительной власти как не бывало.

Тем более что в таком действии избирателей нет ничего предосудительного. Ни по форме, ни по существу. Ведь точно такое же право роспуска парламента предоставлено президенту как гаранту Конституции. Почему бы народу, по той же самой Конституции, носителю верховной власти, не сделать то же самое от собственного имени и по собственной инициативе? Было бы только желание...

Совершенно ясно, что парламентский кризис и введение президентского правления повлекут за собой радикальное изменение всей политической системы, в недрах которой так и не сложилась активнодействующая оппозиционная сила, способная быть опорой демократического процесса в России. У нас, какие бы партии ни начинали создавать, делают это обязательно сверху. И потому все равно получается либо КПСС, либо административно-ресурсная «партия власти».

Между собой эти партии всегда договорятся, как договорились в Думе образца 1999 года коммунисты и «заединщики» о дележе портфелей председателей думских комитетов. А вот страна, ее граждане остаются сбоку. От выборов до выборов о них, российских избирателях, никто и не вспоминает, не говоря уже о том, чтобы заботились.

Не исключено, что в политической системе России может появиться оппозиционная демократическая партия нового типа, не интегрированная во власть. Массовой базой такой партии могут стать граждане, голосующие «против всех». У них — гражданский темперамент, харизма неравнодушия, которого достаточно не только для того, чтобы протестовать, но и участвовать в созидательной работе. Сначала по искоренению того, что мешает жить, затем ради утверждения того, что помогает.

Предположим худшее. Парламент рухнет под напором негативистских настроений избирателей. Выход из такой ситуации законодательством предусмотрен. В случае провала выборов в Думу сразу же назначается дата новых, которые должны состояться не позднее, чем через четыре месяца. Правда, у перспективы такого выхода из кризиса немало противников. Чаще ссылаются на три обстоятельства.

Первое. Повторные выборы — это повторные траты огромных денег, сил и времени. Однако закон мудр и расчетлив — допуская по-

вторные выборы, устанавливая их регламент, он исходит из того, что урон, который может нанести стране и обществу сохранение ситуации с неудовлетворительным состоянием власти, является гораздо большим, чем проведение еще одной избирательной кампании. Скупой здесь платит не то что дважды, а четырежды.

Второе возражение: где взять за четыре месяца новые партии и свежих людей на роль парламентских лидеров? Действительно, задача непростая, но все-таки решаемая. Четыре месяца для политики — срок немалый. Накануне предыдущих парламентских выборов в 1999 г. о существовании «Единства» вообще мало кто знал, тем более никто не мог предполагать его триумфа. Если четырех месяцев хватило «Единству», то почему не попробовать сделать то же самое кому-то еще?

Третье. Нужна новая идея, способная сплотить и объединить людей. Последняя из таких идей — выстроить прочную и эффективную вертикаль власти — удачно приватизирована «Единой Россией». На чем будет строить свою политическую идеологию новая партия? Уж, конечно, не на идее борьбы за власть, вот уже несколько лет разлагающей общество и развращающей людей, а на возрождении действительно прочной и действительно единой народной России. Чем, собственно, как мы убедились, и вдохновляются те, кто голосует «против всех».

Чем черт не шутит в такой стране, как наша: вдруг к тому времени, когда придет черед формировать новый парламент, некто из голосующих «против всех» раскроет свое инкогнито и перед нами предстанет новое лицо российской демократии, способное противостоять неудачно действующей власти, быть ей противовесом?

Без такого противовеса демократия у нас вообще эффективно функционировать не может, неизбежно вырождаясь в единую коммунистическую или чиновничью-бюрократическую Россию".

С научной точки зрения обозначение, а ещё лучше расшифровка концептуальной подоплеки **политических событий может быть предсказано только в рамках процесса**, когда оно является неотъемлемой частью взаимосвязанных между собой действий или явлений, имеющих истоки, признаки динамического развития, когда исследователю ясны его движущие силы и составные части и, наконец, основные направления и цели. Любое действие, взятое само по себе, вне политического процесса, в отрыве от прямых и обратных связей непредсказуемо, здесь можно полагаться лишь на случайное угадывание или ясновидение.

Руководствуясь именно этой мыслью, я старался во всех своих контактах с российскими СМИ с самого начала настроить их на публи-

кацию серийных прогностических материалов, которые служили бы не только оперативными откликами на актуальные политические события, но проливали аналитический свет на глубинные политические причины происходящих политических событий, чтобы в итоге ни одно из них не оказывалось неожиданным, не вестъ как, и почему случившимся.

В период с 1991-го года по 2000-ый год таким дружественными для меня изданиями были «Независимая газета» и «Литературная газета», затем с 2000-по 2005 год «Политический журнал» и участие в «Программе ведущие политические эксперты России о важнейших политических событиях дня на «Радио «Говорит Москва», с 2005-го перешел на активное взаимодействие с информационными Интернет-ресурсами, ориентированными именно на аналитическо-прогностическую тематику, такие как Viperson.Ru и Махpark.com. Активно использую в научно-методических прогностических целях новостную ленту Mail.ru и страницы собственного Живого Журнала «Желаю знать: что будет?».

Вообще-то мной о российской политике и российской власти, ни в советско-коммунистические, ни в либерально-демократические, ни в авторитарно-прагматические путинские времена слова доброго сказано не было. Здесь злого умысла, тем более замысла нет. Я вообще считаю, если о властях и писать, то только так. Неважно, российская она или какая-либо другая.

Функциональное предназначение власти – обслуживать и обеспечивать интересы людей и их запросы. Коли она исполняет свои обязанности хорошо, это нормально и благодарить здесь не за что. Если плохо, как чаще всего и случается, власть критикуют, порицают и даже свергают. В истории ещё не было власти, которая под эту критическую гильотину не попадала бы...

В одном из материалов, принадлежавших к опубликованной в «Политическом журнале» прогностической серии, я прямо говорю, что сегодня не только Россия, но и весь мир выходят на рубеж, когда отношения между властью и гражданами будут строиться не на партнёрской основе, партийно-плюралистической основе, как это делалось при демократии, пока она ещё не исчерпала свой управленческий потенциал, а на базе острой, самовоспроизводящейся конфронтации по принципу «консолидированный протест против консолидированной власти».

Это только на первый взгляд выглядит страшным, даже ужасным, на самом же деле, вполне рабочая модель, если заранее знать, что отношения в этом противостоянии строятся на базе обоснованных взаимных требований и никаких поблажек или льгот не предусматривают.

«Перспектива возникновения конфронтационной модели, – говорилось в статье «Зачистка власти»,⁴ – соответствует объективному вызову времени, тому состоянию, на котором находится сегодня уровень общественного развития. Этап, связанный с реализацией ресурсов представительско-посреднического управления, где всё было построено на использования возможностей выбора между различными претендентами, миновал.

Сегодня развитие общества вышло на рубеж, когда во главе угла оказываются не пожелания, запросы и поручения, а непосредственные требования, адресованные властям напрямую. Так что конфронтационная модель, о которой идёт речь, по сути дела, несёт в себе не разрушительный, а созидательный потенциал...

Пора привыкать к тому, что противоборство между властью и народом с использованием методов не компромиссного, а прямого конфронтационного воздействия на власть, включая манифестации, пикеты, акты гражданского неповиновения, становятся делом обычным. Чем скорее эти отношения противоборства формализуются, воплотятся в конфронтационный механизм управления, тем лучше. Хотя, конечно, понимаю: процесс формирования такой модели не обойдётся без серьёзных издержек и потерь».

Напомню, что написано это было весной 2004 года, когда до нынешних революций, прокатившихся по целому ряду североафриканских и арабских государств, включая, прежде всего, Египет, Тунис, Ливию, оставалось ещё более пяти лет и, казалось бы, ничего не предвещало краха Мубарака и Кадафи.

Против них поднялись не политические соперники, ни конкурирующие партии или политические заговорщики. На улицы со своими требованиями убрать негодных правителей вышел народ, и оказалось, что у властей совершенно нечего таким выступлениям противопоставить.

Даже вчерашние западные союзники, вроде США и Франции, перешли на сторону восставших. Вовсе не потому, как считают некоторые мои коллеги, что они воспылали вдруг к ним политическими симпатиями. Взвесив все «за» и «против», они встали на сторону наиболее вероятного победителя схватки. Прагматические, не обременённые идейными пристрастиями власти в таких случаях действует всегда одинаково: «То, что нельзя предотвратить, следует возглавить».

⁴ «ПЖ», № 12, 04.04. 2004.

По этой же схеме действуют и российские власти, когда пытаются нарастающие массовые настроения протеста канализировать в разного рода «охранительные структуры», вроде Общественной палаты, Открытого правительства, разного рода Союзов и ассоциаций содействия и т.д. и т.п. . . .

Нынешняя Россия представляет собой испытательный полит-технологический полигон по совершенствованию системы управления обществом. В упомянутой чуть выше статье **«Что, как и почему после Путина»** я высказал мысль, что единственное конструктивное предназначение сформированного в стране в последние годы утилитарно-прагматического авторитарного режима, – *(к этому аспекту ещё предстоит вернуться,.. В.Г.)* – это выстроить управленческую исполнительную вертикаль, освободив её от идейно-политических механизмов, действующих на основе принципа «разделения властей», осуществляемого хоть и «от имени и по поручению» народа, но всё-таки в интересах «сдержек и противовесов». Представить себе эффективно действующую власть, внутренне настроенную против себя самой же, просто невозможно.

Вполне понятно, что с течением времени это шизофреническое противоречие, связанное с требованием, адресованным против себя самой же действовать на основе «разделения властей» с помощью «сдержек и противовесов», должно было дать о себе знать. С течением времени становилось всё более ясным, что исполнительная вертикаль в последующем, по мере созревания необходимых условий, должна будет напрямую замыкаться не на представительную законодательную власть, а на повелительную горизонталь народного самоуправления, формирование которой идёт исподволь, причём, впервые в истории, не посягая на ниспровержение исполнительной власти.

Если полномочия принятия решений переходят непосредственно на уровень горизонтального самоуправления, **нужда** в ликвидации уже сформировавшейся, деидеологизированной, деполитизированной, департизированной исполнительной вертикали, действующей в утилитарно-прагматическом режиме полезности и целесообразности, **отпадает**. Главное внутреннее противоречие представительной демократической власти с передачей всего объема полномочий самим гражданам, просто исчезает.

Создание новой системы управления на основе существования двух осевых координат – исполнительной вертикали и повелительной горизонтали – обещает стать первой в истории человечества революцией, ничего не отменяющей и никого не свергающей. Право

принимать решения в руках тех, кому это и положено делать, то есть самих граждан, а право исполнять поступает в распоряжение власти исполнительной. По определению. Так называемой «разделение властей» отныне больше ни к чему. Без нанесения реального ущерба интересам и правам граждан страны.

Когда утилитарно-прагматическая вертикаль выстроена, на что могут потребоваться годы и десятилетия, повелительная горизонталь может формироваться спонтанно, поскольку для её возникновения ничего кроме политической воли и самодеятельности самих граждан не требуется. Им нужно только вспомнить и осознать, что они по сравнению с жителями древнегреческих полисов не стали менее умными, менее ответственными, менее образованными или менее заинтересованными в обеспечении собственного благополучия.

Так почему же сегодня, когда научные, производственные и технологические достижения человечества на новом витке исторической развития вновь открыли возможность любому количеству людей объединиться для совместного принятия решений, не вернуться к практике непосредственного участия в управлении, как собой, так и страной.

Внимательный читатель, наверняка, держит в памяти высказанную чуть ранее мысль, что в основе научного прогноза обязательно должна лежать концептуальная идея, устанавливающая между прошлым, настоящим и будущим прочные логические связи. Каким бы сюрпризом возникшее, казалось бы, из ничего, событие, какая бы фигура не вырвалась, что называется «из грязи в князи», при ближайшем рассмотрении оказывается, что в подспудной основе происходящего всегда лежат, если не тенденции и закономерности, то вполне здравые мотивы и надёжные предпосылки.

Если вы сумели разобраться в главном, то предположить, как будут развиваться события дальше, вплоть до деталей, становится не так уж и сложно. Это проектировать и прокладывать железнодорожные магистрали дорого и трудно, многое заранее нужно знать и уметь, а перемещаться по ним в комфортабельном вагоне одно удовольствие.

Все титанические усилия до поры до времени остаются скрытыми, если о них кто и знает, то лишь ограниченный круг лиц, непосредственно причастных к проектированию и строительству. Но вот открытие движения по проложенной дороге – праздник для всех. Политику, чтобы быть понятным миллионами, чтобы получить поддержку, приходится подавать свои решения практически в готовом виде, да к тому же они должны выглядеть простыми и естественными.

Однако, признаюсь честно и откровенно, даже предъявляя заинтересованной аудитории неопровержимые доказательства успешного научного подхода к анализу действительности под углом зрения грядущих событий, мне до конца никого не удавалось убедить, что такое умение вполне может стать прикладным инструментом освоения мира и принятия ответственных решений.

Жизненный опыт, будь то личный или общечеловеческий, подтверждает: люди до сих пор не научились извлекать практическую выгоду из навыков и умения предвидеть будущее, главным образом потому, что примеряют к будущему не конкретную силу реального знания, а прекраснотушнные «мечталки» и «хотелки». В придачу к беззаботным авоськам» да «небоськам».

Если взглянуть на нынешнюю ситуацию под углом зрения обязательства, принятого на себя автором, – подходить к научной оценке будущего обязательно с позиций **«концептуальной прогностической идеи»**, – то в таком случае беру на себя смелость признать: совокупность трудностей и проблем, которые сегодня переживает Россия поставили её перед необходимостью решать всемирно историческую задачу. А именно: **создать принципиально новую модель обустройства общества на основе личной свободы, человеческого достоинства и гражданской ответственности.**

В начале главы я сослался на ту часть, которая продуктивно отработала свой срок. Но новая уже на подходе. Свято место пусто не бывает. Беру на себя смелость сформулировать эту идею в том виде, в каком она видится мне.

«Все противоречия Современного мира и России в том числе, предопределены сегодня одним общим для всех обстоятельством: будет ли найден адекватный ответ на поставленный наступившей эпохой вопрос о переходе к новой управленческой цивилизации. Перед этой проблемой причины всех других экономических, социальных, политических неурядиц, вплоть до жесточайших кризисов, отошли на задний план.

Прежде содержание сменявших друг друга методов управления во все времена каждая страна предопределяла сама. На свой взгляд, вкус и манер. Пока не наступила эпоха глобализации, поставившая перед человечеством невиданную цивилизационную задачу: найти взаимоприемлемый режим управления сразу для всей планеты, для всех втянутых в систему мирового хозяйства государств и даже корпораций

Выбор на поверку оказался небольшой. Поначалу считалось, что для достижения цели будет достаточно унифицировать доказавшую

свою управленческую эффективность рыночную демократию, утвердившуюся в наиболее развитой части мира, прежде всего США и Европы. Однако, очень скоро, особенно после неудавшихся попыток демократического реформирования России, её исключения из состава «Большой Восьмерки», выяснилось, что функционального ресурса для управления всей планетой у демократии явно недостаточно.

Мало этого, сама «демократическая зона» оказалась в полосе постоянных из раза в раз нарастающих и обостряющихся социально-экономических и идейно-политических кризисов, суть которых свидетельствует об исчерпанности управленческого потенциала и неминуемо надвигающейся на весь мир дезорганизационной катастрофы.

Тем не менее, западный демократический мир, пока ещё находясь в стадии относительного инерционного благополучия, накопленного за долгие годы опережающего развития, предпочитает отстаивать свои прежние управленческие приоритеты, где-то силой, где-то за счет различных видов давления.

Особенно демонстративный характер подобные действия приобрели в связи с украинским кризисом. Если дело так пойдет и дальше, то можно и войны не избежать. Об этом пишут очень многие... Мои рассуждения сводятся скорее ни к тому, что и как будет, а как могло бы быть, если бы Россия действительно осознала в сложившейся ситуации свою истинную историческую роль. Но об этом чуть ниже...

Глобальный «цивилизационный разлом», дал о себе знать на пороге двадцать первого века, когда опробованные столетиями способы и методы управления ушли в прошлое, а новым, подобно шилу, ещё только предстояло пробиться на свет, как стрелочкам травы из-под асфальта.

Стало ясно, что практика принятия решений «от имени», «по поручению», «по доверенности», «в соответствии с предоставленными полномочиями», «в рамках компетенции» и любым иным, так называемым, «представительским способом», то есть кем-то вместо кого-то, свой век отслужила. Она просто вошла в острейшее и пока ещё не проникшее в должной мере в массовое общественное сознание противоречие с правами, свободами, интересами людей, доставшимися им от природы, что называется, по рождению.

Право принимать решения, следовательно, вся власть как таковая, – ведь её смысл именно в конкретном праве на принятие решений и состоит, – уже в разумно обозримой исторической перспективе будет постепенно сосредоточиваться непосредственно в руках людей, граждан той или иной страны.

То, что еще вчера совокупным общественным сознанием воспринималось как достоинство, – готовность возложить на себя право принимать решения «вместо других», – сегодня оборачивается вопиющим пороком, посягающим на гражданский суверенитет личности. Даже само понятие «депутат» во многих странах оказалось полностью дискредитированным. Отсюда Площадь Тахрир в Египте, Киевский Майдан на Украине, Болотная площадь в Москве, студенческий «зонтичный бунт» в Гонконге.

Диалектический смысл отказа от представительной демократии и возвращения к её прямой версии состоит вовсе не в замене провозглашенного ею управленческого приоритета большинства, а в закономерном придании этому большинству квалифицированного качества: чем больше заинтересованных людей непосредственно участвует в принятии решений, тем ближе оно оказывается в итоге к оптимальному результату. Математики связывают этот эффект с объективно действующим «Законом больших чисел».

Значит, выход надо искать в создании приемов и механизмов, позволяющих каждому человеку непосредственно участвовать в принятии решений. Это только на первый взгляд кажется сложным и обременительным. На самом же деле при нынешнем уровне технологической оснащённости, наладить такую систему принятия решений не составит труда.

Эта «концептуальная идея», почерпнутая из недр неотвратимо действующих математических закономерностей, я так считаю, будет предопределять не только развитие идущей на смену демократии системы «самоуправления», но и научную достоверность любых прогнозистических взглядов на перспективы политических процессов и вообще нашей жизни в ближайшие десятилетия. Полагаю, их наберется не меньше пяти, иными словами полвека...

В ответ мне нередко возражают, что в тактическом плане переход к «самоуправлению», в том виде, каким оно мне представляется, пока не созрел, оно еще не обрело конкретных очертаний. Но я ведь и не поднимаю вопрос, что «самоуправление» должно наступить прямо завтра. Речь идет только о том, чтобы четко определиться с направлением движения, о выработке навыков сверять с этим направлением любой свой шаг, любое решение.

Даже самое незначительное. Вспомните знаменитую притчу Рэя Брэдбери: любая мелочь, даже случайная гибель мотылька у вас под ногами на пути к намеченной вами цели, в конечном итоге может предопределить в будущем большую трагедию, начиная с вашей собствен-

ной гибели и заканчивая самой истребительной ядерной войной. Так что, если вы действительно ставите перед собой далеко идущие цели, научитесь опознавать её в каждом мотыльке под ногами, а не во весь исторический рост.

«Самоуправление» не посягает ни на одно из достижений или завоеваний демократии, утверждавшей себя посредством насаждения разного рода ограничительных цензов, – оседлости, обладания собственностью, национальной, половой и расовой принадлежности, образования. Оно призывает не пятиться назад, а идти вперёд и дальше, добиваться большего, ориентирует на достижение целей, составляющих суть вековой мечты людей: самим управлять своей жизнью и жизнью страны.

При представительной, то есть опосредованной демократии, это стремление остается лишь декларацией, – можете убедиться в этом, заглянув в Статью 3 Конституции России, – при «самоуправлении» торжественно обещанное подлинное народовластие просто обязано воплотиться в жизнь.

Когда-то великий российский драматург и писатель А. Чехов говорил, что «если в первом акте пьесы на стене висит ружье, то по ходу, во всяком случае, не позже четвертого акта, оно обязательно выстрелит». Если в ключевой статье Конституции написано: **«Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является её многонациональный народ»**. Можете не сомневаться, обязательно придет час, когда он об этом вспомнит. Идея непосредственного участия в принятии решений заложена в генетическую память людей со времен древнегреческих самоуправляющихся городов-полисов.

Причем, к достижению этих целей по сугубо историческим предпосылкам, накопленному опыту «земского управления», давних традиций «народных сходов», «казацких кругов», повышенного внимания к перспективным общественным инициативам, Россия стоит ближе, чем любая иная страна. Она же, что не может не вызывать сожаления, вместо того, чтобы в условиях нынешнего глобального цивилизационного кризиса сосредоточить внимание и силы на поисках стратегических вариантов не только собственного, но и мирового развития, склоняется рассматривать происходящие события под углом зрения двух великих разочарований: Цивилизованного Запада – путинской Россией, с другой стороны, путинской России – Цивилизованным Западом.

До 1991 года мир был расколот надвое по идейно-политическим и социально-классовым признакам, а главным противоречием эпохи, – оно именовалось «диалектическим», – считалось противоборство меж-

ду «**капитализмом**» во главе с США и «**социализмом**», где лидером был Советский Союз. Начатая в СССР в 1985-ом году «**перестройка**» породила надежды, что она разрешит «эпохальное классовое противоречие» к взаимной выгоде. Но этого не случилось.

Оказалось, в случае столкновения «на дорожке утром рано двух баранов» капиталистического накопления, – матерого и рогатого, в облике США и новорожденного российского, едва успевшего встать на ноги, молодого и пока безрогого, но уже с амбициями, – независимо от того где, когда и как оно происходит, приводит отнюдь ни к «**гармонии либерально-демократических миров**», а к возрождению нравов «**дикого Запада**», с его **обычными конкурентными эксцессами**. Вплоть до реализации принципа: «**Побеждает тот, кто стреляет первым**».

Полагаю, что первопричину нынешних противоречий между «**Цивилизованным Западом**» и «**Реформированной путинской Россией**» следует искать именно в этом. Конкурентные противоречия на поверку оказались «**покруче**» идейно-политических и социально-классовых. И не удивительно, а закономерно, что нынешняя «холодная война» между Западом и Востоком, между США и Россией, в отличии от той, что исторически, казалось бы, уже миновала, разразилась с новой, ещё большей силой, чем прежде.

И выхода из возникшего по этой причине цивилизационного тупика ни та, ни другая сторона не видит, не ищет, не предлагает. Но это не значит, что его не существует. Он есть, только связан с глубоким переосмыслением движущих сил мирового развития, с радикальным преобразованием утвердившейся шкалы ценностей, с переходом к новым методам познания, включая научное прогнозирование общественно-политических и социально-экономических процессов.

Для начала важно понять, что нынешняя борьба между Россией и Западом идет не за победу, даже не за господство, а за мировое лидерство, за пример для подражания, то есть за право выставлять верстовые столбы, предопределяющие движение вперед, за возможность стать лидером для всего остального мира. Раньше такие цели достигались богатством и силой, огнем и мечом. Теперь этого мало.

Нужны новые идеи, способные коренным образом воздействовать на формирование общественного сознания, благотворно влиять на изменение шкалы ценностей и приоритетов, доставшихся в наследство от прошлого. В наступившую эпоху лидерство будет определяться не материальным, даже не технологическим, а интеллектуальным, морально-нравственным превосходством.

Сегодня на первое место выходит привлекательность примера, умение предугадывать, что людям окажется по душе, а что будет, если и не с порога, то в конечном итоге, все равно отвергнуто. На мой взгляд, именно в понимании этого состоит заветная тайна разрешения нынешнего глобального политического кризиса, в котором сошлись в отчаянном соперничестве цивилизованный Запад и путинская Россия. В появлении примера, обеспечивающего не размежевание, а консолидацию объективно заинтересованы обе стороны. Но у России явно больше шансов такой пример подать.

На протяжении минувших веков, – девятнадцатого и двадцатого, – сыгравших огромную роль в развитии современной цивилизации, России трижды предоставлялась возможность решительным образом повлиять на судьбы мира. Но всякий раз она уклонялась от этой исторической роли. В двух случаях, после Наполеоновской войны и Первой мировой войны просто переложив ответственность за послевоенное обустройство мира на своих мнимых союзников.

После Второй мировой войны, имея в своем распоряжении все права диктовать условия как главный победитель величайшей планетарной битвы от своих заслуг и завоеваний перед вступлением в XXI век добровольно отреклась, в том числе в пользу бывших противников, чем неслыханно озадачила всё человечество.

В результате даже проигравшие страны в итоге послевоенного переустройства не только сохранили за собой гораздо больше, чем то, на что могли рассчитывать, но и оказались в мировых лидерах, как это произошло с Германией и Японией. Зато Россию, если кто и называет сегодня «Великой державой», то исключительно в кавычках.

Большинство исследователей, как зарубежных, так и отечественных, сходятся во мнении, что виной всему врожденная российская безалаберность, не позволяющая стране в решающий момент определиться со своими коренными национальными интересами, неумение сосредоточиться на главном, отсутствие навыков принимать единственно правильные решения, о которых бы впоследствии не приходилось сожалеть. Конкретных примеров на этот счет тьма.

Лично у меня на прошлое России, включая как победы, так и поражения, совершенно *иная точка* зрения. Дело вовсе не в неумении сосредоточиться на главном, тем более не в отсутствии навыков принятия правильных решений на каждый данный момент. Именно умение сосредоточиваться и наличие навыков принятия правильных решений во все времена предопределяло победы России в решающих битвах и схватках.

Их бессмысленно даже перечислять. Важно разгадать иную загадку: почему, одерживая победы и добиваясь недюжинных успехов, Россия действительно постоянно как бы теряет интерес к дальнейшему использованию полученных преимуществ к собственной выгоде.

Разумное, тем более научное, объяснение такому феномену найти, пожалуй, невозможно. Во всяком случае, мне не удалось, если не считать мысли, что Россия в своих поступках и решениях ориентируется скорее не на происходящее, а на грядущее, на тот исторический час, который ещё не пробил. Такое предположение неизбежно выводит на идею об историческом предназначении России, о её цивилизационной миссии, которая далеко не всеми одобряется.

С другой стороны, уверен, никто не станет отрицать, что Россия никогда выпавшей ей на долю судьбой, не кичилась. Наоборот, все прекрасно знают, рядиться в идейно-политические и морально-этические одежды с чужого плеча давняя российская традиция. Так в нашей стране вместе с варяжскими князьями Рюриковичами утвердилось династическое самодержавие как форма государственного управления; православие было заимствовано у Византии с целью обретения народами, населявшими страну, нравственной и духовной общности; марксизм и коммунизм пришли на нашу землю в погоне за классовым равенством и социальной справедливостью; за западной демократией и либерализмом пустились в погоню в надежде наконец-то отведать «сладкий вкус свободы».

Не секрет и то, что ни одна из попыток поживиться чужим умом и чужим опытом успехом не увенчалась. Многие Россию, не только на Западе, но и в родном отечестве, за это обвиняют, даже упрекают в генетическом «разгильдяйстве». Я же лично хвалю и даже горжусь. В историческом смысле «работать под дурачка», оказывается очень выгодно и полезно.

Таким способом ни то, что десятки лет, сотни веков, невиданные ресурсы удалось сэкономить. А главное, – свое собственное историческое предназначение до урочного часа удалось сохранить, осознать и обрести желание претворить в жизнь. Проблема на сегодняшний день состоит именно в этом.

Все наше художественное, литературное, поэтическое, духовное, нравственное наследие, которое можно постичь скорее душой, чем разумом, ориентировано в завтрашний день, в будущее, на поиск ответов на вопросы «ради чего живем» и «чего же на самом деле хотим». Во всем мире имена и произведения Л. Толстого, Ф. Достоевского, Н. Гоголя, А. Чехова, И. Бунина, А. Куприна, Б. Пастернака, А. Солженицы-

на популярны вовсе не потому, что все они писали о России, а глубоко задумывались над судьбами людей как таковых. Особенно в контексте будущего.

Не случайно и Ф. Достоевский, выступая на открытии памятника А. Пушкину, прежде всего обратил внимание на то, что творческая душа великого поэта всегда была обращена в будущее, вдохновлена верой в конечное торжество не просто России, а человеческого разума, о чем свидетельствуют пушкинские слова, высеченные на мраморном пьедестале: «Нет, весь я не умру, Душа в заветной лире, мой прах переживет и тления избежит, И вечен буду я доколь в подлунном мире, Жив будет хоть один пиит!»).

Идея об историческом предназначении России именно как родины народного «самоуправления» не была чужда великим научным умам нашего Отечества. Одно лишь перечисление имен занимает полстраницы. При случае я это обязательно сделаю, а сейчас процитирую лишь В. Вернадского: **«Общественная самодеятельность и общественное сознание постепенно будут расширены до масштабов государства и в конечном итоге заменят его».**

На протяжении жизни В. Вернадский говорил это несколько раз. В начале двадцатого века при «царе-батюшке», ближе к середине столетия, при Советской власти, по сути, не делая различий между самодержавием и большевиками. Его не волновали тактические различия или особенности тогдашних режимов. Для перехода к «самоуправлению», по мнению В. Вернадского, которое я всецело разделяю, в любой ситуации ничего другого, кроме четкого осознания самой необходимости достижения намеченной цели, не требуется.

Полагаю, он твердо отстаивал бы свою позицию и в условиях нынешнего цивилизационного кризиса управления. Быть может, во всемирной истории впервые сложилась ситуация, когда решение важнейшей судьбоносной проблемы, связанной с существованием планеты, впервые оказалось в непосредственной зависимости от воли самих людей. Вопрос только в том, сумеем ли мы сами себя осознать и решиться на исторический шаг уровня настоящего человеческого достоинства...

Чтобы идея «народного самоуправления» воплотилась в жизнь, стала движущей и мобилизующей силой, она не в умах должна родиться, а взреть в недрах национального характера, дать о себе знать в тот самый важный для народа момент, когда его судьба, действительно, встаёт ребром. Либо сейчас, либо больше уже никогда. Сегодня, считаю, именно такой момент и настал для России.

Единственная задача, которую я, как автор книги, в нынешних условиях перед собой ставлю: попытаться снять с научного предвидения мистическую порчу и подвести под суждения о будущем научно-методическую базу, открывающую возможность заявить: *будущее достижимо, потому что постижимо. Воплощение непредвиденного, не несущего на себе печать целенаправленных усилий, называться будущим вообще не имеет права. Это – не будущее, а снисходящее.*

Если после всех высоколобых рассуждений о «*концептуальной прогностической идее*» и её воплощении или олицетворении упростить до предела, то она должна работать как «*универсальная интеллектуальная отмычка*» и для разрешения любой возникшей перед исследователем прогностической проблемы. А это значит, воплощать в себе накопленный конструктивный опыт прошлого, совмещенный с опознавательными созидательными признаками будущего, в тех сферах, которые привлекли к себе прогностический интерес.

Абсолютно вся моя работа как политического эксперта с начала девяностых годов и вплоть до сегодняшнего дня была оплодотворена «*концептуальной прогностической идеей*» *об отжившей свой функциональный век представительной демократии и неотвратимо идущего ей на смену прямого народного самоуправления как новой системы организации власти и общественной жизни не только в пределах страны, но и всей планеты.* Есть все основания расценивать эту фазу развития как новый цивилизационный вызов, исторически обозначенный еще в конце XIX века, в преддверии Первой Мировой войны.

Взгляните на всё, что нас окружает под этим углом зрения, и вы обязательно примете правильное решение. Ведь смысл прогноза и его практическое предназначение состоит не в немедленном предъявлении конечного результата, а в его практическом обеспечении. Пусть по частям, даже по крохам.

Работает принятое решение на «самоуправление», – оно правильное и перспективное, – не работает, значит, ошибочное, никуда не годное. Накопленный мной опыт показывает, что восприятие политических событий под таким углом зрения надежно срабатывает как прогностический GPS-навигатор.

Самонадеянно предполагая наличие среди читателей людей, не просто любопытствующих, а соблазненных обещанием научить их предвидеть будущее, отчётливо ощущаю нависшую над собой коварную реплику: «Допустим, приведёнными примерами доказано – научное предвидение возможно, но это всего лишь ответ на вопрос: «Что?»»,

но не на вопрос «Как?» Обучение «умению предвидеть» заведомо предполагает раскрытие методов и предоставление рекомендаций по обретению прогностических навыков. Их-то всё ещё нет». Упрёк справедливый, своевременный и закономерный. Постараюсь на него должным образом отреагировать.

Предполагаемые дотошные читатели правы: наука начинается вовсе не там, где предъявляются факты. У ясновидения здесь гораздо больше возможностей удивить созерцающую публику. Только раскрыв методiku познания и обозначив способы достижения цели, вы можете превратить любое, даже самое невероятное пророчество в реальный, научно обоснованный прогноз. Иначе его всё равно будут воспринимать как чудо или фокус в цирке.

Увидеть попадание в цель легко, на мишени отметина остаётся. Но попробуйте отследить полёт стрелы, тем более пули. Полёт мысли, доложу я вам, по скорости им не уступит. Любой, кто осознанно предпринимает попытку заглянуть в завтрашний день под углом зрения науки, должен давать себе отчёт, что вместе со сбывшимся предвидением придётся предъявлять и способы его постижения.

Значит, прежде всего, придётся обратить внимание, как уже говорилось, на наличие концептуального подхода к оценке действительности и перспективам её развития. Такой подход предполагает не только умение оценивать мир и происходящие в нём события с позиций неопровержимых закономерностей развития, это как бы само собой разумеется, но и на обладание особым прогностическим мировоззрением, без которого на стезе научного предвидения делать совершенно нечего. Проще найти себе достойное место среди экстрасенсов и ясновидящих.

Что же представляет собой прогностическое мировоззрение и, главное, каким образом оно складывается? В конечном итоге оно сводится к давно разгаданному умению находить в окружающем мире объективно существующие логические связи между общим и частным, случайным и закономерным, между прошлым и будущим. Это и приводит к вычленению перспективно реализуемой идеи от всех других, на первый взгляд быть может ещё более привлекательных.

В распоряжении Леонардо да Винчи было множество гениальных идей, вплоть до полётов в космос и погружение в океанские глубины на специальных подводных кораблях. Но среди них не было идей, имеющих концептуальный характер, то есть ни реальная жизнь, ни существовавшая на тот момент наука не предлагали способа реализации задуманного.

В этом контексте прогнозируемое будущее на протяжении веков предстаёт перед людьми в двух научных ипостасях. **Первая** – гипотетическая модель перспектив общественного развития, выстроенная с учётом предполагаемых действий для достижения намеченных целей. Что в такой гипотетической модели будет отмечено знаком «плюс» или «минус», решают либо люди, либо само время.

Вторая – научная модель прогнозируемого будущего, воплотившаяся в историческую реальность, констатируется исключительно задним числом, картиной общественного бытия, ставшего совокупным результатом разрешения диалектических противоречий развития, а также неизбежных последствий принимаемых или не принимаемых людьми решений.

Вот почему именно сбывшиеся прогнозы упомянутый уже К. Маркс очень точно называл «наивысшим сертификатом научности», открывающим путь к выработке продуктивной методики научного предвидения. По этой причине, прогнозы гораздо интереснее читать что называется «опосля», задним числом, чем «наперёд». Очень рассчитываю, что именно под этим углом зрения читатели встретят и сопровождающие книгу Приложения.

К сожалению, разделить гипотетическую модель будущего, без ведома чем она обернётся, и модель реальную, ориентируясь на которую можно строить реалистические планы, в момент их появления на свет по признаку их результативности практически невозможно. Чаще всего процедуру отсечения гипотезы от научного прогноза приходится откладывать до того момента, пока свой окончательный вердикт вынесет время.

Чаще всего взаимосвязь объективных закономерностей развития с субъективными устремлениями человечества не отслеживается, причинно-следственные связи не устанавливаются. В результате получается, что энергетические источники развития действуют как бы сами по себе, а реальная жизнь сама по себе.

Если придерживаться аллегории, указывающей на неразрывную связь упавшего на голову Ньютона яблока с действием закона всемирного тяготения, успешное научное прогнозирование это не более, но уж никак не менее, чем умение опознавать и расшифровывать логические причинно-следственные связи вполне конкретных событий и явлений.

Практически, да и теоретически, обозначить и охарактеризовать все эти закономерности, а тем более предсказать, какое воздействие они могут оказать на жизнь каждого конкретного человека, невозможно, да и не нужно. Важно нащупать какую-то одну, но именно ту, которая сказывается всегда, везде и во всём, чего бы вы не коснулись, о чём

бы не завели речь. Иными словами, как сказано в предыдущей главе, нужно найти идейно-концептуальную «печку», от которой только и может начаться прогностический танец.

Наиболее яркая черта новой эпохи, если хотите, новой эры в цивилизационном развитии человечества состоит, на мой взгляд, в том, что ныне на исторической повестке дня оказался ключевой спор между объёмом, накопленным человечеством сил и богатства, с одной стороны, и качеством вселенского разума, воплощённого в каждой конкретной личности, с другой.

Иными словами, мир оказался на историческом рубеже, когда совершенно неожиданно человечество стало расщепляться на личности, борющиеся за свои права. Энергия, которая при этом высвобождается сравнима с энергией, порождаемой расщеплением атома. Это привело к парадоксальной ситуации, когда представления о мире, законах и правилах его существования, оставаясь синонимом совокупного человечества, его обобщённых интересов, оказываются накрепко связанными с каждой конкретной личностью, с её устремлениями и мотивационными установками.

В то же время массовое сознание и обыденная политическая практика адекватного восприятия диалектического единства общего и частного применительно к поведению самого человека всё ещё существуют порознь. На предшествующих цивилизационных этапах, отмеченных существованием демократии как универсальной системой управления, люди привыкли жить в мире, разделённом на страны, классы, расы, нации, на богатых и бедных, сильных и слабых, развитых и отсталых.

Теперь такие подходы не дают верных ответов на происходящее. Вот почему многое из того, что происходит прямо на наших глазах, оказывается либо негаданным сюрпризом, либо неведомой тайной, не дающей ответы на вопрос «Для чего?» в смысле будущего, и «Почему?» в смысле прошлого.

Для того, чтобы обеспечить успех прогностическим попыткам разобраться в перспективах преобразования новой эпохи, попытаться увидеть мира, каким может стать завтрашний день, важно научиться применять в подходе к оценке избранных для исследования явлений, процессов и событий набор принципов, гарантирующих получение надёжного результата. К их рассмотрению я и предлагаю перейти.

Урок третий: ПЯТЬ ПРИНЦИПОВ РЕАЛИЗАЦИИ «КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ПРОГНОСТИЧЕСКОЙ ИДЕИ»

Вообще-то строго определенное число прогностических принципов на все случаи жизни заранее установить невозможно. Да и не нужно. Это всякий раз делается как бы заново, в зависимости от объекта прогнозирования и его особенностей. В одних случаях достаточно оказывается пяти, в других потребуется пятнадцать, а то и двадцать пять.

Одно дело – предвидеть общий ход событий, не посягая на особенности развития, конкретику обстоятельств и индивидуального поведения людей. Другое – докопаться не просто до сути, а до самых мелочей, чтобы не только найти ответы на вопросы «что?», «где?» «когда?», но и «как?», «зачем?» и «почему?».

В непосредственной личной прогностической практике, не выходящей за рамки политических процессов, – специфические особенности событий и индивидуальная конкретика личных биографий политических деятелей, если меня и интересовали, – то в рамках общей методики научного прогнозирования мне вполне хватало пяти.

Перечисляю все пять по порядку: **принцип прогностического предназначения; принцип прогностической градации; принцип прогностической интуиции; принцип прогностической альтернативы; принцип прогностической регистрации.** *Их можно назвать ключевыми, исходными, универсальными, а, главное, обязательными к практическому применению на исходном этапе научного прогнозирования.*

Здесь очень важно понимать, что прогностическая методика, о которой я веду речь, это не инструкция по эксплуатации интеллектуального потенциала, а комплексная система применения устойчивых приёмов, обеспечивающих получение адекватных оценок состояния или перспектив развития исследуемых процессов или явлений.

Демонстрация такого умения находит отражение в верном выборе предмета и направлений исследования, в чётком определении его задач и целей, в понимании сути и движущих сил происходящего и, наконец, в осознании закономерностей процессов развития, превращающих авторские гипотезы в реальные прогностические результаты. Наиболее убедительные доказательства такого умения – сбывшиеся

прогнозы, особенно если они заведомо несут в себе методологические опознавательные признаки.

Выбор прогностических принципов основан на понимании, что будущее никогда не возникает из ничего, так же как прошлое никуда не исчезает бесследно. Методики познания и того, и другого в принципе одинаковы. Ключевое требование – установить между участвующими в процессе развития явлениями, факторами, событиями причинно-следственные связи.

В отношении прошлого это сделать гораздо легче, поскольку минувшее оставляет за собой в том или ином виде реально осязаемые следы. Будущее же приходится моделировать не по оставленным следам, а предполагаемым шагам, что требует, конечно, иных навыков восприятия и аналитической оценки.

I. «Принцип прогностического предназначения» не только по порядку, но и по сути является исходным, вызывающим при этом среди коллег больше всего возражений, вплоть до категорического неприятия. Поэтому на расшифровке его содержания я намерен остановиться гораздо подробнее, чем на последующих четырех. Чисто формально он сводится к определению объекта и направления прогностического исследования, четко отделяя его параметры от любых иных способов постижения будущего.

К примеру, ясновидения, угадывания, экстрасенсорного проникновения в смысл происходящего или природу предъявляемого. Такие способы – дар природы и к научной методике никакого отношения не имеют. Согласно разработанному мной прогностическому методическому кодексу все принципы, от первого до пятого, требуют очень жесткого соблюдения, но первый особенно.

В первую очередь потому, что он оказывается накрепко связан не столько с объемом знаний и накопленного профессионального опыта, сколько с личной жизненной позицией исследователя, мобилизующего его на совершение поступков в интересах обязательной реализации тех рекомендаций, необходимость которых закладывается в предъявляемый им же прогноз.

Иными словами, в смысле научного прогноза, каждому исследователю, по сути дела, приходится действовать как бы по методу Павлова: убедившись в правильности принятого решения на подопытных живых существах, приходится подтверждать правильность принятого решения на собственном примере. Иначе, в предлагаемые вами прогностические рекомендации никто не поверит, да и самого исследователя от обуевающих его сомнений вряд ли избавит.

Что в данном случае я имею в виду конкретно, постараюсь продемонстрировать. **Пример первый.** В действительности таких примеров гораздо больше, их было бы вполне достаточно для обоснования самостоятельного «**принципа прогностического участия**», но тогда бы он распространялся только на меня, а для обеспечения уровня научной доказательности этого явно недостаточно. Хотя в сугубо методическом отношении принимать непосредственное участие в реализации собственных прогностических рекомендаций их автор просто обязан.

Расскажу, как это происходило с появлением самого знаменитого из моих прогнозов, на который до сих пор приходится ссылаться. А вот об обстоятельствах, касающихся самого появления на свет упомянутого материала, речь ещё не заходила. Кто знает, как бы и чем бы всё могло закончиться в 1991-ом году, если бы Августовский путч удалось предотвратить?

Такая возможность существовала. Утверждаю это как непосредственный участник тогдашних событий, хотя рассказывать об этом в полном объеме пока не приходилось. Не по причине внешних помех, каких-то посторонних препятствий или личной нерешительности. Скорее, просто потому, что истинный смысл тогда происходившего не до конца понимал. Теперь вроде, понимаю и рассказываю, поскольку в рамках предьявляемой книги появился заслуживающий этого повод.

События, о которых предстоит рассказать, жестко детерминированы в смысле «кто-что», «где-когда», «зачем-почему». Даю исходники: 20 декабря 1990 года, IV Съезд Народных Депутатов СССР, суть события – голосование по кандидатуре Г.Янаева, выдвинутого М. Горбачевым на пост вице-президента СССР. Обсуждения кандидатуры по сути дела не было, ограничились официальным представлением. Первая попытка голосования окончилась провалом.

Кандидатура Янаева не набрала установленного регламентом квалифицированного большинства, то есть две трети депутатских голосов. М. Горбачев настоял на повторном голосовании, даже не попытавшись предложить иную кандидатуру. Всё свелось к оказанию на депутатов из оппозиционного лагеря административно-дисциплинарного давления. На этот раз избрание состоялось, но на самой грани. Судьбу Янаева решили всего пять-шесть дополнительных голосов «За». Никак не больше ...

Будучи в качестве журналиста аккредитованным участником съезда, я имел возможность непосредственно наблюдать за происходящим, чтобы затем откликнуться на выборы Янаева вице-президентом специальным комментарием. Для подготовки которого, я как политиче-

ский обозреватель и член редколлегии журнала «Народный депутат», собственно, и оказался в Кремлевском Дворце съездов.

Профессиональное чутьё, заранее подсказало: задание никому не перепоручать, на этот раз на съезде обязательно следует быть самому. Теперь могу сказать, оно меня не обмануло, сработало целенаправленно... После голосования «по Янаеву» в самой атмосфере съезда, в зале заседаний и кулуарах, нависло ощущение недоумения, тревоги, и даже приближения какой-то неотвратимой беды, что давало о себе знать в беседах с депутатами, обмене мнениями с коллегами...

Буквально на следующий день мне предстояло изложить уже свои собственные соображения по теме запланированного комментария, который должен был обязательно попасть в очередной, первый в 1991-ом году номер журнала. К началу заседания редколлегии у меня сложилось твердое намерение добиваться именно этого. Причем, чуть ли не под тревожным анонсом-рубрикой, навеянным атмосферой съезда: «Звучит сигнал тревоги!». Я вознамерился указать на три причины, дающие для такой тревоги весомые основания...

Во-первых, совершенно не было ясности из каких соображений исходил М. Горбачев, выбирая себе в сподвижники человека, известного своей доктринальной приверженностью коммунистическим идеям и советскому строю, да к тому же еще неизвестно за какие заслуги, дополнительно кооптированному недавно в состав консервативного Политбюро ЦК КПСС, из которого незадолго до этого сам же М. Горбачев демонстративно вышел.

Из мировой практики известно, что президент и вице-президент, всегда принадлежат к одной и той же политической силе, избираются вместе на базе общей политической платформы, несут совместную ответственность за принятые на себя политические обязательства.

Спрашивается, что с прицелом на будущее могло быть общего между М. Горбачевым, инициатором «перестройки», человеком, лично выступившим за исключение из Конституции статьи о «руководящей роли КПСС» и Г. Янаевым, прежде практически ничем себя не проявившего кроме цинично-демонстративного «комсомольского усердия» в решении поставленных партией задач?

Во-вторых, вызывало большие сомнения сама по себе функциональная целесообразность введения поста вице-президента, по сути дела становящегося с точки зрения государственной иерархии «вторым человеком» в стране, в тот самый момент, когда отношения внутри руководства оказались в зоне повышенной политической «турбулентности», всё чаще дающей о себе знать.

Достаточно было вспомнить Майскую протестную манифестацию того же года. Появление Г. Янаева рядом с М. Горбачевым в этих условиях отнюдь не обещало «работать» на консолидацию политической ситуации. Скорее наоборот, на её обострение, наводя на мысль об изолированной подготовке «дворцового переворота или какого-нибудь иного политического мятежа»...

В-третьих, не является ли, – и это тревожило больше всего, – нынешняя инициатива с выборами Г.Янаева вице-президентом, наглядной демонстрацией того, что М. Горбачев перед лицом нарастающей угрозы коммунистического реванша готов капитулировать, добровольно «сдать перестроечные позиции», отказывается от дальнейшей борьбы за провозглашенные цели?

Мне было ясно, что комментарий с содержательными акцентами, ставящими под сомнение действия главы государства, опубликовать на страницах журнала, являющегося официальным печатным органом Верховного Совета СССР, никто не позволит и не решится. Расчет был иной: исходя из тактических соображений озвучить свои «опасения» не «в кухонном» режиме, никого ни к чему не обязывающем, а в официальном формате.

Заседание Редсовета «Народного депутата» по тем временам такой уровень обеспечивало. Это означало, что информация о моём выступлении не только разойдется «кругами» в журналистской среде, но и «просочится наверх», включая президентское окружение, прежде всего его пресс-службу, с руководством которой у меня были давние и тесные контакты.

В Редсовета помимо руководства редакции входили авторитетные люди, которые уже давно в общественном мнении фигурировали как «политические деятели»: член Президиума Верховного Совета В. Рябов, (впоследствии Председатель Центральной Избирательной Комиссии РФ), М. Пискотин, (Член будущего Конституционного Суда), плюс к этому ещё целый ряд популярных «журналистских имен».

Понятно, тезисы моего предполагаемого комментария поддержки не получили, но двое моих коллег по членству в редколлегии журнала, Ю.Хренов и В.Каджая «родили» идею, которая на тот момент удовлетворила вроде бы всех: перенести рассмотрение актуального, но всё-таки частного вопроса о выборах вице-президента, из идейно-политической плоскости в научно-аналитическую, сосредоточив внимание на пятилетнем опыте «перестройки», ее идеях и перспективах, что в гораздо большей степени соответствовало бы профилю и предназначению журнала.

И хотя мне было совершенно ясно, что высказанное пожелание относится к разряду неисполнимых, вроде сказочных «поди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю, что», я тут же ухватился за сделанное предложение, заручившись согласием, что в случае, если успею написать удачную аргументированную статью на заказанную тему до окончания срока сдачи материалов в очередной номер, она будет принята для публикации именно в нем. Понятно, что речь шла о пустой формальности, но в принципиальном отношении очень важной.

Условие было принято единогласно и зафиксировано в протоколе заседания. Все были абсолютно уверены, за оставшиеся пять дней до сдачи материала в очередной номер, до 27 декабря плюс даже ещё несколько дней, выпадающих на Новогодние торжества, ничего вразумительного на заявленную тему создать не удастся. Да я и сам, если честно, пока не получил на руки размноженный для обсуждения на редколлегии текст статьи, в этом сомневался. Работа явно удалась...

А как было не сомневаться при предпосланным статье заголовке: **«Объективная логика политического краха Горбачева. Попытка исторического анализа «перестройки».** Какой там «политический крах»?! Какой, прости Господи, «исторический анализ»?!

Горбачев при власти и признаков, что может её лишиться, никаких. «Перестройка», быть может, и пробуксовывает, но время для подведения итогов, тем более «исторических», ещё явно не наступило. Откуда такая аналитическая спешка, очень похожая на злонамеренную провокацию?..

Не стану скрывать, чего-то подобного я ожидал от предстоящего обсуждения и готовился дать бой. Но не пришлось. Главный редактор журнала Михаил Пискотин, порядочнейший человек и авторитетный ученый-правовед пригласил меня к себе в кабинет и предложил самому снять статью с обсуждения. Вот ход его рассуждений, с которыми я тогда согласился, да и сегодня ничего не смог бы противопоставить.

Положительного решения о публикации просто не может быть: материал исполнен на высочайшем профессиональном уровне, сделанным в нем негативным политическим оценкам совершенно нечего противопоставить, они убедительны и достоверны, но с предложенными прогностическими рекомендациями невозможно согласится. Наверное, это не вина автора, а беда любого негативного предвидения. В них верят только задним числом.

Затевать же в открытой печати обсуждение ключевых политических вопросов и проблем на гипотетическом уровне, да ещё в негативном ключе, ни один главный редактор, и он, – конкретно Пискотин, –

естественно, в том числе, не станет. Статья по качеству исполнения заслуживает самой высокой оценки, но для того, чтобы хоть кто-то решился её опубликовать, в стране должно будет произойти что-то совершенно неординарное. Предъявляю, почти что стенографическую запись тогдашней беседы

«Положим, как автор, вы сочли правильным такое написать, – М. Пискотин ткнул пальцем в страницу с сюжетом о Г. Янаеве, – быть может, вы правы, но это вовсе не значит, что я, не только как главный редактор журнала, но и ответственный гражданин страны, имею право придать такой текст огласке. К каким последствиям это может привести, вы знаете? Я промолчал, слегка пожав плечами. «Вот видите, не знаете, и я тоже не знаю». На странице, в которую упирался палец главного редактора, шел такой текст.

«Еще одним подтверждением образовавшегося вокруг М.С. Горбачева политического вакуума стало выдвижение на пост вице-президента Г.И. Янаева. Дело даже не в том, что после возникших сомнений при голосовании за его кандидатуру на IV съезде народных депутатов СССР у президента не нашлось другого решения, кроме как настаивать на повторном голосовании. Хотя он должен был понимать, что, опуская бюллетени во второй раз, депутаты будут выражать свое мнение уже не по кандидатуре Г.Янаева, а по вопросу о доверии самому президенту. И одержанная победа была неубедительной.

В выборе Г. Янаева вице-президентом, как в капле воды, отразился измывавший политический масштаб личности М.С. Горбачева, то качество Президента СССР, которое довершает сейчас его политическую гибель, – непродуманность предпринимаемых ходов с точки зрения их неизбежных последствий. Сделав своей правой политической рукой Г. Янаева, М.С. Горбачев не только нанес невосполнимый урон своему авторитету и репутации государственного деятеля, но вновь – в который уже раз! – способствовал обострению конфронтации, усилению дестабилизации обстановки, чреватой для него и для народа тяжелейшими бедами...

Объективный анализ положения в стране приводит к выводу: все, что нам предстоит увидеть, будет не только жалкой и жестокой агонией политической карьеры Горбачева, но и часом неизбежных, а главное, – незаслуженных страданий народа».

Дальше всё развивалось по предсказанному. Не взирая на провозглашенную «гласность», отнюдь не всякому журналистскому материалу удавалось пробиться «на свет», пусть он был продиктован самими добрыми, даже благородными побуждениями.

К примеру, моя статья о неизбежном политическом крахе М. Горбачева была буквально пронизана симпатиями лично к нему и идеям «перестройки», и столь же искренним огорчением, что всё идет далеко не так, как хотелось бы. Мне как автору статьи было важно ни Горбачева в допущенных ошибках уличить, а в своих собственных впечатлениях разобраться.

Статья несколько месяцев путешествовала по различным редакциям, побывала в «Известиях», в «Неделе», а «Московских новостях», пока не «осела» в «**Независимой газете**». Там родилась идея противопоставить ей материал, написанный в отношении М. Горбачева не с критических, как у меня, а с иных, апологетических идейно-политических позиций, и предъявить сразу обе.

На мой взгляд, времена для таких объективистских аналитических экспериментов, давно миновали, и ждать появления серьезных материалов с позитивной оценкой деятельности М. Горбачева было бессмысленно.

О чем и сообщил редакции, посетовав на несостоявшееся творческое взаимодействие. Впоследствии оказалось, что поторопился. «Независимая газета» статью опубликовала, неожиданно не только для меня, но и для себя самой. Вот что этому предшествовало и как всё произошло.

19 февраля 1991-го года, выступая в прямом телевизионном эфире в беседе с телеведущим Сергеем Ломакиным, ныне здравствующем и продолжающем трудиться на телевидении, Б. Ельцин потребовал отставки Горбачева. Эфир тут же «вырубили». Всем было ясно, как только снова включат, сообщат о взятии Ельцина под стражу и отдаче под суд за совершение антиконституционных действий: открытому призыву к свержению законного главы государства...

Прямой эфир с Ельциным 19 февраля, как я уже сказал, вырубили, а прозвучавшее требование политического отстранения Горбачева от власти отставки осталось, как бы повисло в воздухе. От собственного имени никому случившееся комментировать не хотелось, но и промолчать было нельзя. Весь Советский Союз вздыбился. Телевизор вся страна смотрит. Вот тогда про «гушинскую статью» и вспомнили...

В день выхода газеты, а это случилось **7 марта 1991 года**, М. Горбачев (*Об этом впоследствии рассказывал его пресс-секретарь И. Игнатенко, ...В.Г.*) отдал своей пресс-службе распоряжение: сделать всё, чтобы предполагаемый публичный резонанс максимально приглушить и сгладить... Не помогло. В тот же день статью полностью, – а это семнадцать страниц полновесного текста, занявшего целую газетную

полосу, – зачитали по «Радио России», начавшего за неделю до этого вещание в соответствии с Указом Б. Ельцина.

Другого такого примера, чтобы журналистский материал зачитывали на государственном радиоканале, как правительственное постановление, не было, – во всяком случае мне об этом не известно, – но я лично никакого авторского удовлетворения от этого до сих пор не испытываю. Ведь статью писал ни для того, чтобы в разборках между государственными лидерами поучаствовать, а к важнейшей, давно назревшей жизненной проблеме внимание привлечь.

«Главный сегодня для нас ни вопрос, на чью сторону встать, М. Горбачева или Б. Ельцина, и вообще не в выборе политических лидеров, а собственного будущего. Впереди у России ещё много лет мороки, смены одних разочарований другими, пока, наконец, осознаем собственную гражданскую ответственность, пока не научимся принимать самостоятельные решения о своей судьбе и судьбе страны, за которые никого кроме самих себя винить не придется».

Такими, почти слово в слово, были заключительные строки моей первой по-настоящему прогностической статьи, опубликованной ранней весной 1991 года **«Независимой газетой»**, а затем дважды воспроизведенной. В 2000-ом самой же «НГ», (См. «НГ», **Особая папка», 2000 г., 29 октября 2000 г.**), а в 2015-ом **«Литературной газетой»**. (См. «ЛГ», **июнь 2015 г. №22.**)

Но вот парадокс, характерный, наверное, для всех осуществившихся «действительно крутых» политических прогнозов: чем больше с момента их публикации проходит времени, тем актуальней начинает выглядеть, лежащий в их основе оправдавшийся ход рассуждений.

Не стану лукавить, увидеть собственный прогноз воспроизведенным через десять лет, а затем, ещё раз, через четверть века, приятно, более того, лестно. Но это не избавляет от необходимости четко осознавать, в чем именно состоит твоя авторская заслуга. Одно дело, просто угадал, другое, – раскрыл суть и причины происходящего.

Основные достоинства **«Объективной логики политического краха Горбачева»**, на мой взгляд, состояли вовсе не в заявке на конечный результат предвидения, что, кстати, не самое трудное в прогнозе. В ней была предпринята попытка разобраться в самих особенностях прогностического мышления, ориентированного не столько на итог, сколько на процесс самого развития, позволяющего контролировать правильность избранного пути, ведущего к достижению намеченной цели.

Второй пример в смысле попытки личного участия в предотвращении неотвратимо надвигавшейся политической беды не заставил

себя долго ждать. Полагаю, большинство читателей уже догадались о какой беде идет речь. Об Октябрьских событиях 1993-го года. Буквально накануне стрельбы по Белому дому, – когда лично мне уже было очевидно, что беда почти, что неотвратима, – я буквально вопил со страниц всё той же «Независимой газеты», которая в те времена публиковала буквально всё, что я ей предлагал, – огромное ей за это спасибо, – чтобы противоборствующие стороны одумались, ведь ещё два года назад были соратниками, демократическими единомышленниками. Неужто упавшую им прямо в руки в августе 1991-го власть не сумели поделить?!

Но всё в пустую. Противоборствующие стороны закусив удила, рвались в бой, не остановишь... В пожарном порядке, мне удалось в постскрипуме к материалу вообще не имевшему никакого отношения к развитию событий, прокричать: **«Да остановитесь же Вы, наконец! Разойдитесь по сторонам без драки. Дайте стране и людям в себя прийти!»**

Вот как мой вопль выглядел на самом деле в жанре прилюдного **Постскрипума в «Независимой газете» от 24 сентября 1993 года**, то есть на третий день после знаменитого Указа Б. Ельцина о роспуске парламента, за десять дней до самой пальбы по Белому дому из танковых пушек.

Вот текст: *«Указ президента от 21 сентября о роспуске парламента – поступок политического Каина. Ельцин давно уже утратил право судить и карать кого-либо своей президентской властью. В том, что происходит с Россией и её народом, он виноват ничуть не меньше, чем его конституционные братья из Белого дома. Казнить их собственными руками, превращать в виноватых и отверженных – это акт политической мести, выпад провинциального кулачного бойца, но не поступок ответственного государственного мужа, озабоченного поисками входа из кризиса. Единственное, на что имел законное и моральное право Ельцин – уйти добровольно в отставку и призвать народных депутатов последовать его примеру. Но он, – в который уже раз! – пошел против совести и здравого смысла».*

Иными словами, в том же злосчастном 1993-ем году мои искренние предупреждения о надвигающейся кровопролитной беде опять проигнорировали, как и весной 1991-го года и российские власти, и общественное мнение. Все в стране, от самого верха, до самого низа, были заряжены исключительно на принятие решений. На поверку оказывавшимися лишь своими собственными.

Примеры, о которых я рассказал прежде всего свидетельствуют, что научное прогнозирование дело жёсткое, даже жестокое, выдви-

гающее перед исследователем строгие требования не только к профессиональным, но и личным качествам. Но в итоге, и это тоже следует признать, скорее упрощающие, чем усложняющее само исследование.

Сегодня мне на вышеприведенных примерах гораздо важнее продемонстрировать главную составляющую достоверного научного политического прогноза, обеспечивающую его практическую реализацию, или, как говорят высоким стилем, «претворения в жизнь».

В основе такого прогноза обязательно должна лежать морально-психологическая составляющая восприятия жизни и оценки конкретных действий. Заранее прошу все другие примеры, которых и далее буду касаться, рассматривать как результат решающего воздействия именно этого фактора. Прогноз – это вообще, на мой взгляд, скорее творчество людей, чем торжество идей.

И уж ежели так пошло, сила прогноза состоит не только в его научной достоверности, которая всегда доказывается задним числом, когда из него, если и можно что-то почерпнуть, так только опыт. Отсюда, по всей видимости, и вошли в обиход «крылатые мудрости» вроде: «Если бы молодость знала, если бы старость могла». По сути дела, «могучая» сила прогноза потенциально заключена не в реальной обоснованности, а в его мобилизационной дееспособности в момент принятия решений.

Беда в том, что такие «мобилизационные» прогнозы «одноразовые», в них ход мысли и ход действий чаще всего не совпадают. Бывает, что вообще идут в диаметрально противоположные стороны, как на то указывает еще одна «расхожая» мудрость: «Хочешь мира, готовься к войне». В «мобилизационных прогнозах» не просматривается историческая перспектива и объективные предпосылки развития.

Они демонстрируют лишь торжество «высшего разума» на тех этапах исторического развития, когда наука этому «разуму» противопоставить пока еще ничего не может. Одерживать Великие Победы на такой основе можно, а вот в Будущее не заглянешь, дорогу к нему не проложишь.

Построение убедительной, тем более «безошибочной», методики требует грандиозного целенаправленного труда, а, главное, выдержки и терпения. Иногда может и целой жизни не хватить. Высказанные вами же соображения о будущих событиях, их содержании и особенностях, могут годами оставаться всего лишь гипотезами, пока не превратятся в сбывшийся научный прогноз.

Если, конечно, превратятся. Скажу откровенно, я делал все, что было в моих силах, чтобы помочь людям, оказавшимся в руководстве

страны действовать успешно, не претендуя на ответную благодарность или признание.

Иными словами, прогностические «заповеди», которые легли в основу разработанной мной практической методики научного прогнозирования политических процессов, как и заповеди христианские, складываются из двух равноправных частей. Первая из рекомендаций, что можно и нужно, вторая – из предписаний, что не допустимо или категорически запрещено.

Ответ на вопрос, что рекомендуется в методическом смысле достаточно прост: позволено практически всё, что не запрещено. Проблемы начинаются там, где на этот счет нет полной ясности. А это в прогностическом смысле довольно обширная «заповедная зона», состоящая не столько из обязательных предписаний, сколько из добровольных «самоограничений», исходящих не из формальных запретов, а из соображений научной целесообразности или практической эффективности исследования.

Я лично для себя, без намерения кому-либо навязывать свои выводы и суждения, попытался сформулировать эти **«прогностические самоограничения»** в виде своего рода «правил», некоторые из которых опираются не только на мой непосредственный опыт, но и на «методические завещания» Д.И. Менделеева, к научному авторитету которого я отношусь с величайшим доверием и даже научным пидетом. Не попадись мне эти «завещания» в работах великого русского ученого, я бы сам до них никогда не додумался. Смелости наверняка не хватило бы. Подробнее об этом по ходу изложения ещё пойдет речь в запланированном «дополнительном уроке».

II. «Принцип прогностической градации». *Определившись с объектом исследования в соответствии с «принципом прогностического предназначения», следует сделать следующий шаг: действовать по «принципу прогностической градации».* Что в данном случае имеется в виду? Всё, представляющее перед нами, а тем более то, что даёт о себе знать лишь в предварительном порядке, непременно обладает опознавательными признаками и характеристиками. Вот их-то и надо зафиксировать.

Иногда это всего лишь намёк, лёгкий эскиз, контур или, как говорят поклонники мультипликации, «ёжик в тумане». В других – величественный монумент, многоцветное художественное полотно, широкоформатный фильм в голографическом формате. В методическом смысле всё случившееся, происходящее или только предстоящее заявляет о себе посредством **пяти опознавательных стадий**, а именно:

случайность – вероятность – тенденция – закономерность – неизбежность.

«Принципу прогностической градации» по сравнению с другими методологическими собратьями необыкновенно повезло. Он, пожалуй, единственный, которому посчастливилось быть сформулированным в стихах. Один из крупнейших российских поэтов Борис Пастернак поставил способность предвидения в один ряд с творческой гениальностью, а путь к её достижению сравнил с вдохновенным полётом мысли к намеченной цели. Вот как было об этом сказано:

**«Опять Шопен не ищет выгод,
Но, окрыляясь на ходу,
Один прокладывает выход
Из верить в правоту...»**

Перечисленные выше стадии научного предвидения в соответствии с научным **«принципом прогностической градации»** – это и есть по сути дела путь **«из верить в правоту»**. Обратите внимание, с обретением каких-либо **«выгод»** такой переход никак не связан, он **«окрыляет»** мысль...

Определение опознавательных признаков каждой из стадий и переход из одной в другую, **«из верить в правоту»**, определяется наличием, содержанием и объёмом причинно-следственных связей. На стадии **вероятности**, скажем, достаточно найти всего две-три узловые характеристики, в сочетании с сопровождающими их особенностями.

При переходе на уровень **тенденции** их число возрастает, скажем, до пяти. На уровне **закономерности** – до семи. В экспертном смысле, в зависимости от того, кому сколько признаков достаточно для опознания искомой стадии потребуется, на том каждый и остановится.

Далее практически любые шаги в соответствии с **«принципом прогностической градации»** будут приближать развитие прогнозируемого объекта или субъекта к **рубежу неизбежной реализации**. Это как в шахматном цуг-цванге, но наоборот.

Предъявляя прогноз, автор должен определиться, на какой именно стадии это делается. **«Принцип прогностической градации»** выступает в данном случае как бы организующим компонентом аналитического пространства, разбивая его на проектно-тематические блоки, на которые я в итоге и «расчленил» весь исследовательский прогностический процесс.

Один мой коллега из рядов политтехнологов сравнил выработанные мной на этот случай методические рекомендации с получившими в последние годы скандальную известность так называемыми **«Окнами возможностей Джозефа Овертона»**.

Считаю, основания для такого сравнения есть. Во всяком случае, концепция американского политтехнолога местами даже терминологически совпадает фактически с критериями, связанными с содержанием **«принципа прогностической градации»**.

Разница только в том, что мой подход основан на констатации объективных компонентов развития, а Овертон предназначает свои «окна» для целенаправленного внедрения «идей», но именно в той же последовательности, что обозначена мной.

То есть, логика действительно одна и та же, вот только предназначение разное. У меня – научное предвидение, у Овертона – практическое внедрение. Причем, обращаю внимание, на одних и тех же направлениях. Вот если бы кто-нибудь взялся объединить оба подхода в единое методологическое целое, я такую возможность вижу, мы бы получили в свое распоряжение не только научный прогноз, но и надежный инструмент его реализации. Увлекательная открылась бы перспектива...

В моих исследованиях динамика исторического развития России, отслеженная исходя из «принципа прогностической градации» через категории случайности-вероятности-тенденции-закономерности-неизбежности, непосредственно в моей авторской исследовательской практике сложилась в несколько самостоятельных Проектно-прогностических тематических блоков.

К первому Проектно-прогностическому блоку были отнесены материалы, относящиеся к исследованию коренных причин и объективных предпосылок политических перемен, наступивших в СССР с приходом к власти М. Горбачёва. Надежды, связанные с возможностью обновления КПСС и демократизации советской власти в процессе инициированной им «перестройки» развеялись очень быстро, появлялось всё больше признаков, что коммунистическая партия и советская власть теряют почву под ногами, а Советский Союз расползается по швам.

В итоге страна оказалась перед лицом полного политического краха и необходимостью искать новую парадигму исторического возрождения. Под воздействием общественных настроений, порождённых возникшей ситуацией, были написаны стартовые прогностические работы, не утратившие своего значения по сей день.

Во втором Проектно-прогностическом блоке оказались сосредоточены публикации, относящиеся ко времени либерально-демократического реформирования, которое я называю «десятилетием погони за неведомым». Страна в период с 1991 по 2000 гг. как бы задавалась целью воплотить воочию сказочную прибаутку, предписывающую

«пойти туда, не знаю куда, принести то, не знаю, что». Любые попытки что-либо предпринять в этом направлении формально мотивировались демократическими установками на построение более благополучной Новой России.

Но на поверку создание нового оборачивалось лишь разрушением старого, к наиболее убедительным прогностическим публикациям той поры я отношу статьи «Эх, недотёпы, человека-то забыли»,⁵ «Геннадий Бурбулис ведёт свою игру. На кон поставлена судьба страны и президента»,⁶ «Пора ломать судьбу, а не менять политиков»,⁷ «Кремлёвская распасовка»,⁸ «Ельцин на третий срок не пойдёт. Даже по приговору Конституционного суда».⁹

Третий Проектно-прогностический блок, почти полностью выпавший на время путинского президентства, в прогностическом сборнике, вышедшем в свет в 2005 году, назван «имитационно-стабилизационным». Все эти годы В. Путин очень умело делал вид, что глубоко озабочен судьбой страны. Я говорю «делал вид» не в упрёк, а, наоборот, в интересах очень важной аналитической констатации. В истории порой случается, что умение «делать вид» и есть самая серьёзная, для большинства людей, чаще всего, недоступная работа.

На рубеже 2000 года судьба России оказалась в такой ситуации, что её будущее зависело от того, будет или нет найден на роль лидера страны человек, умеющий не решать и управлять, а именно «делать вид». К поискам такого человека я, конечно, отношения не имел, это заслуга других людей, а вот от рискованной попытки разглядеть в нём будущего президента и публично сформулировать мысль о его функциональном политическом предназначении, отречься не стану.

Больше всего в этом Блоке главе я ценю две публикации первую публикацию, где идея о предстоящем имитационном цикле в процессе реформирования страны в главных своих компонентах, хотя и в аллегорической форме, но всё-таки уже была сформулирована в уже известном читателю прогностическом комментарии *«Отчизна – мать в предвкушении нового мученика. Досужие размышления о политической судьбе В. Путина»*.

Все последующие прогностические публикации о В. Путине и его политических превращениях и перевоплощениях попадали в цель

⁵ «НГ», 06.06.1992

⁶ «НГ», 30.11.1993.

⁷ «ЛГ», №45, 11.1997.

⁸ «ВЕК», №44, 11.1997.

⁹ «ВЕК», №5, 12.1997.

только потому, что в самом начале была угадана его ключевая политическая способность – умение соответствовать вызову времени. Нужен мученик? Будет мученик! Нужен защитник? Будет защитник! Нужен «могильщик»? И за этим дело не станет! Если человек доказал, что умеет «делать вид» в главном, можете не сомневаться, он умеет и всё остальное. Был бы запрос.

Четвертый Проектно-прогностический блок по времени охватывающий недавнее прошлое, время нынешнее и разумно обозримое грядущее, объединяет публикации, посвящённые обоснованию весьма неоднозначно воспринимаемой общественным сознанием идеи об утрате демократией своего управленческого потенциала и вытеснению её более эффективными механизмами принятия и реализации решений. На эту тему написаны десятки статей, высказаны сотни соображений. В прогностических сборниках от 1999 г. и 2005 г. «Глас вопиющего в пустыне...» и «Я знаю Who is Putin и что есть Россия» ей посвящены целые разделы.

Пятый Проектно-прогностический блок – дань моей главной прогностической идее – перспективам становления в стране системы народного самоуправления, где я, конечно, не посягаю на описание деталей и каких-то конкретных форм. Чаще повествование ограничивается указанием на несоответствие существующих организационных, нормативно-правовых, административных форм нашего существования фактической природе и запросам человеческого бытия. По сути дела, нынешняя книга «Уроки будущего», вместе с двумя предыдущими, – «Умение предвидеть. Как этому научиться» и «Практическая методика предвидения», – с моей точки зрения, подводят итог проделанной мной за минувшие четверть века проектной научно-прогностической работе...

Наведение арифметического порядка в прогностической работе имеет для меня очень важное методологическое значение, арифметика всюду, где она применяется, как говорил М. Ломоносов, мозги в порядок приводит. Подведение прогностических итогов в этом смысле не исключение. Аргументы и суждения, выстроенные в логической последовательности без всяких дополнительных ухищрений, начинают обладать гораздо большей убедительностью, чем просто сваленные в кучу.

Признаки прогнозируемого будущего на стадии случайности практически не обладают необходимой, доказательной чёткостью и неизбежно будут восприниматься, как некие гипотетические предположения, версии, фантазии. Даже в случае, если впоследствии выяс-

нится, что грядущее с первого взгляда было предсказано абсолютно точно. Но тогда всё равно эту заслугу спишут либо на интуицию, которая непременно присутствует в любом научном открытии, но это признаётся лишь задним числом, либо, что скорее всего, на угадывание.

Тем не менее, исследователю, посягающему на научное предвидение, любую целенаправленную попытку разглядеть в случайном закономерное каким-то образом надо обязательно зафиксировать. Это может быть публичное выступление, заметка в газете или журнале, даже запись в дневнике. Но об этом речь чуть позже в соответствующем разделе.

А пока нам ничего не мешает признать, способность разглядеть в случайном закономерность, а, быть может, и неизбежность, на самом деле, является величайшим научным достижением. Правда, как свидетельствует реальная жизнь, ожидать такого признания приходится десятилетия, а то и столетия. Пока предвидение ещё не сбылось, оно никому ничего не доказывает, а когда сбылось – в практическом смысле, к сожалению, кроме специалистов мало кого интересует.

В качестве хрестоматийного иллюстративного примера методического подхода к научному предвидению, прошедшему все опознавательные и доказательные стадии – от случайности до неизбежности, – может быть предьявлено открытие Америки.

Вероятность её открытия, по сути дела, появилась уже тогда, когда люди стали выходить в море, сначала на шлюпках, потом – под парусом. В стадию **тенденции** перспектива её открытия перешла, когда дальность морских походов серьёзно увеличилась благодаря усовершенствованию морских судов, возможности иметь на борту запасы питьевой воды и питания, умению и способности ориентироваться по звёздам и солнцу в открытом море.

В стадию **закономерности** открытие Америки перешло, когда в распоряжении морских путешественников уже были навигационные приборы высокого уровня, усовершенствованная картография, и как результат, – способность совершать трансокеанские рейды.

И, наконец, в стадию **неизбежности** – когда свидетельства о существовании т.н. «новой Индии» перестали восприниматься как сенсация. Перед Христофором Колумбом была поставлена задача – достичь этой неведомой земли. То, что роковые навигационные ошибки способствовали ускорению решения этой задачи и вывели не на «новую Индию», а на Америку, решающей роли не играет.

Они, как и любое другое исключение, подтверждают правило: в силу объективного стечения обстоятельств, расширивших зону **веро-**

ятности до закономерности, открытие Америки было уже не только неизбежно, но и **неотвратимо**.

В заключение раздела о принципе прогностической градации ещё одно замечание, связанное с воздействием этого принципа на сам творческий процесс научного предвидения. Любой претендент на научный прогноз

обязан либо предъявить убедительные доказательства, что случившееся для него никакой не сюрприз и не секрет, а лишь обойдённый по тем или иным причинам прогностическим вниманием ход, либо признаться, прежде всего самому себе, что в деле прогностической практики никакой он не «спец», а обычный дилетант, гадающий на кофейной гуще и пишущий вилами на воде.

Именно под воздействием требований, ориентированных на **«принцип прогностической градации»** я при накоплении эмпирического материала вышел на мысль о необходимости закладки на будущее своеобразного «провидческого» резерва, сформированного не по признакам непосредственной, а гипотетической актуальности.

Так, например, в **«Политическом журнале» №45** под рубрикой **«Специальный прогноз»** появилась на свет в 2004 году публикация с прицелом на их тематическую востребованность лет этак через шесть-восемь, а то и десять. Она называлась **«Президент милостью Божьей»**. В ней была высказана мысль, что *становящееся с каждым годом всё очевиднее падение партийного влияние и авторитета на состояние общественного мнения, должно было неизбежно привести к росту политической активности РПЦ и усилению её взаимодействия с Кремлем*.

Очень вероятно, этот фактор даст о себе знать. В практику российских выборов, особенно президентских, будет внедряться проблема, заостряющая внимание на взаимоотношениях власти и церкви. Причём, не с одобрения или поощрения самой церкви, а как бы ей вопреки, что заранее побуждает её со всем своим духовно-нравственным потенциалом и авторитетом встать на сторону электоральной креатуры Кремля.

В открытую это сделать РПЦ и её иерархи не могут, у нас всё таки не религиозно-фундаменталистское, а светское государство, где церковь и власть доктринально друг от друга отделены. Но, по сути, конечно же, прочно связаны. Это обстоятельство закономерно должно было привести к тому, что с обоюдного патриарше-президентского согласия, нельзя исключать и консультативной договорённости, в контексте президентских выборов из раза в раз будет не только появляться, но и усиливаться президентско-патриарший сюжет.

Подчёркиваю, приведённые выше рассуждения не сегодняшние, а пятнадцатилетней давности, когда идея о президентско-церковном сюжете предъявлялись всего лишь в ранге прогностической вероятности. Не более. Но реализация такой вероятности подтвердилась осуществлением вполне закономерных действий, как это случилось, к примеру, в истории с передачей РПЦ Исаакиевского Собора, в совместном решении столичных властей и руководства Церкви о строительстве в Москве 200 новых православных храмов и проведением некоторых других кремлевско-церковных массовых акций.

В методических целях считаю очень полезным ознакомить читателей с текстом обеих публикации «**Президент милостью Божьей**». Вот она.

«В первую ночь после президентских выборов-2004 Владимир Путин признался: о том, кто придет ему на смену, он начал думать с того самого дня, как только в марте 2000 г. занял президентское кресло. Присутствовавшие на полуночной пресс-конференции журналисты дружно хмыкнули, посчитав сказанное характерной путинской шуткой. Напрасно.

В такой стране, как Россия, пускать процесс перехода власти из рук в руки на демократический самотек было бы катастрофической ошибкой. У нас это, как свидетельствует опыт, ни к чему иному, кроме смуты и раздора, не приводит. Звездный час демократии остался в прошлом, а на первый выдвинулись задачи эффективного управления, решение которых присущий демократии механизм «сдержек и противовесов» обеспечить не в состоянии.

На рубеже 2000 г. радикальной модернизации была подвергнута сама система преемственности верховной государственной власти. Президентские выборы, в результате которых во главе государства оказался Путин, уже тогда ничего общего со штатно-традиционной демократической процедурой не имели. Они больше напоминали обычную практику династической передачи власти.

Выход на политическую арену нынешнего президента стал олицетворением радикальной качественной перемены – политика Кремля перестала быть импульсивной, обрела признаки предсказуемости, в ней стали прослеживаться закономерные причинно-следственные связи, появилась возможность говорить об объективной логике поведения российской власти.

Главная сложность в отношении оценки эффективности Путина состоит в парадоксальности его предназначения. На его долю, если судить по объективному содержанию исторического периода, когда

ему пришлось возглавить государство, выпала довольно странная роль: властвовать, но не править. Для перехода к созидательной деятельности не было ни сил, ни средств, ни кадров. Востребованной оставалась только одна роль – быть главным политическим мистификатором.

С точки зрения конкретного политического содержания смысл мистификационного цикла сводился к необходимости зачистки политического пространства. Прежние лидеры политических партий сникли сами по себе, их авторитет в глазах населения упал, реальное влияние представительных органов власти – Государственной думы и Совета Федерации – тоже.

Исполнительная власть в лице правительства и администрации президента тоже оказалась в роли пасынка. Обе структуры по инициативе президента были подвергнуты реконструкции, в результате которой, вместо того чтобы укрепиться в своем административном статусе, в глазах населения изрядно пострадали. На них стали смотреть как на нерадивых подручных, которые не столько помогают, сколько мешают президенту.

Президент эти настроения умело поддерживал, явно с прицелом на тот момент, когда и Думу, и правительство нужно будет «уронить» по-крупному. Когда именно пробьет роковой час, зависит от того, насколько продуктивно будет идти переформирование духовно-нравственной атмосферы общества.

Все нужно сделать таким образом, чтобы нынешний президент в результате как минимум не пострадал, а быть может, еще и выиграл. Но, чтобы это случилось, потребуется реализовать еще один проект, ничуть не уступающий по своим творческим параметрам проекту прихода к власти самого Путина. Существует ли такой проект? Не знаю, как на бумаге, а вот в жизни, судя по целому ряду признаков, предпосылки для его реализации начинают складываться.

Во-первых, в преддверии перехода России к новому этапу развития и перемены власти радикальной стерилизации подверглась партийно-политическая система страны. Очень серьезный урон понесли КПРФ, «Яблоко» и СПС. «Яблоко» и СПС вообще на этот раз в Думу не попали. КПРФ из ведущей думской фракции превратилась в «депутацию статистов». Вроде бы одержавшие победу «Единая Россия» и партия «Родина» сами себя поставили в такое положение, что соперничать с президентом оказались не вправе.

Во-вторых, не вызывает сомнения, что от серьезного участия в выборах, не только президентских, но и вообще любых уров-

ней, отсечено бизнес-сообщество. Власть никаких посягательств на свои права со стороны «денежных мешков» не допустит.

В-третьих, если бы предусматривалось, что президент-2008 будет избран по канонам традиционной демократической процедуры, то мы бы сегодня прекрасно ориентировались в списке реальных кандидатов на этот пост. Политического состязания «голова в голову», по тбилисскому или киевскому сценарию, хотя и на Западе, и в России есть силы, в этом весьма заинтересованные, у нас постараются не допустить. Отныне никакой другой политической победы, кроме безоговорочной, в России не будет.

Можно не сомневаться, что именно такую победу готовят и для преемника Путина. Но среди нынешних президентских сподвижников подходящей фигуры нет. Тогда возникает вопрос: что же это за проект, что за кандидат, которому на президентских выборах предстоит безоговорочно победить? И возможно ли это? Конечно, возможно. Ведь победил же Владимир Путин в 2000 г. Почему бы такому не случиться еще раз? Хотя ведь и задача стоит покрупнее. Нужно не только кандидатуру подобрать, но и страну к крутому повороту событий подготовить. От чего здесь отталкиваться, где и среди кого искать?

Страна и ее граждане стоят сегодня перед необходимостью не столько социально-экономического и общественно-политического, сколько морально-нравственного, духовного возрождения. Животворный источник нужно искать только там, где его люди сами ищут. А это сегодня – религия, вера, возвращение к нравственным и духовным традициям предков, историческим памятникам и реликвиям, вообще неразрывная связь времен. Никакой другой спланированной силы, кроме обращения к духовному наследию нации, абсолютно не просматривается.

Уверен, люди, отвечающие за концептуальное оформление полит-технологического проекта «Президент-2008», мыслят именно в таком ключе. Им совершенно ясно, что любое соперничество и состязание на поле политических инициатив не принесет желаемого результата. Никакие самые замечательные деловые и человеческие качества государственных и общественных деятелей симпатий к себе не привлекут.

Иными словами, в стране сложилась ситуация, когда приходится исходить из того, что на этот раз важнейшую политическую задачу по подготовке и успешному проведению выборов главы государства придется решать неполитическими средствами и методами, без

привычных схем и процедур, которыми обычно сопровождаются такого рода действия.

По этой причине нисколько не удивляет возросшая в последнее время активность православной церкви. Позиция церкви не только воплощает в себе конфессиональную приверженность нравственному идеалу, но и становится как бы воплощением национальной совести, центром притяжения здоровых сил.

Один мой старый и мудрый знакомый говорил: героизм – это порыв души, к которому себя надо готовить заранее. Действия православной церкви, в моем восприятии, и являются как раз тщательной и осознанной подготовкой к вызову времени, который потребует поведения, равного героическому.

Но если это понимает церковь, значит, должны понимать и другие наши современники. В том числе те, кто отвечает за формирование властных структур и концептуальное обеспечение государственной политики. Для них было бы очень кстати, если бы на будущего кандидата в президенты очень ненавязчиво, но вполне определенно указала церковь. Но сделать это будет нужно таким образом, чтобы выдвижение кандидата не выглядело венчанием на царство.

Соглашение о том, что богу богово, а кесарю – кесарево, должно остаться в силе. Важно, чтобы власть и церковь к решению этой исторической задачи шли одновременно с двух сторон навстречу друг другу: президент обеспечивал полное обновление политических элит, церковь в нужный момент помогла президенту подобрать подходящего преемника.

Достаточно дать ориентир, сигнал, выделить подходящего человека из общей массы. Скажем, такого, который при удачном стечении обстоятельств достойно себя проявил, продемонстрировал именно те душевные и нравственные качества, которые могли бы в нынешних условиях быть мобилизующим примером. Не удивлюсь, если имя будущего Минина или Пожарского нынешнему президенту уже известно. Вот только время для его явления народу еще не пришло.

Однако сценариев, как это может быть сделано, немного. Ведь речь в данном случае идет не о личности, способной управлять государством – подобрать кандидата даже на высший государственный пост не такое уж сложное дело, — нужно вдохнуть новые силы в само государство, вернуть ему доверие граждан, побудить их к сплочению вопреки существующему социальному неравенству, разноречивым интересам, политическим разногласиям и прочим претензиям, которых за годы реформ у людей к властям и к друг другу накопилось доста-

точно. И все это нужно сделать так, чтобы олицетворением процесса консолидации стала сама личность, чтобы люди «с первого взгляда» признали в человеке национального лидера. Пусть сначала морального, нравственного, а потом и государственного...

В прежние времена появление в России таких личностей всегда было связано с серьезной внешней угрозой, с посягательством, как сейчас принято говорить, на ее национальный суверенитет. Приводить примеры нет необходимости по причине их хрестоматийности. Похожий исторический контекст складывается в России и сейчас.

Общественное мнение уже воспринимает как данность то обстоятельство, что страна стоит на пороге новой отечественной антитеррористической войны, которая страшна не столько масштабами, сколько изнурительным психологическим гнетом. Поражающий эффект ожидания взрывов и диверсий оказывается гораздо разрушительней самих взрывов и диверсий.

Чтобы победить в любой войне, в том числе и войне антитеррористической, нужны герои. Если нет героев, не бывает побед. Тем более в войне, где речь идет не столько о силе оружия, сколько о силе духа. Спрос на появление героя «нового типа» становится в нынешней России, по сути дела, исторической потребностью. Появится он – появится и возможность не только победить в войне, но и разрубить тот гордиев узел противоречий и проблем, которые накопились в стране за минувшие пятнадцать реформаторских лет.

От кандидата на роль нового российского героя вовсе не жду героического самопожертвования по примеру Александра Матросова, Зои Космодемьянской, Николая Гастелло. Нынешнему российскому обществу нужен человек, внятно и убедительно сформулировавший мысль, способную стать своеобразным паролем народного сплочения, которая помогла бы людям избавиться от животного страха за свою жизнь и жизнь близких, убедить их в возможности не только противостоять терроризму, но и победить его.

Я связываю условия и момент появления такой личности с положением дел на фронтах антитеррористической войны. Заветные слова будут нести на себе именно ее печать. Это может быть сделано на каком-нибудь форуме, конгрессе или просто в СМИ. Абсолютно уверен, что первым «опознает» героя православная церковь, именно она укажет на него как на образец «праведной», то есть нравственно оправданной, борьбы с терроризмом. Если это попытается сделать кто-либо другой, есть опасность, что ему или им просто не поверят.

Вполне естественной как по форме, так и по содержанию должна будет выглядеть и та массовая поддержка, которая будет оказана церковью герою антитеррористической войны. Вовсе не исключено, что в его честь по всей России будет организован православный «крестный ход», в котором примут участие миллионы людей. И это тоже будет возможно только потому, что инициатором вывода на улицы и площади такого количества людей будет православная церковь.

Выводить сегодня на улицы и площади тысячи людей, не подвергая угрозе политическую стабильность, можно только с ее, церкви, благословения. Ее морально-дисциплинарный авторитет на сегодняшний, тем более завтрашний день помощнее административного ресурса будет. Это заведомо избавляет страну от внутренних распрей, политического противостояния, какими обычно сопровождаются массовые митинги и манифестации, если они проходят под политическими лозунгами.

События на Украине – красноречивый тому пример. Поэтому сценарий, в котором инициатором массовых акций и выступлений является церковь, а не представители тех или иных политических сил, выглядит гораздо предпочтительней, а главное – результативней для того же государства, от которого церковь как бы отделена.

Нельзя также забывать, что в арсенале нравственного воздействия церкви на сознание, чувства и поведение людей имеются такие уникальные средства, как знамения и другие чудеса. Нельзя исключить, что мы станем свидетелями какого-нибудь нового знамения, которое вмиг перевернет нашу жизнь и наши судьбы.

Я лично такого поворота событий вовсе не исключаю. Даже приветствую, поскольку он действительно способствовал бы реализации объективной потребности сплочения страны и людей, содействовал бы переходу России в новую, созидательную фазу развития. Чудеса проявляются именно в те моменты, когда в них есть потребность. Это – закон жизни».

Как это скажется на президентских выборах 2008 г.? Уверен, самым положительным образом. Хотя и повлечет за собой некоторые неизбежные переакцентировки на властном верху. Президентом при таком развитии событий, скорее всего, окажется человек, за которым избиратели признают не столько авторитет власти, сколько авторитет нравственного эталона.

(Правда, это произошло не в 2008-ом, а в 2018-ом, когда на состоявшихся президентских выборах за В. Путина проголосовало свьи-

ше 85 процентов российских избирателей, принявших участие в голосовании. Расхождение в сроках реализации высказанной гипотезы, вряд ли следует считать ошибкой. В прогнозе главное не точное попадание календарные даты, а неотвратимая реализация предъявленной в предвидении объективной логики причинно-следственных связей, ...В.Г.)

В результате Россия получит нового президента, активно поддержанного улицей, но это будет президент не от политики, а как бы божьей милостью. Этого сценария при всем старании никакими бархатно-цветочными революциями не перешибешь.

Что касается управленческих полномочий, то они совершенно естественным образом перекочуют к правительству (если для этого потребуются небольшие конституционные поправки, они легко будут произведены). А вместе с этими полномочиями из президентского кресла в кресло премьерское перекочет сам Владимир Путин...

Не уходит же, в самом деле, из государственной политики в расцвете лет полным сил, да еще с багажом такого уникального опыта, который он накопил за два президентских срока. В результате нынешняя президентская республика вполне может превратиться в премьерскую. У нас ведь не место красит человека, а человек место. Так что прямые, премьерско-президентские, и обратные, президентско-премьерские, «рокировочки» вовсе не исключены. Разница только в сценариях».

Не в 2004-ом, а в январе 2017-го, то есть через 13 лет, после высказанного предположения о неизбежной активизации политического взаимодействия между РПЦ и Кремлем мне пришлось уже не в прогностическо-гипотетическом, а в вполне актуально-деловом ключе комментировать этот процесс. Этим комментарием можно ознакомиться и сегодня в Живом Журнале «Желаю знать: что будет?» от 31 января 2017 года. Вот он.

«Это не отцы наши, а я всё перепутал. Теперь понял почему». Наблюдая за резонансом, который получило в общественном мнении совершенно необъяснимое на первый взгляд высказывание протоирея Дмитрия Смирнова, что церковь, если потребует, может вывести в защиту собственных прав на владение Исаакиевским Собором на улицы до миллиона людей, я трижды принимался за комментарий по этому поводу и трижды, хоть и с разных сторон, приходил к одному и тому же выводу: что-то во всей этой драматургии с передачей Исаакиевского Собора в собственность от государства РПЦ не так как в таких случаях должно было бы быть.

В формальном статусе Собора как православного храма это ничего не меняет. Православные миряне как почитали Собор одним из самых достойных святых мест, так и будут почитать, как приходили в него, чтобы удовлетворить свою потребность обратиться к Богу почти что напрямую, так и будут приходить. Ничего формальная принадлежность Собора, как объекта недвижимости государству или РПЦ, не меняет и в отношении к нему российских граждан как таковых, независимо то того верующие они или атеисты.

Храм как был, так и останется воплощением величайшего исторического наследия страны, нетленным памятником нашим духовным, культурным, архитектурным ценностям и патриотическим качествам и народа. Разве можно забыть, что в годы Блокады Исаакиевский Собор был олицетворением стойкости и мужества не только ленинградцев, но и всего Советского народа. Национальное достояние одним словом...

Всё это наводило на мысль: что-то в истории с Собором и особенно в том общественном ажиотаже, который возник вокруг него не так, как того требует нормальная человеческая логика. На виду то, что по сути не имеет никакого отношения к делу, а подспудно развивается какая-то интрига, содержание которой остаётся тайной, а конечные цели не ясными. На ум приходила только одна ассоциация.

Яблоко раздора. Ведь в той яблочной истории спор шел вовсе не о том, кому удастся насладиться вкусом и ароматом свежего плода. Суть была в другом. Тот, кто завладеет яблоком, будет провозглашен независимо то того, как на самом деле выглядит, «самым красивым» или «самой красивой», со всеми вытекающими из этого последствиями в смысле общественного признания, привилегий, влияния.

Но что может скрываться за жаркими спорами о передаче Исаакиевского Собора государством РПЦ, против которого никто на властно-правительственном уровне не возражает, соответствующее решение давно принято и нигде не собираются его пересматривать? Весь пафос общественной дискуссии, возникший по этому вопросу сводится лишь к одному: это должно быть сделано как можно быстрее, хотя для такой акции, имея в виду её масштабы и значение, и так предусмотрены весьма сжатые сроки – всего два года.

Куда ещё быстрее? Значит, смысл всего происходящего в чём-то другом, что до поры до времени должно остаться скрытым от людских глаз и понимания общественным сознанием. Значит, суть ответа состоит в организации самого по себе "кипиша", уж простите жаргонное слово. Что бы это могло быть?..

И меня пронзила мысль, от которой я пришел в оцепенение: а может, здесь началась борьба за расширение и увеличение политического влияния Церкви в российском обществе как таковом и конкретно РПЦ в его высших эшелонах. Это при Путине-то?! Политическая роль и влияние которого беспрецедентны, речь идет о 90 процентах рейтинга в общественном мнении. Это категорически невозможно...

А если не против Путина, не в пику ему, не ради соперничества и конкуренции, а в угоду, по его же просьбе и личном одобрении, даже "президентском благословении"...Если торопится не РПЦ, а сам В. Путин. Ведь времени у него для решения поставленной перед собой задачи в обрез... Что тогда? В этом случае, это должен быть уж очень коварный, фантастически изощренный план, где-то на уровне пойдти туда, не знаю куда, сделай то, не знаю, что...

Но это, как для кого. Я уже давно не только допускаю вероятность такого развития событий, но по сути дела часто и основательно пишу о развитии событий именно в этом направлении. В частности, в прогностических комментариях "Президентских выборов в 2018 году не будет" и "Вместо "ЗА" Путину, скажем "ДА" референдуму". В чем провидческая суть этих комментариев?

В том, что развитие России достигло тех идейно-политических и социально-экономических рубежей, когда прежние методы управления не дают необходимого эффекта, не обеспечивают выхода из цивилизационного системного кризиса, в котором оказалась сегодня не только Россия, а весь так называемый демократический цивилизационный мир. Все, что можно было сделать в функциональных рамках нынешней системы управления, было В. Путиным сделано. Он лучшее, что она могла на этот счет предложить. Отсюда и рейтинг в 90 процентов. Но и его продуктивный ресурс исчерпан. Будь этот рейтинг хоть сто процентов.

Мало сто, берите сто пятьдесят, всё равно дальше хода нет. Под диктовку требований объективных обстоятельств, с полным осознанием необходимости этого шага, хочешь не хочешь надо принимать решение о ликвидации поста президента, замены представительной демократии, худо-бедно с переменным успехом отслужившей свой век, на систему Народного Самоуправления. (См. Конституция России, Статья 3).

В этом контексте сразу возникает вопрос: каким образом будет обеспечена назревшим преобразованиям общественная поддержка. Ведь без неё не обойтись? На мой взгляд, здесь всё уже продумано и даже решено. Не случайно же В. Путин ещё в 2012 создал Всероссийский Народный Фронта, который сам и возглавил. Это было решение с дальним прицелом, на что я обращал внимание еще накануне 2010 года

в комментарии, в котором предсказывал появление в России именно такой организации.

Придет время и место Председателя ВНФ вполне можно будет считать равноценным посту президента, но уже не в качестве главы государства, а национального лидера. Но этого ещё недостаточно. На партии, с учетом того, что они неотъемлемая часть представительной демократии, и потому идейно и организационно разрознены, значит, и обречены на "политическое отмирание", как динозавры... Тут нужен другой политический союзник, желательна сплоченный и целеустремленный...

В этом контексте, я полагаю, у В. Путина вполне могла состояться строго конфиденциальная встреча с Патриархом Кириллом, на которой они обсудили шаги, которые в плане реализации намерений, если они, конечно, у В. Путина были, – я обращаю внимание, что все мои рассуждения всего лишь гипотеза, не более того, – следует предпринять. Наверняка сошлись на том, что Церкви вообще и руководству РПЦ, в частности, настало время поработать над повышением своей роли не только в духовно-нравственной, но и политической жизни страны.

Может быть, к случаю, вспомнили и об Исаакиевском Соборе, который, кстати, далеко не единственный из числа довольно обширного списка объектов недвижимости, которые государство наметило передать церкви. Это я так, без всяких подтекстов и намёков говорю, просто для сведения. Собор просто оказался самым удобным поводом для демонстрации активных шагов РПЦ по наращиванию своего влияния на общественную и политическую жизнь страны.

Кто-нибудь может себе представить, чтобы, такой по-домашнему уютный человек как протоирей Дмитрий Смирнов, без соответствующего согласования с кем надо, объявил, что церковь в свою защиту выведет на улицу до миллиона людей, а то и больше. И ведь не на Крестный ход, не во имя прославления православной святости, а в интересах обеспечения весьма прозаических по сути интересов церкви.

А вывод людей, да ещё большого количества на улицу, это всегда политика, порой и хозяйственная,- в определенных кругах "стрелкой" называется. Представьте себе не только ситуацию, а всего лишь формулировку: "Протоирей Дмитрий Смирнов "забил стрелку" Президенту Владимиру Путину", и сразу станет ясно, что ни Смирнов, ни РПЦ о таком и думать не могли.

Они, наоборот, давно настроены на то, чтобы всестороннюю поддержку Президенту оказывать. А получилось, вроде, как в самой церкви издавна говорят: "Заставь дурака Богу молиться, он и лоб рас-

шибет". Это я говорю не в упрек, протоиерею и вообще руководству РПЦ, а просто к тому, что их первый политический опыт сработать не на потребу моменту, не на сию минуту, а на перспективу, выглядел достаточно топорным...

Ну, а общий тон дискуссии, которая была вызвана словесной эскападой церковного руководства это вполне понятные издержки, как и совершенно нелепое Обращение питерских "ученых людей" с требованием ускорить передачу Исаакиевского Собора РПЦ. Впрочем, им то я как раз признателен, провозглашенный ими в своем Обращении мотив об ускорении процесса, который по сути дела ни в каком ускорении не нуждается и никому на самом деле не нужен, навел меня на все нынешние размышления и рассуждения...».

III. «Принцип прогностической интуиции». Применительно к прогнозу обращение к **интуиции** – требование коренное. На практике ни одна успешная попытка заглянуть в завтрашний день без интуиции не обходится. Но рекомендаций, где, когда, в каких случаях, каким способом призывать на помощь это уникальное провидческое качество встречать не приходилось. Мне во всяком случае. Все попытки разобраться в этом обычно заканчиваются там, где и начинаются: утверждением «интуиция» либо есть, либо её нет.

Энциклопедические словари свидетельствуют – интуиция является прямым выходом на истину без предъявления доказательств. В евангелистской литературе со ссылкой на высказывание Святого Петра указывается на важнейшее качество интуиции – спонтанный душевный навык «отделять хорошее от дурного». Сегодня я к сказанному добавил бы ещё три слова: «существующее от будущего».

На этом фоне рекомендовать заинтересованному читателю и даже профессиональному политику в попытках что-либо предсказать или предвидеть «активно пользоваться интуицией» смешно и даже глупо. Поскольку она либо сама даёт о себе знать, либо до неё, чем ни колоти, не достучишься.

До поры до времени я, естественно, тоже полагал, что вопрос об интуиции сугубо риторический. Точного ответа на него найти невозможно, а уж тем более обрести и научиться применять – вообще фантастика. Теперь я так не считаю. Готов даже утверждать, интуиция – качество природное, не только людям, но и всем живым существам присущее, жизненно необходимое, а главное – практически управляемое, подпадающее под действие законов весьма специфических, но вполне осязаемых.

Инстинкт самосохранения целиком и полностью основан на интуиции. Этого никто не станет отрицать. Иначе живые существа, прежде всего, конечно, имея в виду природу, а не людей, несли бы большие потери от разного рода бед, катастроф и катаклизмов, которые нередко принято называть стихийными.

Это для человека они стихийные, а вот живым существам инстинкт самосохранения даёт не только знать о надвигающейся угрозе, но и мобилизует на действия, запрограммированные самой Природой: куда бежать, ползти, как защищаться.

Изначально человек, как царь природы, тоже обладал весьма чувствительным инстинктом самосохранения. Чем, собственно, обеспечил себе высокую способность выживания и приспособления к крайне сложным природным и климатическим условиям. К сожалению, по мере удаления от природы, прежде всего, в интеллектуальном смысле, превращаясь в «человека разумного», роль инстинкта самосохранения не то чтобы уменьшилась, а скорее модифицировалась. Его стали больше заслонять потребности формирования государственных и общественных отношений.

В ходе таких процессов стали серьёзно меняться ключевые взгляды на жизнь, её ценности, долге и ответственности людей друг перед другом. Самопожертвование стало чуть ли не олицетворением высшей гражданской доблести, мужества и героизма. Даже самые высокие этические кодексы стали наводить на мысль, что есть вещи более достойные, во всяком случае, более дорогие, чем жизнь: Родина, свобода, любовь, дружба, тяжба. Из-за этого всего, люди не то, что друг друга, самих себя стали убивать...

В результате инстинкт самосохранения притупился, перестал сигнализировать об опасности. Для прогноза же, в том числе и научного, получение таких сигналов – острейшая необходимость. Коль уж возникновение интуиции на основе инстинкта самосохранения у людей деградировало под воздействием целевых предписаний, то под влиянием интереса к возвращению себе ощущений предчувствия возникла потребность в поиске адекватной замены.

Довольно долгое время найти её не удавалось. Однако, с течением времени выяснилось, что в резервах человеческого мозга существуют эффективные механизмы, действующие, как и механизмы самосохранения, на инстинктивной основе. В результате открылась возможность природную интуицию не только возродить на уровне прежде утраченной, но и превратить её в ключевой элемент научного познания, включая, естественно, и научное прогнозирование.

Оказывается, в мозгу человека, в его тайных закоулках и лабиринтах находится неврологический узел, обладающий природной инстинктивной способностью, не позволяющей нам обманывать самих себя. Очень скоро выяснилось, что такая способность несёт на себе не только этическую, но и познавательную нагрузку. Даже не разбираясь в сути событий или явлений, человек посредством подаренного природой мозгового опознавательного «чипа» получает инстинктивный сигнал, отделяющий зло от добра, хорошее от плохого, даже помогающий ответить на вопрос: чему быть, а чему миновать.

На использовании этой способности человека основана практика т.н. «полиграфов», или «детекторов лжи». В практическом применении такие аппараты появились уже десятки лет назад, но относились к ним скорее, как к аттракциону, чем надёжному научному прибору, до тех пор, пока не был достигнут уровень, гарантирующий безошибочную степень достоверности.

Теперь показания, полученные с помощью «детекторов лжи» (мне, однако, больше нравится термин «полиграф»), воспринимаются следственной и судебной практикой как реальные доказательства. Но ведь по сути дела такой прибор с более тонкой настройкой можно использовать не только в криминалистической, но и научной практике, скажем, для определения уровня зрелости интуитивного мышления. А, может быть, и его воспитания?

В продуктивности этой мысли меня убедил продемонстрированный 14 января 2015 года на телеканале «Культура» документальный фильм **«Движение радикальной честности»**. Два его участника – психоаналитик Александр Литвинов и авторитетнейший полиграфолог Валерий Коровин, – обмолвились, что в принципе применение «полиграфологов» не только для исследований прошлого, с целью определения меры ответственности кого-либо за уже случившееся, но и вообще исследование способности к принятию правильных решений, рассчитанных на реализации в будущем, возможно и даже желательно.

Технологические предпосылки для этого имеются. Не хватает только тщательно разработанных программ таких исследований. Как только нынешняя книга увидит свет, я обязательно постараюсь обсудить с ними эту проблему мною уже сформулированы, нужно только уточнить кое-какие детали.

Если такие программы появятся, то не только подбор кандидатов на посты президентов, министров, депутатов (*Россия по инициативе В. Путина такую программу в рамках Фонда президентских грантов уже «запустила»,...В.Г.*) и вообще так называемых «руководите-

лей», сильно упростится, но и станет гораздо предметней сам выбор будущего не только для того или иного человека, но и для каждой страны, а может и всего мира.

Однако, стоп: хватит подкрадываться, пора бы и прыгнуть. Как же практически обрести, простимулировать интуицию к научному прогнозированию вообще и к прогнозированию политических процессов, в частности? Как часто говорят популярные российские юмористы: «вопрос, конечно, интересный».

Беда – исчерпывающий ответ на него дать очень трудно. К сожалению, к методике применения **«принципа прогностической интуиции»** приходится относиться точно также, как и к самому ключевому понятию, в основном полагаясь на веру, но с обязательным учётом предъявляемых результатов.

Но если бы это потребовалось сделать в отношении себя лично, мой квалификационный коэффициент интуиции выглядел бы, полагаю, весьма прилично. Многие, во всяком случае, наиболее значительное из того, что произошло в стране за последние 20 лет, мне удалось предсказать довольно точно, хотя до поры до времени мне даже в голову не приходило заниматься научным прогнозированием политических процессов профессионально.

На эту мысль жизнь вывела меня гораздо позже, когда сам взгляд на неё, – то есть на жизнь, как таковую, – коренным образом изменился. Произошло это под влиянием обстоятельств, сугубо личных, на которых я останавливаться не буду, но о последствиях случившегося постараюсь рассказать подробнее. Это важно.

Применительно к прогностической практике иногда встречается термин **«коэффициент экспертной квалификации»**. К определению непосредственной прогностической точности этот коэффициент отношения не имеет, он лишь указывает на уровень профессиональной и научной успешности автора.

Если скажем, в прогностической практике эксперт в 50-ти случаях из 50-ти оказался прав, то уровень его квалификации можно считать 100 процентным, то есть абсолютно истинным. Рассуждениями на тему о практической пользе осуществлённых исследований я собираюсь завершить книгу. По-моему, это будет вполне логично.

Но это отнюдь не значит, что ошибка вообще невозможна. От этого не застрахован никто. Но всё-таки, степень вероятности прогностического огреха при высоком «коэффициенте экспертной квалификации» очень мала, практически ничтожна. На практике, насколько могу судить, никто специального учёта «коэффициентов экспертной квали-

фикации» не ведёт. Во всяком случае, на соответствующий запрос в Интернете я никакого ответа не получил.

Не встречало ответа и моё предложение совместно провести такую работу в целом ряде высших учебных заведений, где имеются кафедры политологии. Формально из-за трудоёмкости, а по факту из-за рискованности такой работы. Вся наша политология, а её содержательный стержень должно было бы составлять именно политическое прогнозирование, сервилна, то есть в основном обслуживает либо обладателей власти, либо структуры за неё борющиеся. Этим же, либо занимаются, либо этому обучают и вузовские кафедры.

Теперь представьте, что результаты обследования покажут, что вся российская обслуживающая политология, – **другой в России просто нет**, – окажется позорно низким. При скрупулёзном сравнении опубликованных политологических текстов с реальными процессами развития событий, это обнаружится непременно. И что? Прощай профессиональные рейтинги, авторитет, признание, зарплата, наконец.

Однако, я, кажется, отвлёкся. Обещал ведь рассказать об обстоятельствах частной жизни, приведших к решению заниматься политическим прогнозированием профессионально. События, о которых идёт речь, относятся к осени 1985 года, когда по неведомым причинам на близких мне людей, жизнью и благополучием которых я дорожил больше, чем своим собственным, обрушивались беда за бедой. И самое страшное, ничем помочь было нельзя, всё, что называется, было в руках Божьих.

Вот тогда меня впервые и посетила мысль: *«В выпадающих на долю дорогих мне людей бедах и испытаниях, наверняка, есть и моя вина? Ведь я же, как сын, муж и отец, несу прямую ответственность не только за их жизнь и здоровье, но и за выпадающие на их долю невзгоды и беды... Тогда и пути преодоления несчастий и огорчений искать следует именно мне. Прежде всего, надо попытаться установить, в чем же состоят мои собственные просчеты, ошибки, грехи, заслуживающие судьбоносной кары?»*.

Теперь, спустя много лет, могу с полной уверенностью сказать, в этой мысли, казалось бы, универсально благостной, практической нагрузки на себе не несущей, и был заложен ключ к преодолению возникших в ту пору проблем. Мир становится совершенно другим, более благоприятным по отношению к тебе и ко всем, кто тебе дорог, если начинаешь понимать, что несёшь нравственную ответственность за то, что с тобой и вокруг тебя происходит.

Этот вывод я сформулировал, конечно, гораздо позже, а тогда лишь принял решение коренным образом поменять всю свою повседневную жизнь. Перестать лукаво подстраиваться под обстоятельства, мириться с тем, что идёт в разрез с требованиями морали, нравственности, совести и справедливости. Очень скоро выяснилось, что всё это охватывает всего лишь одна краткая формула – «жить по правде». Правда – это единственное, что никогда и ни в чём этим высоким требованиям не противоречит.

Как только я это понял, а затем начал соответствующим образом себя вести, свершилось чудо: сгущавшиеся тучи над головой близких, стали развеиваться, а вот над моей собственной, наоборот, всё больше сгущаться. Но меня это уже скорее радовало, чем огорчало. Над кем же им ещё сгущаться, ведь я же Гушин. Значит, обязан разгонять сгущающиеся над головой тучи любым способом, вплоть до анекдотических.

В подробности углубляться не буду. Скажу лишь главное: живя, что называется, не по лжи, не только по большому счёту, но даже в быту и в повседневном общении, вдруг начинаешь ощущать, что опыт прежней жизни, вроде бы достаточно богатой и многосторонней, обретает новые черты. Окружающий мир начинает восприниматься совершенно иначе, чем это было прежде, и самое удивительное.

Скорость принятия правильных решений стремительно возрастала. Кто-то ещё не успел закончить фразы, а я ему уже готов крикнуть: не ври, всё обстоит совершенно по-другому. Теперь считаю, для людей, занимающихся научным прогнозированием безупречная честность и природная порядочность – качества профессиональные.

Не стану утверждать, что это были всегда приятные, радостные ощущения. Скорее ошарашивающие, порождающие тревогу на грани с паникой. В какой-то момент мне даже пришлось решиться на шаг, фактически перечёркивающий всю прошлую профессиональную жизнь.

Я пошёл к руководству, уверяю вас, очень высокому, и заявил, что утратил силы и способность заниматься порученным делом, прошу освободить меня от занимаемой должности. Причина? То, что я теперь думаю не совпадает с тем, что делаю. Служба была ответственная, ни дисциплинарных, ни психологических послаблений не предусматривающая.

Я ничуть не сомневался, существующий порядок давно себя оправдавший, из-за моих переживаний никто менять не будет. Его и не стали менять. Хотя в удовлетворении просьбы об освобождении от должности отказали. Предложив объём и содержание выполняемой

работы выбирать и определять самостоятельно, а не по распоряжению или служебному предписанию. Важно, чтобы результат был.

После этого, хотя и не сразу, дело пошло на лад. Причём, не с переменным, а стабильно нарастающим успехом. Стало появляться всё больше доказательств, что восприятие окружающего мира по критериям правды становится более точным и продуктивным. Не только в оценках того, что происходит, но и того, что только могло или должно было произойти.

На эту благодатную почву и упала мысль: не даёт ли о себе в данном случае знать качество, о котором ни то, что упоминать, а даже задумываться не приходилось. Любимый мною дотошный читатель уже, наверняка, догадался, речь идёт об интуиции. Вот было бы здорово, подумалось мне, если бы нарастающее ощущение предчувствия и предвосхищения происходящего удалось ещё и к профессиональному экспертно-аналитическому делу приложить...

Ухватившись за эту перспективную мысль, я стал фиксировать возникающие ситуации и обретаемые от них впечатления в кратких дневниковых заметках. Так родился первый личный «прогностический календарь». Постепенно эти записи навели на мысль о целесообразности систематизировать накопленный опыт, выработать принципиальные подходы в оценке перспектив событий, а затем разработать фундаментальную методiku действий, направленных не только на достижение намеченных целей, но и восприятие Будущего, как предмета научного исследования.

Примерно года три-четыре я кропотливо и тщательно накапливал эмпирический материал, анализировал не только содержание, но и целенаправленно формировал концептуальную составляющую публикаций, хотя бы слегка посягавших на научное предвидение или предсказание. Стараясь, прежде всего, самому себе доказать, что внутренние подсказки, идущие от интуиции, меня не обманывают, что на них можно полагаться не только в ощущениях, но и в научных суждениях.

Проделанная работа укрепила меня в намерении упорядочить выработку прогностических навыков, превратить их в единую системную цепь аналитического творчества, поставив на службу научному предвидению феномен подсознательных реакций, а именно, предчувствий, предвкусений, предвосхищений, на которые, собственно, и зиждется интуиция. В итоге все мои изыскания свелись «к трём источникам, трём составным частям» научной интуиции.

Первый – природный дар. Это талант и, может быть, даже экзотная гениальность, идущая, как и всякий талант, от Бога. Здесь говорить не о чём, либо есть, либо нет.

Второй – опора на знания истории, на собственный накопленный опыт, на умение отслеживать в цепи исторических событий не только внешнее сходство, но и глубинные причинно-следственные связи. Для этого во внутренней аналитической системе должна включаться программа, настроенная не на определение сходства и внешнего подобия, а совпадений по сути, даже при том, что сопоставляемые события могут выглядеть совершенно по-разному.

И, наконец, **третий** животворный источник и надёжная опора прогностической научной интуиции – это готовность и способность к аналитическому отторжению любой неправды, вранья и лжи, а главное – самообмана.

Надёжным испытательным аналитическо-прогностическим полигоном на период с 1985-го по 1990 год до стали для меня страницы упомянутого журнала «**Проблемы мира и социализма**». В личном качестве публиковаться в этом международном журнале было не принято, а вот в практической разработке проблем, предназначенных для авторских статей представителей партий, приходилось участвовать постоянно.

Так вот, в каждую такую разработку я старался обязательно заложить как можно больше прогностических сюжетов. Высшим методическим достижением того времени я считаю подготовку и проведение на страницах «ПМС» международного «круглого стола» на тему «Возвращение в завтрашний день», посвящённого 25-летней годовщине знаменитой «Памятной записки» Генерального секретаря Итальянской компартии Пальмиро Тольятти, о которой в нынешнем разделе ещё пойдёт речь.

И тема «круглого стола», его содержательная и организационная подготовка, всё это было плодом моей личной инициативы, о которой мне и сегодня приятно вспомнить. Сам повод проведения «круглого стола» как бы ушёл на задний план, а смысл развернувшейся дискуссии сосредоточился на проблеме, из чего собственно рождается политическое предвидение, какие формы может обрести, каким целям служить, чему научить, какой исторический след оставить.

Работа над этим материалом привела ещё разрозненные к тому времени в методическом отношении мысли в порядок, укрепила уверенность, что интуиция в научном отношении вещь реальная, а главное – продуктивная. Просто, нужно уметь ей доверять. Ну, и, конечно, проверять, проверять, проверять...

В контексте сказанного считаю необходимым упомянуть в одной связке сразу два события: так называемый Карибский кризис 1962 года, *(Реальных оснований для которого, как удалось на сегодняшний день*

установить, фактически не было, ...В.Г.), покушение на президента США Джона Кеннеди в 1963-ьем году и скандальную отставку с поста главы Советского Государства и Первого секретаря КПСС Н. Хрущева Долгое время считалось, что каждое из этих событий произошло независимо друг от друга, что у каждого из них своя история и свои тайны.

Однако моя личная судьба сложилась таким неожиданным образом, что мне пришлось радикально поменять точку зрения на этот «исторический дуплет». *Полагаю, рассказать об этом имеет смысл, именно в «подверстке» к «принципу прогностической интуиции», поскольку нечем иным, кроме «веления судьбы» выход на этот «исторический триумвират» в единой связке, – Карибский кризис, смерть Кеннеди и отставка Н. Хрущева, – я ничем объяснить не могу.*

В конкретном прогностическом смысле сюжет о Карибском кризисе мне прежде никогда предъявлять не приходилось. Просто на слово тому, о чем заходила речь, никто не хотел верить, а я, со своей стороны, в поиске доказательств абсолютно не видел необходимости. Для меня в этой истории всё заслонял сам по себе человеческий фактор событий, а не связанные с ним обстоятельства. В том круге участников и отношений, в которых я оказался, всё было настолько реально, что даже возможности появления сомнений не предполагалось.

Бывают невероятные события, которые нельзя выдумать. Фантазии не хватит. И только совсем недавно, независимо от меня выяснилось: всё, о чем пойдет речь, абсолютно достоверно при том, что остается в полной недоказуемости, поскольку документов никто не предъявляет. Да и не предъявит, скорее всего, никогда.

На долю нашей семьи, оттуда и сведения, выпала тяжелая ноша. Рассказываю по самой упрощенной схеме, из экономии места, опуская интереснейшие детали. В 1962 году мой отец Гушин Виктор Федотович, к тому времени подполковник, участник войны, служил в Центральном Управлении ВВС, в ближайшем окружении Маршала Авиации В. Вершинина. Насколько я знаю, на протяжении всей своей жизни, отец был воплощением профессионализма, долга и чести. После увольнения из военной авиации в запас он еще долгие годы работал в КБ Чаломея, после смерти Королева фактически возглавившего отечественное ракетостроение.

Отец на «Фирме» отвечал за научную организацию труда. В ту пору мне было трудно об этом судить, но по опыту общения с его коллегами, мы все жили по соседству, я знал, что в деле организации работы, включая делопроизводство, а речь в данном случае шла об обороте конструкторско-проектной документации, а не канцелярских бумаг, отцу не было равных. Тайна, о которой мне предстоит рассказать, именно с таким видом работы и связана.

Помню день, приходящийся как раз на самое начало Карибского кризиса, когда отец пришел домой гораздо позже обычного, сильно встревоженный. Вообще-то он был человеком крайне уравновешенным, даже флегматичным. А тут прямо лица на нем не было. На мой вопрос, «что случилось», буркнул что-то невнятное и прямо на кухню, или как говорили в нашей семье, «на женскую четвертинку».

Отец с матерью, помимо того, что были супругами, сильно дружили, как это принято в авиации. Ведь они познакомились в аэроклубе, во время парашютных прыжков. В феврале 1941 года, на День Красной Армии поженились, отец с первого дня войны оказался на фронте. Маму тоже призывали. Она должна была служить в полку Марины Расковой, беременность помешала. В марте 1942 года родился я. Мама в добром расположении духа всегда шутила: «Это из-за тебя я не стала героиней, а только мамой». «Зато героической», стандартно отвечал я. Это у нас называлось «Обменяться паролками».

Мне важно об этом рассказать потому, что ситуация оказалась сугубо драматургической, развитие которой надо представлять себе в деталях и лицах. Я не должен был ничего слышать из того, о чем говорили родители. Они до конца своих дней, конечно же, догадывались, что мог слышать, но сами об этом не спрашивали. Они в тот вечер шептались друг другу на ухо так, как шепчут на сцене Малого театра: на галёрке слышно. Во всяком случае, до тех пор, пока разговор продолжался на кухне, я был в курсе того, о чем шла речь.

Отец получил задание провести ревизию документов, связанных с отправкой ракет на Кубу. На руки всё выдавалось под расписку, каждая бумажка на строгом учете. В распоряжении оказалось несколько папок, прошитых, пронумерованных, после каждого просмотра проштемпелеванных, так что в случае появления даже мельчайших помарок или, наоборот, «подчисток», вообще любой дефект или несанкционированное вторжение, тут же обнаружится, кто к папкам прикасался или вносил изменения, делал поправки.

Проблема состояла в том, что «прореху», которую обнаружил отец, можно было выявить только при определенном сочетании полученных на руки документов. Ни одна конкретная папка, взятая порознь, обнаруженной информацией не предоставляла. Как они до этого перетасовывались, в тогдашнюю докомпьютерную эпоху установить было практически невозможно. А установив, следовало прийти в ужас и объявлять всеобщую боевую тревогу. Ставить всю страну под ружьё.

Одно из двух: либо случилась губительная оплошность, либо против страны совершена невиданная и неслыханная диверсия. Ракеты были доставлены на Кубу в неверной комплектации. Подмена или случайная оплошность была мизерной, но в результате боеспособность ракеты утратили

полностью. Советский Союз этими ракетами американцев начал пугать, а они, оказывается, из себя никакой угрозы не представляют. Всего лишь «кукиш в кармане». Узнай об этом американцы, неминуемо произойдет неслыханная катастрофа, страна окажется на грани гибели!!!. Смысл случайно обнаруженной моим отцом тайны, состоял именно в этом.

Как быть?! В руках моего отца по сути дела оказалась не только судьба советско-американских отношений, мировой политики, пожалуй, что и мира как такового. Философский гамлетовский вопрос «Быть или не быть?» в новой ракетно-ядерной версии «**Докладывать или нет?**», превратился, с одной стороны, в глобально-политический, а с другой, – в лично-семейный. Но по накалу страстей «действующих лиц» вполне шекспировским. Это помню до сих пор. Большого стресса, чем тогда, я в жизни не переживал.

Фразеологический оборот, довольно распространенный в то время, «держат судьбы войны и мира в своих руках», совершенно неожиданно-негаданно для моих родителей, вообще для нашей семьи, обрел вполне конкретный смысл. Тогда и я впервые зафиксировал в своём сознании мысль, что прямо на моих глазах, хотя и без моего непосредственного участия, решается мировая проблема, значит и я за всё происходящее в ответе, если не прямо сейчас, то вообще по жизни.

Я, конечно же, заранее знал, что меня к обсуждению, тем более решению возникшей проблемы не привлекут, и где-то в тайне был этому рад. Ставя себя на место отца, спрашивал, какой бы я сделал выбор, и не находил ответа. Вариант, что полученные отцом сведения, могут оказаться всего-навсего «должностной проверкой на вшивость», – «Доложишь? Молодец. Не доложишь? Разгильдяй, и может быть, даже враг», – сразу отверг.

С такой практикой в нашей семье были хорошо знакомы и отлично понимали, как подобная провокация может выглядеть.

Мой дед, Васильев Матвей Васильевич, к тому времени он был еще жив, заканчивал службу в Вооруженных Силах в звании полковника, в должности Начфина Генерального Штаба, поэтому сам такого рода проверкам подвергался неоднократно. Да, что греха таить, и своих подчиненных аналогичным способом на «добросовестность, аккуратность и бдительность» проверял. Тогда такое считалось обычным делом, не раз аналогичные «эпизоды», называемые между нами «мякиной», обсуждались дома за обеденным столом.

В варианте с документами, оказавшимися в руках отца, такая провокация была заведомо исключена. На её изготовление и организацию потребовалось бы столько знаний и умений, столько времени и людей, всего лишь для того, чтобы уже в сотый раз убедиться в надежности человека, прошедшего через самые тяжкие испытания. Вряд ли это было возможно и необходимо.

Да к тому же профессионал такого уровня, каким был отец, любую «липу» распознал бы с первого взгляда. Здесь же он воспринял случившееся всерьез. Без каких бы то ни было скидок на случайные, тем более «намеренные» ошибки или стечение обстоятельств. Реальность и достоверность сведений, почерпнутых не столько из содержания документов, сколько из их сочетания и сопоставления, сомнений не вызывала и оказалась доступной отцу именно в силу его высочайшей квалификации.

Чем руководствовался отец, принимая решение, не знаю до сих пор, но уверен, и теперь это подтвердилось, он об обнаруженной «информационной мине», способной привести к тягчайшим вполне предсказуемым последствиям, никому не доложил. Я в этом уже тогда убедился. Пока горячее дыхание Карибского кризиса через теле- и радиоприемники долетало до нас, напряжение в доме не спадало. И только после того, как по тем же «приемникам» протрубили «отбой», мы все с облегчением вздохнули. Пронесло.

А ведь «пронесло» только потому, что у отца в ту пору хватило мудрости и мужества переступить через формальное понимание «офицерской чести и долга», которым он всю жизнь служил верой и правдой. Он включил мозги, а не просто взял под козырек. Я это понял уже потом, размышляя о случившемся, непосредственно с отцом об этом даже не перемолвились.

Только с мамой, уже после его кончины, разговор был, но сбивчивый. Она до конца жизни так и не разобралась, о чем можно сказать, а о чем следует молчать даже под пытками. В ней воинская советско-патриотическая закалка, видно, засела навсегда. Такое было поколение. Порой на них в мирной жизни выпадали испытания, похлеще, чем на войне.

В конечном итоге, всё пришлось додумывать самому. В уме было перебрано множество вариантов, но сводилось всё в конечном итоге к одному: докладывать не имело смысла, не только под гнетом долга, но и под страхом смерти. Сразу по нескольким причинам. Остановлюсь лишь на двух, важнейших.

Первое. Американцы к возникшей ситуации никакого отношения иметь не могли. Если бы инициатива исходила от них, если бы они были причастны к закладке «информационной мины», что было бы величайшей диверсионной акцией тысячелетий, даже всех времен и народов, то наверняка в той крайне обострившейся обстановке, возникшей в период Карибского кризиса в отношениях с Советским Союзом ситуацией, воспользовались бы.

И потом не стали бы более полувека молчать, не сняв на эту тему, чего-нибудь голливудского, что-нибудь вроде «Звездных войн», «Армагеддона», «Зеленой мили», а то и покруче. Американцы же молчат до сих пор, как воды в рот набрали.

Второе. Значит, не на американцев этот «сюжет» играет, не на них сработал. Значит «концы», точнее «исходник», карибской ракетно-ядерной

«авантюры» нужно искать на нашей стороне. Это следовало из содержания и характера документов. Ниточка от всего «диверсионного клубка», мама мне на это намекнула, тянулась на самый верх.

А это для моего отца могло означать только одно: с нашей стороны не было и не могло быть предательства, речь могла идти только о сверхсекретной тайной операции невиданных масштабов, скажем, для того, чтобы использовать ракеты лишь в качестве мнимой, точнее декоративной, угрозы, которую распознать было бы невозможно даже в упор. Без намерения пускать их «в дело», что бы ни случилось.

Вполне разумно. Не вывозить же ракеты, да ещё с ядерной «начинкой» за океан в полном боевом оснащении. Отец, совершенно неожиданно для себя оказался к этой строжайшей тайне причастным, и как опытный офицер, служивший в годы войны штурманом в полку авиационной разведки, сразу понял: даже малейшим сигналом о своем «открытии» он может не только себя погубить, к этому ещё в годы войны успел притерпеться, можно было нанести невосполнимый урон крупнейшему за всю мировую военную историю полководческому стратегическому замыслу.

Вот если бы отцовские мозги, да тогдашним советским государственным мужам да армейским генералам, под фуражки и шляпы, в облысевшие и поседевшие головы. Но оказалось, что при одинаковых исходных данных, они, эти головы, пришли к совершенно иному решению.

Если не ошибаюсь в дате, в конце 2014 года из телепередачи «Момент истины», совершенно случайно узнаю «сенсационную» новость. Оказывается, в советско-партийном и армейском руководстве как раз в связи с надвигавшимся Карибским кризисом возник серьезный разлад по вопросу ввязываться или нет в прямое противоборство с США.

Н. Хрущев и еще несколько верных ему партийных функционеров, рвались в бой, военная элита, фамилии повторять не стану, в союзе с конгломератом высших чинов из КГБ и других спецслужб, всячески этому противились, полагая, что нагнетание напряженности с помощью размещенных на Кубе ракет неминуемо приведет к войне, которую они считали не только губительной, а вообще недопустимой. Убедить Хрущева отказаться от намеченных планов не удавалось.

Тогда была осуществлена невиданная доселе тайная операция: советские спецслужбы при согласовании своих действий с военным руководством страны вступили в прямой контакт с американскими спецслужбами и предложили оперативно и конфиденциально обмениваться важнейшей информацией по вопросу об обеспечении взаимной безопасности и предотвращению назревающего военного конфликта. Мысль, здравая, вполне в духе Штирлица, вот только додумать её до конца не сумели, а, может, не

захотели. Такой вариант я бы тоже исключать не стал. Он бы оказался вполне в духе нынешнего времени. Рыночный...

В установлении необходимых контактов и налаживании каналов связи участвовал, как следовало из телепередачи, полковник Пеньковский, который для этого был превращен в так называемого «двойного агента». Судебный процесс над ним, люди постарше, которым лет за шестьдесят, наверняка помнят.

В телепередаче намекнули, что с «подачи» своего бывшего начальства Пеньковский воспринимал суд как инсценировку, потому и смертный приговор встретил спокойно. История с кубинскими ракетами в суде не фигурировала, как бы еще раз давая Пеньковскому возможность понять, что действительно серьезные акции, в которых он замешан, остаются в тайне, значит, и опасаться за исход суда нечего.

О том же самом во время тюремного свидания ему сообщила жена. Рассказала она также о помощи, которую оказывают ей и их детям бывшие коллеги Пеньковского, вплоть до подготовки отъезда всей семьи за рубеж, в Америку. О семье и детях, вроде бы действительно позаботились, а Пеньковского всё-таки расстреляли. Видимо он слишком много знал, из того, чего живым знать не следовало.

В итоге в тайной советско-американской операции всё свелось к передаче непосредственно в руки президента США Д. Кеннеди важнейшей стратегической информации и сведений о действиях советской стороны, направленных на «нейтрализацию» военных приготовлений. До сведения Президента США было доведено, что размещенные на Острове Свободы ракеты небоеспособны и непосредственного участия в боевых действиях не пригодны.

Все это делалось под гарантию со стороны США ни в коем случае не прибегать к использованию ракетно-ядерного оружия против советской ракетной базы на Кубе и вообще против Советского Союза. Планета от мировой ракетно-ядерной войны вроде бы была спасена. Вот только способ «спасения» каким-то не очень нехорошим душком отдает.

Именно поэтому я не исключаю, что как подоплека покушения на Д. Кеннеди в 1963-ем году, которое до сих пор связывают с участием ЦРУ, так и причастность КГБ в подготовке и проведению скандального октябрьского Пленума ЦК КПСС, приведшего к свержению Хрущева, на самом деле могли иметь место по самой банальной причине. Надо было замести следы. Иногда это приходится делать и в историческом смысле...

Как-то уж слишком легко представители высших политических и военных элит, лидеры двух великих держав, до шпионского уровня докатились, вместо того, чтобы благоразумно обо всем, что с помощью шпионской интриги было достигнуто, на основе здравого смысла договориться.

Хотя бы для того, чтобы туда-сюда ракетно-ядерный хлам через океан не таскать.

Общий тон телепередачи, из которой я узнал подоплеку Карибского кризиса в совершенно ином ракурсе, чем она выглядела в размышлениях об отце, был тоже какой-то двусмысленный. С одной стороны, вроде бы замечательно, что ракетно-ядерную войну предотвратили, но с другой, зачем тогда в её «нутро» влезали, с третьей, – похвально, что в ближайшем окружении Хрущева нашлись люди сумевшие, противопоставить его агрессивнo-волюнтаристскому норову, стремление предотвратить угрозу войны.

Но, в-четвертых, наконец, почему не нашли способ сделать это как-то иначе. Пусть обманом, пусть с подвохом, пусть из-за угла и под прикрытием, на войне как на войне, но без предательства. Я больше, чем уверен, американцы не заикаются об этой истории только потому, что понимают: даже у предательства должны существовать границы, которые ни при каких обстоятельствах переступать нельзя. Вот и не хотят хвастаться, что таким «беспредельным» предательством воспользовались.

14 августа 2014 года моему отцу Гущину Виктору Федотовичу исполнилось 100 лет. Я достал из семейного альбома его фотографию в поношенной гимнастерке, с двумя медалями, – «За отвагу» и «За боевые заслуги», и двумя орденами – «Красной звезды» и «Отечественной войны». На обороте снимка натренированной штурманской рукой четко написано: **«Инстербург. Восточная Пруссия. Фото в день победы»**. Я не ошибся, оба слова, «день» и «победы», написаны с маленькой буквы. Воевать и побеждать было его работой, и он, судя по фотографии, праздника ещё не успел почувствовать.

Это уже потом стали произносить эти слова с пафосом и с большой буквы писать. В те края, где отец фотографировался, День Победы уже пришел, а война еще продолжалась. Поэтому и лицо совершенно не радостное, даже улыбки нет, глаза уставшие, гимнастерка помятая, на плечах тряпочные капитанские погоны и медали косо повешены. Видно, на груди появились только для того, чтобы перед фотоаппаратом при полных регалиях предстать.

14 августа фотографию отца поставил на стол, налил полстакана спирта из бутылки, что хранится дома в медицинских целях, выпил залпом, чего вообще никогда прежде не делал и поблагодарил его за то, что научил смотреть на всё, что происходит вокруг прямо, честно, с умом. Не словами научил. Он был крайне неразговорчив, а выступать публично вообще стеснялся. Жизнью своей научил.

В каком мудрёном «военно-политическом ребусе» сумел правильно разобраться, даже в мыслях, не нанеся ущерба ни собственной офицерской чести, ни человеческому достоинству и авторитету «отцов-командиров» в маршальских погонах?! У него было достаточно оснований считать, что

его «на вшивость» проверяли. Не доложит, могли на следующий день к «стенке поставить».

Так что, не сообщая о «находке», отец жизнью рисковал. В честность своих командиров свято верил. Выходит, они его предали. Сообщил мой отец тогда о сделанной им находке, они бы, я в этом уверен, тут же распорядились бы о его ликвидации. Он же в их «патриотизм» верил, до самой кончины о них по-доброму думал, их верность воинскому долгу и армейской присяге под сомнение не ставил. Даже нашел их предательским действиям разумное объяснение. Более того, сам себе доказал их военно-стратегическую целесообразность.

А ведь, согласитесь, повод, заподозрить командование в предательстве, конечно же, был. В отцовских предположениях, которыми я сегодня руководствуюсь, полководческий смысл присутствует, а вот в тогдашних высочайших решениях и действиях государственных мужей и воевод, на мой взгляд, в отличие от телевизионного «Момента истины», нет.

Ни мудростью, а трусостью и шкурничеством отдает. Чтобы предать и не проиграть, много ума не надо, вы эту возможность своим предательством у противника выкупили, а вот без предательства победить, это уметь надо. Мой отец наверняка сумел бы, будь он жив в свои сто лет...

Дивертисмент: «две тайны в одном флаконе». У рассказанной выше истории, о «Карибском кризисе» в кавычках, не знаю, как точнее сказать, было или есть, продолжение, не менее, а может еще более таинственного свойства. Оно связывает уже рассказанную историю, с историей, только предназначенной к оповещению, в единое целое. Я вышел на эту констатацию, практически только работая над нынешним очерком, долго выбирая, на котором из двух сюжетов остановиться.

До этого оба они, с учетом их фантастического политического накала, прекрасно существовали порознь. Поначалу остановился на Карибском кризисе только потому, что для его публикации возникли более благоприятные актуально-информационные обстоятельства, почерпнутые из телеэфира. Публикацию второго о «Памятной Записке Пальмиро Тольятти» отложил «на потом».

Тем более, что в отношении него, мне всё время продолжало чудиться: чего-то здесь не хватает. Потом вдруг понял, – предыстории, вот чего. А предыстория эта уже давно у меня в руках. Она в том самом Карибском кризисе, над которым работаю. И если взглянуть на оба события, о которых идет речь под углом зрения характера и масштабов их взаимосвязанности и взаимосвязанности, да еще добавить к этому абсолютно совпадающий персональный состав участников, то оказывается: я имею дело не с двумя разрозненными событиями, а с разными фазами одного и того же, где, первое – предыстория, а второе, – общий итог и конечный результат для обеих фаз.

Суть **первой фазы** в двух словах: острая политическая коллизия, возникшая в государственном и партийном руководстве СССР между двумя разными подходами к острому кризису в советско-американских отношениях, грозящему перерасти в прямое вооруженное противоборство из-за размещения советских ядерных ракет на Кубе.

ПЕРВЫЙ ПОДХОД, назовем его условно, агрессивно-политическим, возглавил Н. Хрущев, действуя практически в одиночку, в характерной для него манере «агитатора, горлана, главаря», отстаивал *непримиримую классовую позицию: «добиваться своего до конца, не взирая ни на какие угрозы».*

ВТОРОЙ ПОДХОД формировался высшим *военным руководством страны, включая Министра Обороны Р. Малиновского, Маршала Авиации и ракетных войск В. Вершинина, дуэтом руководителей КГБ А. Семичасного и Н.Шелепина, других ключевых представителей ВПК. Здесь возобладал военно-технократический «примиренческий настрой», стремление к достижению компромисса, предотвращению прямого ракетно-ядерного столкновения между СССР и США.*

В результате возникла парадоксальная ситуация: принятое решение оказалось расчлененным на две несовместимые части – политическую и военную. Н. Хрущев, мобилизовав весь свой эмоционально-харизматический потенциал «революционера из народа» настоял на том, чтобы ракеты были размещены на Кубе «в полной боевой готовности», «во исполнение интернационального долга», военные и спецслужбы со своей стороны, сделали всё, чтобы эту «боевую готовность» нейтрализовать.

Дело дошло до неслыханного и невиданного взаимодействия между военным руководством и спецслужбами обеих стран, США и Советского Союза, с целью не только фактической нейтрализации ракет, но и агрессивной политической активности Н. Хрущева.

Ключевая «фишка» это грандиозной военно-политической интриги состояла в том, что от начала Карибского кризиса до самого конца, Н. Хрущев о «миротворческом предательстве» военного руководства страны ничего не знал, в то время как президент США Дж. Кеннеди был информирован обо всем «по полной программе». Даже двум: советской и американской. Для Хрущева суть случившегося открылась, надо полагать, гораздо позже, но обязательно. Наверняка нашелся, «информатор», донес. Как же без этого...

В итоге Карибский кризис сошел «на нет», прямое вооруженное ракетно-ядерное столкновение предотвращено. Пока широкой общественности, оставалось неизвестным как это было сделано, исход считался позитивным. Теперь в свете новых обстоятельств, мнение на этот счет, может оказаться не столь однозначным. Прежде всего, с учетом последующих

событий, связанных с отстранением Н. Хрущева от всех партийных и государственных постов на Октябрьском 1964-го года Пленуме ЦК КПСС.

До работы над очерком «Карибский кризис и Октябрьский Пленум», не смотря на мою «самохвальную» интуицию в единое целое не связывались, а благополучно себе существовали порознь. Там советско-американский ракетно-ядерный конфликт, здесь внутривластная интрига со скандальной отставкой «первого лица государства».

Но если задуматься, начинаешь понимать, не могла «карибская история» пройти бесследно для внутривластной ситуации, без «выяснения отношений» между Н. Хрущевым и его оппонентами из рядов политического «генералитета» и «маршалской» элиты.

Во втором захватывающем сюжете, пока что инкогнито присутствующем в повествовании, речь как раз идет о намерениях Н. Хрущева дать «жестоким бой» всей партийно-государственной и военно-промышленной советской верхушке. Но главный для меня вопрос оставался без ответа: **почему Н. Хрущев, собираясь фактически вступить со своими «обидчиками» в смертный политический бой, действовал практически изолированно, что называется «один против всех», даже не пытаясь обрести соратников и союзников, найти поддержку в силовых структурах и в армейском руководстве?** То есть, именно там, где он её получил накануне XX съезда КПСС, выходя на него с программой разоблачения «культы личности И. Сталина».

В контексте того, что рассказываю, вспомнилось одно из телевизионных выступлений Евгения Евтушенко. Он вспоминал об одной из личных встреч с Н. Хрущевым как раз незадолго до его отстранения со всех постов. В частности, с недоумением обратил внимание на то, что Н. Хрущев совершенно неожиданно, практически вне связи с темой разговора, вдруг сказал: **«Скоро мы вообще распустим Коммунистическую партию, она свою роль сыграла, а коммунистическим объявим весь советский народ»**. Евгений Евтушенко списал это намерение на счет «фантастического полета» мысли тогдашнего советско-партийного лидера. А зря...

Мыслил Н. Хрущев в этом направлении «чисто конкретно». По всей видимости, он рассчитывал произнести эту фразу непосредственно с трибуны пленума в присутствии двух авторитетнейших партийно-политических деятелей Европы, их имена назову чуть ниже, и тогда никакие союзники и единомышленники ему не понадобились бы. Хрущев полагал, что в таком случае на его сторону «встанет весь советский народ».

Стратегическая мысль вполне в духе хрущевского спонтанно-волюнтаристского мышления. А ведь могла сработать... Он не к свержению коммунизма собирался призывать, а выступал за приобщение к нему «всего советского народа». **Идея «перестройки» – «народ против пар-**

тии» могла сработать на двадцать лет раньше. На пленуме Хрущева даже к трибуне не подпустили...

Ответ на тремя ступенями выше поставленный вопрос, выделенный жирным шрифтом, не скажу, что получил, он сам родился из симбиоза двух информационных пластов, связанных с уже раскрытой тайной Карибского кризиса с не менее загадочной историей появления 10 сентября 1964-го года, всего за три недели до Октябрьского пленума ЦК КПСС в газете «Правда» «Памятной записки» Генерального секретаря Итальянской Коммунистической партии Пальмиро Тольятти.

Так уж случилось, пусть скептики, сомневающиеся в том, что сама судьба мне покровительствует, усмирят свой скептический пыл: секрет взаимосвязи уже известных читателям Карибских событий с тайным умыслом «Памятной записки» П. Тольятти, было предназначено установить и раскрыть именно мне. И никому другому.

Во-первых, судьба заведомо вывела меня на непосредственное знакомство с людьми, хорошо помнившими и даже непосредственно общавшимися с П. Тольятти. В 1974 году за активное участие в подготовке документов для предстоящего Съезда советских профсоюзов, ВЦСПС тогдашнему: Отчетного доклада, проектов ряда постановлений, выступлений зарубежных гостей, меня поощрили путевкой в тот самый ялтинский санаторий, в котором Генсек итальянских коммунистов работал над «Памятной запиской». Потом он так и назывался Санаторий «Имени Пальмиро Тольятти».

Более того, профсоюзное начальство распорядилось поселить меня в том самом номере, в котором Тольятти жил. Понятно, я своих журналистских шансов не упустил. Влез в подноготную пребывания П. Тольятти в Крыму до самого доньшка, в самую его сердцевину. После скоростной смерти П. Тольятти прошло всего десять лет, в санатории еще продолжали работать многие врачи, медсестры, официантки, водители, которые его хорошо помнили, общались с ним.

Дело, само собой, не обошлось без настырного опроса по поводу обстоятельств смерти, последней встречи с пионерами, на глазах у которых он и скончался. Вплоть до любительских фотографий возле гроба, проливающих свет на эти обстоятельства. Судьба как знала, придет час, все сведения, которые я собрал, пригодятся...

Во-вторых, без какого бы то ни было лукавства скажу, уже специально взявшись за разработку темы «Памятной записки» в Праге, в редакции журнала «Проблемы мира и социализма», где в 1989-ом году в связи с 25-летие публикации документа по моей инициативе бы организован международный «Круглый стол», и потом в Москве, в начале 90-х, я упорно искал людей на роль «первооткрывателя». Пусть хоть кто-нибудь расска-

жет, хотя бы подскажет, лучик света прольет, предоставит возможность за тайну хоть коготком зацепиться. Увы...

Всех хрущевских помощников опросил, включая Ф. Бурлацкого, со всеми высокими партийными функционерами, которые могли оказаться причастными к интересующим меня событиям, встречался. Вадима Загладина даже в Кунцевской Кремлевской больнице навестил. Безуспешно... О «Памятной записке» никто даже слова не пожелал обронить. Ф. Бурлацкий вообще сделал вид, что о существовании такого документа вообще ничего не знает. В день его публикации «в отпуске оказался». Видно над этой тайной решили «бдеть» чуть тщательней, чем о Карибском предательстве.

Слава Богу, я не успел опубликовать документальные материалы о «Памятной записке» прежде, к чему было уже всё готово. Без «связки» с Карибским кризисом, как я теперь понимаю, они оказались бы недостоверными не по фактам и обстоятельствам, а по сути... Помешало лишь случайное стечение неблагоприятных обстоятельств.

Зато теперь у меня есть возможность утверждать, а это гораздо важнее, чем просто сказать: Карибский кризис 1962-го и Октябрьский 1964 года Пленум ЦК КПСС неразрывные звенья одной цепи, в которой еще историкам и политикам нашей страны предстоит детально разобраться. И сделать выводы о Родине и о себе... Имеем ли мы право быть довольными друг другом...

А пока познакомьтесь подробнее с «Памятной запиской», её содержанием, здесь будет много интересного, с загадочными обстоятельствами её появления на свет, с жертвами, которые эта публикация за собой повлекла...

Поначалу в прежде подготовленный для публикации текст, хотел внести некоторые изменения, ужесточить тон, сделать четче выводы, уточнить характеристики. Но потом от этого намерения отказался. Если то, что прежде было высказано в качестве версии, на проверку оказалось абсолютно точным, не потребовало внесения изменений по существу, значит это еще одно доказательство: практическая методика научного прогнозирования работает точно, даже на уровне гипотезы. Значит ей можно доверять, надежно ею пользоваться. А тональность – это категория не научная. Поэтому, читайте как было написано, а о смысле написанного судите по самому высокому счету...

Кстати, мне до сих пор так и не удалось выяснить, как «Памятная записка» вообще появилась в газете «Правда» (никаких решений на этот счёт в архивных документах мне обнаружить не удалось). Осталось неизвестным, как материал был переправлен в Москву и из чьих рук попал затем в редакцию газеты. Почему в связи с такой неординарной публикацией, как по содержанию, уровню авторства и даже самому факту появления на свет, никаких сопроводительных откликов или комментариев на неё не последо-

вало, а жёстко соблюдавшиеся до этого правило – выступления в «Правде» лидеров братских коммунистических партий затем обязательно дублировались в журнале «Коммунист», – было нарушено? В журнале статья не появилась.

Тем не менее, к 2004 году у меня уже созрела вполне вразумительная версия случившегося, как с «Памятной запиской» П. Тольятти, так и с Н. Хрущёвым. Причём, у этой версии помимо исторического оказался и довольно актуальный политический аспект, не утративший смысла до сих пор. В России никогда ничего нового не происходит. Как правило, одно и то же событие повторяется как минимум трижды.

Иногда больше. Констатация этой закономерности сформулирована известным высказыванием о старых граблях. Два последних ГКЧП хорошо известны: 1991 и 1993. Но был ещё один ГКЧП. В 1964 году. Когда на Октябрьском Пленуме ЦК КПСС сняли Н.С. Хрущёва. Много на этот счёт существует версий, воспоминаний и даже фильмов. Но главную причину отстранения Хрущёва от руководства партией и страной предпочитают не трогать.

Хрущев, сменив Сталина на посту главы государства, повел себя как вообще принято в России – как анти-преемник. На состоявшемся в 1956 г. XX съезде КПСС в специальном докладе Н. Хрущев разоблачил культ личности Сталина. Провозгласил, как водится, курс на восстановление ленинских норм партийной жизни, на развитие социалистической демократии. В стране наступила политическая «оттепель». Скворцы прилетели – запели о свободе слова, правах человека, совести и справедливости, честности, порядочности, правде.

Птичий базар, многочисленный и горластый, продолжался недолго. С экономикой и политикой экспериментировали и так, и сяк. Без особого успеха в обоих случаях. Страна буксовала. Стали появляться признаки, что в стране складывается типичная ситуация для ГКЧП – нужно было как-то распорядиться властью, пока ее, эту самую власть, возмущенное население из рук не вышибло. У Хрущева на этот счет был свой план, у его «сподвижников», составлявших так называемое Политбюро – совет старейшин партии, – свой.

Я абсолютно убежден: если бы ближайшие соратники Хрущева не сняли его с поста, он бы их сам разогнал. Никита Сергеевич явно к этому готовился, но допустил оплошность. Уехал в Пицунду, как Горбачев в Форос, в самый неподходящий момент, самолично распорядившись до этого опубликовать в газете «Правда» под рубрикой «Документы международного коммунистического движения» так называемую «Памятную записку» Пальмиро Тольятти, председателя Итальянской коммунистической партии, скончавшегося скоропостижно в одном из крымских санаториев как раз в момент работы над этим документом. Факт сам по себе более чем подозрительный.

Так вот, в этой «Записке» речь шла о том, что эксперимент с реализацией в СССР марксистско-ленинской социалистической идеи оказался неудачным. Пример «реального социализма», вместо того чтобы стать вдохновляющим, стал отталкивающим. Авторитет Советского Союза после разоблачения культа личности Сталина пошел на убыль. Само коммунистическое движение поражено раздорами, конфликтами. С демократией, с правами человека в странах социализма дела обстоят из рук вон плохо.

Все это усложняет, делает малоэффективной и неубедительной идейно-политическую и агитационную работу европейских коммунистов в своих странах. Короче, нужно что-то делать, что-то менять, чтобы идея коммунизма могла вернуть себе былую притягательность для стран, населенных не нищими, безработными и убогими, а нормальными, относительно благополучными людьми.

Таково вкратце содержание «Памятной записки» П. Тольятти. Этот документ с одобрения Н. Хрущева увидел свет 10 сентября. Через три недели после публикации Н. Хрущев был снят с поста первого секретаря ЦК КПСС. Соратники Хрущева все поняли правильно. Публикация «Памятной записки» могла означать только одно: Н. Хрущев задумал повторить свой опыт, проведенный на XX съезде КПСС.

Тогда он разгромил Сталина идейно-политически, разоблачил его культ личности. Теперь настала пора разогнать тех, кто испакостил своими бездарными действиями «светлую коммунистическую идею». О том, что публикация «Записки» и последовавшие следом события не просто цепь совпадений, а факты, накрепко связанные причинно-следственными узами, говорит многое.

Подготовка «Памятной записки» была инспирирована руководством ЦК КПСС. Скорее всего, лично Хрущевым. Хотя все было обставлено таким образом, что речь вроде бы идет о рутинной партийно-политической переписке. Предложение ЦК КПСС обсудить идею проведения в Москве очередного международного совещания коммунистических и рабочих партий, на которое можно было бы вынести ряд важных как для всего движения, так и для каждой партии вопросов, было, что называется, разослано «ввером».

Но вот почему-то откликнулся на письмо только Пальмиро Тольятти. Во всяком случае, лишь его ответ был опубликован. Причем по тексту сразу же видно, что «Записка», по сути дела, была предназначена для чтения только одним адресатом – ЦК КПСС, точнее, Н.С. Хрущевым. «Записка» начинается со слов: «Письмо ЦК КПСС с приглашением на предварительную встречу по подготовке международного совещания поступило в Рим до моего отъезда...» Завершается «Записка» словами: *«Мне следовало бы добавить многое, чтобы точно информировать вас о положении в нашей стране. Но эти заметки и так слишком пространны, и я прошу за*

это извинения. Чисто итальянские дела лучше будет объяснить и изложить устно».

«Памятная записка» П. Тольятти не оставляет камня на камне от опыта социалистического строительства в СССР. Автор ее недвусмысленно и даже резко упрекает руководство КПСС в отступлении от курса на разоблачение культа личности Сталина. В тот момент такая постановка вопроса была выгодна только Н. Хрущеву. Самое время процитировать документ, иначе мне могут не поверить, что такое вообще возможно. Шел ведь не 1989-й, горбачёвско-перестроечный, а всего лишь 1964 г., положивший конец хрущёвской «оттепели».

«Неправильно говорить о социалистических странах (и даже о Советском Союзе) так, как будто бы там все всегда обстоит хорошо, – подчёркивает автор Письма, – в этом заключается ошибка, например, того раздела резолюции международного совещания компартий 1960 г., который посвящен этим странам. В действительности же во всех социалистических странах возникают трудности, противоречия, новые проблемы, к которым нужно подходить в соответствии с их реальным значением. Хуже всего создавать сначала впечатление, что все всегда идет хорошо, а затем внезапно сталкиваться с необходимостью говорить о трудных ситуациях и их разьяснять. Но речь идет не только об отдельных фактах. Речь идет о всей проблематике социалистического строительства – экономического и политического, которую на Западе знают слишком поверхностно и зачастую даже примитивно…

Не приходится отрицать, что критика по адресу Сталина оставила довольно глубокие следы. Самое серьезное – это известный скептицизм, с которым даже близкие к нам круги воспринимают сообщения о новых экономических и политических успехах. Кроме этого, вообще говоря, считают, что до сих пор не разрешена проблема происхождения культа личности Сталина, не разьяснено, как он вообще стал возможен. Объяснение всего только значительными личными пороками Сталина находят недостаточным. Пытаются выяснить, каковы могли быть политические ошибки, которые содействовали зарождению этого культа.

Такая дискуссия происходит в кругах историков и компетентных кадров нашей партии. Мы не мешаем такой дискуссии, ибо она ведет к более глубокому познанию истории революции и ее трудностей. Но мы рекомендуем соблюдать осторожность в выводах и учитывать советские публикации и исследования. Проблемой, привлекающей наибольшее внимание – это относится и к Советскому Союзу, и к другим социалистическим странам, – является, однако, проблема преодоления режима ограничения и подавления демократических и личных свобод, который был введен Сталиным.

Не во всех социалистических странах наблюдается в этом смысле одинаковая картина. Создается общее впечатление медлительности и противодействия в деле возвращения к ленинским нормам, которые обеспечивали как внутри партии, так и вне, ещё большую свободу высказываний и дискуссий по вопросам культуры, искусства, а также и политики. Нам трудно объяснить себе эту медлительность и это противодействие, в особенности учитывая современные условия, когда больше не существует капиталистического окружения, а экономическое строительство достигло грандиозных успехов. Мы всегда исходим из мысли, что социализм – это такой строй, где существует самая широкая свобода для рабочих, которые участвуют на деле, организованным путем, в руководстве всей общественной жизнью.

Поэтому мы приветствуем все принципиальные позиции и все факты, которые показывают, что именно такова действительность во всех социалистических странах, а не только в Советском Союзе. В самом деле, мы считаем вредными для всего движения те факты, которые подчас показывают нам обратное. Один факт, который нас беспокоит и который мы никак не можем в полной мере объяснить, – это проявление центробежной тенденции среди социалистических стран. В ней скрывается несомненная и серьезная опасность, которой, по нашему мнению, должны заняться советские товарищи. В этой тенденции, несомненно, есть элемент возрождающегося национализма.

Мы знаем, однако, что национальное чувство остается постоянной величиной в рабочем и социалистическом движении в течение долгого времени даже после завоевания власти. Экономические достижения не ослабляют, а укрепляют его. И в социалистическом лагере, возможно (я подчеркиваю слово «возможно», потому что многие конкретные факты нам не известны), нужно остерегаться навязывания единообразия извне и считать, что единство должно стабилизироваться и поддерживаться в условиях разнообразия и полной самостоятельности отдельных стран. В заключение мы считаем, что и в том, что касается социалистических стран, нужно иметь мужество подходить в критическом духе ко многим ситуациям и ко многим проблемам, если мы хотим создать основу для лучшего взаимопонимания и для самого тесного единства всего нашего движения».

Я еще могу допустить, что «Памятная записка» написана автором хоть и по заказу, но по доброй воле и в соответствии с его убеждениями. Пальмиро Тольятти был человеком отчаянного мужества, редкой принципиальности, исключительной искренности, в том числе и в политике. Но кто поверит, что все в «Записке» изложенное можно было опубликовать в газете «Правда» без далеко идущего замысла, без высочайшей на то воли? Да и сама публикация овеяна тайной. У меня была

возможность порыться в архивах ЦК КПСС, никаких документов и решений, связанных с публикацией, я там не обнаружил. А это странно.

Дело в том, что документы, относящиеся к международному коммунистическому движению, по сложившейся нерушимой практике публиковались исключительно по решению секретариата ЦК КПСС. Причем существовал жесткий порядок, который до «Памятной записки» П. Тольятти ни разу не нарушался. Опубликованный в «Правде» документ обязательно воспроизводился в ближайшем к дате публикации номере партийного журнала «Коммунист». На сей раз этого сделано не было.

Объяснение может быть только одно: октябрьский пленум опередил выход в свет партийного журнала. Для того чтобы переступить через строго установленный порядок при публикации «Памятной записки», а потом нарушить этот порядок вторично, но уже с противоположным знаком (в первом случае – опубликовать, во втором – не воспроизводить), на карту должно было быть поставлено очень много. Здесь явно столкнулись противоположные, быть может, даже антагонистические интересы.

Я лично нахожу этому только одно объяснение, которое уже высказал: «Памятная записка» Пальмиро Тольятти и в стратегическом, и в тактическом смысле выглядела наилучшим концептуальным подспорьем для второго издания XX съезда КПСС, но только теперь заостренным на кадровой чистке. Четверть века о «Записке» не было никаких упоминаний, и только в 1989 г. мне удалось «пробить» проведение на страницах международного коммунистического журнала «Проблемы мира и социализма» «дискуссионной трибуны», посвященной 25-летию этой публикации.

Но опять же для этого потребовалось заручиться соответствующим согласием международного отдела ЦК КПСС. Согласие пришло не сразу, да к тому же с рекомендацией: «Особенно тему не раздувать. Трибуну провести по-деловому, скромно. Сенсации никому не нужны».

Что конкретно имелось в виду под предостережением от возможных «сенсаций», со всей определенностью судить не могу. Но почти уверен, что не содержательные аспекты «Записки». К 1989 г. на КПСС уже было вылито столько грязи, что опасаться каких-то там идейно-политических сюжетов, связанных с критикой курса КПСС четверть вековой давности, было бы смешно. Подразумевались обстоятельства смерти П. Тольятти. Такие события срока давности не имеют. Я докопался до этих обстоятельств, разложив последние дни и часы жизни П. Тольятти буквально по минутам.

У меня хранятся копия медицинского заключения о смерти, официальное информационное сообщение Итальянской компартии об этом, официальный некролог, опубликованный в «Правде», записи бесед с людьми, имевшими непосредственное отношение к пребыванию П. Тольятти в Ялте. Из всех собранных документов следует, что версия о тяжелой и про-

должительной болезни, содержащаяся в некрологе, **не** соответствует действительности. За двадцать минут до смерти он был бодр и энергичен, а каким еще можно быть, выступая перед пионерами в «Артеке».

За день до этой встречи у П. Тольятти состоялся телефонный разговор с Н. Хрущевым, после которого стало известно, что Хрущев срочно вылетает в Ялту. Логично предположить, что П. Тольятти сообщил Н. Хрущеву о завершении работы над «Запиской». Ее рукописный вариант он отдал машинистке для перепечатки как раз перед отъездом в «Артек». П. Тольятти – в «Артек», а Н. Хрущев – в Ялту для встречи с Тольятти двинулись почти одновременно. П. Тольятти – на автомашине из санатория, Н. Хрущев – на самолете из Москвы. В полете Н. Хрущева сопровождали А. Косыгин, Н. Подгорный, Заведующий Международным отделом ЦК КПСС Б. Пономарев.

Другого такого примера, когда бы отдыхающего, пусть даже близкого и высокопоставленного, навещали в столь срочном порядке и в таком составе, история советско-партийных отношений не знает. Скорее всего, планировались переговоры весьма серьезные. Когда самолет с советским партийно-правительственным руководством на борту приземлился в Симферополе, Н. Хрущеву сообщили, что П. Тольятти сорок минут как скоропостижно скончался.

На следующий день в «Правде» появилась фотография: Н. Хрущев, А. Косыгин, Н. Подгорный, Б. Пономарев в белых теннисках у гроба с телом П. Тольятти. Очевидцы рассказывали: санаторная палата, в которой жил П. Тольятти, к моменту приезда высоких посетителей из Москвы уже была опечатана. Скорее всего, «Памятная записка» в руки Н. Хрущеву в те дни не попала. А приезжал он, надо полагать, именно за ней.

Однако машина ГКЧП-64 уже была запущена. Как так случилось, что «Записка», предназначенная для руководства КПСС, была придана широкой огласке в Италии? Она была одновременно опубликована в газете «Унита» и журнале «Ринашита» с предисловием, подписанным сменившим П. Тольятти на посту генерального секретаря ИКП Луиджи Лонго.

Предисловие заслуживает того, чтобы быть процитированным почти полностью: *«Публикуемая нами Памятная записка по проблемам международного рабочего и коммунистического движения и по вопросам его единства была закончена товарищем Тольятти за несколько часов до того, как его постигла роковая болезнь, которая унесла его навеки. Этот документ предполагалось переписать на машинке, пока товарищ Тольятти поедет в «Артек» – в международный пионерский лагерь. По возвращении он собирался еще раз просмотреть машинописный текст. Известно, что товарищ Тольятти писал свои труды исключительно четким языком, а также очень ясным почерком, почти без поправок и с самыми незначительными дополнениями на полях.*

Это же свойственно и его последнему труду это доказывает, что до последнего момента товарищ Тольятти работал с большой энергией и что ум его был ясен. Ничто не позволяло предполагать ужасного несчастья, которое помешало товарищу Тольятти еще раз просмотреть свою «Памятную записку». Мы полагаем, однако, что даже без такого окончательного просмотра можно рассматривать оставленный нам текст как точное выражение его мыслей по поводу затронутых в нем вопросов.»

С точностью и выверенностью подтекстов, содержащихся в предисловии формулировок, может посоперничать только оперативность, с которой на публикацию откликнулись в Москве. В Риме «Записка» была напечатана 9 сентября, в Москве – 10-го. «Памятная записка» была придана огласке в экстренном и весьма специфическом режиме, решением этого вопроса должен был заниматься лично первый человек в государстве и партии – Н.С. Хрущев. Только он один мог быть кровно заинтересован в ее публикации. Я это понял позже, соратники Н.С. Хрущева – сразу же. И соответствующим образом отреагировали.

Что же касается причин и обстоятельств скоропостижной смерти П. Тольятти, то она до сих пор вызывает какое-то странное чувство. Как, впрочем, и еще одна смерть, последовавшая за месяц до этого, 11 июля. Морис Торез, лидер другой крупнейшей европейской компартии – французской, скоропостижно умер, находясь на борту советского теплохода «Литва», на котором он отправлялся на отдых в Ялту. Симптомы были очень похожими: пораженными оказались сразу обе сосудистые системы – сердечная и мозговая.

Такое в случаях естественной смерти бывает весьма редко. П. Тольятти и М. Торез были соратниками, друзьями, единомышленниками. На их идейно-политическом наследии вззошли ростки «еврокоммунизма», доставившего КПСС в 70-е и 80-е гг. немало хлопот. *(Помните ремарку, что Н. Хрущев явно рассчитывал на участие в его «дуэли» с политическими противниками на помощь и участие «секундантов»? Скорее всего, так складывается, ими и должны были стать два авторитетнейших лидера европейских компартий П. Тольятти и М. Торез – В.Г.).*

В заключение позволю себе историческую бестактность: предположим на минуту, что на октябрьском (1964 г.) пленуме ЦК КПСС победили не «сподвижники», а сам Никита Хрущев. Как развитие событий в нашей стране и вообще в мире пошло бы дальше? Ведь замах-то у Хрущева был явно международный, да что там международный – вселенский! Как пелось в Интернационале: «Весь мир насилья мы разрушим...» Мнения на этот счет могут быть разные. Я выскажу только свое собственное.

Если не принимать во внимание детали и нюансы, хотя, как говорят французы, в них-то как раз вся соль, ход событий, безусловно, мог бы ускориться, но наша страна неизбежно вышла бы на тот же самый рубеж, что и сегодня. Советский Союз все равно распался бы, КПСС размагнитилась,

так называемое народное хозяйство вернулось бы в лоно частной инициативы, а Россия вновь стала бы буржуазной страной. То, что не успел сделать Хрущёв, довершил за него Горбачёв, только это надо называть не «перестройкой», а «тотальной зачисткой» исторического пространства России от советско-коммунистического государственного наследства...

IV. «Принцип прогностической альтернативы». Где-то вначале я уже обмолвился, что научное предвидение распространяется лишь на создание моделей, указывающих на наличие препятствий, трудностей, бед. Человеческий мозг так устроен, что он надёжно управляет лишь процессами аналитического освоения мира, чувства и предчувствия отданы на откуп эмоциям. Учёные установили, что состояние радостной эйфории от ощущения счастья, удачи, успеха продолжается всего три секунды, затем организм возвращается в психофизиологическом смысле к обычной норме.

Нормой же является состояние мобилизационной готовности к преодолению невзгод и неприятностей. Природа предписывает всему живому всегда оставаться начеку. Именно в этом причина того, что в любом веселье так мало рационального и разумно целесообразного.

В дни работы над книгой в одном из телевизионных сюжетов прошло сообщение о счастливице, выигравшей в лотерею более 17 млн. рублей, а ещё одна сельская гражданка в ту же неделю, на которую выпал выигрыш, нашла в чистом поле среди коровьих лепёшек и козьего гороха упакованные в полиэтиленовый пакет 300 000 долларов. И в том, и в другом случаях «шалые деньги» были пущены по ветру наиглупейшим способом.¹⁰

На примере наших сограждан, не избалованных излишками образования и не отшлифованных общей культурой общения, особенно хорошо видно, что сформировавшийся под воздействием насущных потребностей человеческий мозг не ориентирован от природы разумно распорядиться выпавшим на его долю благом или удачей, и уж тем более заранее их предвидеть.

С точки зрения здравого смысла это дело абсолютно никчёмное. Удовольствия и радости, предполагаемые или нечаянные, никакой угрозы для человека не таят и, следовательно, в предварительной подготовке для встречи с ними не нуждаются. Главное, чтобы было весело. А способы и средства обеспечения веселья всегда в холодильнике. Здесь голову ломать, чаще всего, не приходится.

Это как дорожные карты. Если к намеченной цели ведёт гладкая, хорошо выложенная ухоженная трасса, то для предвкушения доброго

¹⁰ НТВ, телепрограмма «Шальные деньги», 17.07.2011

пути достаточно знать его протяжённость, а о необходимых условиях получения удовольствий в дороге, наверняка, позаботятся другие.

Иное дело – дорога малознакомая, по пересечённой местности, с оврагами, съездами, подъёмами, с песчаными или снежными заносами, разломами, промывами и камнепадами. Если она и была нанесена на карту, так на ней за минувшее время всё могло до неузнаваемости измениться. Тут уж без консультации с опытными знатоками-землепроходцами не обойтись.

Чем больше от таких знатоков последует предупреждений, предостережений, тем надёжнее перспективы предстоящего путешествия. Если вновь воспользоваться аналогиями, теперь географическими, создание карты предстоящего по опасной дороге пути и есть задача научного прогноза. Сверхзадача – её уточнение подробностями, которые в реальной жизни ещё и не существуют, не просматриваются, даже тренированным сознанием не предполагаются. Но в принципиальной вероятности вполне возможны. Предполагать такие возможности надо уметь.

Прошу мне поверить: с некоторых пор, предъявляя свои прогнозы, – а они в большинстве случаев ориентированы на препятствия, преграды и преодоление неприятностей, – я в тайне мечтаю во всём, что написано, ошибиться. Из исторического опыта известно: сбываются чаще всего негативные прогнозы, а это не добавляет их авторам авторитета и уважения. В прежние времена за это даже сжигали на кострах. В наши дни тоже не жалуют.

Предрекать только беды и неприятности, тем более властям, как это в большинстве случаев делаю я, нередко на официальном уровне, а то и в общественном мнении, воспринимается как односторонний, более того, заведомо предвзятый, даже провокационный взгляд, как это представляется обыденному сознанию, которому всегда хочется успеха и удачи. На самом же деле, подход к научному прогнозированию, – каким бы экстравагантным он ни выглядел, – не должен восприниматься как некорректный, бестактный, тем более, провокационный.

Самый строгий и беспристрастный судья любому, даже самому скандальному прогнозу, – только время. Оно может все, что угодно одобрить, и все, что угодно отвергнуть. В научном предвидении предвосхищать время своими собственными суждениями, надеждами или желаниями недопустимо. Это чревато крупными неприятностями.

Должен признаться, я всегда в своих прогнозах стараюсь предсказать не сами по себе события, а их воздействие на судьбы людей. Иначе не могу. За годы работы над прогностической методикой у меня просто

выработался своеобразный драматургический взгляд на жизнь, на людей, на их будущее, на всё, что меня окружает, на всё, чем сам занимаюсь.

На поверку я прогнозирую будущее всегда персонифицировано, то есть в лицах. Реальное прогнозирование не терпит абстракций и общих мест, вроде будет «лучше – хуже», «больше – меньше», «быстрее – медленнее», «выше – ниже», «богаче – беднее», «светлее – темнее». В научном прогнозе обязательно должен содержаться ответ на вопросы, «что делать», а главное, «как» и «почему».

Решив заниматься научным прогнозированием профессионально, я всегда подходил к анализу ситуации, прежде всего, с точки зрения предвосхищения препятствий, способных помешать достижению намеченной цели. В большинстве случаев реально существующих или же по ходу развития предполагаемых событий.

Основное, что отличает абсолютно все мои прогнозы это то обстоятельство, что все они в своей основе они всегда были рассчитаны не на осуществление лишь мною задуманного, а на реализацию предпосылок объективно predetermined.

Ни в одном из них я не хотел, чтобы обозначенные в прогнозе «угрозы» и «предостережения», не дай Бог, возобладали. Наоборот, содержательным стержнем обязательно были рекомендации по их предотвращению. Сбывались же они по одной и той же простой причине. К сказанному ни власти, ни страна, ни коллеги не пожелали прислушаться.

Как только понял, что любые прогностические суждения, заслуживающие внимания, заканчиваются одной и той же мыслью, предпочитаю с неё и начинать. **Вот эта мысль: все, что происходило, происходит или еще только будет происходить, в решающей степени зависит от того, кто конкретно и каким именно способом принимает решения.**

То, что в аналитическо-терминологическом обиходе обычно фигурирует в качестве так называемых «объективных факторов», формирует лишь предпосылки происходящего. Однако, решающей движущей силой, определяющей процессы развития, либо наоборот, их сдерживающей, в конечном итоге, оказываются человеческая воля и разум, принимаемые людьми решения.

Политические события последних лет, связанных с президентством В. Путина, – не знаю осознал и осознает он это сегодня или нет, – развивались таким образом, что они, эти события, своим объективным содержанием и значением вплоть до российско-украинско-американо-европейского кризиса работали либо на ускорение перехода к само-

управлению, или, наоборот, на «возрождение» Великой, почти что самодержавной России, исторически себя исчерпавшей...

На мой взгляд, пока ещё возможно и то и другое. В случае преодоления «представительной демократии», себя функционально давно себя исчерпавшей и дискредитировавшей, дальнейшие превращения могут быть только двух видов: в авторитарную диктатуру и прямое Народное Самоуправление. Что касается меня, то я предпочел бы самоуправление. С исторической точки зрения это было бы поинтересней и поновей.

Да и в смысле выхода из нынешнего цивилизационного кризиса управления, в котором сегодня находится не только Россия, а весь мир, выглядит гораздо перспективней. Понятно, что долго такая ситуация, как и всякое неустойчивое равновесие, продолжаться не может. Чаша исторических весов обязательно должна склонится в ту или иную сторону.

Вот почему я жилы из себя вытянул, чтобы сначала доказать, «кто виноват» в том, что не только российский, но и мировой политический процесс по зову времени и объективным предпосылкам вышел сегодня на рубеж непримиримого столкновения отживших свой общественных отношений, олицетворяемых торжеством разного рода элит, и вызванного технологической революцией в сфере информации и коммуникации стремлении людей к личному участию в принятии решений, по которым стране и народу приходится жить.

Еще один президентский срок, – а я пишу эти строки накануне предстоящих в марте 2018 года выборов, – пройдут в хрестоматийно-традиционном ключе и не приведут лишь к персональным, а не к радикальным переменам в самой системе государственного управления, в историческом контексте не принесут абсолютно ничего иного, кроме разочарований.

Изъяны представительской системы управления неизбежно распространятся не только на депутатскую среду, как сейчас, но и непосредственно на деятельность главы государства, мешая принимать стратегические решения, от которых зависит благополучное будущее страны и её граждан.

Это не снимает с повестки дня требований обеспечения любому предвидению научного характера, а лишь переводит их рассмотрение в диалектическую плоскость, где приход к единому мнению осуществляется не в результате взаимных уступок, вполне допустимых и даже желательных на промежуточных, оперативно-тактических этапах развития. Исторические победы стратегического характера обязательно со-

проводятся «безоговорочными капитуляциями» бывших политических недругов или друзей-соперников.

Но и этим я предпочитаю не ограничиваться. В тех случаях, когда, посягая на политическое прогнозирование в условиях реализации уже принятых властями решений, но, по моему мнению, заведомо, ошибочных, не ведущих к достижению цели, я выстраиваю **«альтернативную прогностическую версию»**, оснащая её соответствующими аналитическими аргументами и доказательствами.

Стараюсь, чтобы на присутствие такой альтернативы, указывал уже заголовок публикации. Скажем: **«Ломать надо судьбу, а не менять политиков»**, **«Бороться надо не за власть, а с властью»**, **«Через отрицание – к сплочению. Через сплочение – к победе»**, **«Если бы августовского путча не было, его следовало придумать»**.

Из личной практики могу привести пример прямого столкновения двух прогностических полюсов: стопроцентного оправдавшегося, как и положено, пессимистического, в пику ему альтернативного, абсолютно проигнорированного. В первом случае – это статья об августовском путче 1991 года **«Объективная логика политического краха Горбачёва»**, во втором, так называемые «имперские статьи», опубликованные летом 1993 года, **«Быть России имперской. Чем скорее это случится, тем лучше»** и **«Всё-таки имперской России быть. Иначе на её месте возникнет чёрная дыра»**.

Что касается статьи 1991 года, то её прогностический смысл был прост и ясен: над обществом и страной нависла опасность, которую следует всеми силами предотвратить. В момент публикации это был не столько прогноз, сколько призыв. Теперь можно лишь рассуждать, почему он не был услышан.

Иное дело имперские статьи. Их выход в свет был абсолютно неожиданным. Если честно, то и для меня самого. Всего лишь за два года до этого случился августовский путч. Полтора года спустя распался Советский Союз. Страна – в развале. Люди – в растерянности. Предполагать и прогнозировать в тот момент можно было всё, что угодно, кроме **быстрого возрождения имперского величия России**.

В первой из имперских статей речь шла о внутренних предпосылках такого возрождения. Во второй – о внешних. Причём, в обоих случаях статьи были адресованы, прежде всего, тем, кто взялся в тот период Россией управлять. Так называемым «младореформаторам». Об этом говорилось в первом же абзаце: *«О том, какой быть пост-социалистической, пост-перестроечной политике сказано и написано много. Назову основные параметры; демократической, реалистиче-*

ской, стабильной. Ну, и, конечно же, добрососедской, взаимовыгодной, а главное – обеспечивающей национальные интересы. Но ни у кого язык не поворачивается сказать, хотя кое – кто понимает, а другие догадываются: дабы обеспечить достижения продекларированных целей, как внутри страны, так и за её пределами, российская политика должна быть, просто обречена быть имперской».

Публикация вызвала невиданный даже по тем временная резонанс. Помимо уже упоминавшихся откликов добавлю, что на страницах «Независимой газеты», «Правды», «Известия» и других изданий на эту тему развернулась полемическая дискуссия. Дело дошло до специальных книжных публикаций, скажем таких, как **«Неизбежность империи»**, выпущенной издательством «Интеллект» по инициативе Союза Возрождения России.

На все отзывы, одобрительные и полемические, я предпочёл ответить небольшой заметкой на страницах «НГ» под заголовком **«Критиков просят не беспокоиться»**. Углубляться в дискуссию не стал, поскольку статьи не предназначались для прений и дискуссий, а мыслились как практические экспертные рекомендации для конкретных действий. Реплика была продиктована отнюдь не авторским высокомерием, а страшным дефицитом времени.

В тот момент везде давало о себе знать ощущение, что необходимые шаги для имперского возрождения России должны были быть предприняты незамедлительно. Пока над Россией не разразилась новая политическая гроза. Статьи были оформлены фактически как непосредственные рекомендации для конкретных действий, проведённых, как того требует описанный чуть ранее **принцип прогностической градации**, через анализ возможных перспектив развития: случайности – вероятности – тенденции – закономерности и завершающим выводом о неизбежных последствиях, если необходимые шаги не будут предприняты.

Публикация не должна была оставлять сомнений: её содержание основано на объективных закономерностях, а не на политологических фантах. По сути дела, статьи были научно обоснованным альтернативным прогностическим Проектом, противопоставленным конкретным действиям российских властей, приведших страну после расстрела парламента в октябре 1993 года на грань гражданской войны.

Однако, как ни грустно сознавать, благие попытки направить ход событий в лучшую сторону успехом не увенчались, однако уверенность в возможности реализации **альтернативного прогноза**, пусть не имперского, а локального, не только жива, но с течением времени крепнет.

Во всяком случае, в моём авторском альтернативном прогностическом архиве есть ещё материалы, содержание которых в момент публикации диаметрально противостояли не только решениям, но и конкретным политическим действиям российских властей.

Осенью 1992 года еженедельник «**Московские новости**» опубликовал мой публицистический комментарий: «**Сказал: не скажу. И не скажет**». Речь в нём шла о затеянном российскими властями позорном конституционном судилище над М. Горбачёвым. К моменту публикации в России развернулась тотальная антигорбачёвская истерия, в которой активно участвовали, как бывшие соратники Горбачёва по КПСС, так и его недавние демо-реформаторские союзники.

Дело дошло до демонстративного предъявления Горбачёву требования об обязательной явке на судебные слушания Конституционного суда по обвинению запрещённой Указом Б. Ельцина после августовского путча КПСС. По прошествии времени всё это выглядит диким и абсурдным. Тогда же вся страна только о том и думала, только о том и говорила, чем же закончится Конституционный суд над Горбачёвым. Каким вердиктом?

Прекратить эту позорную свистопляску, прислушаться к голосу собственной совести и призывала как раз моя статья, опубликованная в «**Московских новостях**» **6 октября 1992 года**. Она начиналась так: *«Отказываясь явиться в Конституционный суд, при всей уязвимости своей позиции Горбачёв всё-таки прав. Если он только специально не провоцирует своим поступком этот суд на встречные жёсткие действия. В таком случае это уже интрига, очень опасная, но отвечать за неё будет всё равно не Горбачёв, а Конституционный суд. Позиция же экс-президента СССР останется прочной при любом исходе...»*

Принимая на этот раз сторону Горбачёва, я не испытываю мук совести и перед Конституционным судом. Хотя считал и считаю, что партия по самой своей природе неконституционна, как неконституционна была сама конституция, неконституционная советская власть, потому что, по существу, её не избирали, а назначали и утверждали в райкомах, горкомах, обкомах, в ЦК КПСС. Не гражданственны, а значит, не конституционны были мы сами, поскольку соглашались с тем, что нами манипулируют.

В этих обстоятельствах искать отдельно взятых ответственных за все те беды, что обрушились на народ, в судах, пусть самых конституционных, бессмысленно. Подвести черту под нашим прошлым, вынести вердикт, в чём мы были правы, а в чём виновны, мо-

жет только суд истории. И суд совести. Где каждый сам себе судья, сам себе подсудимый. Потому что мы все в чём – то виноваты.

Только каждый по-своему. И в это смысле все мы в какой-то мере «горбачёвы». Это если судить по большому счёту. А в малый счёт наши беды, наши заблуждения и прозрения заведомо не вписываются. Потому и зашёл в заранее для него уготованный тупик Конституционный суд. Процесс «по делу КПСС», что бы там не говорили, как бы ни настаивал на противоположном председатель Конституционного суда, всё-таки политический.

Разве самому суду, принявшему к рассмотрению иск о не конституционности КПСС, было неясно, что он берётся за доказательство очевидно недоказуемого? Разве у кого-нибудь из судей был хоть один вопрос к стороне КПСС, на который бы заранее не был известен ответ? Я что-то таких вопросов не помню. Если, конечно, иметь в виду суть дела, а не детали, фрагменты, эпизоды. В таком случае спросим себя: о поиске какой же истины идёт речь в Конституционном суде? О той, которая всем известна. Кому устанавливают меру вины? Тому, кого заранее приговорили. Разве это не политика?!

Коли Конституционный суд превратился-таки в политическое мероприятие, то каждый человек, включая Горбачёва, сам вправе решать, участвовать ему в развернувшемся разбирательстве-препирательстве или нет. Слава Богу, Верховный Совет России ещё не принял закона, а Президент России не издал указ, который бы предписывал людям в обязательном порядке участвовать в политической борьбе.

У Конституционного суда нет оснований, по крайней мере если рассуждать здраво, настаивать и на обязательной явке Горбачёва в суд. Насколько знаю, даже самой судебной процедурой предусмотрено, что человек имеет право отказаться свидетельствовать в ходе судебного разбирательства против самого себя. Это универсальный принцип демократической судебной процедуры. Что, как ни это, – свидетельствовать против самого себя, – предлагают сделать Горбачёву?

Наконец, Горбачёв прав, отказываясь явиться в суд ещё по одной причине, на мой взгляд, главной: есть вещи, которые нельзя ни объяснить, ни рассудить. Ведь именно это, пожалуй, имел в виду Горбачёв, когда в первый же раз после возвращения из Фороса день обронил на пресс-конференции: «Всего, что знаю, я вам всё равно никогда не скажу».

И не скажет. Горбачёв нам может нравиться или не нравиться, но мы обязаны понять, что он отказался в той безвыходной ситуации,

о которой говорят: «слово изреченное – есть ложь...». Вот такая была публикация.

К её заключительному евангелистскому сюжету ещё предстоит вернуться в следующем разделе. Сейчас лишь добавлю, что следом за «Московскими новостями» я опубликовал ещё один материал на антиконституционную тему в «**Независимой газете**» «**Хватило глупости начать, надо набраться мужества, чтобы прекратить**». В те же дни записал интервью для телевизионной аналитической программы «**Итоги**», выходявшей в ту пору еженедельно по воскресеньям. Интервью так понравилось Е. Киселёву, ведущему программы, что он пригласил приехать в редакцию в воскресенье вечером, чтобы вместе посмотреть выход передачи в эфир.

Приезжаю в назначенный день и час с дачи, с корзинкой яблок на перевес, Е. Киселёв в растерянности. После выхода передачи в эфир ранним утром на Дальний Восток, начальство по чьей-то властной воле, распорядилось интервью из программы снять. То ли время провозглашённой М. Горбачёвым «гласности» прошло, то ли «свобода слова» так и не начиналась.

Тем не менее, у меня есть основания и право полагать, что публицистические выступления в «Московских новостях» и «Независимой газете» с резкой, но аргументированной критикой действий российских властей положили конец антигорбачёвской истерии и повлияли на закрытие дела в Конституционном суде.

Я признателен М. С. Горбачёву, что он, по собственной инициативе, счёл необходимым принести личную благодарность за моё антиконституционное выступление, которым, надеюсь, удалось доказать, нет, не конституционную неподсудность, М. Горбачёва. Это было ясно и без моих публикаций. А тот факт, что альтернативные суждения о происходящем в стране можно в пику власти не только формулировать, не только защищать, но и добиваться реализации желаемого, если оно того заслуживает.

Вообще в период 1990-х годов практически все мои публикации в смысле содержания отмечены прогностической альтернативой. С тем, что, на самом деле, в стране происходило мириться, было трудно, да и не хотелось. Для меня лично единственным поводом и стимулом взяться за перо было желание предложить, если не для исполнения, то хотя бы для обсуждения иные направления развития, чем те, на которые ориентировала российская власть.

Из всего обилия такого рода материалов в контексте для иллюстрации к «**принципу прогностической альтернативы**» я выбрал лишь

тот, что в момент публикации был сочтен чуть и ни абсолютно крамольным.

Речь в нем шла о грубых стратегических просчётах в осуществлении политического курса в реализации Проекта о создании нового союзного государства с участием России и Белоруссии. Это было интервью, которое я в конце 2001 года еженедельнику «ВЕК», в качестве начальника Департамента информации Постоянного Комитета Союзного государства Россия-Белоруссия.

Имитация союзного масштаба. О скрытых механизмах российско-белорусского Союзного государства. Л. Айдинова (ВЕК): – Виктор Викторович, до недавнего времени вы возглавляли департамент информации Союзного государства России и Белоруссии. Справедливости ради замечу, что в журналистской среде нечасто обсуждаются отставки пресс-начальников. Вокруг вашей было много слухов. Что привело вас на работу в Постоянный комитет и почему вы оставили столь перспективную должность?

В. Гуцин: – Я пришел в Постоянный комитет по доброй воле и с искренним намерением внести посильный вклад в благое дело становления нового Союза. Я всегда считал и до сих пор считаю, что с распадом СССР сама по себе союзная идея не умерла. Она лишь утратила советско-коммунистический компонент. Но эта потеря, убежден, союзной идее не повредила. Скорее наоборот, увеличила ее энергетический потенциал и запас прочности. Ведь в объединительном процессе современной Европы лежит не что иное, как союзная идея.

К сожалению, применительно к Союзному государству, возникшему по инициативе России и Республики Беларусь, точнее Б. Ельцина и А. Лукашенко, этого сказать нельзя. Это решение было связано не со стратегическим идейно-политическим замыслом, не с глубоким пониманием всей сложности процесса союзного строительства, а с тактическим карьерно-конъюнктурным умыслом. В ту пору (а первый договор о российско-белорусском Союзе был заключен в апреле 1996 года) оба государственных лидера хотя и по разным причинам, но одинаково остро нуждались в повышении собственных политических рейтингов.

А. Лукашенко и Б. Ельцин были гораздо больше озабочены собственной политической судьбой, чем реализацией союзной идеи. Она их привлекала лишь в той мере, в какой открывала возможность набрать очки в глазах общественного мнения. Необходимость привыкать к новым реалиям и понятиям – граница, таможня, визы и вообще к сложностям, связанным с распадом прежде единой страны, – порождает

ла тоску по прошлым временам. На эксплуатацию этих настроений и был расчет.

Первородный грех союзных договоренностей, связанный с тем, что они были продиктованы сиюминутными политическими интересами, без учета реальных возможностей и предпосылок их реализации, неизгладимой печатью лег на весь процесс союзного строительства, придав ему сугубо виртуальный, имитационный характер.

Во многом именно по этой причине решение о создании российско-белорусского Союза было встречено настороженно и даже с подозрением – как в ближнем, так и в дальнем зарубежье. Но гораздо хуже, что в России и Белоруссии, взятых как порознь, так и вкуче, процесс союзного строительства не сдвинулся с мертвой точки.

Во всяком случае не произошло ничего такого, что можно было бы считать принципиально важным, качественно самостоятельным, чего бы не удалось достичь вне рамок Союза, в контексте иных, несоюзных отношений и договоренностей. Все сводится к имитации бурной деятельности, к слышимости и видимости, к надуванию щек на высшем уровне и чиновно-бюрократической суете на рабочем.

Как только я это понял, то принял решение покинуть Постоянный комитет. Кстати, в заявлении на имя государственного секретаря Союзного государства П. Бородин я изложил именно эту причину своего ухода: «Категорическое нежелание участвовать в бессмысленной и изнурительной борьбе за решение вопросов, не имеющих никакого отношения к строительству Союзного государства».

Л.А.: – Заявления весьма серьезные. Хотелось бы услышать аргументы и конкретные доказательства того, что деятельность по созданию Союзного государства действительно имеет имитационный характер. Руководящие органы Союза – Высший государственный совет, союзный Совет министров, Постоянный комитет Союзного государства – работают активно и постоянно. В последнее время активизировался процесс создания проекта Конституционного акта и подготовка к выборам в Союзный парламент, реализуются союзные целевые программы, на пороге введение единой денежной единицы...

В.Г.: – Начнем с руководящих органов. О Высшем государственном совете и Совете министров можно сказать только одно: это парадные структуры, собирающиеся по мере необходимости, для того чтобы освятить своим участием наработки, представляемые главной исполнительной структурой – Постоянным комитетом, который, по сути дела, никакими полномочиями не обладает и представляет собой

что-то вроде административного аппендикса при республиканских правительствах – российском и белорусском. Никакие решения, если они предварительно не согласованы с заинтересованными республиканскими министерствами, из недр Постоянного комитета не выходят. То же самое вполне можно было бы делать за счет прямых контактов на межправительственном уровне, без дополнительной, точнее посреднической, чиновно-бюрократической структуры.

Кстати, до Постоянного комитета его функции были в руках так называемого комитета Исполнительного, который два года назад был совершенно безболезненно упразднен. Четыре года оказались практически вычеркнуты из деловой биографии Союза. Постоянный комитет работает не лучше и не хуже своего предшественника, поскольку предназначение у них одинаковое – создавать видимость работы, а в момент, когда наступает пора предъявлять результаты, превращаться в «козла отпущения». Под тем предлогом, что они со своим назначением не справляются. Неудивительно, что в высших российско-белорусских сферах уже сейчас активно ведутся разговоры о необходимости новых преобразований Постоянного комитета и замены его руководства.

Не исключаю, что понятие «бородинский союз» – по имени нынешнего госсекретаря Постоянного комитета объединенного Союзного государства – вполне может войти в оборот наряду со знаменитыми «потемкинскими деревнями». И там, и здесь – показуха. Разве что масштаб покрупнее – не деревенский, а союзный. Возьмем другую важнейшую «союзную реальность» – бюджет. Когда он впервые был сформирован, он составил 520 млн. рублей. 65 процентов этого объема обеспечивает Россия, а 35 – Республика Беларусь.

На что он был предназначен, из каких параметров исходил? Совершенно ясно, что на начальной стадии в бюджет закладывались только организационные расходы, связанные с формированием и последующим функционированием союзных руководящих органов и управленческих структур. Что бы вы сказали, если бы сейчас, по прошествии шести лет существования Союзного государства, его бюджет оставался прежним? Ответ может быть только один: значит, и по сей день он обслуживает только нужды чиновно-бюрократического аппарата, работает на его воспроизводство, то есть имеет сугубо имитационный характер.

Формально бюджет Союзного государства вырос до 2 млрд. 400 млн. рублей, но фактически даже сократился, поскольку инфляция за последние годы – один 1998 год чего стоит! – перевалила за 400 про-

центов, что заведомо сводит на нет размеры увеличения бюджета. Следовательно, каким он был прежде, таким он и остался в 2001-м, и предназначение осталось прежним, сугубо имитационным.

Он по сути дела заморожен на всё времена. Ведь основной принцип его формирования – уровень минувшего года плюс инфляционный прогноз. По такому принципу невозможно финансировать даже Музей восковых фигур: хочешь не хочешь, приходится пополнять экспозицию новыми фигурантами. А ведь Союз, если, конечно, его воспринимать как живой общественно-политический и социально-экономический организм, должен иметь потенциал развития и соответствующий ресурс для обеспечения этого роста. Но эти параметры в бюджет заведомо не закладываются.

То же самое происходит с исполнением союзных целевых программ, введением единой денежной единицы, унификацией таможенных тарифов. В целевых программах и унификации таможенных тарифов вообще ничего специфически союзного нет. Вплоть до того, что в принятии этих решений вообще не было никакой необходимости. Любые вопросы кооперации, совместного производства и реализации продукции прекрасно решаются на основе межправительственных соглашений. А в рамках целевых программ они лишь обрастают препонами и преградами, по сравнению с которыми советская командно-административная система выглядит либеральнейшим механизмом управления.

В подтверждение лишь один обескураживающий факт: в 2001 году бюджетное финансирование бюджетных союзных программ вообще не проводилось вплоть до июня, а с июля по октябрь велась изнурительная финансово-бухгалтерская война за реальный доступ к формально выделенным средствам. И, естественно, с переменным успехом.

Насколько можно судить, унификация таможенных тарифов к видимым позитивным результатам тоже не привела. Коридор Россия–Белоруссия в таможенном отношении как был, так и остается самым неблагоприятным. С единой денежной единицей вообще никакой ясности нет. В принципе она должна как бы венчать единство экономических отношений. Так, как это, к примеру, произошло в объединенной Европе.

Там евро стал эквивалентом унифицированных экономических отношений между членами Евросоюза. Эквивалентом чего и чему может служить союзная денежная единица? Ведь до сих пор модели экономического развития России и Беларуси даже идущими навстречу не назовешь, не говоря уже о том, что близкими.

Теперь о Конституционном акте и выборах в Парламентское собрание Союзного государства. Политика – особенно благоприятная среда для различного рода имитаций. Бумага все стерпит. Специалисты считают, что сталинская Конституция 1936 года была превосходным нормативно-правовым документом, но не имеющим никакого отношения к жизни. В Великобритании, на родине парламентаризма, наоборот, писаной конституции не существует до сих пор. И ничего – живут, даже благоденствуют, вполне удовлетворяясь бифштеком с кровью.

Нам же приспичило, не создав Союзного государства, творить Конституцию, забыв про северянку с хреном. Разве что с демонстративной целью. Впрочем, как и проводить выборы в союзный парламент. У нас что, с появлением Союза уже сложилась новая историческая общность людей – союзный народ, которому без собственных избранных никак не обойтись?

Все, что сегодня жизненно необходимо гражданам Союзного государства, – это унификация правовых и нормативных актов, регулирующих их гражданский и социальный статус. Но для этого вовсе не обязательно создавать новый союзный парламент, который никому, кроме остающихся не у дел амбициозных политиков, абсолютно не нужен.

Словом, решения, которые принимаются без учета объективной потребности и целесообразности, для показухи, обречены. Жаль, что эта судьба может постигнуть и идею Союзного государства.

Л.А.: – *Что вы имеете в виду? Отказ от Союзного государства?*

В.Г.: – Объясню. Имитация, хоть она и является деятельностью впустую, тоже обладает собственной инерцией, неотвратимой объективной логикой, возникающей в силу принятия обязательств, не подкрепленных условиями и предпосылками их реализации. А таких обязательств наприимали ох как много. Нужно найти способ остановиться. Быть может, даже вернуться назад, подвергнуть строгой ревизии принятые ранее документы, пересмотреть цели и задачи союзного строительства. А главное – избавить идею Союза от того наследия, которое досталось на нашу долю от эпохи раннего А. Лукашенко и позднего Б. Ельцина. Уж слишком силен в нем налет личной политической корысти.

Так уж сложилось, что решение задачи спасения союзной идеи под силу теперь только В. Путину. И только в том случае, если он сменит на посту председателя Высшего государственного совета А. Лукашенко, который, как представляется, связал свою судьбу с рейтинговой составляющей союзной идеи. Возможность такой ротации предусмотрена уч-

редительными документами Союза. Понятно, что с приходом В. Путина на этот пост должен быть положен конец любым имитациям – идейно-политическим, социально-экономическим, управленческим, финансовым, кадровым. Иначе Союзное государство действительно не спасти...

Надеюсь, В. Путин понимает критический характер существующей ситуации и в зависимости от этого понимания сам решит: дать Союзному государству бесславно умереть или попытаться спасти ценой невероятных усилий и огромного политического риска. Для принятия такого решения потребуется не только большая политическая мудрость, но и большое человеческое мужество». *Еженедельник «ВЕК», №50, 2001 г.*

5. «Принцип прогностической регистрации». К принципу прогностической регистрации я отношусь с особым почтением. С него, собственно, и началась систематическая работа по поиску новых методических подходов к научному прогнозированию, на что в итоге ушло более 20 лет.

Уже считая себя опытным политическим экспертом я долго не посягал на самостоятельное прогнозирование политических процессов. И мысли такой в голову не приходило. Зато к чужим попыткам сделать это относился с повышенным профессиональным интересом.

Любую публикацию, даже самую маленькую, где едва содержался хоть намёк на предвидение, откладывал в отдельную папку. По мере того, как накапливалось такое досье, я начинал всё лучше ориентироваться не только в сути происходящего, но и в самих проблемах научного прогнозирования.

Вот как об этом было сказано в моей первой книге, вышедшей в 1994 году: «...Собирать эту папку я начал лет пять назад, когда в ходе бурных преобразований, охвативших страну, стало возникать впечатление, стремительно перераставшее в убеждение, что мы всякий раз получаем результаты прямо противоположные тем, на которые рассчитываем. Наталкиваемся на преграды и препятствия, которые вполне можно было бы преодолеть или обойти. О чём и говорилось в многочисленных газетных и журнальных публикациях.

Понятно, что цена таким предостережениям и прогнозам в момент из появления на свет заявочная, вроде стоимости ваучера. Всё зависит от того, во что они воплотятся. Если прогноз сбывается, а предостережения оправдываются, тогда в нормальном цивилизованном обществе, обладающим развитой политической культурой, они обретают очень высокую цену. Не случайно вслед за К. Марксом те-

перь иногда говорят: сбывшийся прогноз – высший сертификат научности.

После проверки жизнью таких прогнозов остаётся, конечно, немного. Я их складываю в отдельную папку, которую всегда держу под рукой, обращаясь к ней всякий раз, как только возникает ощущение, что мы опять можем угодить в заведомую западню, поддасться на очередную спонтанную провокацию, не разобраться в очередной коварной трагедии, стать невольными участниками событий, способных в очередной раз, поставить нас самих и страну на грань губительной катастрофы.

Выдержав испытание временем и событиями, эти газетные вырезки обретают статус своего рода моделей исторического развития, помогающих собрать воедино разрозненные факты, разглядеть их внутренние связи, обнаружить объективную логику происходящих событий. Перечитывая материалы своего прогностического досье, размышляя над ними, огорчаюсь: ведь был же шанс, можно было предотвратить непоправимое. Почему не воспользовались имевшейся возможностью? Но одновременно появляется и надежда: значит безвыходных положений не бывает! Предотвратить любую трагедию в силах человеческого разума и доброй воли.

Нужно только не полагаться на то, что политики, стоящие во главе государства умнее нас, простых людей, не заблуждаться на тот счёт, что они, принимая роковые решения, озабочены нашим с вами благополучием. К великому сожалению, они давно уже принесли в жертву своим властным междоусобицам наши коренные интересы, и нашу кровь, и наши жизни».

Согласитесь, с выходом на принцип прогностической регистрации мне на редкость повезло. Сначала он дал возможность ознакомиться с чужим накопленным, хотя и не систематизированным ещё опытом, затем пополнить прогностический багаж и своими наработками. Но подойти к рубежу, где открывалась перспектива, поделиться своим умением с другими, удалось только к началу первого десятилетия XXI века. Почему так медленно продвигалась работа?

Быстрее, к сожалению, не получилось. В момент появления на свет прогноз, будь он хоть десять раз научным, императивной силой не обладает. Его можно взять на веру и действовать в соответствии с заложенными в нём рекомендациями, на свой страх и риск, а можно и не принимать к сведению, руководствуясь собственными представлениями о способах, перспективах развития, достижении намеченных целей. И только в том случае, если прогноз осуществился, а на практике это по-

рой занимает годы, а то и десятилетия, к нему можно обращаться как к источнику практических знаний и методических рекомендаций.

Спросите, кому и для чего прогноз, оправдавшийся задним числом, нужен? Во-первых, для того, чтобы доказать, что научное прогнозирование вообще возможно. Во-вторых, умению предвидеть надо учиться, другого способа овладеть прогностическими навыками, кроме как через освоение уже накопленного позитивного опыта, не существует. Чтобы тебе поверили, необходимо ещё доказать, что ты умеешь не ошибаться, хотя бы в сорока случаях из пятидесяти. И, наконец, в-третьих, чтобы научиться эффективно управлять текущей жизнью. Собственной и страны. *«Умение управлять, – говорил П. Столыпин, – это прежде всего умение предвидеть».* А этому прогностическому искусству можно научиться только на образцовых примерах.

Накапливаемое годами досье постепенно трансформировалось в «книжную прогностическую серию». Примерно раз в 5-6 лет я устраивал своему аналитическому архиву кропотливую ревизию, тщательно отбирая материалы, по которым можно было судить о развитии политической логики событий. Что не оправдывалось, не подтверждалось и потому не заслуживало более глубокого методологического анализа, отправлялось в мусорную корзину. Сбывшиеся прогнозы давали обильную пищу для размышлений, которые и воплощались в очередной книге.

Таких прогностических сборников в свет вышло три: в 1994 г., 1999 г., 2005 г. Причём, в каждом из них я пополнял не только событийную прогностическую базу, но и концептуально – методологическую. В итоге всё написанное проходило как бы тройную проверку.

Нынешняя книга – седьмая. **Подводящая аналитическо-прогностический итог минувшим трем десятилетиям.** О том, на какие ухищрения приходилось за эти годы идти, чтобы придать своим прогностическим публикациям официальный характер, я уже рассказывал в начале книги. По ходу изложения, фактически в каждом разделе, тоже воспроизведены прогностические статьи, прошедшие регистрацию предшествующими публикациями.

Сейчас предпочитаю в рамках книжного раздела о **«принципе прогностической регистрации»** ограничиться воспроизведением всего лишь трех взаимосвязанных по содержанию работ, которые в публично-методическом смысле до сих пор остаются методически не зарегистрированными, мне же исключительно важно предъявить их общественному мнению именно в таком качестве. **Речь идет об Открытых письмах президенту России В. Путину, министру МВД В. Коло-**

кольцеву, в Центральную Избирательную Комиссию во главе с Э. Памфиловой, которые и воспроизвожу в перечисленной последовательности.

Личное письмо В. Путину:

«ТРЕБУЮ ЛИШИТЬ МЕНЯ РОССИЙСКОГО ГРАЖДАНСТВА.

Господин президент! В начале 2014 года руководствуясь Статьей 89 Конституции РФ я направил Вам личное Обращение с просьбой отдалить необходимые распоряжения об оформлении моего добровольного отказа от российского гражданства и о снятии присвоенного мне должностного ранга Государственный Советник РФ. Оба требования продиктованы моим профессиональным и личным опытом общения с нашими властями.

Это не каприз, а глубокое личное убеждение, что я не только могу, но обязан требовать удовлетворения своей просьбы по трем основным причинам. По закону, по совести и по науке.

В Конституции Российской Федерации сказано (См. Статья 3, пункт 1), что мне, как гражданину России предоставлено право непосредственно участвовать в принятии государственных решений, по которым предстоит жить. Конечно, не только мне персонально, а всем российским гражданам. Это основное, неотъемлемое право каждого человека. Где оно? На самом деле его нет. Не только я, а все граждане России, могут быть за это к Вам за претензии.

Вы гарант исполнения Основного Закона. Это первое. Я уже однажды в своей жизни без своего согласия оказался бывшим гражданином страны, в которой родился. Сейчас предпочитаю сделать это добровольно прежде, чем за меня это решит кто-то ещё. Такие попытки уже были и у меня есть основания опасаться, что могут случиться вновь. Это, что касается совести. Это второе.

И третье, по сути самое главное, не столько для меня сколько для страны. По моим прогностическим прикидкам получается, что действительно предоставить гражданам России право самим участвовать в принятии решений, по которым предстоит жить, заинтересованы именно Вы. Чем, собственно, и продиктовано моё Обращение к Вам.

Уверен, оно до Вас не дошло, иначе Вы должны были бы ответить мне лично. Таково требование Основного Закона.

Однако это сделал за Вас заведующий отделом внутренней политики Администрации некто Р. Хабиров, (Исходящий №Ф-61-2098), сообщивший, что «президент не может удовлетворить Вашу просьбу по

условиям Статьи 20 Федерального Закона №62 «О российском гражданстве». Мои попытки объяснить Вашему подчиненному, что его ответ противоречит не только Конституции, (См. Статью 89 Конституции РФ.), но и здравому смыслу, ни к чему не привели. Поэтому вынужден обращаться к Вам вновь.

Перечисляю только наиболее значительные факты, приведшие меня к принятому решению. Правда, здесь в основном речь о совести. Лично моей. И представителей российской власти.

1.1969-1974 год. Работа в Праге Ответственным редактором совместного советско-чехословацкого еженедельника «Тыденник актуалит». По итогам работы был представлен к награждению Орденом «Знак Почета», от получения которого отказался из-за попыток со стороны КГБ на основе оперативных донесений подведомственного Комитету подполковника М.Пучковского дискредитировать меня по идейно-политическим мотивам перед руководством Агентства печати «НОВОСТИ», направившим меня на работу в Прагу.

Мне удалось на очной ставке с М.Пучковским с участием Заместителя Председателя АПН И.Н.Медведева, которому принятое КГБ решение было передано на исполнение,- для этого он лично прибыл в Прагу, – что служебные донесения были превращены М.Пучковским в фальшивые злонамеренные доносы и были продиктованы личной неприязнью, а не соображениями служебного долга.

Он сам тогда, думаю, честно, заявил, что считал, считает и всегда будет считать Гущина врагом и ему всё-одно, как это доказывать, правдой или кривдой. Через неделю после отъезда Медведева Пучковский был отозван из Праги, я же продолжил работу, за которую и был представлен в 1974-ом году к ордену за личный вклад в нормализацию советско-чехословацких отношений. От получения которого, как уже было сказано чуть выше, отказался.

2. В 1985-1989-ом годах история практически повторилась один к одному. Оперативные сотрудники КГБ, работавшие одновременно со мной в Праге под прикрытием корреспондентов АПН (Скиба) и газеты «Комсомольская правда» (Черняк), – Вам они случайно не знакомы, коллеги всё-таки, а контакты в ту пору между Дрезденом и Прагой, были очень интенсивными, – обратились к послу СССР Ломакину со служебным донесением, обосновывавшим необходимость моего экстренного отзыва из Праги, где я работал по решению Секретариата ЦК КПСС в международном журнале «Проблемы мира и социализма» заведующим отделом. Мне в вину были поставлены ни с кем не согласованные выступления в местной прессе, на телевидении с критикой «советской перестройки» и политики КПСС.

От реализации этого намерения меня спас только первый официальный визит в Москву президента Чехословакии В.Гавела, с которым я был в добрых деловых и личных отношениях. На встрече с М. Горбачевым Гавел предупредил президента СССР, что осуществление предложенных КГБ против меня мер будут восприняты в Чехословакии как не дружественные по отношению к стране. (М.С. Горбачев подтвердил мне этот факт. См. в моей книге «Умение предвидеть. Как этому научиться». стр.23. Книгу, предназначенную для Вас непосредственно, я передал Кремлевским администраторам 29 сентября 2016 года.)

В 1990-ом вернувшись в Москву из КПСС вышел, заявив о своём глубоком разочаровании политикой партии и методами её действий по реформированию страны. Какие-либо контакты с ЦК КПСС, прекратил, предложенные варианты дальнейшей работы рассматривать не стал. В марте 1991-го года, когда до Августовского Путча оставалось ещё полгода, ответственность за надвигающуюся угрозу и вывод на политический Олимп Г.Янаева, будущего главы ГКЧП, я возложил на М.С.Горбачева. (См. «Объективная логика политического краха Горбачева». «Независимая газета», 07.03.1991 г.).

3.С 1993 по 2000 год я Советник Главного Аналитического Управления Госдумы. За все эти годы ни единой претензии по существу порученных мне служебных обязанностей, зато со стороны руководства Аппарата Госдумы в отношении моих идейно-политических взглядов и «вольного поведения», неприязни сколько угодно. Дело кончилось тем, что в результате личной общественной активности в ходе состоявшихся в 1999-ом году выборов в Госдуму во главе созданного мной Оргкомитета «Гражданской инициативы «Мы голосуем «против всех» мне было предложено «покинуть» аппарат Госдумы по «собственному желанию» во избежание в отношении меня жестких административных мер.

Да это и понятно. Мне тогда удалось «соблазнить» Элли Памфилову, возглавлявшую Общероссийское общественно политическое движение «За гражданское достоинство» выйти на предстоящие выборы под лозунгом «Против всех», не значит против всего». Мы даже успели опубликовать написанную мной концептуальную предвыборную платформу Движения «Через отрицание – к сплочению, через сплочение – к победе».

На выборы Э. Памфилова со своим Движением вышла с опубликованной Платформой, но лозунг «Против всех, не значит против всего», по настоянию Центризбиркома, особенно его председателя А.Вешнякова пришлось снять. Меня объявили «провокатором», а графу «Против всех» из избирательных бюллетеней наперёд наметили вооб-

ще исключить, что и было сделано в 2006 году. Правда, теперь эти действия признают ошибочными, графу собираются восстановить, передав решение этого вопроса на усмотрение окружных избирательных комиссий. Так что, выходит, зря меня за выборы 1999-го года предали Анафеме и выдворили из Госдумы. А.Вешняков, кстати, сам принес мне за это личные извинения. Ну да Бог с ним, потерянного времени уже не вернешь...

4.2000-2001 год. Начальник Департамента информации Постоянного Комитета Союзного государства Россия-Белоруссия. После публикации моего интервью еженедельнику «ВЕК» «Имитация союзного масштаба. О скрытых механизмах российско-белорусского государства». (См. «ВЕК», 2001 г. №50). Уже тогда я предупреждал, что ничего «союзного» из этой структуры не получится, всё пойдет «вразнотык» и России в убыток. А.Лукашенко и П.Бородина мои «суждения о российско-белорусском государстве» привели в административную ярость.

Вы, как помнится, отреагировали иначе, сказав, что даже «в отношениях с белорусскими друзьями надо уметь отделять мух от котлет». Однако это меня не спасло. В итоге история с публикацией завершилась тем же требованием, что и в Госдуме. Но здесь уже не обошлось без карательных мер, на которые сегодня нет смысла сетовать. Пришлось службу оставить без оформления пенсии за полгода до наступления пенсионного возраста, потом ещё долго пришлось мыкаться без полноценного медицинского обслуживания. От 4-го Главного Медуправления меня тут же «отцепили».

5.В 2001-ом году принял предложение Ваших ближайших соратников Якунина и Мартынова(Ваш сосед по дачному кооперативу "Озеро") стать Советником Генеральной дирекции Негосударственного Пенсионного Фонда «Благосостояние», созданного, как они мне сказали, по Вашему распоряжению. За восемь месяцев работы за счет реализации предложенных мной мер Основной Фонд НПФ «Благосостояние» вырос более, чем в 10 раз. Вашим коллегам, Якунину и Мартынову, хотя я предлагал им держаться до последнего, вплоть до суда, перед действиями тогдашнего Министра Путей Сообщения Аксёненко, позарившегося на эти деньги, устоять не удалось. Мне пришлось уйти из Фонда «по соглашению». (Подробнее об этом см. "Вроде, все нормальные и могли бы жить", В. Гушин Живой Журнал "Желаю знать: что будет?").

6. С 2012 по настоящее время. Теперь о самом тяжелом ударе, который мне нанесло наше замечательное отечественное здравоохранение. На закате лет обострились хронические заболевания, – коксартроз тазобедренных суставов и остеохондроз позвоночника. В конце 2012 года

дело дошло до операций, которые до сих пор до конца так и не доведены. Уж лучше бы не начинали. Сейчас без посторонней помощи ни подняться с постели, ни шагу ступить, не могу. Прооперировали только левую ногу, поставили эндопротез со 17 сантиметровым штырём.

В процессе его установки, полагаю, повредили нервные окончания, спровоцировавшие острейшие боли в позвоночнике и лишившие меня способности самостоятельно передвигаться). Ортопеды Городской больницы №67 (Зав. отделением Сорокин) и отделение нейрохирургии Ин-та им. Склифосовского (Зав. Отделением Гринь) до сих пор не могут между собой решить кому из них первым браться за доведение начатого оперативного вмешательства до конца. Сорокин кивает на Гриня, Гринь – на Сорокина.

Департамент здравоохранения Москвы в курсе возникшей проблемы, он мне сочувствует, но ничем помочь не может. Я же вынужден, стиснув зубы от нарастающей нестерпимой боли, дожидаться смертного часа. (От приема нарко-содержащих обезболивающих препаратов я категорически отказался). Одна надежда, ждать придется недолго. Мне ведь всё-таки уже 76 лет исполнилось.)

В итоге всего изложенного, ответственно заявляю: теперь я в ещё большей степени, чем в 2014 году, настаиваю на удовлетворении моей просьбы об оформлении добровольного отказа от российского гражданства. 29 сентября минувшего года я добился личного приема в Вашей Администрации. Прикатил на инвалидной коляске в сопровождении специальных помощников. Вместе с ними предстал перед советником Администрации А. Сербиной, которой изложил под видео-протокол смысл своего Обращения и передал из рук в руки на Ваше имя ещё одно Обращение.

4 октября 2016 года получил по почте официальный пакет со штампом «ПРЕЗИДЕНТСКОЕ», в котором мне сообщали о состоявшейся встрече. Вот спасибо, а то бы я об этом успел забыть за четыре дня. Что же касается ответов по существу поднятых вопросов, то мне было обещано сообщить о них дополнительно. Жду до сих пор. Восемь месяцев кряду. По-моему, если не путаю, подписанный Вами ФЗ-59 «О работе с Обращениями граждан» устанавливает для получения ответов из государственных структур иные сроки.

Что Вам, Владимир Владимирович, стоит удовлетворить последнюю просьбу дышащего на ладан человека, продиктованную ни политикой, а сугубо личными морально-этическими соображениями. При всех исторических властях и режимах, при которых мне довелось жить, я существовал сам по себе и в этом качестве хотел бы с Россией расстаться.

Это моё желание, российскую власть, наше государство, Вас лично как президента, в чем-то ущемляет или унижает? По Конституции РФ (Ста-

тья 89), принятой в 1993-ем году Вы как президент вправе удовлетворить мою просьбу даже вопреки Статье 20, ФЗ-62, принятого в 2002-ом году, через 9 лет после Основного Закона. По этой причине Статья 20 ФЗ-62, умаляющая право президента решать вопросы гражданской принадлежности, закрепленные всё той же Конституцией, имеющей прямое действие, – написано решает, значит, решает, отказ в удовлетворении требования это тоже решение, – (См. Статью 15), на Вас распространяться не может.

Вот как сформулирована статья Конституции, определяющая лично Ваши полномочия и ответственность за них, цитирую: «Статья 89. Президент Российской Федерации: решает вопросы гражданства Российской Федерации; предоставления политического убежища; осуществляет помилование.» Из формулировки ясно видно, что речь идет о Ваших личных правах как главы государства, а не о predeterminedenных Законом действиях.

Это не значит, что у Вас на руках "карт бланш" на их нарушение. Вовсе нет. Вам, как главе государства, предоставляется право в исключительных случаях действовать по собственному разумению в интересах обеспечения справедливости, в тех случаях, когда Ваши решения ни в какие нормативно-правовые рамки всё равно не вписывается. Такова мировая практика.

Так что, пока я ещё верю в положительный исход моего личного Обращения к Вам. Если, конечно, моя просьба вообще до Вас дойдет. В чем я глубоко сомневаюсь. Иначе полученный отказ в удовлетворении моей просьбы должны были бы прежде подписать Вы, а ни какой-то там Хабиров.

Поймите, я же не из враждебных чувств, а сугубо по-человечески не хочу умирать российским гражданином, уж коли за долгую и насыщенную жизнь и добросовестную, честную службу, хотя непосредственно похвальных слов по адресу российских властей не произнёс ни разу, а лишь предостерегал от неминуемых, на мой взгляд, глупейших промахов и дурацких ошибок, не заслужил от родного Отечества, ничего кроме пенсии по старости.

И ни единого доброго слова и даже элементарной поддержки, когда стал больше всего в ней нуждаться. Перед детьми и внуком стыдно. Бился на их глазах за интересы страны и народа, за гражданскую справедливость и человеческое достоинство. За их настоящее будущее. И всё без толку. По сути со своей чаадаевской любовью к Родине никому в нашей стране и нынешнем российском обществе с его квасным патриотизмом и позаимствованным у чужаков деловым прагматизмом оказался не нужен.

**Опубликовано в Живом Журнале «Желаю знать: что будет?»
9 июня 2017 года.**

ЛИЧНОЕ ОБРАЩЕНИЕ

В.В. Гущина к министру МВД России В. А. Колокольцеву.

Уважаемый Владимир Александрович! На днях мне попала в глаза информация о заседании в Администрации Президента, в котором Вы участвовали и перечислили наиболее коррумпированные, на Ваш взгляд, сферы российской действительности. Однако, Вы упустили ещё одну, теперь уже на мой взгляд, главную. А именно: органы представительной власти, её так называемый депутатский корпус, – начиная с Госдумы и вплоть до местных Управ, а также чиновников аппарата государственного управления. Именно здесь коренится основной коррупционный ресурс, его системообразующая государственная составляющая. Пока не наведем порядок в этих сферах, никаких сдвигов к лучшему в борьбе с коррупцией не будет вообще и нигде. Ниже изложена моя позиция по этой проблеме.

КОРРУПЦИОННЫЕ КОМПОНЕНТЫ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНОЙ ДЕМОКРАТИИ.

1. Нынешняя представительная демократия, основы которой принято почему-то называть «незыблемыми», в смысле непосредственного и безвозмездного участия граждан в принятии государственных решений никакого отношения к понятию «народная» не имеет. Функциональное предназначение абсолютно всех так называемых «выборных органов народной власти» – посредническое, которое всегда и всюду, независимо от сферы применения, в конечном итоге оказывается связанным с коммерческим поощрением или стимулированием. В результате сегодня мы получили систему управления страной, насквозь пронизанную корыстными коррупционными интересами и жадой наживы.

2. Причем, с течением времени бизнес-компоненты так называемой системы «народного представительства» обрели в России установленный государством законодательный статус: выборы в органы представительной власти официально квалифицируются как бизнес-акции. Они имеют свою цену, свои бюджеты, свои доходы и расходы. Наиболее «продвинутые» политические партии, набравшие не менее 3 процентов голосов на федеральных выборах и получившие право иметь своих депутатов в представительных органах власти, получают государственное обеспечение своей деятельности, что противоречит Конституции страны, не позволяющей государству финансировать какие-либо общественные организации или объединения. Плюс к этому предоставляемый депутатам статус личной неприкосновенности. Короче, полная реализация «мечты мафиози» – возможность коррупционной деятельности «под крышей» самого государства.

3. Сама процедура участия в выборах различных уровней, от федеральных до местно-муниципальных, оказывается в жесткой зависимости от инвестиционных возможностей кандидатов в депутаты. Начиная с формирования партийных списков и вплоть до возможностей встреч с потенциальными избирателями или распространения информации о собственных планах и намерениях. На всё существуют жесткие прайс-листы, указывающие на стоимость участия в выборах и на организационные и технологические возможности реализации средств. Иными словами, функционирование представительной системы власти уже давно утратило какую-либо связь с исполнением гражданского долга, а превратилось в сферу корпоративного политического бизнеса с криминальной подоплёкой.

4. Получение депутатского мандата оказывается автоматически совмещено с обретением возможностей по компенсации понесенных затрат и получением дополнительных доходов не только от установленного государством уровня должностного содержания, (до 500 тысяч рублей в месяц), но и непосредственного исполнения депутатских функций за дополнительную плату. Высокие депутатские «зарплаты» это вовсе не дань их высокой нормативно-правовой квалификации, откуда ей взяться, а коррупционная предоплата их предстоящей деятельности по законодательному обеспечению расходования народных денег на цели и задачи абсолютно не имеющие с подлинными интересами страны и её граждан ничего общего. Помимо «зарплат» в деятельности депутатов всё, вплоть до шевеления пальцем, стоит немалых денег: организация депутатского запроса, инициатива или участие в «парламентских слушаниях», голосование по тем или иным законодательным проектам, которые в обычном режиме «народного одобрения» никогда бы не получили поддержки, как, к примеру, решения о строительстве мусоросжигающих предприятий или некоторых позиций оборонных госзаказов.....

5. Особенно дорого стоит, голосование по кандидатурам на занятие тех или иных государственных постов. К примеру, Председателя Центробанка, Счетной палаты и половины состава её аудиторов, Уполномоченного по правам человека, Генерального Прокурора и его заместителей, Председателя Центральной Избирательной Комиссии, председателей Конституционного и Верховного Судов,. При всём уважении к людям, занимающим сегодня эти должности, я, опираясь на личный опыт, не могу исключать возможности, что при принятии Госдумой решений об их назначении на нынешние посты, не срабатывали коррупционные механизмы. Наличие такой возможности, на мой взгляд, гораздо важнее, чем установленные факты её реализации.

6. Утверждаю, как бывший Советник Главного Аналитического Управления Госдумы в период с 1993 по 2001 год, при каждом из голосований по кандидатурам на занятие перечисленных государственных должностей среди депутатов возникал практически ничем не прикрытый коррупционный ажиотаж, а самым главным звеном в реализации «коррупционных схем», predeterminedенных законодательным «статусом народного депутата» всегда оказывались два фактора: внешний, – так называемые Пиар-агентства, внутренний, – сонм «коррупционно-озабоченных» «помощников депутатов на безвозмездной основе». А их у некоторых депутатов иногда набиралось по несколько десятков. Причем, каждый и сам из «коррупционной кормушки» до сыта клевал и «полномочному шефу» в клюве приносил. Абсолютно уверен, что в этом компоненте функционирования Госдумы ничего не изменилось до сих пор.

7. И, наконец, главное. Я уже несколько лет, – признаю, безуспешно, – пытаюсь привлечь внимание высших должностных лиц государства, Путина в том числе, **(но мои Обращения до него, в чем я абсолютно убежден, даже не доходят, что навело меня на мысль о добровольном отказе от российского гражданства... В.Г.)**, что представительная демократия как классическая посредническая структура в политической жизни России, давно исчерпала свой функциональный ресурс, превратившись в непосильный балласт управления, содержание которого обходится стране почти в 14 процентов ВВП, то есть втрое больше средств, чем уходит на оборону.

Более того, существование так называемого «депутатского корпуса» стало сегодня питательной почвой, главным компонентом сложившейся в стране системы вездесущей коррупции, при которой даже борьба с ней обрела признаки типичных корпоративно-мафиозных способов обогащения. Пока не будет упразднен депутатский корпус, являющийся системообразующим компонентом нынешней коррупции, никаких позитивных сдвигов не произойдет ни в борьбе с ней, ни с её неизбежными последствиями. Коррупция воспроизводит себя сейчас и будет продолжать воспроизводить впредь, до тех пор, пока будет существовать избираемый населением депутатский корпус.

Не будь в России депутатского корпуса, – его функции давно уже продублированы полномочиями Президента и исполнительной власти, майские Указы Президента 2012 года тому наглядный пример, – понесенной утраты никто бы даже не заметил. Во всяком случае, на обеспечении жизнеспособности страны и жизнедеятельности населения это никак не скажется. Проверено и доказано практикой.

Зато тут же появится не только шанс, но и ресурс для мощнейшего идейно-политического и социально-экономического прорыва, в котором сегодня так нуждается Россия. Народ действительно почувствует, что не депутаты, а именно он является **«носителем государственного суверенитета и единственным источником власти в стране»**, как это провозглашено Конституцией РФ. А это огромный мобилизационный потенциал повышения гражданской активности до сих пор ещё не задействованный.

Стоит лишь упразднить представительные органы власти, которые уже давно исчерпали свой функциональный ресурс, тут же появится возможность **не на жалкие 3-4 процента компенсировать людям потери от темпов инфляции, а сразу вдвое увеличить пенсии, социальные пособия инвалидам, зарплаты бюджетникам. В итоге в один момент ровно вдвое вырос бы уровень благосостояния почти 80 миллионов человек.** Спросите у граждан России, что они предпочтут: дальнейшее существование иждивенческо-паразитического депутатского корпуса или двойное повышение уровня жизни? Я лично в ответе не сомневаюсь.

Да и к решению уже озвученных Президентом В. Путиным и Премьером Д. Медведевым насущных задач по эффективному реформированию системы

Управления страной мы в этом случае подойдем вплотную. Для такого реформирования, как правило, никогда не следует придумывать что-либо новое. Начинать нужно с отсеечения старого, давно отслужившего свой функциональный срок.

В результате нынешняя система управления, основанная на принципах идейно-политического и организационно-фракционного плюрализма, разделения властей с прицелом на создание «взаимных сдержек и противовесов» объективно оказалась в полосе принятия заведомо ошибочных решений. Вот почему в 2018-ом целесообразнее всего провести не очередные президентские выборы, а всероссийский референдум по вопросу о переходе к принципиально новой системе управления, отвечающей не корыстным интересам депутатского корпуса, а запросам страны и времени».

Отправлено 5 октября 2016 года.

**ОБРАЩЕНИЕ В ЦЕНТРАЛЬНУЮ
ИЗБИРАТЕЛЬНУЮ КОМИССИЮ ОТ 18 марта 2018 г.**

Памятуя о том, – а мне 28 марта исполнится 76 лет, – как чутко при Советской власти реагировали Ваши коллеги абсолютно всех уровней на официальные заявления об отказе участвовать в выборах, довожу до Вашего сведения, что именно сегодня дела именно это и я в знак протеста против вопиющего нарушения гарантированного мне Конституцией РФ (См. Конституция РФ Статья 3, п.1.) права непосредственно участвовать в принятии решений, в том числе государственных, по которым предстоит жить гражданам России.

Никакой реакции не жду, никаких можете действий не предпринимать, как в отношении моих обращений делает сам президент РФ В.В. Путин.

Виктор ГУЩИН, Государственный Советник РФ, пенсионер, инвалид-колясочник, к сожалению, не имеющей физической возможности высказать Вам свои соображения в лицо

Урок четвертый: СТРАТЕГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПЕРХОДА К ПРЯМОМУ НАРОДНОМУ САМОУПРАВЛЕНИЮ. ПО СУТИ И В ДЕТАЛЯХ

Данную главу, с учетом методического предназначения книги, на что я уже обращал внимание в самом начале, по содержанию считаю ключевой. Опыт проведенных исследований мне самому продемонстрировал, что абстрактные, пусть даже самые правильные представления об обсуждаемой жизненной проблеме, ещё не определяют уровень её практического восприятия обыденным сознанием.

Помню, года три или четыре назад, после почти трехчасовой лекции на тему о перспективах установления в России системы Народного Самоуправления, которую довольно многочисленная аудитория, – в аудитории присутствовало человек 200-250, – по ходу выступления воспринимала с неподдельным интересом, я попросил слушателей задать последний вопрос, который бы позволил мне судить об уровне восприятия рассказанного.

Услышанное повергло меня в шок: «Делать-то чего следует, чтобы такое самоуправление наконец-то настало?». А я-то был уверен, что всё своё выступление, именно ответу на этот вопрос и посвятил... С тех пор в любое своё выступление о перспективах перехода от «представительной демократии» в какой бы аудитории это не происходило включаю обязательный методологический сюжет о пяти основополагающих аспектах заявленной темы. Начну с первого.

1.Аспект конкретно-исторический. Модель прямого народного самоуправления не является выдуманной, искусственно сконструированной. Она появилась на свет свыше двух тысяч лет назад, еще накануне Новой Эры, под воздействием представлений людей об организации собственной жизни, которые на то время считались естественными и разумными.

Так возникли древнегреческие полисы, в которых все вопросы коллективного жизнеобеспечения решались на центральной городской площади по призыву вечевого колокола, звук которого в нужный момент разносился на «всю округу». Вечевой колокол был в ту пору единственным средством оперативной общественной коммуникации.

Древнегреческий период оставил глубокий след в истории, с которым связаны величайшие достижения человечества во всех областях

жизни, не утратившие своего значения до сих пор. Имена Македонского, Аристотеля, Архимеда, Пифагора, Эвклида, Гомера, Эзопа, Геродота, Фидия, Плутарха, Платона, Демосфена, Сократа, перечисляю только тех, кто первым пришел на память, остаются Великими до сих пор. Ни одна другая эпоха, ни одна другая страна не оставила нам такого богатейшего наследия.

Мало этого, истоки современной науки, литературы, культуры, искусства, архитектуры, театра, спорта восходят к Древней Греции. Это не могло произойти случайно. Что же было в таком случае реальной причиной такого взлета, какие конкретные стимулирующие обстоятельства отличали жизнь людей тогдашнего времени от нынешнего?

Знаний, опыта, умений, материальных и технических возможностей, было гораздо меньше, чем сейчас, а вот качественный уровень принимаемых решений, особенно с точки зрения их глубины и эффективности, остаётся недостижимым образцом поныне. Но тут нужно иметь в виду, что такое решение приходило вовсе не спонтанно, не потому что каждый приходил на площадь со своим собственным мнением, а уходил с коллективным, фактически обретшим силу закона, обязательного к исполнению.

Проекты таких решений тщательно готовились городским советом старейшин, так называемым ареопагом, который формировался трояким способом: треть его состава включала наиболее авторитетных и уважаемых граждан разных сословий, ещё треть, как сейчас бы сказали, «полномочных мандатов», выкупалась состоятельными горожанами, оставшаяся часть ареопага заполнялась по воле жребия.

Эти структуры можно с полным основанием считать своего рода прообразами нынешних парламентов и законодательных собраний за одним исключением: они готовили лишь проекты решений, – их могло быть несколько, – но вопрос их принятия, то есть превращения в закон, обязательно выносился на депутатское как сейчас, а публичное общегородское голосование.

При этом каждый участник голосования мог не только внести свои предложения по содержанию закона, но и заявить о своем несогласии с ним, заявив о своем праве требовать его отмены, если сумеет доказать, что лично ему как жителю города действие принятого закона нанесло какой-либо ощутимый ущерб или урон.

Иными словами, граждане древнегреческих полисов, действительно становились главными действующими лицами городского самоуправления, поскольку именно им принадлежало право принимать решения, по которым предстояло жить. В историческом смысле, я полагаю,

гаю, высочайшие достижения Древней Греции как самостоятельного этапа человеческой цивилизации, были предопределены именно практикой гражданского самоуправления.

Решающей предпосылкой этих достижений, я так считаю, могло быть только одно условие: принимаемые решения были плодом раскрепощенного коллективного разума, в котором воплощались силы и возможности каждого гражданина древнегреческих полисов, подкрепленные личной ответственностью за реализацию достигнутого «площадного согласия».

В разных сферах жизни и деятельности людей этот фактор проявлялся по-своему, но полета мысли никто не сковывал, формальных преград для коллективной и индивидуальной самореализации не создавал, творческих порывов не глушил. Отсюда и величайший совокупный Коэффициент полезного действия эпохи.

Никаких других преимуществ у древних греков по сравнению с нами не было и быть не могло, а вот коэффициент эффективности принимавшихся тогда решений и осуществленных замыслов, остается недостижимым до сих пор, причем в самых интеллектуальных, творчески ориентированных сферах человеческой деятельности.

И это зафиксировано не только на исторических скрижалях, но и в генетической памяти людей, которая сегодня даёт о себе знать в, казалось бы, самых неожиданных ситуациях. Чаще всего, в размышлениях о будущем. Если иметь в виду мобилизационный потенциал повышения гражданской активности, то при голосовании за конкретные решения и их реализацию будет намного выше, чем за передачу такого права кому бы то ни было.

Но коли это так читатели, конечно, вправе спросить: если это так, то почему те же самые греки, от оправдавшего себя метода принятия решений отказались. Отвечаю. Просто такая возможность не поспевала за темпами появления и формирования крупномасштабных государств. Ведь самоуправление это принятие решений «в живую».

В одном городе для голосования по конкретным вопросам, а их как правило для выбора предлагалось несколько вариантов по каждому. Горожане голосовали за один из вариантов по своему выбору, проект решения набравший большинство голосов принимался к исполнению.

Гражданская дисциплина в самоуправляющихся древнегреческих полисах была жесточайшая: неучастие в обсуждении проектов, вынесенных на голосование влекло за собой строжайшее общественное порицание. Именно с той поры вошло в оборот обидное прозвище –

«ИДИОТЫ». Так с «легкой руки» Аристотеля стали называть людей, отказавшийся участвовать в процедуре голосования.

Это было, скорее всего, интуитивное, но абсолютно правильное решение. Дело в том, что ученые с течением времени пришли к выводу, идеальных, всех устраивающих решений, не бывает вообще. Надо искать оптимальные, то есть наилучшее из всех реально возможных. Как его найти?

Долго думали, моделировали разные подходы, но потом пришли к выводу: к принятию решений необходимо привлекать максимально возможное число заинтересованных людей, сумма их голосования и даст оптимальный результат. Так, если в нескольких словах, выглядело тогдашнее полисное самоуправление.

В бурное историческое развитие, включая формирование крупномасштабных государств, методы древнегреческого полисного самоуправления, дававшие в смысле эффективности высочайшие показатели полезного действия, перестали вписываться.

Где в одном месте соберешь жителей всего государства, как согласишь вынесение на голосование варианты решений в стране, население которой многократно превышает число жителей любого, даже самого большого полиса, в смысле города-государства, и т.д. и т.п.

Вот и пришлось сначала переходить к выдвижению делегатов от каждого города, которых иногда пытались созвать, не получалось. Потом стали выбирать «депутатов» от каждой тысячи, затем 10 тысяч, затем 50-ти жителей государства для постоянных заседаний в «парламентах» и «сенатах».

Так на месте прямой «ДЕМОКРАТИИ», что значит «ВЛАСТЬ НАРОДА», появился её суррогатный как бы модернизированный вариант: «ДЕМОКРАТИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНАЯ», предопределившая на многие и долгие годы, даже столетия, развитие человеческой цивилизации.

У представительной демократии немало заслуг, никто этого не отрицает. Но она тоже вышла на рубеж, когда стало очевидным: её управленческий ресурс исчерпан, она уже не поспевает за временем. Стали думать, как его догонять в новых условиях. Мысль навела на парадоксальное решение: попытаться вернуться к древнегреческому самоуправлению.

Ведь от него отказались не потому, что он изжил себя в принципе, по сути. Вовсе нет, это случилось, по сугубо организационным и техническим причинам, становилась всё затруднительнее соблюдать принципы самоуправления. А потом это стало вообще невозможно.

Сегодня непреодолимых преград для реализации самоуправления уже не существует. Это случилось лет 10-15 назад, благодаря развитию информационных и коммуникационных технологий. Теперь с помощью Интернета любые вопросы согласования, содержания проектов решений, их детального обсуждения и самого голосования, достигли и усовершенствовались до уровня, о котором жители древнегреческих полисов не могли даже мечтать.

Все проблемы, организационные и содержательные, можно решать нажатием кнопки на соответствующем «**Пульте самоуправления**» размером с мобильный телефон, которым будет обладать каждый. Это, конечно, всех проблем, связанных с функционированием народного самоуправления в современных условиях не исчерпывает, но для начала в общих пределах понимания сути такой системы, вполне достаточно.

2.Аспект идейно-политический. В Основном Законе РФ в ключевой Статье под номером 3 сказано: *«1. Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ. 2. Народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления 3. Высшим непосредственным выражением власти народа являются референдум и свободные выборы».*

В процитированном тексте Конституции России я выделил полужирным шрифтом те позиции, которые, будучи провозглашенными как реально действующие, на самом деле к нынешней нашей жизни никакого отношения не имеют.

Никаких механизмов, способов или средств, которые бы олицетворяли или хотя бы обозначали тот факт, что российский многонациональный народ является *«носителем государственного суверенитета и единственным, -- обращаю внимание, ЕДИНСТВЕННЫМ, – источником власти»*, я лично не ощущаю, не вижу, не знаю, не нахожу при всем старании. На себе, по крайней мере, их действие ни разу не испытал.

Приходится полагаться на содержащуюся в тексте самой же Конституции подсказку: такие «механизмы, способы и средства» должны себя проявлять в, якобы, предоставленной мне возможности участвовать в принятии государственных решений, в том числе с помощью *«референдумов»*, которые согласно Конституции *«являются высшим непосредственным выражением власти народа».*

Полагаю, уточнять, что я сам за свою жизнь никогда *«непосредственного»* участия в принятии государственных решений не прини-

мал, – никто мне такой возможности не предоставлял и до сих пор не предоставляет, – а *«референдумы»* за годы существования демократической России, то есть с 1993-го года по настоящее время, вообще не проводились. Хотя и продолжают считаться **высшим непосредственным выражением как народной воли, так и народной власти...**

Спрашивается, почему же мы не делаем, или, как минимум, не доделываем того, что провозгласили в Основном Законе своим наивысшим устремлением, смыслом и целью «общественного бытия»? Ведь это же ясно, где пренебрегают высшими формами принятия решений, там, с течением времени, и «низшие» перестают работать. Это один из неписанных, но непререкаемых законов общественного развития...

Когда приходится выразить собственное недоумение по этому поводу, мне обычно напоминают, что Конституция хотя и считается правовым документом прямого действия, в целом ряде своих положений остаётся на уровне деклараций, ориентированных в будущее, в наши надежды и мечты, и в нынешней общественно-политической практике, ожидать, тем более требовать их применения, не стоит.

Пока, мол, следует больше полагаться на «механизмы, способы и средства» из набора принципов представительной демократии, а именно, «разделения властей», «взаимных сдержек и противовесов», «партийного плюрализма», «социального партнерства», «свободных выборов», на самом деле давно утративших свое «управленческое содержание» и превратившиеся в тормоз общественно-политического развития и в коррупционный «катализатор». Да это и понятно. Обязательно приходит время, когда любые посредники, будь то в бизнесе или политике, начинают работать только на себя.

Причина «перестроечных» попыток неудачного либерально-демократического реформирования России в 1985-1991-го годах состоит именно в этом. В распоряжении реформаторов, к их услугам, были, казалось бы, лучшие образцы управления страной и обществом на демо-представительской основе, что называется, выбирай и пользуйся.

Не хватает отечественного опыта, к вашим услугам зарубежный, но и он удачи не принес. После всего с Россией случившегося в 90-ые годы было бы глупо и неосмотрительно запускать демократическое реформирование России по новому кругу, которое наверняка не приведет к прорыву. А нужен именно прорыв.

Так что выход надо искать не в представительной демократии, имеющей сквозной посреднический характер, когда одни принимают решения за других, не в новых «честных выборах», всякий раз оборачивающихся имитацией и глубокими разочарованиями, а в возвраще-

нии к практике прямого народного самоуправления, от которого две тысячи лет назад пришлось отказаться не потому, что оно себя исчерпало функционально, а в силу отсутствия или несовершенства технических средств и организационных возможностей, не позволявших угнаться за высокими темпами развития общества.

3. Аспект социально-экономический. Сейчас навскидку не вспомню кто сказал, но сказал правильно: **«Наиболее быстрыми темпами будут развиваться страны, которые найдут наиболее дешевые систему управления».** Представительная демократия с её громоздкими и дорогостоящими выборами, с необходимостью содержать при представительных органах власти многочисленный сонм депутатской obsługi, разного рода помощников, консультантов, референтов, советников, секретарей, персональных водителей, обеспечивать депутатский корпус высоким рабочим и бытовым статутом существования, совершенно неадекватный предполагаемой отдаче, – точно не знаю, но уверен, что она не велика, – лежит тяжким грузом на плечах российских граждан.

На одно только содержание депутатского корпуса разных уровней ежегодно уходит свыше 13 процентов Внутреннего Валового Продукта, то есть в три раза больше, чем на оборону страны. Колоссальная сумма, до которой далеко не всегда дотягивает оценка ущерба от глобальных катастроф!!!

Ни одна из отраслей народного хозяйства не в состоянии покрыть такие расходы. Все доходы от добычи нефти, угля и газа по сути дела «проживают, проедают, пропивают, прогуливают» депутаты. Не будь депутатов, можно было бы решить важнейшую задачу, которую в России встретили бы «на ура».

Речь идет о двукратном моментальном увеличении пенсий, стипендий студентам, социальных пособий ветеранам и инвалидам, заработных плат работникам бюджетной сферы. Это в условиях, когда в нынешнем бюджете не хватает средств на четырехпроцентную индексацию пенсий!

А тут вдруг за счет упразднения давно исчерпавшего свой функциональный ресурс депутатского корпуса, не только пенсионеры, а почти 80 процентов взрослого населения России получают возможность не на четыре жалких процента, а сразу вдвое повысить свой жизненный уровень.

Задайте всем россиянам вопрос: что бы они предпочли, двукратное увеличение зарплаты, или сохранение представительных органов власти? Ответ будет наверняка единогласный – мы все за двукратное

увеличение зарплаты и полное упразднение представительных органов власти, только имитирующих воплощение народной воли, а на самом деле паразитирующих якобы на защите его интересов.

Никакие иные реформы, кто бы их ни предлагал, Кудрин, Глазьев, Титов, Шохин, или Касьянов, Рыжков, Навальный, Прохоров, даже Жириновский, такого эффекта как переход к прямому народному самоуправлению не принесут. Новоиспеченные реформаторы не предлагают ничего кроме призрачных надежд на «углубление и совершенствование» псевдodemократических методов управления, уже давно не приносящих прежнего эффекта.

Нужны не реформы, не «модернизация», возле которых Россия топчется вот уже четверть века, нужен именно «прорыв», стремительный выход из нынешнего системного кризиса, который в состоянии обеспечить только переход к прямому народному самоуправлению, хотя бы только за счет «отсечения лишнего», то есть экономии огромных средств, идущих на содержание депутатского корпуса.

Все больше людей начинают понимать, что поиски самых умных из умных, и самых лучших из лучших, ни к чему не приводят. Рост благосостояния зависит не от персонального состава власти, не от качественного состояния элит и их представителей, даже выдающихся, а от реальных возможностей страны, от совокупного уровня зрелости общественного сознания.

Если страна притормозила в своем развитии, а то и вообще «зависла», как иногда случается при запуске пассажирских воздушных шаров, значит прежде всего «за борт» нужно выбросить непомерный и непосильный балласт, а затем уже думать над новыми возможностями продолжения подъема.

Представительные органы власти уже давно превратились для России в сверхнормативное бремя, от которого надо избавляться. Причем, это никак не скажется на снижении качества управления страной, наоборот, приведет к резкому повышению его эффективности. Ведь на самом деле нынешняя система государственного управления состоит, как сказали бы садоводы, из **«намеренно запараллеленных ветвей власти»**, как это делают в яблоневых садах, предназначенных не для ручного, а машинно-автоматизированного сбора урожая.

Вот и при нынешней демократии, две её основные ветви, – представительная и исполнительная, – на всем пространстве своей деятельности на самом деле дублируют друг друга. У депутатов практически нет ни одного функционального права или обязанности, которые не страховались бы возможностями других государственных органов, су-

дов, нотариатов, социальных служб, структурами гражданского общества или волонтерским движением.

После выборов 1999 года в Ульяновской области, в бытность губернаторства генерала Шаманова, из-за активного голосования избирателей по графе «против всех», Законодательное собрание не добрало до необходимого кворума около трети депутатов и поэтому почти полтора года бездействовало. Так этого, за исключением самих депутатов, фактически никто даже не заметил. Жизнеспособность региона обеспечивалась в полном объеме и абсолютно по всем направлениям.

Такая система властного взаимодействия изначально была выстроена исходя из принципов «разделения властей с целью создания взаимных сдержек и противовесов в ходе принятия и реализации решений», ныне совершенно исчерпавших свой управленческий смысл и предназначение, или, как я из раза в раз повторяю, «утратила свой функциональный потенциал».

В России это случилось в 2006-ом году, когда в результате совместных усилий Фракции «Единой России» в Государственной Думе и тогдашнего руководства Центральной Избирательной Комиссии (**Что должно быть особенно обидно для её нынешнего состава,..В.Г.**) в российское избирательное законодательство были внесены поправки, по которым представительная демократия утратила свою изначальную легитимность, то есть формальное право считаться «властью народа». С этого момента сами выборы, а вместе с ними и полномочия так называемых «народных избранников» стали признаваться действительными независимо от числа избирателей, участвовавших в выборах.

В некоторых странах, в отличие от России, например, в Латинской Америке участие в выборах всегда считалось и до сих пор считается обязательным. За неучастие в них строго наказывают, вплоть до тюремного заключения.

Аналогичным образом, считая неучастие в выборах вопиющим нарушением гражданского долга, поступают и во многих других странах, в том числе европейских. К примеру, в Италии, Австрии, Бельгии, Голландии, Греции, Люксембурге, Германии, Кипре. Где-то штрафуют, где-то объявляют общественное порицание, где-то лишают права занимать государственные должности, но практически нигде неучастие в выборах не поощряется, тем более, как у нас, не стимулируется.

(См. **Справка: ria.ru/spravka/20140626/1013682909.html#ixzz4BA5bWPZ**).

Прежде, до 2006 года любые выборы в Российской Федерации считались состоявшимися, если в них участвовали 20 процентов на

региональных выборах, не менее 25 процентов – на федеральных парламентских и не менее 50 процентов – на президентских. Это, пусть не полностью, пусть всего на 20-25 процентов, но хоть как-то ассоциировалось с понятием «народная власть». Теперь никаких ассоциаций на этот счёт не возникает.

Откуда им взяться, если «кандидат в депутаты» в результате выборов автоматически становится «народным избранником», даже если в день голосования на избирательный участок придет только один человек. Именно это обстоятельство, я так считаю, сделало переход от нынешней представительной демократии к прямому народному самоуправлению неотвратимым.

Зачем вообще нужны выборы, Центральная Избирательная Комиссия, Государственная Дума, региональные Законодательные собрания, представительные органы власти на местах, если в конечном итоге Закону всё равно, кто и как становится депутатом.

Демократия зарождалась во времена, которые вообще ещё не давали полной ясности в каком направлении следует двигаться, когда ни та ни другая власть, – исполнительная и представительная, – по сугубо объективным причинам, включая организационные и технологические, не могли работать с населением напрямую, хотя считалось, что обе действуют от имени народа и защищают его интересы.

Поэтому властям, исполнительной и представительной, пришлось создавать, по сути дела вынужденно, суррогатно-посредническую систему согласования позиций, как на уровне принятия решений, так и их реализации. Но теперь-то в этом никакой необходимости нет.

Вот уже несколько лет как функциональная нужда в параллельном существовании двух ветвей власти абсолютно отпала, – сегодня не составляет труда с помощью современных средств коммуникаций организовать общероссийские веб-референдумы по любому законодательному проекту или правительственному решению. И это займет не больше часа.

В случае перехода на систему принятия решений, в том числе и с помощью Интернет-технологий, непосредственно гражданами, необходимость в существовании депутатского корпуса вообще отпадает. Что совершенно естественно при переходе от выборов депутатов к системе прямого участия граждан в принятии решений. Зачем посредники, когда возникшие проблемы и вопросы можно решать напрямую с «носителями единственного, – еще раз подчеркиваю, **ЕДИНСТВЕННОГО**, – источника власти в стране».

При этом сама по себе возможность выбора, что считается одним из важнейших достижений демократии, не исчезает, а поднимается на более высокий уровень. Выборы сами по себе сохраняются, но их содержательный потенциал становится гораздо весомей и прозрачней. При выборе депутатов в конечном счете всё равно имеются в виду решения, которые они будут предлагать и принимать, с обязательными ссылками на интересы избирателей.

С учетом такой неотвратимой перспективы становится абсолютно ясно: при голосовании не за «котов в мешках» как ныне, а за принятие конкретных управленческих решений, – напомню на всякий случай, что Законы тоже своего рода управленческие решения, – сделанный выбор окажется заведомо продуктивней.

Пусть люди сами напрямую решают при каком из предложенных решений им было бы удобнее жить. Подготовку проектов таких решений, о чем свидетельствуют майские 2012 года президентские Указы, по которым страна ныне сверяет пройденный путь, уже взяла на себя исполнительная власть.

Только их нужно будет вводить в действие не президентскими Указами, как сейчас, а по результатам прямого голосования граждан. Пусть даже полученные результаты будут такими же, что и сегодня, зато они обойдутся во много раз дешевле.

При этом том правом выносить проекты решений на прямое народное голосование должен обладать не только президент, но и существующие политические партии до тех пор, пока они будут сохраняться, общественные объединения и даже инициативные группы, специально возникшие с целью проведения через прямое народное голосование своих проектов. Чем больше будет таких проектов, тем шире станут возможности выбора гражданами варианта решения в максимальной степени отвечающего их конкретным интересам, индивидуальным и коллективным.

При переходе от нынешней представительной демократии на систему принятия государственных решений, не через депутатов-посредников, а с непосредственным участием граждан, исчезновения с «управленческого поля» депутатского корпуса никто бы даже не заметил.

Кроме самих «народных избранников», конечно. Они давно уже сформировались в самостоятельный «политический класс», превративший власть в средство производства денег и иных материальных и нематериальных благ, пригодных для личного потребления.

Полагаю, если судить по президентскому Посланию Федеральному Собранию от 12 декабря 2013 года, референдум по вопросу о пе-

реходе от представительной демократии к прямому народному планированию уже в 2014 году, приурочив его к 150-летию юбилею российского Земского самоуправления.

Вот слова из Послания имеющие, на мой взгляд, прямое отношение к намерению В. Путина вынести на первый в истории современной России референдум именно вопрос о переходе к народному самоуправлению: **«Современной России необходима широкая общественная дискуссия, причем с практическими результатами, когда общественные инициативы становятся частью государственной политики и общество контролирует их исполнение.»**

Соответствующую часть Послания, предшествующую этому высказыванию Президента, которую кроме меня практически никто не цитирует, я уже воспроизвел в качестве документального материала при рассмотрении диалектических компонентов **«концептуальной прогностической идеи»**.

Уверен, в решении вынести вопрос о самоуправлении на референдум было бы не больше риска, чем при отмене губернаторских выборов в 2004 году, а выгод может оказаться гораздо больше. В том числе и в смысле политической биографии самого В. Путина.

Кстати, именно отмена губернаторских выборов с последующей их модернизацией, стала самым крупным шагом Президента к созданию дееспособной вертикали исполнительной власти, без которой переход к народному самоуправлению просто не возможен. В последующие годы В. Путин уверенно двигался к самоуправлению по пяти основным направлениям, пока в начале 2014 года этот путь не перегородил российско-украинско-евро-американский политический кризис.

4.Аспект организационно-технологический. Если по правде, то мне не известно ни одного убедительного аргумента, который бы ставил под сомнение потенциальные возможности прямого народного самоуправления. Да и против чего возражать?! Самоуправление, к обеспечению которого надо стремиться, давно и всеми признано **«наивысшим выражением народной воли и народной власти»**. Депутаты лишь временные посредники в достижении этой цели.

Ведь не случайно же они все, сплошь и рядом стоят на том, что принимаемые государственные решения должны прежде всего быть отражением воли народа и воплощением интересов страны. Но натываясь на вопрос, почему же мы этого не делаем при непосредственном участии российских граждан в принятии решений, а перепоручаем это важнейшее дело депутатам, мои оппоненты, как правило, тут же идут на попятную.

Мол, переход к прямому народному самоуправлению, предполагает иной, гораздо более высокий уровень гражданской зрелости, чем сейчас, да и организационно-технологических проблем с таким переходом, наверняка возникнет уйма, в том числе и непреодолимых.

Обычно я заявляю в ответ: что касается уровня гражданской зрелости, то не думаю, что по этому показателю мы в чем-то уступаем древним грекам. Иное дело организационно-технологические проблемы. Здесь они до недавнего времени действительно были, не исключая непреодолимых.

Но вот уже как лет десять-пятнадцать развитие информационных технологий и средств связи, вышло на уровень, когда средства оповещения и личного общения людей в сотни, а может и тысячи раз, превзошло тот уровень, которого было достаточно для высоко эффективного функционирования системы прямого народного самоуправления в границах древнегреческих полисов.

Разница в масштабах здесь ни при чём, важно, что ныне в распоряжении людей оказалась возможность использовать в своих интересах сам принцип принятия решений, исторически себя прекрасно зарекомендовавший. Сегодня, если потребуются, к непосредственному участию в принятии решений, хоть государственных, хоть планетарных, можно привлечь одновременно десятки, а то и сотни миллионов людей. Было бы желание.

Для этого всего и нужно, чтобы каждый человек стал обладателем малогабаритного электронного пульта, на манер мобильного телефона, с индивидуальным кодом пользователя, обеспечивающего моментальную и надежную связь с Принимающим информационным блоком, размещенным в Центре управления Проектом, в случае демократических выборов, раньше посредников-депутатов, а в предлагаемом проекте конкретных решений, в Центральной Избирательной Комиссии.

Уже давно таким образом по всему свету путешествуют деньги, почему бы точно таким же способом не путешествовать мыслям и принимаемым решениям. Иными словами, сегодня непреодолимых организационных, технологических или иных принципиальных препятствий для перехода к прямому народному самоуправлению уже не существует. За исключением одного, о котором речь чуть ниже.

Комментарий на коммуникационном Интернет-портале «НОВОСТИ@mail.ru». Виктор Гущин: *«Меня, скажу по правде, давно волнует и даже беспокоит один вопрос: совершенно разные, но безусловно умные люди, не уступающие друг другу в уме, интеллигент-*

ности и приятности, во всех средствах массовой информации, включая Интернет, горячо спорят, иногда с пеной у рта, что нужно делать, чтобы народ жил лучше, а страна становилась богаче. А спроси каждого, что для этого нужно делать, те, другие, третьи, четвертые и даже пятые отвечают: выбери меня, мы будем принимать решения, которые вас и страну обогатят.

Сколько уже раз всевозможных доверенных политических лиц выбирали-выбирали, сейчас выбираем-выбираем, и похоже, ещё долго будем выбирать-выбирать всё с тем же эффектом. А что, если без Вас, разлюбезные умники, попытаться обойтись, в том числе и без вас разлюбезный г-н Кудрин?

Давайте вместе с вашим Комитетом гражданских инициатив поступим иначе: вынесем на выборы ни кандидатуры кандидатов в депутаты, а различные проекты конкретных решений по жизненно важным для людей и страны вопросам, и пусть люди сами выбирают наиболее подходящий для них вариант решения. Ведь это им, нам, то есть, по этим решениям предстоит жить...

Предполагаю, что я в таких вопросах разберусь, как и все остальные, не хуже Кудрина, Глазьева, Силуанова, даже Жириновского. Давайте переведем на такой порядок принятия решений не только на нижайший уровень управления, села, поселки муниципалитеты.

Сегодняшние коммуникационные возможности позволяют выносить на непосредственное голосование любые вопросы, а не продолжать это делать через давно утратившие народное доверие так называемые представительные органы власти: парламенты, Заксобрания, Думы и думки разные. Люди в своей гражданской совокупности, что подтверждает исторический опыт, не глупее депутатов, кудриных, глазьевых, жириновских. Да и себе таким образом жизнь облегчите.

Приняли люди решения, пусть сами за результаты и отвечают. А то надоело разных умников слушать, а продолжать жить по-глупому... Я прав, г-н Кудрин? Ведь Вы, если я Вас правильно понял, за самоуправление? Я тоже, но вы лишь на уровне муниципалитетов, а я всей страны, как в Древней Греции....

А то надоели все эти ваши интеллектуальные ток-шоу, на тему о том, что нужно сделать, чтобы страна и народ жили лучше... Не из-за дурной экономики, ни из-за милитаризации страны Советский Союз погубили... А из-за идиотской болтовни вроде Вашей: «Перестройка», «демократия», «Горбачев», Ельцин... Уря-уря!!! А что получили? По основным тем же социально-экономическим показателям никак на уровень 1990 года выйти не можем...

5. Аспект научно-практический. Выдающийся российский ученый, мыслитель и общественный деятель В. Вернадский, проживший долгую и плодотворную жизнь, не обошел своим вниманием и проблему прямого народного самоуправления. Более того, он был одним из первых, кто считал, что она должна стать не только предметом широкой общественной дискуссии, но и объектом серьезных научных разработок. С этим он напрямую связывал общественно-политический и социально экономический прогресс страны.

На встречах со своими коллегами-учеными, начиная с первых лет двадцатого века, еще при самодержавии, а затем при советско-коммунистическом режиме, – кстати, между тем и другим Вернадский не видел большой разницы, – он часто повторял: *Для перехода России к прямому народному самоуправлению не нужно больше ничего кроме осознания самой необходимости такого перехода.* Но этого осознания как раз и не хватает. Решающая роль в ликвидации существующего «пробела» принадлежит науке. Она должна убедительно доказать людям, что другого пути к лучшему будущему кроме самоуправления, нет...

Однако вынужден признать, скорее даже обратить внимание на тот факт, что тема народного самоуправления до сих пор так и не привлекла к себе внимания ученых, по крайней мере в том ракурсе, о котором говорил В. Вернадский. Он в ней видел всеохватывающую систему вовлечения граждан в процессы управления страной. Однако, в нынешней трактовке, в том числе и научной, органы местного самоуправления даже под понятие власти не подпадают.

Была даже попытка, когда мне это позволили средства, совершенно чудом заработанные в 2006-ом году после участия в предотвращении рейдерского захвата здания бывшего Государственного Института Проектирования Металлургических Заводов (**ГИПРОМЕЗа**), создать на его базе Межрегиональный Прогностический Центр широкого профиля и богатейших научно-практических возможностей.

Всё было готово к открытию Центра, журналисты и почетные гости, представители заинтересованных в тесном сотрудничестве структур, уже были приглашены на презентацию. Однако, когда до намеченной встречи оставались считанные дни, случилась беда: при весьма странных обстоятельствах, погиб мой инвестиционный партнер, соучредитель Центра.

Сегодня на здании бывшего **ГИПРОМЕЗа**, что возле метро «Алексеевская» на Проспекте Мира 101, всё еще красуется шикарная офисная вывеска с уведомлением, что здесь, в этом здании, располо-

жился Межрегиональный Прогностический Центр. Я называю эту вывеску «мемориальной доской» в честь хорошо задуманной, но не осуществленной, к сожалению, идеи.

Сейчас я пытаюсь хотя бы в дискуссионном ракурсе заинтересовать своими подходами к проблемам народного самоуправления средства массовой информации, начав с испытанного в нашем творческом общении несколько Интернет-порталов, а в организационно-практическом **Центральную Избирательную Комиссию**.

Ведь самоуправление тоже сфера её непосредственной деятельности, хотя бы в пределах, очерченных В. Путиным в ежегодном Послании от 2013 года. Мне представляется совершенно очевидным, что при переходе к самоуправлению роль и значение ЦИК не только возрастут, но и обретут новое, гораздо более глубокое, чем сейчас, содержание.

Сегодня ЦИК прежде всего отвечает за соблюдение установленных избирательным законодательством процедур. При переходе на систему самоуправления в центре её внимания окажется не протокольный надзор за соблюдением и исполнением избирательного законодательства, а сам процесс и качество подготовки, выносимых для голосования на федеральных и региональных референдумах проектов решений, по которым предстоит жить стране и её гражданам.

Значит, ЦИК из организационной структуры, контролирующей и регулирующей подготовку и проведение депутатских выборов, должна будет стать ключевым звеном всей государственной системы управления, куда будут стекаться любые предложения, идеи и инициативы, рассчитанные на перспективу реализации.

Первое, что придется делать, это устанавливать соответствие предлагаемых проектов запросам времени, страны, народа. Решающее слово по этому вопросу будет принадлежать ЦИК. А это уже функции не Комиссии, а Генерального Штаба преобразования России. Выше по своим полномочиям в стране будет только Верховный Главнокомандующий...

Однако, вернемся к науке. В конце концов, я бы с любым непониманием, даже отторжением, смирился, если бы мне внятно объяснили, почему проблемы народного самоуправления науке не интересны. В результате возникает по сути дела неразрешимый парадокс: идею народного самоуправления в нашей стране признают государствообразующей, – **мы единственная в мире страна, объявившая себя в Конституции социальным государством, а сам народ «носителем суверенитета и единственным источником власти»,** – а вопросами ре-

ального претворения этой идеи в жизнь в её прямом предназначении никто заниматься не хочет.

Я догадываюсь почему это происходит, но сейчас, пока ещё не прозвучали слова В. Путина, на которые я мог бы сослаться в подтверждение собственной гипотезы о тайном замысле, – подчеркиваю, замысле, а не умысле, как некоторым может показаться, – не считаю нужным эту тему поднимать, поскольку такие рассуждения в любом случае уведут в сторону от сути проблемы.

Пока же, мне вполне достаточно уверенности, что **система народного самоуправления обладает уникальным признаком неотвратно реализуемой идеи: она воплощает собой максимально возможный мобилизационный потенциал созидательных устремлений личности.** Что, хотя и однажды, давно, зато навсегда и практически во всех сферах человеческой деятельности, доказали Древние Греки

Урок пятый (дополнительный): В СМЫСЛЕ ПРАКТИЧЕСКОЙ МЕТОДИКИ ПРЕДВИДЕНИЯ, ЛИДЕР ВСЁ-ЖЕ НЕ ГУЩИН, А ДМИТРИЙ МЕНДЕЛЕЕВ

Как я уже отмечал, размышления о «концептуальной прогностической идее» и коренных принципах её реализации вывели меня на потаенную суть «Периодической системы химических элементов» Менделеева, обозначающую «реперные точки открытий». Другого научного смысла у «Таблицы», если иметь в виду её функциональное предназначение, скрытую тайну «рациональной классификации составляющих её элементов», нет и быть не может. «Реперные точки» будущих открытий в «Таблице» обозначены графически: вот ведь парадокс – это пустые клеточки между элементами.

Именно из них, из этих «пустых» на первый взгляд клеточек, если, конечно, собственной мыслью эти пустоты не удастся заполнить, заведомо можно получить следующие сведения: каким новый элемент может быть, какими свойствами будет обладать, где его искать, каким способом получать? Это уже не просто таблица, а «Таблица Умножения Научных Открытий», Маршрутная Карта их целенаправленного достижения и постижения.

Идеальная форма прогностического предназначения в любых сферах науки. По сути дела, любые претензии на научный прогноз, каких бы сфер жизни они ни касались, должны отвечать требованиям, заложенным в «Таблице Менделеева». Вот в чем на самом деле его ОТКРЫТИЕ. Оно не конкретное, как это обычно бывает, даже не видовое или отраслевое, а общенаучное. Что называется, фундаментальное. Это понимать надо.

Лично для себя, без намерения кому-либо навязывать свои выводы и суждения, я попытался сформулировать эти «прогностические самоограничения» в виде своего рода «правил», некоторые из которых опираются не только на мой непосредственный опыт, но и на «методические завещания» Д.И. Менделеева, к научному авторитету которого я отношусь с величайшим доверием и даже научным пидетом. Не попадись мне эти «завещания» в работах великого русского ученого, я бы сам до них никогда не додумался. Не только ума, но и необходимой для этого смелости наверняка не хватило бы.

Правило первое. Не обольщаться приступая к прогностическим исследованиям на счёт якобы неперменного совпадения интересов власти и науки. Как правило, эти интересы оказываются в разных функциональных плоскостях. Власть стремится в своих решениях к обеспечению эффективности, в крайнем случае заведомой целесообразности, наука – к постижению истины. Точки зрения на этот счет далеко не всегда совпадают и поэтому отношения между властью и наукой во все времена были сложными, если не сказать напряженными.

Д. И. Менделеев здесь самый красноречивый пример. Уже будучи всемирно известным ученым, он долгое время оставался рядовым профессором Петербургского университета. И всё потому, что прослыл «крайне сварливым человеком, вечно недовольным властными решениями», абсолютно на всё имевшем собственные взгляды, которыми он всякий раз сопровождал решения властей.

И, вот ведь, парадокс, в науке до сих пор на первых местах оказываются не те, кто указал путь к открытиям, а те, кто угодный властям конкретный результат предъявил. По этому критерию Д.И. Менделеев до академического уровня до сих пор «не дотягивает», даже посмертно, хотя щедро одаривал идеями, заслуживающими этого звания, десятки, а то и сотни претендентов. В результате, он уступал многим «одаренным» его же щедрой рукой коллегам по числу научных открытий, но значительно превосходил их всех, поштучно и вместе взятых, по уровню и качеству научного мышления. Но кого это интересует?!...

Ведь критериев оценки такого дара до сих пор не выработано. Сам Д.И. Менделеев говорил, что ему **«научная конкретика не интересна»**. Один из очень именитых, авторитетных и уважаемых коллег Менделеева академик П.И. Вильден высказался по этому поводу так: *«У Менделеева слишком много идей; его живой ум увлекает его к новым и новым проблемам; его живая научная фантазия неисчерпаема, но для узко ограниченных вопросов у него не хватает выдержки, а может быть и школы»*.

Когда Д. Менделееву указывали, что он «как настоящий ученый» должен расшифровать «исследовательский код» своей «периодической таблицы», сам продемонстрировать её работоспособность и продуктивность на конкретных примерах, он всякий лишь пожимал плечами: **«Не вижу в этом смысла...»**. Для Д. Менделеева понимание «научного открытия» не исчерпывалось терминами «новое слово», оно простиралось гораздо дальше и выше понятия «выдающихся достижений», выходило за рамки научных званий и степеней.

Его вдохновляла сама способность, которой он обладал: подняться над всей сферой знаний, которыми обладал, и с этой высоты сразу увидеть процесс научного открытия от зачатия до рождения, не вынашивая плод месяцами в собственной голове. **Именно такая способность видеть одновременно старт и финиш, постановку вопроса и полученный на него ответ, составляет суть особого концептуального мышления, которое дается не свыше, а в результате большого целенаправленного труда самого человека.**

Представители тогдашней власти, чей интерес был больше ориентирован на достижение конкретных результатов, а не на концептуальные научные идеи, которые как правило поначалу всегда имеют отвлеченно абстрактный характер, всячески препятствовали карьерному росту ученого. Дело кончилось тем, что в 1880-ом году часть научного сообщества без оглядки на административные власти по собственной инициативе выдвинула кандидатуру Д. Менделеева на присуждение звания академика.

Отечественный академический научный мир сразу разделился по этому вопросу на два непримиримых крыла. Первое считало: **«Если ни он, то кто же»**. Здесь ставили во главу угла научные достижения Менделеева сугубо концептуального свойства, признанные повсюду в мире. Во втором, придерживались кардинально противоположного мнения: **«Кто угодно, только не он»**. Вот и выплеснулись разногласия наружу в 1880-м году при голосовании по вопросу о выдвижении Менделеева в члены Российской Академии, в ту пору учреждения почти что государственного, как, впрочем, и теперь...

В основном по причине крайне неуживчивого характера Менделеева, который «укороту» даже с помощью властей не поддавался, кандидатура Менделеева была жесточайшим образом забаллотирована той частью академического сообщества, которая всегда была «в паях и в ладах с властями».

«Ну что же, – сказал тогда Д.И. Менделеев выходя из зала после оглашения результатов голосования: «Я-вольный казак-хочу остаться вольным и им останусь во всяком случае». И больше уже никаких заявок на присуждение академического звания не подавал, а самой Академии выступить с такой инициативой вновь было уже как-то невдомек. Вплоть до сих пор...

Правило второе. *«Действительно научный прогноз никакого отношения к коллективным усилиям не имеет. Он плод индивидуального, а не коллективного творчества».* Эту «заповедь» подавляющее большинство представителей научной среды, из числа тех, с

кем приходилось беседовать, категорически отвергает, многие даже обижаются, когда об этом слышат.

Да это и понятно. У нас в России какой Институт, Общественно-научный Фонд или Центр ни возьми, в своем публичном предназначении обязательно «прогностическим» оказывается. А что не самом деле прогнозирует никому не известно.

Ввязываться в коллективное прогнозирование, создавая для этого специальные структуры, крайне нерационально. В таких затеях чаще всего оказываются, «один с сошкой, семеро с ложкой». В такой ситуации при любой попытке что-либо «научно предсказать», замучаетесь согласовывать амбиции и позиции, к единому мнению никогда не придёте, этому будут мешать десятки, а то и сотни оговорок, примечаний, альтернатив.

В результате, неизбежно окажетесь у «разбитого корыта». События произойдут гораздо раньше, чем вы их успеете «спрогнозировать». *«Научное дело коллегиально или коллективными силами делаться не может»*, говорил Д. Менделеев...

Правило третье. Прежде, чем браться за научное прогнозирование **необходимо научиться отделять «прогнозируемое» от «непрогнозируемого».** Я, например, никогда не посягаю на предсказание конкретных событий и личных политических биографий. Они всегда обременены сведениями, которыми вы не располагаете и не можете располагать.

Научному предвидению поддаются только процессы, обладающие исторической динамикой. На конкретные факты и имена можно выйти исключительно через анализ таких процессов. Но тогда это уже происходит как бы само собой и полученный результат следует рассматривать ни как самостоятельный, а «побочный» или «сопутствующий».

Правило четвертое. Следует заведомо отказаться от любых попыток браться за позитивные прогнозы. Хотя заказов больше всего бывает именно на них. Власть и общество, да и каждый человек в отдельности, – в начале материала я уже обмолвился об этом, – всегда ориентированы на получение соответствующих их представлениям, благоприятных результатов. Психологически это понятно, но существующие условия или обстоятельства далеко не всегда соответствуют таким ожиданиям и надеждам.

Более того, для научного восприятия позитивных направлений развития, человеческий мозг вообще не приспособлен. Он просто не обладает необходимыми для этого аналитическими механизмами. Об этом, в частности, свидетельствует статистика: из числа сбывшихся,

абсолютное большинство составляют исключительно негативные прогнозы. И это не случайно.

Инстинктом самосохранения, то есть даром предчувствия надвигающихся угроз и рисков, люди наделены от природы, а вот инстинктом «благовещания», отнюдь. Далее, в разделе о прогностической интуиции», об этом пойдет речь специально. Человеческое подсознание настроено на восприятие, если иметь в виду перспективу, только преград, препятствий, разного рода помех и на оказание им соответствующих противодействий.

Весь позитивный потенциал научного прогнозирования исчерпывается рекомендациями по ликвидации помех, преодолению препятствий. Я даже придумал для обозначения этой стороны научного прогнозирования специальный термин – **«позитивный негативизм»**.

Выпадающая на нашу долю радость, абсолютно всегда бывает нечаянной, то есть неожиданной. Что зафиксировано ещё в Библии. В одной Москве можно насчитать несколько церквей **«Нечаянной радости»**. Одну из них, на Шереметьевской улице, я посещаю регулярно, хотя признаюсь, радости от этого не прибавляется. Зато огорчений в избытке, да ещё предугадываемых наперёд с научной точностью и достоверностью, на базе вашей же собственной **«концептуальной прогностической идеи»**.

Правило пятое. У научного прогноза должен быть только один мотив – постижение истины или хотя бы движение в этом направлении. Во всех других случаях «научный прогноз», в подавляющем большинстве случаев кем-то заказанный и оплаченный, обязательно обернется конфузом.

На этой же позиции всю свою творческую и научную жизнь стоял один из величайших ученых мира, наш соотечественник Д. И. Менделеев, из-за чего, на мой взгляд, до сих пор так и не удостоился звания Академика. Он строго следил за тем, чтобы ни одна копейка из выделенных для научных исследований денег не уходила на личное потребление.

Именно по этой причине у меня не вызывает ни малейшего недоумения поступок Менделеева, озадачивший даже многих его сподвижников и до сих пор вызывающий недоумение у представителей нынешних научных, политических и журналистских элит. Речь идет об отказе от спонсорской поддержки, казалось бы, абсолютно благотворительной, во всяком случае, никакими условиями или пожеланиями не обремененной, если не считать детали, по нынешним временам пустяшной...

Достаточно оказалось лишь впечатления о возможности получения кем-то из окружения Менделеева, – он называет этого человека в своем письме, всего лишь «служителем», – «чаевых» в виде, как сейчас бы сказали, «мизерного отката» за «курьерскую доставку» до Менделеева спонсорских благотворительных сумм...

Привожу выдержку из соответствующей переписки по этому поводу Менделеева с заинтересованным лицом: *«Ваше отношение к моему проекту после выдачи денег служителю из процентов имеющихся сумм мне показалось столь неладным, что я немедленно по возвращении домой беру назад свое желание и отдаю Ваше согласие. Иными словами, денег, отпущенных на опыты, я не возьму... Так мне покойнее и лучше. А в этом деле мой покой и мое “лучше” я считаю важнее и существеннее не только приличий или огорчения... других, но даже и того обстоятельства, что Вы сочтете мое письмо и мой отказ за повод к какому-либо недоразумению».* **До чего жестко! Но как изящно, аж, «завидки» берут. Сегодня так не умеют, ни говорить, ни поступать...**

И ещё одна скорее «заповедь», чем правило, имеющая прямое отношение ко всем остальным и поэтому предъявляется как бы самостоятельно, не столько в научном, сколько морально-этическом и духовно-нравственном ракурсе. Автор прогноза всегда и во всем обязан быть «сам по себе», свободным от симпатий и антипатий, если хотите, даже от убеждений.

Прогностическое мышление должно, по моему мнению, всегда находится в девственной чистоте, не обремененной даже мыслью о возможности на нем заработать. Не обязательно денег, может, сделать что-то для самоутверждения, ради похвалы или одобрения с чьей-то стороны, внимания, продвижения по службе.

Стоит такому случиться, и вы неизбежно начнете, даже против собственной воли, что-то к чему-то, или кого-то к кому-то, подстраивать, приспособливать, присовокуплять, или наоборот, что-то от чего-то или кого-то от кого-то отвергать, отторгать, увеличивать или, наоборот, сокращать дистанцию...

Раз уж человек встал на научно-прогностическую стезю, то не только думать, но и жить должен строго по правилу: ни я никому, ни мне никто ничем, не обязаны. Всегда и всюду в силе остаются только морально-этические и духовно-нравственные ориентиры. Все остальное для прогностической практики лишняя обуза. Единственная, заслуживающая признания и уважения, мотивационная основа любого научного прогноза – это стремление и интерес к выбору кратчайшего пути к постижению истины.

Естественно, перечисленные «правила» и «заповеди» я никому не навязываю, ни на одной из них в качестве обязательной не настаиваю. И предъявляю их исключительно в качестве **личного морально-этического Прогностического Кодекса**, которым руководствуюсь в практической исследовательской работе. Мне они отслужили добром, надеюсь не подведут и других...

Заявка автора, то есть моя, на запуск в научно-терминологический оборот **«Прогностического Кодекса Виктора Гущина»**, в качестве открытия, еще не означает, что его таковым признают. К примеру, формально «Периодическая система химических элементов Менделеева», не смотря на свою всемирную знаменитость в разряд научных открытий не попадает, поскольку автор не «удосужился» расшифровать заложенный в ней «концептуальный код», не растолковал его всем в том виде, как это предусмотрено наукой.

То есть, как пользоваться «Таблицей», вроде бы всем ясно, а вот как Менделеев к «системе рациональной классификации химических элементов» пришел, в чем её «потаянная суть», никто и сегодня с полной уверенностью сказать не может. Демонстраций достижений, сделанных с помощью «Таблицы» сколько угодно, но любые из них «демонстрируют» скорее умения, чем знание и понимание. По многим позициям толково объяснить, «как получается, то, что получается» далеко не всегда удается. Химия, знаете-ли!

Практически ни одна работа, связанная с созданием новых химических элементов с заданными свойствами, также как и большинство гипотез о существовании новых физических тел природного происхождения, без ссылок на «Таблицу Менделеева» не обходится. Вот уже скоро полтора столетия, как только в чем-то новом появляется нужда, сразу к Менделееву. Пожалуйста, пользуйтесь, достигайте, можно даже без спасибо. Но чтобы признать «научным открытием», извините. Для этого нужно знать, как и на чем считать, что и на чем взвешивать.

В чем состоит смысл «научного открытия» Д. Менделеева? В том, что выстроил давно известные химические элементы в определенном порядке, как это делают юные лоботрясы, играя в «пятнашку» на уроках. Да увлекательно, да заразительно, да поучительно. Одна беда, смысл и последовательность действий, в результате которых каждую фишку удалось загнать на свое место ни запомнить, ни воспроизвести нельзя.

И закономерность движений ни в чем не проявляется, ничем не фиксируется, значит, повторена быть не может. Появление компьютера ситуацию только усугубило, а не облегчило. Порядка в хаосе, составляющего суть существования самого хаоса, навести нельзя. Его можно

только ликвидировать...Но тогда, наука здесь, действительно, совершенно ни при чем...

Иными словами, если сделанное кем-то «открытие» приносит реальную пользу людям в каком угодно виде, то не так уж и важно признано официальной наукой государством наукой или нет, как это случилось с **«Периодической системой химических элементов Д. Менделеева»**.

Даст Бог, и к моим авторским претензиям на научное признание **«Прогностического Кодекса Виктора Гущина»** с течением времени станут относиться аналогичным образом. Ведь в смысле признания практической методики предвидения, насколько мне известно, никто кроме меня не претендует и каких-либо личных прогностических достижений в пику моим не предъявляет...

Задание на дом. Для размышлений и упражнений

Содержание заключительного сюжета книги, как, надеюсь, уже догадывается большинство читателей, было предопределено самим её названием: **«УРОКИ БУДУЩЕГО. УМЕНИЮ ПРЕДВИДЕТЬ УЧИМСЯ ВМЕСТЕ. Обновленная методика научного прогнозирования»**. Чем на практике заканчиваются любые уроки и так все знают. Заданием на дом, предназначение которого и для преподавателей и учеников одно и то же: **убедиться, что преподаанные и обретенные знания срабатывают правильно и дают именно тот результат, на который рассчитаны...**

Нисколько не сомневаюсь, среди читающих сейчас эти строки уже есть желающие, которым не терпится на собственном опыте убедиться, что магическая формула научного предвидения, обещающая безошибочные результаты, это вовсе не авторская выдумка, а конкретный способ действий, дающий положительные результаты.

Обещаю рассказать и даже показать на примерах как это делается, – благо среди методических приемов, вошедших неотъемлемой составной частью в её состав, – позволяет это сделать. Но прежде, ещё парочка суждений, адресованных как раз тем, кого привлекает перспектива самим испробовать свои прогностические способности.

Мне весной 1980 года повезло в том смысле, что передо мной, как будущим аспирантом Академии общественных наук при ЦК КПСС очень своевременно и точно, мои учителя, – правда, не столько в науке, сколько по жизни, – сформулировали задачу **«разработать практическую методику научного прогнозирования политических процессов и событий с целью её непосредственного использования в деятельности партии и государства»**. Питаю слабую надежду, что моя нынешняя книга может сыграть для читателей аналогичную роль.

И только гораздо позже, по сути дела только к 2012 году, – дату помню хорошо до сих пор, – поскольку именно тогда мне пришла в голову мысль, что наиболее сложным и трудным, а главное, самым нужным делом в научном предвидении является не само по себе попадание в цель проведенного прогностического исследования, а необходимость обеспечения научной достоверности предъявленного прогноза, его так называемой верификации, то есть убедительного обоснования целевого содержания и неопровержимого доказательства закономерности развития политических процессов и событий.

Предъявление лишь результата сделанного прогноза, пусть и самого точного, для такого доказательства недостаточно. Именно по этой причине я позволяю себе не соглашаться с К. Марксом, утверждавшим, что «сбывшийся прогноз – это наивысший сертификат научности».

По такого рода параметрам, то есть полной достоверности, научный прогноз должен быть похож на расписание железнодорожного экспресса, в котором фиксируется не только момент начала и окончания маршрута, а весь процесс движения по избранному пути вплоть до минуты. Применительно к общественно-историческим процессам, я сторонник позиции, занятой в своё время Л. Троцким: «Движение всё, конечная цель – ничто!».

Это необходимо для того, чтобы любое отклонение от прописанного заранее графика цивилизационного развития должно становиться ни то что поводом, а серьезным основанием для анализа ситуации, возникшей на спрогнозированном маршруте. Вплоть до внесения при необходимости в «расписание» необходимых корректив.

В ходе решения поставленной передо мной в 1980-ом году задачи о разработке практической методики предвидения, я постепенно пришел к выводу, что мне следует сосредоточить основное внимание и усилия не на фундаментальных направлениях научного прогнозирования, включая достижение итоговых целей исследования, – в случае позитивного результата, они сами за себя скажут, здесь К. Маркс безусловно прав, – а над их прикладной составляющей, то есть над рассмотрением эффективности приемов, способов и специальных подходов к реализации прогностических проектов, что в науке принято именовать методической кодификацией.

Не стану утверждать, что к такому решению пришел вполне осознанно и добровольно. Отнюдь! Поначалу вслед за К. Марксом долгое время я тоже полагал, будто главное в науке – это продемонстрировать, что твои выводы и рекомендации в предъявляемых публикациях оправдываются, как тут же всё начнут к твоим аналитическо-прогностическим суждениям прислушиваться. И даже руководствоваться ими в принятии государственных решений. В том числе и политических.

Но я заблуждался. Очень скоро, углубившись в историю научного прогнозирования, убедился, что сбывшиеся политические прогнозы в методическом отношении в полном объеме себя никогда не воспроизводят. По сути дела, даже позитивный опыт реализации прогнозов оказывается сугубо академическим, то есть скорее для сведения, чем практического применения.

По ходу времени многие факторы, задействованные в предшествующих обстоятельствах, перестают действовать в других. Да и вообще итоги и конечная цель развития, могут предстать перед людьми напрямую, без всякого предварительного научного обоснования. Фактов пророческого ясновидения никто прежде не отрицал, да и ныне

не отрицает.

И наоборот, многие факторы действительности, остававшиеся вне поля зрения исследователя, оборачиваются в какой-то непредвиденный момент чуть ли ни решающими. Всё это и навело меня на мысль, что в теории научного прогнозирования назрела необходимость перенесения акцентов верификации научного предвидения с примеров конкретной реализации прогностических проектов на поиск логических закономерностей причинно-следственных связей как в процессах аналитическо-прогностического мышления, так и развития самой реальной действительности.

В итоге появилась кодифицированная формула практической методики научного прогнозирования. Она была мной предъявлена в книге **«Умение предвидеть. Как этому научиться»**, вышедшей «в свет» в 2015 году. Эту магическую формулу в её математическом подобии воспроизвожу и сейчас, с одним весьма существенным дополнением, адресованным читателям именно данной книги. Но сначала всё-таки сама формула.

Вот она: **«1 к.п.и.» + «5 п.н.п.» = P/A**. Формула, конечно же, условная, в данном случае употребленная скорее для иллюстративной наглядности, чем практического применения. Хотя, в конечном итоге, для достижения именно этой цели, – то есть практического применения, – и предназначена.

В самом общем виде вышеприведенная формула расшифровывается так: **«1 к.п.и.»** – **«концептуальная прогностическая идея»**, лежащая в основе любого осуществившегося научно обоснованного прогноза. **«5 п.н.п.»** – **«пять ключевых «принципов научного прогнозирования»**. Перечисляю по порядку все пять: **прогностического предназначения, прогностической градации, прогностической интуиции, прогностической альтернативы, прогностической регистрации**. (Подробнее о сути «концептуальной прогностической идеи» и о каждом из «принципов научного прогнозирования см. во *Втором и Третьем «уроках»* уже нынешней книги, ...**В.Г.**).

Заключительные два символа, (P/A), призваны обозначить степень вероятности практической реализации научного прогноза, взятые в соотношении суммы предъявленных прогнозов (Символ P)

к числу прогнозов осуществившихся (Символ А). (Этот же показатель можно рассматривать также как степень профессиональной экспертной квалификации автора прогноза, о чем в научных дискуссиях нередко вспоминают, но в чём её, – этой самой квалификации, конкретная суть, – как правило никто не уточняет, ... В.Г.).

Теперь об адресованном именно читателям данной книги дополнении к вышеприведенной формуле. Оно как бы выводит смысл этой формулы за пределы тактического всемогущества науки и указывает на тот очевидный факт, что само по себе текущее время стратегически складывается в будущее вовсе не потому, что его верно предсказали, а в результате конкретной деятельности людей, стран, народов, всего человечества.

Точнее, из принятых ими правильных решений, поскольку у неправильных решений будущего не бывает. Об этом позаботилась сама природа. Наглядный тому пример – многомиллиардная в смысле времени история эволюции человечества и всего живого на Земле.

На свете нет ни единого живого существа, в пребывании которого на планете не было бы смысла и заведомо predetermined функциональной целесообразности, заведомо заложенной в природу Homo sapiens – Человека разумного. Спонтанные критерии истины, которыми мы руководствуемся при выборе принимаемых решений, о какой бы сфере человеческой деятельности не заходила речь, в конечном итоге оказываются главными. Всё дело в том, удалось ли нам в своих «научных прогнозах» прогнозах в них попасть или нет.

В приведенной и расшифрованной мной чуть выше формуле научного прогнозирования, – читатели, полагаю, обратили на внимание, – основные критерии не только познания, но и созидательного освоения и преобразования мира, даже не упомянуты. Спросите почему? Попробую ответить.

Наука никогда не посягает на то, что остается за пределами эксперимента и не может служить демонстрацией воли людей, а лишь совокупным воплощением «высшего разума», доступного для понимания только с помощью веры. Причем, не только в её религиозном, но и светском смысле.

В том, что это действительно так, я убедился в связи с разработкой «практической методики научного прогнозирования», когда вдруг выяснилось, что сугубо научные критерии для оценки итогов и перспектив происходящего в политике ли, или в любой иной сфере человеческой деятельности, дают сбои.

Пример вроде бы «научного подхода» к истории и сути Карибского политического конфликта между СССР и США, возникшего в 1962 году якобы из-за размещения на Кубе советских ракет, на самом деле совершенно недееспособных, – *(О чем я рассказал в ходе одного из предшествующих уроков,..В.Г.)*, в историческом смысле сработал, – а главное, продолжает работать. Именно поэтому я и не собираюсь его, – этот научный подход, – опровергать, хотя с реальным ходом событий вообще не имел ничего общего. Они в моем сознании они существуют как бы параллельно...

Такое в жизни, хоть и не часто, но всё же случается, если жизнь вынуждает людей к оценке происходящих событий помимо объективных предпосылок науки подключать ещё и факторы самой природы с её уникальными возможностями «работать на будущее», исходя не только из научных критериев, на вызревание которых иногда уходят десятилетия, но и из заложенного в человека самой природой изначально генетического потенциала дееспособности «здорового смысла и функциональной целесообразности».

Первые две книги **«УМЕНИЕ ПРЕДВИДЕТЬ. КАК ЭТОМУ НАУЧИТЬСЯ»** (Москва, Из-во URSS. 2015 г. 456 стр.) и **«ПРАКТИЧЕСКАЯ МЕТОДИКА ПРЕДВИДЕНИЯ»**. (Москва, Из-во КНОРУС. 2018 г. 509 стр.) я и писал, и публиковал как обращенные прежде всего к научному сообществу поэтому в стиле, в подборе аргументов, в терминах старался придерживаться норм и правил, принятых в научной среде.

К сожалению, сугубо профессиональных откликов на обе книги, на что очень рассчитывал, до сих пор не получил, поэтому в третьей книге я несколько изменил ракурс подачи. *Теперь я гораздо больший акцент делаю по всему тексту книги не на особенностях «практической методики научного прогнозирования политических процессов и событий», а на «общей практике принятия правильных решений», о каких бы сферах человеческой деятельности ни заходила речь.*

Скорее всего в результате такого подхода к проблеме предвидения в моих исследованиях стало чуть меньше науки, зато, на мой, взгляд содержание книги стало гораздо ближе к реальной жизни. Я делал это в надежде не просто расширить контингент читателей, но и обрести как можно больше единомышленников по проблеме, которая в общественном мнении как таковом воспринимается с гораздо большим интересом, а главное, – острее, чем среди профессиональных политиков и авторитетных ученых.

У меня было немало возможностей в этом убедиться. С 1993-го года мне как Государственному Советнику Главного Аналитического управления Государственной Думы активно общаться как с представителями депутатского корпуса, так и научных учреждений по широкому кругу вопросов, вынесенных на обсуждение в российских представительных органах власти. И впечатления после этих обсуждений, к сожалению, остались весьма грустные.

В конечном итоге я пришел к выводу, что система государственного управления, основанная на принципах так называемой представительной демократии, себя не только полностью исчерпала, но и превратилась в мощнейший тормоз дальнейшего общественно-политического и социально-экономического прогресса в развитии человеческой цивилизации.

В практическом отношении, как я считал и продолжаю считать, процесс дискредитации представительной демократии должен был неизбежно привести к радикальным изменениям сначала в индивидуальном, а затем и в совокупном общественном сознании, не только на уровне оценок реальной действительности, но и при формировании взглядов на будущее.

Кстати, именно эта мысль легла в основу одного из важнейших принципов научного прогнозирования, а именно **«прогностической градации»**. В соответствии с ним научное предвидение в смысле появления, созревания, а затем и реализации «прогностической идеи», проходит пять обязательных стадий: **случайности, вероятности, тенденции, закономерности и неизбежности**.

Причем, стадия «неизбежности» реализации любого «прогностического проекта», предопределяется именно уровнем зрелости не сугубо научного, а совокупного общественного сознания, в основе которого, как я уже сформулировал чуть выше, *лежат факторы самой природы с её уникальными возможностями и способностями «работать на будущее», опираясь не столько на научные предпосылки достижения цели, сколько откликаясь на конкретно-исторический запрос времени, продиктованный человеческим «здравым смыслом и соображениями функциональной целесообразности»*.

Именно из этой констатации я исхожу, когда вот уже скоро три десятилетия твердо стою на том, что глобальный управленческий кризис, на рубеж которого человечество вышло где-то к началу 80-ых годов минувшего столетия, связан именно с тем, что представительная демократия, принципы которой, сформировавшись в период с XII по XVIII, к нынешнему времени давно исчерпали свой функциональный

ресурс, а принципиально отклика на жесткие новые требования века XXI всё ещё нет, а исторический запрос на перемены в системе государственного управления, состоит именно в этом.

Все основные научные факторы, которые, на мой взгляд, свидетельствуют о правомерности такой постановки вопроса уже перечислены в разделе «*Стратегические аспекты перехода к прямому народному самоуправлению. По сути и в деталях*». (См. стр.). Но это была предварительная работа скорее на перспективу, чем на немедленное претворение в жизнь.

На практике на самом деле в реализации общественно-политических или социально-экономических прогностических государственных проектов, подобных тому, о котором идет речь, чаще приходится начинать не с механизмов самого перехода от представительной демократии к прямому народному самоуправлению, а с создания у граждан страны **впечатления**, что двигаться следует именно в этом направлении.

Именно из этого складывается **уровень зрелости совокупного общественного сознания**, которое в цивилизационно-историческом смысле на поверку оказывается гораздо продуктивнее самых гениальных научных идей, на века опережающих время.

Идеи Леонардо да Винчи, величайшего гения не только эпохи Возрождения, а вообще всех времен и народов, о возможности полётов в космос и погружения на тысячеметровые океанские глубины появились на свет где-то на рубеже XIV-XV веков, – Да Винчи родился в 1452-ом, умер в 1519-ом, – а реализовались лишь в XX-ом. Всего лишь по одной, но главной причине: **совокупное общественное сознание людей только к этому времени от факта восприятия возможности того и другого, то есть полётов в космос и глубинных погружений, дозрело до осознания жизненной потребности в достижении намеченных целей.**

Должен признаться, долгое время мне не удавалось установить какие именно факторы играют решающую роль в этом цивилизационном процессе познания. А без получения вразумительного ответа на этот вопрос, нечего было и думать о смысловых аспектах решения каких бы то ни было поставленных задач.

Выручили уже обретенные за время работы над методическими прогностическими проблемами навыки: **вопрос нужно сформулировать так, чтобы в ответе с наибольшей научной вероятностью обязательно содержался искомый ответ.** В общей методике научных

исследований эта позиция сформулирована следующим образом: хочешь получить верный ответ, правильно поставь вопрос.

Значит, в моем случае, он должен, – неважно, о чем идет речь, настоящим или будущем, – указывать на то обстоятельство, что уже принятое или предполагаемое решение заведомо предопределено **воздействием человеческого «здорового смысла и соображениями функциональной целесообразности»**. И тут мне повезло. Оказалось, над формулировкой такого вопроса, применительно к главной теме моих прогностических исследований, я давно уже думал, только не зная к чему и как конкретно его приложить.

Конечно, этот вопрос я задавал не всем и не всюду, и не всегда в одной и той же формулировке, но его суть оставалось неизменной: *«В чем причина уникальной политической живучести В. Путина как президента России?»*. Не стану лукавить, в конечном итоге в ответах на свой вопрос я ожидал не открытий, а подтверждений уже имевшихся на этот счет версий.

А именно, что В. Путин, пришел к президентской власти в России в 2000-ом году вовсе ни как конкретный политический лидер с вполне определенным историческим предназначением. Этот ресурс к тому времени был исчерпан пятилетним процессом «горбачёвской перестройки» и десятилеткой «ельцинского «либерально-демократического реформирования».

Речь шла исключительно о морально-психологическом состоянии российского общества как такового, у которого не то что на тот момент, но ещё лет на десять-пятнадцать вперед в идейно-политическом смысле в запасе не оставалось ничего, кроме резервов «здорового смысла и функциональной целесообразности».

Накануне прихода В. Путина в Кремль мне удалось эту мысль только высказать. (См. *«Отчизна-мать в предвкушении нового мученика. Досужие размышления В. Гуцина о политической судьбе В. Путина.» «Независимая газета», 12.11.1999 г.*). Теперь же возвращаюсь к ней лишь для того, чтобы доказать, что все последующие события развивались в рамках такого сценария.

Ничем другим объяснить превращение В. Путина из убежденно-го либерал-демократа девяностых, – ближайшего сподвижника А. Собчака и Б. Ельцина, – в нынешнего государственника консервативно-прагматического толка, я не могу. Да и необходимость в этом сегодня вряд ли есть.

Так бывает и со временем и с людьми. Под воздействием исторических и политических обстоятельств они не развиваются, а преобра-

жаются, да ещё таким образом, что между их прошлым, настоящим и будущим вообще ничего общего найти невозможно. Прежде таким политическим деятелем был У. Черчилль. Не исключаю, что таковым с течением времени станут считать и В. Путина.

Что касается меня, – здесь тоже не всё однозначно, – я как человек и политический эксперт будучи В. Путину полной противоположностью, изначально никакого уважения к государству, каким бы оно ни было по идейно-политической или социально-классовой принадлежности не питал, партийно-политический плюрализм и представительную демократию откровенно презирал и презираю, считая их факторами негативного общественного воздействия на чувство личной свободы и унижающими человеческое достоинство. Как это кто-то ещё кроме меня самого имеет право принимать решения, по которым предстоит жить мне и всем другим людям?! Отъявленный анархист, одним словом.

Моей научной работе отношения с государством, обществом и политическими партиями практически никогда не мешали. Запретных действий, предписанных государством и обществом, я никогда не совершал, – просто не видел в этом необходимости, – а в смысле партийном к принятым КПСС решениям относился всегда не с марксистско-ленинских, а морально-нравственных позиций. Если они не противоречили друг другу, принимал и исполнял, если нет, голосовал против, а исполнение тихо саботировал или бился всеми силами за их отмену.

Проиллюстрирую заявленный противоречивый сюжет несколькими красноречивыми примерами. Очень коротко охарактеризую каждый случай, каждый из которых как правило, вызывало не только недовольство непосредственного руководства, но и сопровождалось административными «разборками» следственного характера с участием государственных органов безопасности.

Пример первый: моё голосование против одобрения Письма ЦК КПСС о введение войск стран Варшавского Договора в Чехословакию оказании так называемой интернациональной помощи в 1968-ом году. Парадокс возникшей тогда ситуации обернулся тем, что моя детально аргументированная и целенаправленная критика советских действий, направленных на смягчение и ликвидацию негативных последствий ввода войск, заинтересовала руководство Международного Отдела ЦК КПСС. Вплоть до того, что оно выступило с инициативой поручить именно мне реализацию собственных предложений. Так я оказался на работе в Чехословакии.

В 1974-ом году и итоги этой работы, как я уже отметил в самом начале, тоже подводили два ведомства: доброжелательно в ЦК КПСС, – мне была объявлена благодарность за личный вклад в нормализацию советско- чехословацких и я был представлен к награждению Орденом «Знак почета». Руководство КГБ это награждение заблокировало.

Пример второй: моя деятельность как инициатора создания и последующего председателя **Оргкомитета российской Гражданской инициативы «Мы голосуем «против всех»**, а затем и как его руководителя. Я сначала предложил в качестве предвыборной акции вывесить, а затем и организовать, что было не так просто, размещение транспаранта с соответствующим призывом на фасадном портале Мавзолея в 1999-ом перед выборами в Госдуму, в ходе которых Комитет довёл протестное голосование в некоторых из избирательных округов до 20-ти и более процентов. Руководство Аналитического управления Госдумы предпочло после этого должность, которую я занимал, сократить.

Пример третий: Теперь о третьем примере личного участия в прогнозируемом политическом процессе, когда я, как теперь понимаю, «в наглуго», по сугубо личной инициативе попытался вмешаться в предвыборную президентскую схватку между Б. Ельциным и Г. Зюгановым в 1996-ом году.

Сначала от попытки помочь Б. Ельцину, а не встретив понимания, я тут же с аналогичным предложением, – но теперь уже не «за», а «против» Ельцина, «переметнулся» к Г. Зюганову, – и всё безвозмездно, из чистого интереса к самому процессу, – секрета не делал. Правда, не сразу, **а в 1999 году в публикации «В России проигрывает тот, кто побеждает. У нас делят ни власть, а ответственность» (См. «НГ» 03.07.1999.)**, я всё рассказал в мельчайших деталях, утаив только одно: откуда и от кого получил компрометирующий Ельцина и всю российскую демократию документ. **(Теперь нет смысла скрывать: он оказался у меня в руках при содействии А. Вольского, тогдашнего Президента РСФСР, ... В.Г.)**

Вот как это выглядело: *«По моему, настала пора признать очевидное: у нас никто не хочет полномочной и ответственной власти. Поэтому все, что оказывается связанным с ее завоеванием – «перестройка», реформы, путчи, мятежи, правительственные кризисы и дворцовые перевороты, всякие там выборы, – на поверку оказываются пустыми хлопотами, имитацией. У нас вот уже пятнадцать лет идет не столько борьба за власть, сколько выяснение отношений, кому за что отвечать, на чью долю достанется больше «ишишек» за невы-*

полненные обещания, за ложь, обман и надувательство. Чтобы не быть голословным, расскажу о двух эпизодах, подтверждающих сказанное.

Итак, эпизод первый, *Добрые люди* (в булгаковском смысле этого понятия) на прошлых президентских выборах посоветовали команде Бориса Николаевича Ельцина встретиться с Виктором Гуциным на предмет ознакомления с предложением, как победить на выборах. Такая встреча состоялась в Президент-отеле. Разговор с Татьяной Дьяченко мне показался интересным, но в итоге оказался безрезультатным. А предлагалось вот что: вся подготовительная работа ведется таким образом, как если бы речь шла только о достижении самой победы без учета ее качественных параметров. Однако диалектическая особенность момента такова, что Б.Н. Ельцину необходимо в июне не просто победить, а победить сокрушительно...

В связи с этим в стратегической концепции президентской избирательной кампании Б.Н. Ельцина необходимо серьезное перемещение акцента. Со ставки только на победу (она при всей видимой остроте предвыборной борьбы обеспечена), его нужно перенести на достижение политического и морально-психологического разгрома оппозиции во всех ее ипостасях. Это предполагает использование совершенно иных технологий, чем те, которые применяются ныне предвыборным штабом... **(Желающие могут ознакомиться с ними по аналитической записке на имя Б. Ельцина, публикуемой в Приложении к книге,... В.Г.)**

Однако имевшимся шансом разгромить оппозицию и получить в свои руки всю полноту власти Б.Н. Ельцин и его окружение не воспользовались. И совершенно ясно почему. Победы Б.Н. Ельцин по предложенной ему схеме, то что бы он делал без такого «пугала», как нынешняя Государственная Дума, на кого бы он валил все грехи, кого бы обвинял в интригах и безответственности, кого бы пересаживал из кресла в кресло, кто бы создавал видимость сопротивления его «реформаторским» усилиям?

В итоге случилось то, что и должно было случиться: в политической жизни накануне предстоящих выборов, как парламентских, так и президентских, воспроизводятся те же самые проблемы, что и в 1995 – 1996 годах, только теперь на тотально проигрышных как для власти, так и для оппозиции условиях.

Казалось бы, возникшая ситуация должна была побудить «левых» к сплочению, мобилизовать их на завоевание власти, которая по всем признакам и так готова была упасть в подставленные руки, как

перезревший плод. Ан нет. Мы стали свидетелями склок, скандалов и раскола в рядах левых. Сначала они сами, когда президентская власть в момент очередного нездоровья Б.Н. Ельцина казалась практически рухнувшей, объявили о своем намерении идти на выборы «тремя колоннами».

Потом число «колонн» стало расти: от коммунистов и лево-патриотических сил в спешном порядке откололись наиболее заметные политические фигуры – Алексей Подберезкин со своим «Духовным наследием», Аман Тулеев со своей «политической харизмой», Михаил Лапшин со своей «крестьянской смекалкой». В лагере Геннадия Зюганова вздохнули с облегчением. Теперь «победить-то все равно «победим», но по частям. А этого как раз достаточно, чтобы и впредь только имитировать борьбу за власть, но не обладать самой полномочной властью. А значит, и ответственностью.

Высказанное предположение, конечно же, гипотетическое, но опирающееся на объективную логику событий и на реальный предшествующий опыт общения с Геннадием Зюгановым. Летом 1996-го, в интервале между первым и вторым туром выборов, мне (опять же при содействии вездесущих добрых людей) попали в руки материалы, рассказывающие, в какой панике оказался предвыборный штаб Бориса Ельцина после первого тура. 3% преимущества выглядели ничтожными, особенно если учесть, что генерал Александр Лебедь, набравший в первом туре 15% голосов, сам считал четырех из пяти своих избирателей потенциальными сторонниками Геннадия Зюганова.

Во втором туре эти голоса вполне могли переключиться к «законному владельцу». Обмен мнениями между членами ельцинского штаба на предмет того, как и чем «покупать» не только Лебеда, но и организаторов выборов и подсчета голосов на избирательных участках, был настолько горячим, откровенным и циничным, что огласка этих материалов неизбежно должна была привести Бориса Ельцина к сокрушительному поражению во втором туре.

Именно это я и предложил сделать Геннадии Зюганову, передавая ему из рук в руки «антиельцинский компромат»: хотите победить – побеждайте. Но он даже нигде не заикнулся, что ему ведомо о царившей в избирательном штабе президента панике. Не появились, само собой, эти документы и в партийной коммунистической печати...

Короче, настоящей полномочной власти и реальной ответственности перед народом в России сегодня не хочет никто. По крайней мере среди главных претендентов на власть. Вот перед каким поли-

тическим парадоксом мы оказались на пороге предстоящих выборов... Парламентских в нынешнем и в 2000-ом президентских...

Постскриптум от 24 сентября 1999-го года («НГ»).

Может возникнуть вопрос: а в чем, собственно, смысл моего «двурушничества»? С одной стороны, помогать Борису Ельцину, а с другой – Геннадию Зюганову? Мне, как аналитику, противопоказано иметь какие-либо политические симпатии или антипатии. Если хотите, даже убеждения. Уж коли оба этих деятеля, как, впрочем, и все остальные, существуют в качестве реальных персон политического процесса, мне все едино: что Ельцин, что Зюганов, что Гайдар, что Лужков.

Если они имеют равные права перед законом и реальное влияние на политический процесс, значит, имеют право и на объективный анализ своей деятельности. Мое личное отношение к ним определяется единственным критерием: уж если они погрязли в политике по самые уши, что от их решений будет зависеть и моя жизнь, как и миллионов россиян, так хотя бы не творили глупостей. Не в состоянии принести пользу – то хотя бы меньше причиняли вреда и ущерба».

Зачем я всё это рассказываю читателям? Разве вышеприведенные сюжеты сугубо автобиографического свойства имеют отношение к методике прогнозирования, особенно научного?! Конечно имеют. Причем самое непосредственное. И прежде всего, именно методическое. Прежде, ни в первой книге **«Умение предвидеть. Как этому научиться»**, ни во второй, – **«Практическая методика предвидения»**, – этой стороны дела я не касался. Теперь решил, что пора.

Другого случая, при моём возрасте и состоянии здоровья, – после неудавшейся хирургической операции по замене тазобедренных суставов уже пятый год прикован к инвалидной коляске по медицинскому приговору, – может и не представится. И тогда очень многое в научном прогнозировании именно в моем понимании и моем исполнении, так и погрязнет в туне.

Прогнозирование, научное предвидение, очень специфическая форма не столько познания, сколько преобразования мира как такового и реальной действительности, которая, как всем нам со школьной скамьи хорошо известно, предстаёт перед нами, а точнее воспринимается нами, только в ощущениях.

Но наши представления о будущем, – а именно их, эти самые представления, – мы в научном смысле мы и называем прогнозом, – ни с какими физическими ощущениями, получаемыми с помощью органов зрения, слуха, обоняния, прикосновения, вкуса абсолютно не связаны.

А без этого будущего как бы вообще не существует, если не согласиться с тем, что у реальной действительности имеется ещё одна нематериальная, сугубо прогностическая ипостась, – **ВООБРАЖЕНИЕ**, – то есть подаренная человеку природой способность ощущать ещё не существующую, но реально «воплотимую» с точки зрения времени будущего реальность.

Но здесь есть одна «заковыка»: якобы подаренная человеку природой способность **ВООБРАЖАТЬ**, то есть ощущать не то, что реально уже существует, а то, что только станет или может стать, то есть «предвидеть», обладает даёт далеко не каждый.

Это как Божий дар. Каждому, на чью долю он выпал, как правило это приходится доказывать. Процесс такого доказательства обычно бывает связан с понятиями **ТВОРЧЕСТВО**, **ИСКУССТВО**, **МАГИЯ**, которые нередко воспринимаются в качестве почти что синонимов, но это не так. Они, конечно же, родственные, по сути однокоренные, только указывают на совершенно разные способы «воображения реальности» и её «грядущее воплощение».

В процессах **творчества** «способность воображения будущего» сопровождается употреблением тех или иных специальных предметов «воплощения», – красками, кистями, резцами, музыкальными инструментами и т.д. В **искусстве** на первом месте оказывается мастерское владения собственным голосом, слухом и даже телом. В **магии**, «средством воплощения будущего» становится сила слов, заставляющая людей поверить, что человек их произносящий, действительно знает, каким он станет.

Иными словами, судьба прогноза в решающей степени зависит от того, насколько убедительно его аналитические выводы и прогностические рекомендации воплощены в словах. Пока в них, в ваши слова, не поверили, это не более, чем авторская гипотеза, которая, чтобы превратиться в факт научного предвидения, должна обрести реальные очертания.

Но вот беда и парадокс: в состоянии воплощения функциональное предназначение научного прогноза оказывается по К. Марксу хоть и неоспоримым, но абсолютно исчерпанным. Если период практической дееспособности прогноза иссяк, подобно сроку годности продуктов питания на упаковке, то он уже не пригоден, а то и опасен для употребления. В этом я абсолютно убежден.

Следовательно, автору научного прогноза, – то есть мне, – следует заранее оснастить свое предвиденье не только ориентирами на сроки исполнения, но и оснастить сделанные аналитические выводы и прогностические рекомендации качественными параметрами, чтобы по

ним можно было бы судить нормально ли идёт процесс реализации прогноза. На самом деле оснастить прогноз такими параметрами, гораздо сложнее, чем просто предсказать конечные сроки реализации. И это ещё не всё.

В конечном своём виде, точным в смысле сроков исполнения и высококачественным в отношении предъявленной аргументации, действительно дееспособный научный прогноз помимо двух уже названных отличий, должен ещё обладать и третьим, на мой взгляд важнейшим: он должен вызывать доверие, побуждать людей к его реализации. Уже древние мыслители, в частности, Аристотель и Геродот, считали, что важнейшим преобразующим фактором предвидения, является его мобилизующая сила. С тех пор значение этого фактора лишь возросло.

Как только я это понял, тут же начал усердно искать манеру, если хотите способы подачи своих прогностических публикаций, вызывающих встречное доверие, располагающее не только к благожелательному восприятию чужого авторского предвидения, но и порождающее желание, а то и стремление, непосредственно участвовать в его реализации.

В конечном итоге, опираясь на полученные знания и на собственный практический опыт я пришел к выводу, которым и попытаюсь поделиться с читателями книги: без обеспечения общественного доверия, реализация любого перспективного Проекта национального будущего без уверенности, что события развиваются в правильном направлении, невозможна.

Человеку, решившему профессионально заниматься научным прогнозированием, приходится заведомо заботиться об обеспечении доверия к собственным словам и действиям, не останавливаясь перед рискованными, а то и отчаянными трюками. Самое надежный прием в этом деле, сделать так, чтобы любая информация, исходящая от вас, воспринималась общественным мнением как абсолютно достоверная.

Примерно так, как это было в рассказанной по ходу книги истории с Карибским кризисом, когда мне пришлось предстать в глазах читателей людей в качестве непосредственного свидетеля совершенно таинственных событий, ещё лучше – их участником, как это произошло в во время Августовского путча 1991-го года, и уж совсем замечательно, – быть организатором политических массовых акций, о которых приходится вести речь, вроде истории с организацией протестного голосования по графе «против всех» на выборах в 1999-ом году в Госдуму.

В этом контексте не могу похвастаться анонсом, выданным мной в авторском вступлении в предыдущей книге её ключевой главе, к ко-

торой и ныне мне найдется, что добавить. Этот анонс я воспроизвожу с некоторыми сокращениями за счет сюжетов, к содержанию которых ещё придётся вернуться.

Итак, цитирую: *«Безусловной сенсацией раздела, а может и всей книги, станет само сообщение о существовании **целевого прогностического Проекта «В. Путин – последний Президент России»**, тем более сведений, что автор книги имел непосредственное отношение к его появлению и реализации»*.

Очень надеюсь, читателям удастся правильно понять, что суть **Спецпроекта** сводится не к моим оценкам и рекомендациям как политического эксперта, а к наглядной демонстрации и фактическому доказательству того, что приход В. Путина в Кремль в 2000-м году конечном итоге, – независимо хотел этого сам Путин или нет, – объективно завершается исторической исчерпанностью президентской власти как наивысшей формы буржуазной демократии как таковой.

Конечно же, не в результате моих предсказаний, а в следствии практической деятельности самого В. Путина именно в этом направлении Россия оказалась перед лицом неизбежного перехода к принципиально новой системе управления, связанной с расширением прямого участия российских граждан в принятии государственных решений, по которым предстоит жить.

Другого выхода из ситуации, когда каждый следующий президент становится хуже предыдущего, а любая новая Государственная Дума очередного созыва ещё бессмысленней и бесполезней, у России уже не осталось. Полагаю, точнее свидетельствую, на этот рубеж наша страна вышла как раз к началу нового тысячелетия, то есть к 2000-му году.

Так уж случилось, что роль своего рода рупора этих шагов выпала на мою профессиональную долю. Причем, в смысле стратегических установок на будущее мне удалось это сделать как бы в безличной форме, то есть, ещё не указывая перстом на В. Путина, а имея якобы в виду «объективный запрос времени» на фигуру и личность нового российского президента.

Чтобы это не выглядело голословным предлагаю ознакомиться с двумя ключевыми публикациями, которые были предоставлены вниманию общественного мнения ещё «до президентского» путинского периода, то есть ещё до 2000 года.

Обе стали как бы отправными точками для оценки качественных параметров последующих действий В. Путина на всех последующих этапах его пребывания на президентском посту. К тому, какую важную

методологическую роль играют отправные публикации в последующей оценке пройденного пути, я ещё вернусь.

Первая публикация – **«Выборы губернаторов довершат распад России. Мы будем жить в удельных княжествах».** (См. «НГ», 28.05.1999 г.), вторая – **«Отчизна-мать в предвкушении нового мученика. Досушие размышления о политической судьбе Путина».** (См. «НГ» 12.11.1999 г.) *Фамилии Путина в тексте прогностического комментария нет вообще, всё повествование выстроено как бы по адресу гипотетического третьего лица, которому предстоит откликнуться на «зов времени». В подзаголовке я назвал имя Путина на свой страх и риск, поскольку в общественном мнении оно только-только появилось и среди других претендентов на президентское кресло начало фигурировать, причем далеко не на первых позициях.*

Надеюсь, в научно-методической работе, воспроизведение этих публикаций будет вполне уместным. Обращаю особое внимание на первую из них. Про губернаторов и угрозу распада России. Она возмутила всю тогдашнюю либерально-демократическую часть российского общества настолько, что я даже начал опасаться появляться на популярных в ту пору московских политических тусовках.

Итак, читайте. *«Россия уже сегодня полноценным федеративным государством не является. Прежде всего потому, что у нее отсутствует государственная идеология. Не политическая, а именно государственная, определяющая стратегию и тактику государственного строительства. Центр не знает, каким государством руководит, какой страной, собственно, управляет. Куда ее ведет. Перифериям неведомо, что им дозволено, что нет. Какой вопрос где решать. Когда Центру выгодно, он говорит, что он – Центр.*

Когда невыгодно, тут же от своих приоритетов, а главное, от ответственности, отрекается. Последние политические склоки, поразившие федеральную власть, способны привести к еще большему размежеванию между Центром и регионами. Центр как источник раздоров не нужен никому. Майский президентский импичмент и отставка Евгения Примакова – это точно такой же удар по Российской Федерации, какой нанес август 1991 года по Советскому Союзу.

Короче, с федерацией у нас на сегодняшний день неладно. И, похоже, будет еще хуже. Судя по тому, как идет подготовка к предстоящим парламентским и президентским выборам. Не следует питать иллюзий, что это не коснется проблем государственного строительства, проблем российского федерализма. Есть очень много предпосылок к тому, что выборы не только усилят и без того достаточно

мощные центробежные тенденции, а довершат распад России как федеративного государства. Назову лишь три такие предпосылки. Хотя на самом деле их гораздо больше.

ПЕРВОЕ. *Прежде всего мы стоим перед лицом полного разлада взаимоотношений между гражданами и государством, между властью и обществом. Главным достижением демократии, главным условием развития рыночной экономики в России было объявлено то обстоятельство, что отныне каждый человек может и должен заботиться о себе сам. Сам добывать себе работу, пропитание. Сам заботиться о себе, своей семье, будущем детей. Сам защищать себя от жуликов, бандитов, грабителей. Короче, государство не собес, власть не нянька – получил свободу, пользуйся ею на все сто. Только налоги не забывая платить. И чтобы без претензий. Ничего не скажешь, постановка вопроса радикальная.*

В итоге российское государство отреклось от своих граждан. Следовательно, лишилось и своих прав. Центр – в лице президента, правительства, парламента, столицы – перестал быть притягательной силой. Советский Союз распался именно потому, что от роли центра Союза отказалась Россия. Теперь сама Россия попала в аналогичную ситуацию. Ее центр – Москва – перестал быть центром притяжения.

Выборы в Государственную Думу и выборы президента в этих условиях только усилят тенденцию распада Федерации. Основной политический акцент выборов будет перенесен на регионы. Каждый периферийный анклав – национальный, территориальный, экономический – будет укреплять собственные позиции перед лицом ослабевшего Центра. В результате процесс формирования удельных княжеств пойдет полным ходом.

ВТОРОЕ. *В ходе выборов и особенно после них проявит себя во всей красе главный деструктивный порок нынешнего российского государства – всевластие, самостийность губернаторов. Превращая в конституционную норму принцип выборности глав исполнительной власти, мы допустили роковую ошибку. Он только внешне выглядит демократично. На самом же деле стимулирует сепаратизм, региональное самодурство.*

По ныне действующей Конституции, губернаторы обладают, по сути дела, гораздо большими полномочиями, чем глава государства. Власть и полномочия президента на губернаторов фактически не распространяются. Пытался Борис Ельцин одного-двоих за нерадивость и разгильдяйство с постов снять – не вышло. Конституционный суд

не позволил. (Конкретный тому пример – брянский губернатор Лодкин, ...В.Г.)

Там, где начинаются границы областей, краев, республик, там власть федерального Центра и президента прекращается. Теперь президент наиболее норовистых и строптивых губернаторов, вместо того чтобы наказывать, начинает орденами награждать. Авось смиростивятся...

На Россию пока еще распространяется только власть федеральных законов. Но и этому вскоре будет положен конец. Аккурат в результате предстоящих парламентских выборов. Многие уже обратили внимание на практику, что в моменты выборов в представительные органы власти в обиход запускаются так называемые губернаторские списки.

В них попадают кандидаты в депутаты, которых иногда явно, а иногда тайно, но в обоих случаях весьма активно поддерживает местная исполнительная власть и непосредственно губернаторы. Так было в Москве, Санкт-Петербурге, недавно – в Удмуртии, в Кемерово. По такому же сценарию будут развиваться события и на выборах в Государственную Думу. На местах, в одномандатных, или, как их еще называют, мажоритарных, округах будут поголовно побеждать губернаторские ставленники.

В результате позиции регионов, точнее, персонально губернаторов, в представительных органах власти, и прежде всего в федеральном парламенте, усилятся. И ни один закон, как бы он хорош ни был с точки зрения потребностей и нужд государства, Федерации, через Думу не пройдет. Вот вам и конец федеральному законодательству.

ТРЕТЬЕ. При наличии двух отчетливо проявивших себя тенденций дефедерализации региональные лидеры будут добиваться дальнейшего ослабления федерального Центра. Именно эту цель и преследует интенсивно начавшееся формирование регионально-губернаторских избирательных блоков. С точки зрения хрестоматийно-традиционных представлений о демократии и просто с позиций здравого смысла, не говоря о правовых нормах, это абсолютный нонсенс.

Неужели никто не видит и не понимает, что исполнительная власть формирует себе таким способом собственную команду будущих законодателей, волю которых им же самим впоследствии предстоит исполнять. Налицо очевидный пример политической шизофрении. Или... злонамеренной интриги. Я лично склоняюсь ко второму варианту...

В формировании регионально-губернаторских блоков просматривается вполне определенная политическая стратегия, рассчитанная на два этапа. Первый – парламентские выборы. Второй – президентские. Но если кому-нибудь кажется, что здесь присутствуют заботы об упрочении государства, Федерации, то такие люди глубоко заблуждаются.

На первом этапе губернаторские блоки постараются проникнуть, а то и возглавить, пусть не формально, но по существу, в наиболее сильные и перспективные политические партии, общественные движения и избирательные объединения. Цель – внедрить в федеральные избирательные списки как можно больше своих людей.

Ведь «одномандатники» – это только полпарламента, а другая его половина формируется за счет федеральных списков. Здесь тоже должно быть все схвачено. На этом этапе региональные лидеры охотно пойдут на контакты и союзы с кем угодно. Но в первую очередь – с наиболее сильными и перспективными.

В нынешних условиях, когда губернаторы больше всего заботятся об упрочении собственных позиций, Юрий Лужков – явный и самый сильный противовес федеральному Центру. Постоянные наскоки московского мэра на кремлевскую администрацию и президента, хочет того сам Лужков или нет, работают на центробежную идею.

Лужков не делает различий между авторитетом Кремля и авторитетом власти. Критикуя Бориса Ельцина, Юрий Лужков вольно или невольно оказывается в оппозиции к федеральной власти. И в этом смысле Лужков губернаторам союзник. Чем резче он будет критиковать президента, тем выгоднее это губернаторам.

Но вся эта дружба тут же улетучится, как только в силу вступит объективная логика второго этапа. Губернаторам не нужен сильный президент. В главном кресле Кремля им нужен человек податливый, покладистый, своим избранием на высший государственный пост губернаторам обязанный. Юрий Лужков для такой роли не годится. Он кандидат в сильные президенты. А это чревато попытками усиления Центра и ограничения всевластия губернаторов. За что, скорее всего, Лужков и взялся бы, если бы в президенты прорвался.

Но после парламентских выборов губернаторы Лужкова наверняка «кинут», как любит выражаться сам Юрий Михайлович. Не случайно в одном из интервью Лидер блока «Вся Россия» М. Шаймиев подчеркнул, что «говоря о сотрудничестве с лужковским «Отечеством» мы ведем речь исключительно о парламентских выборах».

Так что можно не сомневаться – торжеством федерализма предстоящие выборы не станут. Жить нам, скорее всего, предстоит

каждому в отдельном удельном княжестве. А на долю федерального Центра выпадает роль совмещенного санузла. Да он уже и сейчас с ней вполне освоился... «Независимая газета», 28.05.1999.

В процитированном комментарии речь по сути дела шла не только о губернаторах как региональных лидерах, а поднимался вопрос о необходимости положить конец запущенному Б. Ельциным в начале 1990-х гг. процессу суверенизации субъектов Российской Федерации, грозившему неминуемо привести страну к распаду.

С приходом Б. Ельцина к власти первым крупным решением, свидетельствующим о взятом страной курсе на демократию, стал переход к выборности администраций, начиная с губернаторов и заканчивая местными поселковыми управами. Именно к тому времени относится знаменитый призыв: «Берите суверенитета столько, сколько сумеете проглотить», приведший к активизации сепаратистских настроений и спровоцировавший войну с Чечнёй.

К 1999 году при слабой президентской власти, при вновь накалившихся до предела скандальных отношениях между правительством и парламентом, после августовского 1998 года дефолта центробежные тенденции от выборов к выборам повсеместно набирали силу, грозя разорвать страну в клочья. Понимали это многие, но высказаться открыто о разрушительном заряде губернаторских выборов практически никто не решался.

Не то, чтобы из-за страха, скорее от бессмысленности. Тогда ещё не верилось, что Кремль найдёт в себе мужество отменить собственные ошибочные решения. Меня же, наоборот, желание образумить Кремль, вдохновить скорее не самого Ельцина, а его будущего преемника на такие решения только, стимулировало, что и привело в итоге к публикации в «Независимой газете» статьи – **«Выборы губернаторов довершат распад России. Мы будем жить в удельных княжествах».**

К счастью, этого в тот раз не произошло, хотя угроза дефедерализации страны не только не уменьшилась, но, как и предполагалось, серьёзно нарастала, *пока в 2004 году В. Путин не принял волевое решение об отмене прямых выборов губернаторов и переходу к процедуре их назначения местными парламентами по представлению президента. У меня лично нет никаких сомнений в том, что этот шаг в значительной мере смягчил угрозу распада страны, хотя и не предотвратил её полностью. Тем более, если принять во внимание, что к старым негативным процессам добавились ещё и новые.*

Теперь о публикации второго прогностического комментария наделавшего много шума **«Отчизна-мать в предвкушении нового му-**

ченика. Досушие размышления о политической судьбе В. Путина. Это была попытка обозначить смысл и конечную цель, к которой, на мой взгляд, и предстояло стремиться будущему президенту.

О выходе комментария «в свет» мне сообщил сам главный редактор «Независимой газеты» В.Третьяков в довольно неожиданной для меня форме: *«У нас из твоего комментария никто на самом деле ничего не понял, но закручено лихо, да ещё под рубрикой «Карт-Бланш», с выходом на Путина, чуть не из средних веков. Очень многозначительно и таинственно. Короче, поздравляю»...*

А вот и сам комментарий: *«В момент обострения бесплодных дискуссий о «национальной идее» я уже высказывал мысль, что мы, русские, по национальному характеру, гражданским чувствам и идейно-политическим убеждениям страдальцы и самоотрешенцы. Нам обязательно нужно ощущение необходимости возвышенных жертвоприношений.*

Причем не чего-то и кого-то вообще, а именно себя. Иного способа общественного бытия, какого-либо иного пути достижения желанных целей, кроме как через жертвы и мученичество, мы не знаем. Нам, если умирать не за что, то и жить незачем. Страдальческим, жертвенным, мученическим духом пропитана вся русская культура, литература, музыка, живопись.

То же самое можно сказать о государственной и нравственной истории России. Все наши достижения и успехи, сами понятия героизма и патриотизма осеяны ореолом страданий и мученичества. Все наши святые, все наши национальные герои, даже идейные вожди – обязательно страдальцы. Братья-князья Борис и Глеб, Александр Невский и Дмитрий Донской, даже Иван Грозный и Петр Великий только потому и оставили глубокий след в народной памяти, что их образы связаны не столько с реальными благими делами, сколько с выпавшими на их долю душевными муками, с нравственными страданиями по поводу преодоления препятствий, с внутренними сомнениями, борением с собственными соблазнами, искушениями и изъятиями.

У любого успешного общественного движения в России обязательно есть, был или непременно должен быть собственный мученик. Если такие мученики не появляются естественным путем, мы их специально «лепим» из любого подручного материала. Нынешние коммунисты для этого пытаются превратить в мученика мумию вождя. Национал-патриоты – семью последнего российского императора.

Демократы-реформаторы долгое время эксплуатировали мятежный облик расстриги-коммуниста, взбунтовавшегося против са-

мого себя. Но все это мученические суррогаты. Настоящих страданий за каждым из приведенных примеров нет. Россия нуждается, просто жаждет обретения мученика настоящего, адекватного масштабам и сложности проблем, с которыми страна и народ столкнулись в последние годы.

Откуда же его взять? Налицо некие поползновения окружить ореолом мученичества жертвы террористических акций в Буйнакске, Волгодонске и Москве. Сплачивающий, консолидирующий потенциал у этих попыток, безусловно, имеется. Имелся он и в патриотических устремлениях встать на защиту братьев-славян в Югославии. Но беда в том, что русский человек не впечатляется, по крайней мере надолго, массовыми страданиями и коллективными жертвами.

К ним мы быстро привыкаем, легко с ними примиряемся. У нас как история, так и страдания должны быть максимально персонифицированы. Мы мыслим не образами, а образами. Нас могут впечатлить только горе одиночки и несчастье личности. Еще лучше – гибель. Причем чем более жестокая, а главное, глупая и бессмысленная, тем лучше.

И все-таки откуда, с какой стороны нам ждать новых мучеников? Где та благодатная почва, способная взрастить столь необходимого нам страдальца? В рядах структурированных общественных образований вроде партий, движений, избирательных блоков и т.д. таких кандидатов заведомо нет.

За пятнадцать минувших лет, если иметь в виду страдальческий потенциал, их представители себя полностью исчерпали и даже дискредитировали. Ни Зюганов, ни Явлинский, ни Черномырдин, ни Рыжков, ни Лужков, ни Примаков, ни Кириенко, ни Степашин на роль новоиспеченных мучеников не годятся.

Их могут лишь пожалеть, но молиться на них не станут. Между ролью обиженного и обликом мученика «дистанция огромного размера». К сожалению, у нас вообще не может быть мученика, осененного знаком борьбы «ЗА». Мы можем надеяться лишь на мобилизацию эмоционального потенциала отрицания.

Значит, ждать кандидата в мученики по федеральным спискам и одномандатным округам развернувшихся избирательных кампаний не приходится. Наш мученик обязательно окажется не претендентом на власть, а ее жертвой. Отчизна-мать беременна именно таким мучеником.

По данным социологических опросов, около 60% населения страны вообще не видит в представителях нынешней власти, в любых

претендентах на нее выразителей своих интересов. По сути дела, это означает, что наиболее продуктивной и наиболее массовой базой общественного согласия в России, как это ни парадоксально звучит, является несогласие.

Для российского менталитета, отечественного исторического сознания и вообще русского душевного склада ощущение негативизма и нигилизма – состояние органичное, можно даже сказать, генетически обусловленное. Настоящий русский если не по убеждениям, то по натуре обязательно индивидуалист и анархист, на что обращал внимание еще мудрейший Василий Осипович Ключевский.

Коллективистская, тем более интернационалистская идеология нам чужда. Именно по этой причине полный провал потерпела у нас коммунистическая доктрина. Единственное, что прижилось, так это коллективная безответственность. У нас все доказательства обязательно начинаются от противоположного. Для России лозунг «Так жить нельзя» – на все времена.

И все-таки где же взять героя-страдальца, способного консолидировать протест против власти на потребу самой власти? Что нужно сделать, чтобы удовлетворить вызов времени и потребность души? В принципе ясно. Посвятить себя служению Отчизне и за это жестоко поплатиться.

Российское общество и российская власть к такому жертвоприношению вполне готовы. О состоянии общественного мнения, общественных настроений я уже говорил. Антигосударственный, антивластный негативизм достиг сегодня критической величины.

Политическое соперничество в ходе набирающей обороты избирательной кампании что ни день крепчает. Безрассудство власти, давно утратившей инстинкт самосохранения, перехлестывает через край. А тут еще Чечня вновь раскалилась добела. Короче, достаточно в любую сторону спичку бросить, обязательно полыхнет. Вопрос лишь в том, кто эту спичку бросит: сама нынешняя власть или ее противники.

Соображения рационализма и так называемого здравого смысла в данном контексте совершенно не работают. Многие вдумчивые аналитики предрекают, причем совершенно справедливо, большую вероятность сюрприза, неожиданного поворота событий. То есть не так чтобы вообще неожиданного, сам-то по себе поворот практически неизбежен. Даже содержание его очевидно: он обязательно приведет не только к смене нынешней власти, но и к полному обновлению

политических элит. Загвоздка в том, кто конкретно этот переворот в себе воплотит.

Когда разговор переходит в конкретную плоскость, то чаще всего ищут кандидата не в мученики, а в диктаторы. А это коренная ошибка. Сама по себе диктатура, а главное, ее функционирование, – процесс рациональный, прагматический, но для ее установления нужен душевный порыв, сплывающая идея. Пусть простенькая, но обязательно с мобилизующим потенциалом. Вроде «Ребята, наших бьют». Без нее никак не обойтись.

Случись такое, тогда, быть может, и Лебедь вновь взмахнет крылом и, чем черт не шутит, долетит до Кремля. Но пока такой сюжет – всего лишь полет политологической фантазии. Главной предпосылки ее реализации – мученика – еще нет. Во всяком случае пока. Нужен, ох как нужен России новый царевич Дмитрий.

В конце концов не исключаю, что сама же наша власть о появлении такой жертвы и позаботится. Обязательно ее где-нибудь отыщет, выпестует и нам предъявит. Она не может не прийти к диалектическому пониманию того, что сохранить за собой власть можно только через отрицание ее. При желании нетрудно назвать несколько наиболее вероятных примеров, как такое может случиться.

Не делаю этого по двум причинам: во-первых, из опасений быть обвиненным в подстрекательстве; во-вторых, по соображениям политических суеверий. В России сбывается именно то, чего меньше всего хочется. Но без мученика нам все равно не жить, из нынешней общественно-политической смуты не выкарабкаться. На него, горемычного, вся надежда.

Выборы в Государственную Думу мученика нам еще не предоставят. При всей масштабности парламентской избирательной кампании она все-таки остается политической массовой. **Претендент на терновый венец объявится скорее всего ближе к лету, когда политическая атмосфера в стране достигнет максимального накала. Настоящие жертвы приносят только на алтарь власти реальной, а не показушной. Но очертания мученика уже начинают проступать на газетных плащаницах.** («Независимая газета», 12.11. 1999 г.).

И все-таки откуда, с какой стороны надо было ждать нового мученика? Где та благодатная почва, способная взрастить столь необходимого нам героя-страдальца, способного консолидировать протест против власти на потребу самой власти? Вот в чём состояла идейно-политическая парадоксальность запроса на мученика в конце 90-ых

годов. Что нужно было сделать, чтобы удовлетворить вызов времени и потребность души?

В принципе ясно. Посвятить себя служению Отчизне и за это жестоко поплатиться отказом от всех благ и привилегий, которые до этого имел. Соображения рационализма и так называемого здравого смысла в данном контексте совершенно не работают.

Многие вдумчивые аналитики предрекают, причем совершенно справедливо, большую вероятность сюрприза, неожиданного поворота событий. То есть не так чтобы вообще неожиданного, сам-то по себе поворот практически неизбежен. Загвоздка в том, кто конкретно этот переворот в себе воплотит.

Когда разговор переходит в конкретную плоскость, то чаще всего ищут кандидата не в мученики, а в диктаторы. А это коренная ошибка. Сама по себе диктатура, а главное, ее функционирование, – процесс рациональный, прагматический, но для ее установления нужен душевный порыв, спланирующая идея. Пусть простенькая, но обязательно с мобилизующим потенциалом. Вроде «Ребята, наших бьют». Без нее никак не обойтись. Нужен, ох как нужен России новый царевич Дмитрий.

В конце концов я пришел к выводу, что сама же российская власть о появлении такой жертвы и позаботится. Обязательно ее где-нибудь отыщет, выпестует и нам предъявит. Она не может не прийти к диалектическому пониманию того, что сохранить за собой власть можно только через отрицание ее.

Было совершенно ясно, что без мученика нам все равно было не жить, из тогдашней нынешней общественно-политической смуты не выкарабкаться. На него, горемычного, была вся надежда. И в процитированной статье, в её заключительных строках я практически напрямую указал откуда его следует ждать.

Повторю эти строки. *«Выборы в Государственную Думу мученика нам еще не предоставят. При всей масштабности парламентской избирательной кампании она все-таки остается политической маской. Претендент на терновый венец объявится скорее всего ближе к лету, когда политическая атмосфера в стране достигнет максимального накала. Настоящие жертвы приносят только на алтарь власти реальной, а не показушной. Но очертания мученика уже начинают проступать на газетных плащаницах».*

В тексте тогдашнего прогностического комментария имя В. Путина как будущего Президента, естественно, названо не было, у автора прав на это не имелось, пришлось вынести его в редакционный подзаголовок, закамуфлировав прогноз под авторские «досужие размышле-

ния». Кому же семнадцать лет назад, в царившей в стране кутерьме, могло прийти в голову, что Путина предъявляют народу надолго.

Да и всё содержание публикации откликлось вовсе не на неизбежный приход Путина к власти, а лишь на перспективу смены президентского караула, когда он был всего лишь назначен Председателем Правительства, которые в ту пору менялись с лихорадочной быстротой: Черномырдина на Кириенко, Кириенко на Примакова, Примакова на Степашина, Степашина на Путина и всё это не за считанные годы, а какие-то месяцы. Так что «специального настроя» в пользу прихода Путина в Кремль ни у меня, ни в общественном мнении вовсе не было, скорее наоборот.

И тут вдруг в газете появляется материал с глубоким и широким историческим размахом: от «убиенного царевича Димитрия» до завтрашних, даже послезавтрашних дней, с намеком, что придет срок и весь политический свет, внутренний и внешний, «клином» сойдется на новоявленном кандидате в президенты России, на Путине, то есть. И что неминуемо наступит час, когда перед новым Президентом возникнет необходимость, даже парадоксальная потребность, в каком-то смысле или виде, отказаться от власти, ради её же «сохранения и упорочения».

В этих словах, – «уйти от власти ради её же сохранения и упорочения», – содержался пароль к правильному пониманию сути и характера предстоящей жертвы. Не стану скрывать, этот пароль не я придумал, да и сам понял не сразу. Но мне внятно всё объяснили. Смысл прихода нового президента в Кремль, кто бы им не был, сведется к трем простым позициям, которые мне всякий раз приходится перечислять из соображений необходимости констатации очевидного, которая с течением времени лишь усиливается.

Первая, – предотвращение распада России, как это случилось с Советским Союзом. **Вторая –** исправление ошибок предшественников, упорядочение, точнее «стабилизация» социально-экономической и идейно-политической обстановки стране, от которой можно было бы начинать движение к «возрождению страны». **Третья, –** подготовка перехода к новой системе управления, предусматривающий усиление акцента на расширении непосредственного участия граждан в принятии государственных решений.

Сейчас, после предъявленных материалов в качестве вещественных доказательств собственной прозорливости, у меня мог появиться большой соблазн, представить дело таким образом, что я еще за десять лет до того, как предрек В. Путину неизбежное отречение от власти

ради её же «сохранения и упрочения», твердо знал, что и как предстоит делать. Но это не так.

В девяностых годах я, быть может, только почувствовал, а теперь твердо осознаю, что это, скорее всего, было лишь навеянное интуицией предощущение, которое иногда наводит на истину без предъявления доказательств, чего для Нострадамуса, полагаю, могло хватить, но для научного прогноза совершенно недостаточно.

Тут нужна, – как говорят ученые люди, к которым себя отнюдь не отношу, – так называемая верификация, то есть обеспечение достоверности. По сути это означает, предъявление всей цепочки причин и следствий. Просто козырять фактами, как случайно оказавшимися у вас на руках при раздаче тузами, не пристало.

Важным оказалось другое: решение начать постоянную целенаправленную работу по освоению проблемы, включая её изучение и попытки в неё практически внедриться, нутром почувствовать, что в мысли об ответственности людей за будущее, не только своё, но и страны, есть хоть какой-то здравый смысл, а уж только затем сосредоточить внимание на размышлениях о реальных предпосылках её реализации...

Я уже говорил, теперь повторяю и, наверное, ещё ни раз буду повторять: все свои научные достижения, если они обнаруживаются, связываю с тем, что передо мной весной 1980-го года исключительно своевременно умно и точно **предложили попытаться разработать методику научного прогнозирования политических процессов, с целью её, – этой самой методики, – практического использования.**

Мне повезло в том смысле, что при этом тут же подсказали и ключевой ракурс исследования: сосредоточить своё аналитическо-прогностическое внимание, не столько на способах достижения конечной цели, сколько на сути развития политических процессов, из которых только и складывается историческая перспектива.

В предыдущей книге «**Практическая методика предвидения**» я анонсировал в качестве своего рода сенсации предъявление политического Спецпроекта «**В. Путин – последний президент России**». Авторами Проекта, пристегнувшими к его реализации и меня, были патриархи российской политики Е. Примаков и А.Вольский. Только у них было достаточно политических сил и авторитета, чтобы убедить Б. Ельцина добровольно покинуть свой президентский пост и передать бразды правления страной В. Путину.

Высказываясь на эту тему публично, я обычно говорю буквально следующее: *«Наблюдая за действиями В. Путина, его выступлениями, поступками, прихожу к выводу: человек, которого мы видим перед со-*

бой под именем Владимир Путин, это – персонифицированное воплощение специального политического проекта, преследующего цель возвращения России статуса Великой Державы. Такая идея, а главное, методы её воплощения в голову отставным разведчикам не приходят. Они не придумывают, они – воплощают. В. Путин доказал, что он обладает замечательным качеством – верностью принятому на себя служебному долгу, который сродни данной государству клятвы верности. У таких людей, как В. Путин, даже на лицах это запечатлено, как у Штирлица. Где бы он ни оказывался, – на прогулке в весеннем пригородном лесу или наедине с Борманом или Мюллером, – в глазах холодная сталь, уверенность в своей правоте, непоколебимая воля вынести все испытания, но обязательно добиться поставленной цели.

В. Путина, воспитанного в недрах КГБ, работа по приказу захватывает ещё сильнее, чем по призванию. На ней он не собственному таланту служит, а государственной идее, что для таких людей как В. Путин гораздо почётнее и важнее. Не найдись в России такой человек на рубеже 2000 года, на должность совершенно провальную, ещё не известно, в какой бы стране мы жили. И кому бы пеняли за передраги, выпавшие на нашу долю».

В нынешней книге я попытаюсь показать, а то и доказать, что к правильному пониманию сути происходящего ведут не чьи-либо свидетельские показания, не видеокамеры, аудиозаписи или отпечатки пальцев. Дорогу к истине через сотни, а то и тысячи километров, сквозь годы, а то и десятки лет прокладывает пытливая человеческая мысль, научившаяся воедино связывать по ходу жизни причины и следствия, а в выводах и рекомендациях отделять случайное и закономерного.

Чуть выше я уже обмолвился, что к моменту прихода В. Путина в Кремль я пришел не с пустыми руками, а с довольно солидными аналитическо-прогностическими накоплениями. О первых двух рекомендациях, адресованных будущему президенту, я к тому времени успел обмолвиться в печати ещё накануне прихода В. Путина в Кремль. Однако то, что было очевидно для меня, не было таковым для большинства.

Сразу после избрания В. Путина президентом мало кто верил, что он стал главой государства всерьёз и надолго. Так общественное мнение, помнится, как российское так, и зарубежное, встретило его появление на политическом Олимпе. Для меня же как исследователя, путинское президентство обернулось неслыханной удачей.

В. Путин пришел во власть как политический Айвенго, без богатого наследия и ответственных обязательств. И поначалу мне ничто не мешало смоделировать для себя смысл и историческое предназначение

ние его пребывания на президентском посту. На поверку пореформенный период России складывался из трех семилетних перестроечно-реформаторских циклов: двух разрушительных, связанных с именами М. Горбачева и Б. Ельцина и одного «имитационного», начало которого выпало на долю самого В. Путина.

Анализируя политические процессы задним числом, как правило, можно установить, что развиваются они не столько по воле политических лидеров – от них исходят только начальные импульсы, – а под действием объективной логики событий.

В ходе первого – с 1985 по 1991 г. – энергичному разрушению были подвергнуты идейно-политические основы общества, которое мы называли «развитым или зрелым социализмом». В ту пору были востребованы люди пылкие, романтические, с неиссякаемой публицистической энергией.

Во время второго – с 1991 по 1998 г. – объектом интенсивной атаки стали социально-экономические основы плановой, командно-административной системы. Для решения этих задач на первые роли выдвигались люди уже совершенно иного плана. Прагматичные, жесткие, даже жестокие, не слишком озабоченные ценой, которую приходилось платить за осуществляемые меры.

Наконец, третий семилетний цикл – с 1998 по 2005 г. – объективно оказался связан с необходимостью смены политических элит, проведением своего рода «зачистки» политического пространства, без которой невозможно перейти к решению задач общественно-политического и социально-экономического строительства.

Соответственно «зову времени» формировались и требования к личным и политическим качествам людей, на долю которых выпадала роль своеобразных «чистильщиков». Под их воздействием на российской политической арене и появился В. Путин, функциональное предназначение которого поначалу представлялась современникам весьма ординарной, сводившееся к ликвидации промахов и исправлению ошибок предшественников.

Не будь на тот момент передо мной профессиональной задачи расценивать происходящие события под углом зрения научного прогнозирования политических процессов я бы, наверное, тоже никаких мыслей о назревающих радикальных переменах с именем В. Путина не связывал бы.

Но я поступил иначе. За первые два срока пребывания В. Путина на президентском посту, то есть с 2000-го по 2008-ой год, опять же стараясь имя президента все же не упоминать, я выстроил гипотетический

проект деятельности В. Путина, ориентированный не на формальный регламент его пребывания на посту главы государства, а как бы продиктованный запросом времени, здравым смыслом и соображениями функциональной целесообразности.

В итоге оказалось, что не столько формальный срок, сколько фактический смысл пребывания В. Путина во главе государства растягивается до 2024 года, а с учетом установившейся в России «двуликой» модели верховной власти, то и до 2030-го. Проведенная в период 2008-2012 года между В. Путиным и Д. Медведевым взаимная «рокировка постами» была исторически вовсе не исключена, а формально даже гарантирована.

Вот каким оказывается итог вроде бы сугубо гипотетического проекта, если он ориентирован на объективные запросы времени, а не подгоняется под требования формальной политической логики с реальной жизнью людей практически никак не связанной. Именно это я и собираюсь сейчас продемонстрировать на нескольких примерах.

Начну с ключевого, появившегося на свет в 2004-ом году в процитированной уже по ходу текста книги статье **«Президент милостью Божьей»** (См. «Политический журнал», №45, 2004 год.) вроде бы в качестве проходной незатейливой реплики, долгое время если где и зафиксированной с прицелом на будущее, то лишь в моей авторской памяти, поскольку в неё, – в эту ремарку, – изначально был заложен большой стратегический смысл. *(К этому обстоятельству ещё предполагаю вернуться, ...В.Г.).*

Воспроизведу её в том самом виде, в каком она появилась на свет в конце первого срока пребывания В. Путина в президентском кресле. *«До выборов 2008-го остается каких-то четыре года. Не уходит же, в самом деле, В. Путину из государственной политики в расцвете лет, да ещё с багажом такого уникального опыта, который он накопит за два президентских срока.*

В результате нынешняя президентская республика вполне может превратиться в премьерскую, стоит лишь Путину перекочевать из одного кресла в другое. У нас ведь не место красит человека, а человек место. Так что прямые, премьерско-президентские, и обратные, президентско-премьерские, «рокировки» на самом вер-ху вовсе не исключены. Разница только в сценариях».

Теперь, в 2018-ом году, мне уже ничто не мешает сказать и показать, что не только начало и завершающий этап президентской деятельности В. Путина мной как политическим экспертом были обозначены в 2004-ом году. К тому времени не только детали, но и весь про-

цесс движения В. Путина от победы на выборах 2000-го до возвращения в президентское кресло в 2012-ом представлялся мне совершенно очевидным.

Начало своего рода прогностического эксперимента относится к весне 2005 года, совпавшей на этот раз с публикацией третьего по счету прогностического сборника под наглым самонадеянным заглавием: «**Я знаю Who is Putin & что есть Россия**». В момент, когда этого меньше всего, казалось бы, следовало ожидать, вдруг получаю кремлевский заказ подготовить на имя президента Аналитическую записку о своих соображениях по стратегическому реформированию управленческой системы страны.

Поначалу воспринял сделанное предложение как коварный «розыгрыш» в ответ на публикацию книги. Шутку оценил по достоинству. Серьезная, с подтекстом, злым и точным. Так продолжал думать несколько дней кряду пока из достоверных источников не получил подтверждение, что кремлевское предложение сделано всерьез. Я это предложение воспринял как подтверждение, что мы с В. Путиным, хоть и по-разному, но смотрим в одном направлении.

Тогда и созрело решение: записку напишу, но огласке придам только в том случае, если все в ней написанное получит подтверждение в конкретной политической деятельности самого В. Путина, в его указах, установках и распоряжениях, соотносимых с содержанием рекомендаций. Как это случилось с моей рекомендацией об отмене губернаторских выборов, преданной огласке ещё в мае 1999-го, то есть ещё до прихода В.Путина в Кремль.

Иными словами, собирался не столько президенту советовать, сколько собственные соображения на конкретных политических примерах лишний раз проверить и испытать. Мир, к сожалению, так устроен, что доказывать собственную правоту оказывается порой даже труднее, чем на нее выйти.

Записка, под названием «**Реформирование управленческой модели в России. Стратегические аспекты**», была подготовлена и передана В. Путину через моего доброго товарища Аркадия Вольского. *(Тогдашнего Президента Российского Союза промышленников и предпринимателей. Так было условлено, – В.Г.)* Этот документ, как и всё, что я к тому времени писал, имел прогностический характер, только речь в нём шла не о предвосхищении событий, а о предопределенном на мой взгляд, ходе мыслей Президента и основных направлений его политических действий.

Внимание было сосредоточено на трех основных аспектах.

Первый: необходимость введения жесточайшего системного контроля за исполнением принятых решений на всех уровнях управления.

Второй: радикальное исключение из системы управления страной любых инструментов и механизмов, выстроенных в соответствии с принципами, так называемой, «представительной демократии», полностью исчерпавшей свой функциональный ресурс.

Демократический принцип «разделения властей», с позиций науки вообще полный нонсенс. Власть в смысле принятия решений, понятие «единое и неделимое». При его расчленённости решение невозможно даже оперативно принять, не то, что реализовать.

Очень трудно представить себе продуктивное претворение в жизнь уже принятых решений и при действующем механизме принципиальных «сдержек и противовесов». Чему такие «сдержки и противовесы» служат на стадии реализации? Лишь усилению бюрократии и расширению масштабов коррупции.

Демократический принцип «приоритета большинства» в моменты принятия решений при сохранении «представительного характера власти», выродившегося в паразитическое посредничество «избранных» и политическое иждивенчество так называемого «электората», обернулся ныне питательной почвой для спекулятивного лоббизма и системной коррупции.

С принципом «независимости судов» вообще неизвестно, что делать. Сколько ни «колотится на этот счет в истерических припадках прогрессивная общественность» обеспечить реализацию этого принципа не удастся. А как его обеспечишь, если **суды не могут существовать «независимо от законов», а законов, независимых от интересов тех, кто их принимает, не бывает.** Вот и бьются суды и судьи в изнеможении, пытаясь в поисках справедливости и обеспечения собственной независимости, согласовать не существующее с невозможным...

Третий: переход от демократии к предопределенному самим развитием цивилизации прямому народному «самоуправлению», не исключаяющий, даже скорее предполагающий, радикальное изменение характера отношений между народом и властью. Если конкретно, то их перевод в конфронтационное русло.

Тогда я эту точку зрения концептуально сформулировал впервые, теперь могу только отметить, что ныне еще больше утвердился в её справедливости. Развитие событий и конкретные действия В. Путина этому способствовали. Вот как выглядела в 2005-ом году сама Записка.

АНАЛИТИЧЕСКАЯ ЗАПИСКА В.В.ПУТИНУ.

Проблемы формирования новой управленческой модели в России. (Стратегические аспекты).

1. АСПЕКТ ПЕРВЫЙ. *Отсутствие органической связи принимаемых управленческих решений с объективным содержанием социально-экономических и общественно-политических процессов.*

Любое управленческое решение, независимо от уровня, на котором оно принимается, является решением прогностическим. Это предполагает, что люди, принимающие или не принимающие решение, должны давать себе отчёт о его неизбежных последствиях. В нынешней управленческой практике контроль за уровнем профессионализма и эффективности принимаемых или не принимаемых решений, к сожалению, отсутствует.

Несоответствие управленческих мотивационных «посылов» результатам их практической реализации свидетельствуют о полной несогласованности процесса принимаемых решений с объективным содержанием социально-экономического и общественно-политического развития России.

Ежегодные отчёты об исполнении бюджета этого катастрофического управленческого изъяна не компенсируют. Итоги бюджета выводят на подведение финансового баланса, а не на анализ эффективности управленческих решений. Без запуска механизмов обязательного контроля за результативностью и обоснованностью самих решений, эффективную управленческую модель, в которой сегодня так нуждается Россия, не создать.

II. АСПЕКТ ВТОРОЙ. *Неадекватный подход к управленческим возможностям демократии.*

Основной дефект функционирующей в России управленческой системы состоит в том, что она ориентирована на принципиально отслужившую свой срок демократическую модель. Суть демократии состоит в обеспечении альтернативного выбора решений, прежде всего на магистральных направлениях социально-экономического и общественно-политического развития. Возникшие на демократической основе управленческие модели, в силу своего посреднического характера, являются крайне громоздкими, затратными, бюрократическо-коррупционными.

Они рассчитаны на обеспечение процедур принятия решений, но не на их эффективное исполнение. В конечном итоге посредник, начинает работать только на себя. Не важно о чём идёт речь. О политике или о бизнесе. Сокрушительная победа рыночных, товарно-денежных

отношений, по сути дела поставила демократическую управленческую модель, на грань упразднения.

Демократические управленческие модели исчерпали свой созидательный потенциал, функциональное предназначение и управленческий ресурс. От них необходимо отказываться: если идея исчерпала себя по сути, – в управленческом смысле магистральное направление развития избранно, – то отпала необходимость и в её, – этой идеи, – функциональном обеспечении. Многие негативные проблемы реформирования России объясняются именно тем, что идеология его осуществления основана на использовании именно демократических механизмов управления.

III. АСПЕКТ ТРЕТИЙ. *Новая управленческая модель в России должна быть построена не на демократическом обеспечении интересов, а на диалектическом балансе взаимных страхов.*

В конечном итоге любые управленческие модели решают вопросы обеспечения интересов сторон, задействованных в социально-экономических и общественно политических процессах. Решающее преимущество получает при этом та из сторон, которая овладевает инструментом осуществления власти. Важнейший функциональный инструмент власти – манипуляция фактором страха, который, как говорили древние, рождает богов и питает власть.

В одних случаях, – при деспотических, диктаторских, авторитарных режимах, – страх народа перед властью, в других, – при демократических формах правления, – власти перед народом (выберут – не выберут). В обоих случаях уровень страха зависит от потенциальных возможностей его поддержания.

В постдемократическую эру, наступившую с окончательным утверждением рыночных товарно-денежных отношений, страх уже нельзя обеспечивать в одностороннем порядке, как это происходило при авторитарных формах правления в пользу суверена, а при демократических – в интересах граждан. Объективно сложилась ситуация, когда стабильность в обществе может быть обеспечена не за счёт односторонней реализации потенциала страха, а за счёт обеспечения его диалектического баланса.

Власть и народ по определению являются конфликтными сторонами любой формы правления. В связи с чем, политический процесс протекает в двух ипостасях – борьбы за власть и борьбы с властью. Предшествующий исторический опыт содействовал прежде всего совершенствованию механизмов борьбы за власть. Формы борьбы с властью реализовывались за счёт бунтов, восстаний, революций. С этим

можно было мириться до тех пор, пока вспышки социального протеста оставались эпизодическими и ограниченным по своим масштабам.

В эпоху нарастающей глобализации социально-экономических и общественно-политических процессов, социальный протест не может оставаться неуправляемым. Он должен быть интегрирован в управленческие механизмы, чтобы на любые проявления протеста можно было чутко реагировать, а при необходимости и управлять ими.

Для этого необходимо, чтобы власть, подчиняясь инстинкту политического самосохранения, взяла на себя инициативу организационной консолидации нарастающего социального протеста, видя в нём неотъемлемый компонент конфронтационной управленческой модели. Другого пути эффективного развития общества в постдемократическую эпоху нет.

Не особенно углубляясь в сравнительный анализ написанного и реально осуществившегося, как это сделано в предыдущей книге, могу лишь констатировать, по первым двум аспектам Аналитической записки, выданные рекомендации один к одному совпадают с конкретными действиями и решениями В. Путина. О третьем этого сказать не могу. Во всяком случае пока.

Осуществление так называемой **«конфронтационной модели управления»** и в 2005-ом году просчитывалось на будущее, до которого и сегодня российское общество ещё не успело дозреть. Всё ещё впереди. Но уже тогда я предпринял попытку подробно рассмотреть эту проблему в опубликованной в статье **«Зачистка власти» (См. «ПЖ», №12, 2005 г.)**, где подчеркнул, что к рубежу второго тысячелетия не только Россия, но и весь мир вышли на рубеж, когда отношения между властью и гражданами будут строиться не на партнёрской основе, как это делалось при представительной демократии, пока она не исчерпала свой управленческий потенциал, а на базе острой, самовоспроизводящейся конфронтации по принципу **«консолидированный протест против консолидированной власти»**.

«Перспектива возникновения конфронтационной модели, – говорилось в статье, – соответствует объективному вызову времени, тому состоянию, на котором находится сегодня уровень общественного развития. Этап, связанный с реализацией ресурсов представительного-посреднического управления, где всё было построено на использования возможностей выбора между различными претендентами, миновал.

Сегодня развитие общества вышло на рубеж, когда во главе угла оказываются не пожелания, запросы и поручения, а непосредственные требования, адресованные властям напрямую. Так что конфронтаци-

онная модель, о которой идёт речь, по сути дела, несёт в себе не разрушительный, а созидательный потенциал...

Пора привыкать к тому, что противоборство между властью и народом с использованием методов не компромиссного, а прямого конфронтационного воздействия на власть, включая манифестации, пикеты, акты гражданского неповиновения становятся делом обычным. Чем скорее эти отношения противоборства сформируются и формализуются, воплотятся в конфронтационный механизм управления, тем лучше. Хотя, конечно, понимаю: процесс формирования такой модели не обойдётся без серьёзных издержек и потерь».

Было бы наивно предполагать, что переход от тогдашнего политического режима, ещё обретавшегося в тенетах представительной демократии, функционально себя уже давно исчерпавшей, о чем мне на тот момент уже не раз приходилось писать, предстояло пройти нелегкий путь, который ещё и осознан-то был далеко не всеми и не до конца.

К 2000-му году, мне во всяком случае, стало абсолютно ясным, что так называемая представительная демократия ни к чему не пригодна: ни силы реализовать, ни мыслям дать простор, ни поставленных целей достичь, ни надежды осуществить, ни веры поддержать. Всё! Иссякла! Хотя ещё и поныне далеко не все и не до конца осознали, что человечество стоит сегодня на пороге нового исторического Рубикона, за которым наверняка откроется новый цивилизационный этап существования общества.

Пока что мысль, что ни механических, ни автоматических, ни идейно-политических «вечных двигателей», даже таких замечательных как демократия, не бывает, и сегодня еще мало кому приходит в голову. Все норовят её, – «эту самую демократию», – расширять, углублять, совершенствовать. А она же, чем дальше, тем больше работает всё хуже и хуже.

Мне эта мысль пришла в голову лет двадцать назад, во всяком случае, первые публикации на эту тему относятся именно к тому далёкому времени. А до первых публичных выступлений на эту тему нужно было еще дожить, додуматься, решиться. Назову троечку. Это «**Демократия приказала долго жить. Ей на смену приходят режимы стандартизированной прагмакратии**».¹¹ «**Мы возвращаемся на круги своя. Самодержавие и борьба с ним как извечная форма существования России**».¹² «**Вперед к имперскому авторитаризму? Парадок-**

¹¹См. «НГ». 17.08.2000 г.

¹²См. «НГ». 07.04.2000 г.

сальные размышления о неизбежной гибели диалектики и демократии».¹³

Должен сделать существенное уточнение: статью для «Литературной газеты», ту, что об «имперском авторитаризме», я отправил в редакцию без вопросительного знака. Как правило, я их вообще не ставлю в своих публикациях. Не знаешь ответа, нечего размазывать «манную кашу по чистому столу». Я не сомневался в том, в каком направлении события, настроения, устремления будут развиваться. Понимал смысл и причины происходящего. Если движение в обозначенном направлении объективно обусловлено, не зависимо от того, нравится мне это или нет, я его приветствую.

Волонтаристские вмешательства в ход исторических процессов, неважно с каким знаком, «за» или «против», всегда плохо заканчиваются. Поэтому и статью, о которой сейчас веду речь, завершал четко и ясно: **«Короче, долей диалектику и демократию. Вперед к имперскому авторитаризму. Путина на царство».**

Можете сами убедиться, в авторском тексте статьи, абсолютно точно воспроизведенного газетой, никаких вопросов. Редакция этим, поставленным на дыбы «крючком», заголовок оснастила, чтобы категоричность сказанного как-то смягчить. На самом деле, какие тут вопросы! Сегодня мы имеем именно то, что я и предрекал. Разве нет?

Возразил мне хоть кто-нибудь? Конечно, известнейшая личность, дважды доктор, философских и филологических наук, в ту пору и поныне вице-президент Академии гуманитарных исследований Павел Гуревич, полемизируя со мной в начале февраля 2000-го в статье **«Демократия в полосе фальсификаций»**, практически рванув тельняшку на груди, почти что восклицает: **«Во всем бы согласился с Виктором Гуциным, если бы не одно обстоятельство, – только демократия способна обеспечить власти легитимность, то есть народное доверие и признание».**

Однако, в моих словах «выжимка», или как любят говорить сильно ученые люди, такие как П. Гуревич, квинт-эссенция. Может, я что-нибудь передернул, ухватился за второстепенное, а главное-то как раз упустил, смухлевал. Ведь, ни много ни мало, мне ставят в вину, – **«О, позор мне, позор! – «умышленную фальсификацию», то есть злонамеренный обман по заказу, или того хуже, морально-нравственную диверсию против самого святого совершаю».**

¹³См. «ЛГ». № 34, сентябрь, 2002 г.

В прежние времена, будь я благородным человеком, готовым за свою честь и достоинство постоять, было достаточно оснований к барьеру пригласить. Я же промолчал, только и успел, что сопли языком подхватить, чтоб на них же потом не поскользнуться.

И с чем бы я в ту пору к барьеру вышел? Только и есть умения, что статьи писать, за которые через двадцать лет стыдно не было бы. Разве это заслуга?! Так это еще нужно подождать, чтобы двадцать лет прошли, да справедливость написанных слов подтвердилась. Вот демократию от разного рода фальсификаций и диверсионных нападков защитить, грудью за её честь и достоинство встать, совсем другое дело. Это я уже тогда понимал. Потому и промолчал. Зато теперь, по кротости душевной и доброй памяти, **«к делам давно минувших дней»**, возвращаюсь.

Вот ведь, как все на самом деле, в хранящейся у меня с тех давних пор статье П. Гуревича, было сказано: «Мне кажется, что мысль Виктора Гущина устремилась в заданном направлении именно потому, что демократия вошла в полосу **умышленной фальсификации**. Современная техника, силовые способы решения, манипулятивные возможности всё чаще **рождают в политическом подсознании крамольную мысль**, а не послать ли её, демократию, к чертовой матери (*Должен признать, проблески здравой мысли, даже у философских докторов, хоть изредка, но случаются. Правда, с предусмотрительной «подстилкой безопасности». То есть, написанное следует воспринимать так: мысль-то у меня, конечно, рождается, но предупреждаю, она заведомо «крамольная», и я с ней категорически не согласен, – В.Г.*) или по крайней мере не придать ли ей декоративный характер.

Я сам ловлю себя **на смутном предположении** (*Это у вице-президента Академии гуманитарных исследований «смутные предположения»? Возможно ли? Не кокетничайте, дважды доктор. Вам, с Вашим научным авторитетом, надо рубить с плеча, как палачу на лобном месте, а Вы речь заводите о каких-то «смутных предположениях», как если бы собирались рассуждать о деревенском самогоне, а не о президентских выборах, – В.Г.*): затраты на президентские выборы стали **столь велики**, а итоги **столь безумны**, что может быть, было бы разумнее – назначать руководителя страны в узком кругу политбюро? Только от чего эти лидеры, **не имеющие нужной легитимности, исчезают в политическом подводе?**».¹⁴

По-моему, я все-таки ничего не утаил, ничего не передернул, ничего не сфальсифицировал, (*Словечко «подводе», – это я П. Гуревичу*

¹⁴См. «НГ». 02.09.2000.

как филолог филологу скажу, как терминологический неологизм по достоинству оценил, – В.Г.), честно, буква в букву, процитировал всё, в чем со мной В. Гуревич согласен, а согласен он практически во всем, кроме одного, – не будет демократии, не будет легитимности, то есть не будет народного доверия и признания. Я ВСЕ ПРАВИЛЬНО ПОНЯЛ?

Должен, к великому моему сожалению огорчить г-на Гуревича, сообщением, что в отличие от уважаемого вице-президента Академии гуманитарных исследований, я уже четверть века назад после событий октября 1993-го года понял и в критикуемой им статье написал, что демократии как функциональной системе управления на народное доверие и признание глубоко наплевать. Народ для демократии одна морока, единственная от него польза, что среди него хоть и редко, но всё же еще *попадаются «гуревичи», готовые «дурить этот самый народ» как бы от его же собственного имени.*

Напомню на всякий случай, конкретно П. Гуревичу, что уже где-то в момент выхода «в свет» или сразу после же моей книги **«Я знаю Who is Putin?»**, разлюбезные ему российские «записные демократы» фракционным «скопом» внесли в федеральный закон о выборах антиконституционную поправку, в соответствии с которой выборы отныне считаются состоявшимися по самому факту их проведения, независимо от числа избирателей, принявших участие в голосовании.

Таким образом, на так называемой легитимности, дорогой и разлюбезной сердцу П. Гуревича и его многочисленным тогдашним и теперешним единомышленникам, был поставлен жирный крест, иными словами, похерили ту единственную соломинку, которая только и спасала демократию от неминуемой гибели в **«политическом подводье».**

Рано или поздно, но люди обязательно поймут, что «представительная демократия» как система принятия решений, по которым предстоит жить, вещь «промежуточная», посредническая, которой, быть может, и достаточно, чтобы поддерживать иждивенческие надежды, что какое-то время чужими руками удастся из костра каштаны таскать, но это не навсегда. Обязательно наступает время, когда каждому становится ясно: как потоплешь, так и полопаешь.

А теперь о главном. Быть может, не только нынешней книги, а всей прогностической трилогии. Слава Богу, я с самого начала понял, спасибо старшие и умнейшие коллеги подсказали, никогда в попытках предвидения не гнаться за ответами на вопросы «ЧТО», «ГДЕ», «КОГДА», а только «КАК» и «ПОЧЕМУ ИМЕННО».

Ответы на первые три «существительных» вопроса «что, где, когда» не оставляют людям никакой иной возможности, кроме как дожидаться на уровне констатации элементарного подтверждения сбудется прогноз или нет. По итогам и оценка, на которой остановился К. Маркс: **«Сбывшийся прогноз – это наивысший сертификат научности».**

А хотелось бы, по правде говоря, иного: чтобы предвидение в научно-методическом смысле не фиксировало, а предвосхищало, предоставляло бы не только правильное направление для достижения цели, но и помогало бы преодолевать препятствия, избегать изъёнов и промахов ещё на стадии принятия решений, а если потребуется, то и их незамедлительного исправления уже по ходу реализации самого прогноза.

Эту мысль я уже не раз повторял, но продемонстрировать на конкретных примерах как такие прогнозы могли бы выглядеть в предыдущих двух книгах удалось лишь однажды, в прогностическом сюжете о характере о особенностях непродолжительного премьерства Е. Примакова в 1999-ом году.

На то были свои объективные причины. Ведь прогноз в его научном качестве не может возникнуть на пустом месте. Для его появления на свет должны сформироваться исторические предпосылки, обозначиться хотя бы намеки на новые идейно-политические и социально-экономические запросы

времени, заявить о себе какие-то новые движущие силы общественного развития.

Если этого ещё нет, не будет и прогноза, ориентированного в будущее, а получится прозорливая эпитафия, которая годится лишь для того, дабы её принимать к сведению, но ни руководством к действию. Вспомните знаменитые слова, высеченные на могильной плите Робеспьера: «Прохожий, не печалься над моей судьбой. Ты был бы мертв, когда б я был живой».

Так что прогностический сюжет о премьерстве Е. Примакова был важен в сугубо методическом смысле, он пусть и в условной манере, но всё-таки предоставлял людям возможность наблюдать и судить о происходящих политических событиях в их содержательной динамике, поэтому и их итог выглядел ни как случайный, а вполне закономерный. И в этом смысле вполне научный, хотя по сути и не ориентированный в будущее.

К практике научно-методического прогнозирования политических процессов появилась возможность вернуться только с приходом к президентской власти В. Путина. Да и то вовсе не потому, что в Кремле оказались новые люди с собственными политическими взглядами и

убеждениям, как это было в двух предыдущих случаях: М. Горбачев пришел с идеей «перестройки» КПСС и СССР; Б. Ельцин – с программой либерально-демократического реформирования России. Причем, оба эксперимента завершились неудачей.

Напомню, что к моменту появления на политическом Олимпе В. Путина в подсознании страны и народа как минимум уже сформировалось понимание двух ключевых моментов: **первое** – это желание предотвратить дальнейший распад страны, как это произошло с СССР; **второе** – положить конец идейно-политической и социально-экономической деградации России, отбросившей её на задворки мирового развития.

Оба эти аспекта и нашли как раз отражение в первых публикациях, которыми я охарактеризовал внутривнутриполитическую ситуацию в стране накануне предполагавшихся президентских выборов, когда имя В. Путина ещё не только не фигурировало среди возможных победителей, но и как наиболее вероятных кандидатов в президенты. (См. *«Независимая газета»*, 28.05.1999 г. *«Выборы губернаторов довершат распад России»* и 12.11. 1999 г., *«Отчизна-мать в предвкушении нового мученика»*).

В нынешней книге я с удовольствием воспроизвожу практически в полном объеме всю прогностическую серию материалов, связанных с приходом к президентской власти В. Путина, когда руководствоваться приходилось не его личными качествами как человека или государственного деятеля, – они как раз на первый взгляд меньше всего для этого годились, – а объективными предпосылками исторического развития и насущными запросами времени, оказывавшими в ту пору решающее воздействие на совокупное общественное сознание.

В результате в начале этой прогностической серии оказался материал, указывающий на то историческое обстоятельство, что предопределявшая на протяжении почти пяти веков всё мировое развитие «представительная демократия» исчерпала свой функциональный ресурс. Партийно-политическая конкуренция, утратившая поддержку народа, перестала давать адекватные ответы на требования современности, что привело к глобальному цивилизационному кризису и попыткам найти из него выход.

Непосредственно в России, – а главное, при самом активном и заинтересованном участии В. Путина, – этот процесс прошел несколько стадий. Сначала стала нарастать прагматическая деидеологизация системы государственного управления, переросшая затем за счет личных целенаправленных усилий В. Путина в целенаправленное *(за годы его*

президентско-премьерского такого рода решений было принято не менее трехсот,.... В.Г.). ограничение прав и полномочий органов представительной власти.

В период с 2008-го по 2018-ый совместными усилиями Д. Медведева, сменившего В. Путина на президентском посту, а затем и самого Путина в его нынешнем качестве, что было заранее запланировано, – как я на это обращал внимание ещё в 2004-ом году, – вообще оформившийся в утилитарно-прагматический авторитарный режим, предназначение которого, как я это понимаю и воспринимаю, как целевой административно-организационный этап перехода к прямому Народному Самоуправлению.

Ниже вся прогностическая серия публикаций с 2004-го по нынешний год воспроизведена в её календарной последовательности.

29.03.2004 год. «Политический журнал» №11. «ПОСТНАЯ ПОБЕДА. В. Путин начал восхождение на политическую Голгофу».

Вероятно, Владимира Путина и его сподвижников, не лишенных чувства реальности, победа на парламентских и президентских выборах (пришедшихся, кстати, как раз на середину Великого поста) больше тревожит и настораживает, чем вдохновляет. Во всяком случае, с лица президента давно не сходит маска «озабоченности за Россию», а Борис Грызлов и Сергей Шойгу появляются на людях с выражением лица разочаровавшегося в жизни Коцея Бессмертного. С чего бы? Ведь победили как-никак. Даже сокрушительно.

Не будучи новичками в политике, они прекрасно понимают, что внушительные количественные показатели одержанной победы – 37,7% голосов на выборах в Государственную думу и 71,2% на президентских – это лишь политическая арифметика. Высшей математикой в данном случае является определение качественных показателей: какие избиратели и почему проголосовали за Путина и «Единую Россию».

Полной аналогии между голосованием за президента и «единороссов», конечно, нет. В России отношение к партиям и политическим деятелям, олицетворяющим высшую государственную власть, испокон веков было разным. Верховных правителей – царей, генсеков, президентов – уважали гораздо больше. Тем не менее в нынешней ситуации никто не станет возражать, что именно избиратели «Единой России» на президентских выборах были «ядерным» компонентом одержанной победы. Что это за люди?

Избиратели самодостаточные, привыкшие полагаться не столько на власть, сколько на самих себя, обладающие высокими адаптацион-

ными качествами, обычно голосовали за СПС и «Яблоко». На этот раз своих представителей в Государственную думу они не провели. Не имеют своих депутатов в парламенте и те, кто голосовал «против всех». Их костяк – люди, независимо мыслящие и самостоятельно действующие. Получается, что депутатский корпус «Единой России», вокруг которого в нынешней Думе сложилось так называемое «парламентское большинство», представляет интересы людей, ждущих от властей благоденствий и даже чуда. Это обездоленные люди, утратившие надежду самостоятельно справиться с выпавшими на их долю проблемами.

Судите сами. В стране насчитывается 38,8 млн пенсионеров, уровень жизни которых колеблется на грани вымирания. А ведь, по статистике, это самая активная часть избирателей. Примерно 80% из них регулярно участвуют в выборах. Еще один электоральный резерв «единороссов», особо подверженный воздействию «административного ресурса», – работники бюджетной сферы: 30 млн врачей, учителей, работников учреждений культуры, науки, социального обслуживания. Их средняя заработная плата не превышает 2500 рублей, то есть едва дотягивает до статистического прожиточного минимума.

40% населения России живет в сельской местности, которую иначе, как зоной бедствия, давно уже никто не называет. Из 89 субъектов Федерации только десять являются «донорами», то есть в экономическом и финансовом отношении считаются вполне полнокровными. Остальные 79 практически состоят на иждивении государства, более 50 из них не в состоянии обеспечить себя даже наполовину.

Эта масса обездоленных людей, которых в России насчитывается не меньше 70 млн, составляет социальную базу нынешней российской представительной власти и прежде всего «Единой России». Легко понять, что, опираясь на такую электоральную базу, строить серьезные планы на собственное политическое благополучие нельзя. Это все равно что возводить здание на зыбучих песках. Такая почва уйдет из-под ног, как только станет ясно, что взятые на себя политиками обязательства не подтверждаются конкретными делами.

Правда, многие мои коллеги с такой оценкой не согласны. Они считают, что голосование за «Единую Россию» и за Путина прошло не под знаком минус (обездоленность и безысходность), а под знаком плюс (стабильность и даже подъем). Согласившись с ними, мы оказываемся перед необходимостью ответить, каково качество такой стабильности и такого подъема.

Полагаю, не надо объяснять, в чем разница между подъемом к вершине горы и попытками выкарабкаться из пропасти. Мы не можем

сбрасывать со счетов тот факт, что реформы, независимо от того, каковы были их конечные результаты, отбросили страну лет на двадцать назад по всем социально-экономическим показателям. Сегодня мы лишь наверстываем утраченное, хвастаться и тем более гордиться здесь нечем.

Да и будущее у нынешнего президента и партии парламентского большинства отнюдь не безоблачно. Страна стоит на пороге серьезных проблем в экономике, внешней торговле, финансовой и социальной сферах, морально-политическом состоянии общества. Каждая из них таит серьезные угрозы, предотвращение которых потребует максимального напряжения сил, а может быть, и жертв.

Если принять это во внимание, победные результаты парламентских и президентских выборов не только настораживают, но просто удручают. Хотя бы потому, что победа «Единой России» на парламентских выборах и победа Путина на нынешних президентских вовсе не являются общим триумфом. Это скорее предвестник разлада президента со своими парламентскими порученцами.

Действительно, что за резон Путину сейчас, когда его политический статус по сравнению с первым президентским сроком изменился (теперь он не опекун «семьи» Ельцина, а полновластный хозяин Кремля и страны), разделять ответственность с партией, которая, во-первых, хотя и победила на парламентских выборах, но ничуть не облегчила лежащую на его плечах ношу.

Во-вторых, не только в ходе избирательной кампании, но и после победы «единороссы» не сумели продемонстрировать никаких других качеств, кроме холуйства и угодничества, а этого недостаточно, чтобы стать президенту опорой в сложных ситуациях.

В-третьих, и это, быть может, главное, – в «Единой России» при всей ее депутатской многочисленности не оказалось ни одной убедительной политической фигуры, которую можно было бы рассматривать не просто как напарника, а как стратегического преемника президентского курса.

Путину и до нынешней победы приходилось больше ломать голову не над тем, как победить в марте 2004 г., а над тем, к кому перейдет власть в 2008-м. Я абсолютно доверяю его заявлению, что на третий президентский срок он не пойдет. Такое решение придется рассматривать не только применительно к России, а в контексте мирового общественного мнения. По той же причине у нас после Путина вряд ли появится еще один президент-силовик.

Еще важнее другое обстоятельство: очевидно, что через четыре года у президента уже не будет той «всенародной» поддержки, как сейчас. По сути дела, он окажется в ситуации, похожей на ту, что сложилась к концу второго президентского срока Бориса Ельцина. Путину тоже, по сложившейся в России традиции, придется искать не столько политический, сколько технологический способ передачи власти своему антипреемнику. Как человек дальновидный, он, если верить его же словам, начал подготовку такой передачи не сейчас, а едва заступив на президентский пост в 2000 г.

То, что Владимир Путин активно вовлекает в политику силовиков, никого не должно вводить в заблуждение: он делает это не из дружеских чувств и не в расчете на взаимную преданность. Просто в ведомстве, в котором ему пришлось в свое время служить, лучше, чем где бы то ни было, понимают, что бывают ситуации, когда ближайшее окружение должно состоять не из союзников и сподвижников, а из «козлов отпущения», выращивание которых становится смыслом и содержанием целенаправленной кадровой работы. Рискну высказать мысль, что Путин по отношению к «Единой России» и новому составу правительства действует именно с таким прицелом.

Но вот беда, время стремительно уходит, а стратегическая задача текущего политического момента не только не решена, но толком и не обозначена. Проведена лишь некоторая подготовительная работа – весной при оглашении президентского послания Федеральному собранию прозвучало заявление Путина о намерении сформировать новое, гораздо более амбициозное правительство. Осенью, накануне выборов в Государственную думу, он вновь вернулся к этой теме на предвыборном съезде «Единой России». Поблагодарив «единороссов» за совместную работу, президент выразил уверенность, что это продуктивное взаимодействие будет продолжаться.

Большинство моих коллег расценили намерения президента как политический аванс, выданный им своим политическим сподвижникам. Внешне это действительно выглядело так, но скрытый смысл аванса состоял не в том, чтобы демонстративно поддержать «единороссов». Как раз наоборот, Путину уже весной и тем более осенью было ясно, что с новым правительством и новым, на все согласным парламентским большинством каши не сварить. Нужно было готовить акции по тотальной политической зачистке.

Визит президента на предвыборный съезд «Единой России» заведомо не сулил партийцам благоприятных перспектив. Со стороны Путина это были типичные действия по формуле: «Благословил, чтобы

отречься». Следующий шаг (второй элемент этой домашней политической заготовки) не заставил себя ждать. Как только настала пора выдвижения кандидатов в президенты, когда все, и в первую очередь сама «Единая Россия», ожидали, что Путин пойдет на выборы под ее знаменами, «случилось страшное»: он стал самовыдвиженцем, не обременяя себя наперед никакими обязательствами перед, казалось бы, естественным союзником.

Действия президента поставили «Единую Россию» в глупейшее положение – победившая на парламентских выборах партия осталась не только формально, но и по существу за скобками важнейшего на ближайшие четыре года политического события. Даже позиция Партии жизни оказалась более выигрышной. Сергей Миронов хоть и был в мартовской выборной кампании пешкой, но все-таки в свите короля. А фигур от «Единой России» на политической шахматной доске вообще не оказалось. Нетрудно предположить, что дальнейшие действия президента будут развиваться именно в этом ключе – «единороссам» ничего хорошего ожидать не приходится.

Вопрос о полной смене политических элит давно уже стоял на повестке дня, но первый президентский срок у Путина ушел на подготовительные маневры. Решительным действиям мешали обязательства, которыми ельцинский режим повязал его по рукам и ногам. Победив на выборах 14 марта, президент оказался перед необходимостью действовать стремительно, решая грандиозную политическую задачу – прежних, доставшихся в наследство от двух предыдущих разрушительных этапов деятелей оттеснить с политической сцены, а перед новыми, которые никаких деловых качеств, кроме личной преданности, предъявить не могут, поставить непреодолимый заслон.

В этом контексте Путин напомнит о выданных политических авансах и тем, и другим, как только пробьет час. «Видит бог, – услышат от него и министры, и депутаты, – я делал все, чтобы вас поддержать. Более того, рисковал ради вас своим политическим авторитетом. А где результаты? Единственно, на что вас хватило, так это на имитацию бурной деятельности под видом осуществления административной реформы и единодушного голосования по вопросам, в решении которых вы не принимаете никакого участия...»

Ответчики за прошлые грехи (корни правительственного кабинета, несмотря на некоторые новые лица, уходят в недра предшествующих разрушительных этапов) и виновные в новых, нажитых уже после Ельцина, будут найдены и поплатятся за содеянное. Уверен, народу такой поворот событий понравится. Толпе всегда нравится, когда в жерт-

ву приносят не каких-то клерков, а собственных сподвижников и друзей, когда «вдруг» обнаруживается, что они не справляются с делом. Да и «сподвижники» будут в значительной степени умиротворены. Перед президентской карой все будут равны, никому не окажут снисхождения.

Понятно, что суть дела не в том, насколько такие шаги оправданы и целесообразны. Важно впечатление, которое они произведут. Россия, как никогда, нуждается в символе полного политического обновления, своего рода крещении. Миссия Путина в том, чтобы продемонстрировать разрыв цепи преемственности. Без этого совершить переход от реформаторской эпохи к созидательной никогда, нигде и никому не удавалось. Беда тех, кто будет отставлен от политических дел, не в том, что они плохи, просто их никто не пожалеет...

17.08.2004. «Независимая газета», Виктор ГУЩИН, «ДЕМОКРАТИЯ В РОССИИ ПРИКАЗАЛА ДОЛГО ЖИТЬ. Ей на смену приходят режимы стандартизированной прагматии».

СРЕДИ человеческих доблестей всегда числилась способность без обиняков, в открытую называть вещи своими именами или, как говорят в народе, резать правду-матку прямо в глаза. Формально это качество поощряется, но на самом деле к нему относятся с опаской. В большинстве случаев реальному миру мы предпочитаем набор хрестоматийно-традиционных суждений, оценок, привычек, стереотипов, условностей и даже иллюзий, лишь бы они вписывались в канву общепринятых представлений о жизни.

Так продолжается до тех пор, пока не объявится некто, быть может, не самый умный, но умеющий признавать очевидное, кто возвестит: «Ребята, а король-то голый!». И все вдруг прозревают: «Действительно голый, как же мы раньше этого не замечали!». И так, беру на себя смелость (если угодно – наглость) выступить в этой отчаянной роли: «Утверждаю и настаиваю, демократия умерла!» Причем речь не о России, здесь она даже не успела родиться. Умерла как таковая, как форма власти и управления обществом.

Более того, она превратилась в обузу, которая только сдерживает общественно-политический и социально-экономический прогресс. Она – демократия – теперь уже никому не подмога: ни России, ни Бурунди, ни Буркина-Фасо. Прогресс человеческой цивилизации в отличие от командных велосипедных гонок измеряется по результатам лидеров, а не аутсайдеров. Здесь кто не успел, тот опоздал. Навсегда. Просто случилось то, что рано или поздно должно было случиться. Демократия исчерпала свой управленческий ресурс, эпоха, я бы даже сказал эра,

демократии закончилась, мир вступил в принципиально новую полосу развития.

Предвижу – многие из числа демократических апологетов придут в негодование: «Вот, мол, объявился еще один могильщик демократии, невесть какой по счету. А демократия жила, живет и будет жить. И побеждать. Не случайно весь цивилизованный мир, наиболее развитые страны называют себя демократическими. Россия тоже должна занять в этом мире достойное место!»

Насчет того, что «жила», «живет» и «называют», спорить не стану. Это лишь подтверждает неоспоримый факт: вышеупомянутый мир и его лидеры воспользовались преимуществами демократии на том этапе, когда эти преимущества срабатывали. Но, если солнце зашло, нужен иной источник тепла и света. Именно по этой причине я и сомневаюсь в победоносном будущем демократии. Что и попытаюсь доказать.

Во-первых, уже давно ни одно из государств, которые принято считать демократическими, по сути таковым не является. В них никто не считает, что власть правит от имени большинства. Демократические процедуры в этих странах обрели ритуальный характер. Там уже спокойно можно между празднованием столетия со дня рождения королевы и парламентскими выборами ставить знак равенства.

Реального воздействия на текущую жизнь ни то, ни другое не оказывает. Шоу – оно и есть шоу. Вся полнота полномочий сосредоточена в руках исполнительной власти. В данном случае это просто констатация факта. О причинах сложившегося положения – чуть ниже.

Во-вторых, на рубеже смены тысячелетий демократия обнаружила свою нетехнологичность, затратность и громоздкость. Наружу вышел главный генетический порок демократии – ее посреднический характер, до поры до времени скрытый в ее недрах. А любая посредническая структура, будь то в политике или в бизнесе, обязательно себя изживает, начинает паразитировать, работать только на себя. Было время, причем весьма продолжительное, когда демократия с ее делегированием полномочий от избирателя депутату была продиктована объективными обстоятельствами.

Уровень образования населения, культуры, средств общения, связи и информации, состояние науки и техники были таковы, что без переадресовки прав и полномочий не обойтись. Но теперь, в эпоху сверх- и гиперзвуковых скоростей, торжества образования и внедряющихся в повседневную жизнь интернет-технологий, функциональный смысл демократического представительства стал анахронизмом, нон-

сенсом. На поверку оказывается – примеров тому тьма, – что мы выбираем не самых умных и достойных.

На протяжении нескольких веков мир находился в полосе разного рода революций, качественных преобразований, начиная с технических и технологических и кончая политическими, информационными, нейрогенетическими. Все это время человечество нащупывало магистральный путь развития, примерялось к разным вариантам и альтернативам, продвигалось вперед способом проб и ошибок.

Иногда добивалось успехов, которые порой выглядели как провалы и катастрофы. Здесь нужен был такой общественный механизм управления и власти, который бы не позволял миру совершать слишком рискованные кульбиты. Из этой исторической потребности, из гражданской осмотрительности и осторожности, психологически присущей людям, и родилась демократия – система «сдержек и противовесов».

Но опять же это не могло продолжаться до бесконечности. Рано или поздно главный стратегический выбор должен был быть сделан. Мы как раз и стали свидетелями этого выбора. В глобальном состязании за будущее победили идеи либерализма, частной собственности и личной свободы. Так зачем же теперь эти идеи сдерживать, что за нужда им что-либо противопоставлять?! А демократия, по определению, умеет только сдерживать и противопоставлять. На стадии принятия сбалансированных решений это разумно и целесообразно, но, когда нужно наращивать темпы достижения намеченных целей, «сдержки и противовесы» только мешают движению.

И, наконец, в-третьих. В недрах самой демократии, как того требует объективная логика исторического процесса, давно уже сформировался совершенно новый механизм управления и власти, который поглотил – если угодно, пожрал – демократию изнутри. В лоне демократии, лишь сохраняя ее внешнюю атрибутику, родилось и окрепло качественно новое общество услуг и потребления, в основе которого лежит не идеология принятия принципиальных решений, а логика достижения конкретного результата. Я называю эту логику «идеологией стандартизированной прагмакратии».

За годы существования демократии мы узнали, вычислили, определили, сколько чего человеку надо, чем его жизнь должна быть обеспечена, в каких условиях ему надлежит жить, чем пользоваться, как перемещаться относительно неподвижных предметов, как строить свои отношения с другими людьми, с государством.

Все эти нормы, принципы и параметры давным-давно стандартизированы, кодифицированы и конституированы, многократно подтвер-

ждены международным опытом, воплощены в соответствующих хартиях, конвенциях, договорах, соглашениях. Здесь уже нечего обсуждать, нужны воля, силы и ресурсы, чтобы исполнить. Демократия растрчивает эту волю, силы и ресурсы впустую.

Обратите внимание: в процессе создания Объединенной Европы меньше всего говорилось о демократии, ее институтах, принципах и процедурах. Упор был сделан на возможностях будущих членов сообщества оказывать услуги и удовлетворять потребности. Не очень-то вписывается в рамки традиционных представлений о демократии и факт существования «большой семерки», ставшей, по сути дела, мировым правительством. Его ведь тоже никто, нигде и никогда, не избирал и не назначал. «Большая семерка» существует явочным порядком и правит миром отнюдь не по демократическим законам и правилам.

Это еще один аргумент в пользу того, что, если идея изжила себя по сути, она становится непригодной и функционально. Поэтому выскажу под занавес очередную «крамольную» мысль: рыночные реформы потому и не заладились в России, что мы решили осуществлять их демократическими методами, переставшими соответствовать потребностям эпохи и вызовам времени.

18.10.2004. «Политический журнал». №38. Виктор ГУЩИН, «Даёшь самодержавие. Российский ужас ужасом не перешибёшь.»

Исторический, а тем более политический процесс развивается по объективным законам собственной вегетации. Реформаторский период, который переживает Россия, четко распадается на три семилетних цикла. Первый, с 1985-го по 1991-й, был посвящен разрушению той общественно-политической системы, той идеологии, при которых мы жили. Второй, с 1991-го по 1998-й, стал апофеозом разрушения социально-экономической системы социализма, его плановой, централизованной экономики. Августовский, 1998 г., дефолт и последовавший вскоре за ним уход Б. Ельцина с президентского поста ознаменовали начало третьего семилетнего цикла, выпавшего на долю В. Путина.

Конкретный политический смысл этого цикла очень сложен. До переходного периода еще далеко. От разрухи к созидательному строительству сразу не перейдешь. Нет для этого под рукой ни кадров, ни техники. Остается только одно – имитировать бурную деятельность.

Тот авторитаризм, который сегодня совершенно безосновательно вменяют В. Путину в вину, носит, как и все, что происходит в выпавшее на его долю время, имитационный характер. Его, этого псевдавторитаризма, вполне хватает, чтобы принять то или иное политическое

или законодательное решение. Но нет сил и ресурсов, чтобы это решение с умом и позитивным результатом реализовать.

Чуть раньше, до монополизации Государственной думы «Единой Россией», В. Путину, чтобы собрать необходимое число голосов, иногда приходилось приспособливаться, бросая поощрительные взгляды и делая побуждающие жесты по адресу тех или иных сил: в какой-то момент – правых, в какой-то – левых, в какой-то – «Яблока», в какой-то – «жириновцев», в какой-то – «рогозинцев». В результате необходимый для принятия решения «кворум» обязательно обеспечивался.

В конечном итоге от имитационного разнообразия партий, имитационного разделения властей родилось имитационное единство с имитационным президентом во главе.

Могу, конечно, ошибаться, но мне представляется, что внутренне В. Путин крайне встревожен всем тем, что происходит в стране и вокруг нее. Во всяком случае, на меня его обращение, с которым он выступил 4 сентября, сразу после поездки в Беслан, произвело именно такое впечатление. Скажу больше, на мой взгляд, в некоторых словах и действиях В. Путина угадывались признаки смятения. Уж слишком тщательно, слишком нарочито, слишком явно в обращении проступала жесткость не только по отношению к террористам, но и вообще к оценке ситуации. А вот необходимой доброты и сочувствия к соотечественникам, к их душевному состоянию проявить не удалось.

В ключевом месте своего выступления президент даже пригрозил: тех, кто поддастся на провокации террористов, кто под предлогом поиска виноватых за совершенные теракты и их наказания будет совершать действия, способные дестабилизировать политическую обстановку в стране, российская власть будет рассматривать как пособников террористов.

Не с угрозами надо в таких ситуациях выходить к людям. Ужас ужасом, страх страхом не перешибешь. В критические моменты люди ждут от своих руководителей глубокого понимания ситуации, правды и искренности в оценке причин происходящего, энергичных мер, действительно ведущих если не к предотвращению повторных бед, то хотя бы к ликвидации причин, способствовавших их свершению.

В своем обращении В. Путин сказал об этом вскользь. Мол, «в ближайшее время будет подготовлен комплекс мер, направленных на укрепление единства страны». Те, о которых на второй или третий день действительно было сообщено, убедительными никак не назовешь. Речь идет лишь о косметическом ремонте государственного здания, ничего капитального предлагаемые меры не затрагивают, на основы не посягают. А посягать пора.

Надо наконец перестать стесняться, тем более извиняться за то, что объективные обстоятельства вынуждают прибегать к авторитарным методам управления страной. В условиях имитационного семилетнего цикла, выпавшего на долю В. Путина, этот способ управления страной единственно возможный. Причем авторитарный не в смысле предоставления максимума полномочий одному лицу, конкретно В. Путину, стоящему во главе государства, а авторитарный по сути, по обязательному применению по всей вертикали власти.

В отличие от многих моих коллег я не считаю, что постановка вопроса о необходимости перехода к авторитарной системе управления неизбежно приведет к ограничению демократии, ущемлению прав и свобод граждан. Ничего подобного! Демократия – это не только процедура. Ее суть в реальной защите интересов людей. И ничего, что способствует этой защите, отменено быть просто не может.

Нынешние теракты, как уже было сказано, «черная метка» российским властям, а если быть максимально конкретным, лично В. Путину. Кроме него, другой власти в России на сегодняшний день нет. База, на которой зиждется президентская власть, крайне слабая.

Протестный потенциал общества стремительно растет. Голосование «против всех» достигло запредельного уровня. Репутация российского бизнеса, а, следовательно, и всего отечественного предпринимательского сообщества чрезвычайно низкая. Я, например, склонен считать, что шкурническая природа новорожденного российского капитализма по своей жестокости и цинизму ни в чем не уступает антироссийскому терроризму. А кое в чем и превосходит его.

Общество деморализовано, миллионы умных, образованных, квалифицированных людей остаются невостребованными. Это очень опасно для любого государства. В таких условиях поверхностными, тем более имитационными способами и мерами дело не поправишь. Здесь надо действовать радикально, направляя усилия на создание действительно фундаментальных основ деятельности государства.

Понятно, что новые управленческие структуры, новая система выборов губернаторов и депутатов, возрождение однажды уже являвшейся на свет Общественной палаты задач создания таких фундаментальных основ не решают. Для этого необходимо создавать систему, способную компенсировать генетические пороки российской власти.

Ведь это закономерно, что наиболее успешные, во всяком случае оставившие глубокий след в истории периоды, когда Россия добивалась весомых результатов, приходились на те времена, когда, с одной стороны, налицо было стремление к крепкой, единоличной централизован-

ной власти во главе с царем-самодержцем, а с другой – народная воляница, склонность к бунту, восстанию, мятежу. Так было при Иване Грозном, Петре I, Екатерине Великой. Самый яркий рывок, когда Россия ворвалась в число мировых держав, вообще пришелся на годы революционных волнений 1905–1912 гг.

По некоторым признакам, хотя и достаточно робким, приход к власти В. Путина позволяет надеяться, что он знаменует собой возвращение России на диалектические «круги своя». То есть в режим существования самодержавия и борьбы с ним. И в этом смысле террористические атаки на Россию не столько помеха, сколько стимул. Бывают, оказывается, парадоксы и такого трагического свойства.

Для того чтобы эти «признаки» превратились в реальный механизм управления, необходимо произвести несколько обязательных действий, далеко выходящих за пределы предпринимаемых Кремлем в последнее время имитационных косметических мер.

Во-первых, необходимо восстановить самодержавие по сути. Для этого следует оставить выборным только один государственный пост – президентский. Все остальные государственные должности должны заполняться за счет назначения или на конкурсной основе. За исключением органов местного самоуправления. Здесь принцип выборности может быть сохранен.

Одновременно с этим должны быть не секвестированы, как предполагается, а полностью отменены выборы губернаторов. Еще в момент принятия соответствующего ельцинского указа я был категорическим противником превращения губернаторов в удельных князьков. Критиков у меня тогда было по всей стране не счесть.

Сегодня все убедились: самостоятельность губернаторов не только раздирает страну на части, но и лишает российскую власть самодержавного стержня. Но около десяти лет оказалось уже потеряно. Без лишения губернаторов конституционных полномочий, превышающих в границах своих властных угодий президентские, порядка в стране не навести.

Во-вторых, необходимо упразднить парламент, давно исчерпавший свое функциональное предназначение. Парламент и депутатство – суррогат, своего рода посредническая структура между народом и властью, которая в нынешних условиях работает исключительно на самовоспроизводство, на собственное кормление. Из всех атрибутов демократии парламент, применительно к России, самый бессмысленный и бесполезный.

Влияние парламентов в богатых западных странах практически сведено к нулю. Их там содержат, как содержат двор английской коро-

левы или охрану швейцарских гвардейцев при персоне Папы Римского. Богатые страны могут себе это позволить. Демократия – привилегия богатых. Странам, испытывающим нужду, нужно пользоваться механизмами управления, которые им по карману.

В-третьих, вокруг президента должны быть сформированы структуры, действительно способные обеспечивать прочность власти и порядок в государстве. Первой из таких ключевых властных опор должна стать «Боярская Дума» (терминология условна), в которую бы вошли люди, доказавшие свою силу и возможности оказывать реальное воздействие на развитие социально-экономических и общественно-политических процессов в стране.

На следующей ступени – двухпалатный Государственный совет. Первая палата – Нормативный приказ, вторая – Федеральная управа. «Боярская Дума» вместе с президентом разрабатывает и принимает концептуальные стратегические решения, определяет главные цели и магистральные направления развития. Нормативный приказ разрабатывает и внедряет «правила игры», следит за строгим их соблюдением. Федеральная управа обеспечивает достижение намеченных целей, следит за соблюдением порядка в стране с помощью подчиненных ей административных органов и структур.

«Боярскую Думу», понятно, формируют по признакам реального влияния, а не личной преданности, землячества или кумовства. Нормативный приказ – на конкурсной основе, с учетом профессиональной квалификации и практического опыта работы, прежде всего в сферах юриспруденции, экономики, социологии, управления, науки.

Федеральную управу комплектуют строго по назначению президента. В нее входят необязательно губернаторы. Скорее на членов управы следует возложить обязанности президентских полпредов. Управа должна работать на регулярной основе. Не исключаю, что практически ее следует формировать не по территориальному, а по функционально-отраслевому признаку. Сколько будет в управе таких «полпредов», определяет президент. Кабинет министров в нынешнем виде упраздняется. Функции, полномочия и состав Совета безопасности, наоборот, расширяются с приданием ему статуса президентского.

Таковы, на мой взгляд, неременная схема наведения порядка в России, маршрут нашего возвращения на благотворную и продуктивную, хотя и вовсе не благодатную стезю самодержавия. Но еще раз повторю, эта модель начнет эффективно работать только в том случае, если на власть будет оказываться взбадривающее, стимулирующее воздействие.

Но не с Запада, как сейчас, иначе пойдет попятный процесс, а изнутри. Для этого в России должна появиться внесистемная гражданская оппозиция нового типа, основанная на идеологии народной воли, которая учит бороться не только за власть, но прежде всего с самой властью.

Движение в этом направлении уже началось. Наиболее ярким проявлением этого процесса служит, на мой взгляд, стремительно растущее голосование «против всех». Я бы на месте президента не перекрывал этот канал давления на власть, упраздня выборы по одномандатным округам, а, наоборот, стимулировал его. В нынешней ситуации этот вид голосования не помеха, а подспорье президенту.

Одна из задач третьего, имитационного, цикла российских преобразований, пришедшаяся на время правления В. Путина, – это полная смена политических элит. Голосование «против всех» способно провести «зачистку» российского политического пространства быстро и эффективно, без ненужных эксцессов и истерик.

Выборы же представительных органов власти по пропорциональной системе, к чему склоняется президент, абсолютно неприемлемы. Не потому, что вредны, а потому, что несвоевременны. Власть в России всегда была и по сей день остается персонифицированной. Обезличить власть пропорциональным представительством – значит уронить власть в глазах людей ниже некуда.

Конечно, нейтрализовать возможные протестные демонстрации и манифестации, вызванные провокационными действиями террористов, программными выступлениями о коренном преобразовании системы управления страной, быть может, и не удастся. Но вот оказать позитивное воздействие на ситуацию и настроения людей поможет наверняка. Да и на улице с людьми будет, о чем говорить.

26.07.2004 год. «Политический журнал», №26. Виктор ГУЩИН, «ПАРТИИ БЕЗ БУДУЩЕГО. БУДУЩЕЕ – БЕЗ ПАРТИЙ».

К середине лета 2004-го года провели свои очередные съезды практически все ведущие политические партии – КПРФ, СПС, «Яблоко», «Родина». Говорю «практически все», поскольку «Единую Россию» и ЛДПР политическими партиями в классическом смысле этого понятия считать нельзя. Это политические фан-клубы. Первый – Владимира Путина, второй – Владимира Жириновского. Разбираться в том, что с ними и в них происходит, – дело психоаналитиков, а не политологов.

Начну издаека, зато по существу. Почему потерял свое могущество Советский Союз? Думаете, по причине утраты военной мощи, принадлежащих ему прежде стратегических преимуществ? Да ничего подобного. С

ним считались, более того, уважали, не потому, что он обладал смертоносным ракетно-ядерным оружием огромной разрушительной силы. Оно до сих пор хранится в наших ракетных закромах. Но никто теперь этих ракет не боится. СССР был силен, поскольку был носителем не смертельных ядерных боеголовок, а альтернативной политической идеи.

Он посягал на то, чтобы представлять собой отличную от капиталистической модель мирового развития. И, надо отдать нашей бывшей Родине должное, немало в этом деле преуспел. И еще неизвестно, как бы историческое состязание за мировое лидерство закончилось, если бы не дал о себе знать генетический порок коммунистической идеи. Наш мудрейший соотечественник Николай Бердяев этот порок назвал «высокомерием просвещенного разума»: коммунистическая идея посягала на то, что от человеческой воли вообще не зависит.

Применительно к партийно-политической сфере эта аналогия должна восприниматься так: сила партии состоит не в ее численности, а в наличии у нее альтернативной идеи. А если ее нет – в добросовестном служении той, которая реально себя оправдала. Альтернативные идеи как таковые сами по себе на свет не появляются. Они всегда служат отражением, а то и воплощением сформировавшихся, в крайнем случае формирующихся в стране общественно-политических и социально-экономических интересов. Выдумать идею нельзя. Искусственно сконструировать партию – тоже. Это непосильная задача даже для самого изощренного политического ума.

Чтобы разобраться в том, что происходит с партийным строительством непосредственно в России, необходимо иметь в виду не только внутренние, но и общемировые процессы, которые происходят в этой сфере. Одна из таких объективных закономерностей состоит в том, что процесс формирования общественно-политических и социально-экономических интересов стремится к поляризации, в результате сужается и сфера их альтернативной реализации. Естественным образом сокращается и политическое пространство, на котором могли бы зародиться и действовать партии.

В итоге на смену политическому плюрализму приходит объективно обусловленная тяга к авторитаризму, то есть сосредоточению реального политического влияния, одной, максимум двух партий, не слишком отличающихся друг от друга в подходе к ключевым аспектам развития страны. Это не вопрос чьей-то злой воли, а объективный вызов времени, если хотите – историческая потребность.

После поражения коммунистической идеи в глобальном состязании за выбор магистрального пути исторического прогресса возникла

ситуация, когда хрестоматийно знаменитые диалектические витки исторической спирали вдруг обернулись лентой Мебиуса: с чего ни начни, тем же самым и закончишь – собственность, капитализация, производство, товар, рынок, прибыль.

Это обстоятельство радикальным образом изменило политический ареал существования партий. Если идея на всех одна, то и судьба одна. Борьбаться теперь приходится не за право реализовать собственную концепцию развития, а всего лишь за право внести свой вклад в повышение эффективности уже утвердившейся модели.

Соответствующим образом изменился и характер власти, принципы ее кадрового комплектования. Функциональное предназначение власти упростилось: открылась возможность решать управленческие задачи без оглядки на интересы второго, третьего, четвертого, тем более пятого порядка. С одной стороны, это привело к рационализации системы управления, с другой – отсекло власть от общества.

Политика стала все менее идеологизированной, власть – менее политизированной, по сути дела беспартийной. В результате власть, перестав быть идейно-политическим органом принятия государственных решений, трансформировалась в технический аппарат управления, практически не зависящий от перемен, происходящих в сфере общественного сознания и политического поведения людей.

Это, однако, не значит, что исчезает сам состязательный характер политического процесса, что на политической арене остается лишь игрок, представляющий власть. Вовсе нет. Изменяются правила состязания, возрастают требования к профессиональной квалификации игроков, значительно увеличивается мера ответственности за управленческие неудачи, промахи, ошибки.

Накал соревнования за обладание властью не только не угас, он стал еще жарче, вот только с дворовых игровых площадок, где преобладал идейно-политический азарт, борьба переместилась на управленческо-менеджерский подиум. Здесь уже приходится демонстрировать высочайшее профессиональное мастерство.

Мысль о том, что в России вместо партийного многообразия должна в конечном счете сложиться классическая двухпартийная система, витает в нашем обществе давно. Но одно ясно: прежде чем такое партийное «секвестрование» произойдет, нужно выработать общую точку зрения на ситуацию в стране, не разделяя людей на тех, кто прав, и тех, кто виноват. Никакие реформы, никакие рыночные принципы, никакие соображения политической целесообразности, предписания

классической демократии и либерализма не требовали разрушения единого государства.

Ответственность за случившееся сегодня в равной мере лежит и на либерал-реформаторах, и на коммунопатриотах, и на правых, и на левых, и на центристах, и на националистах. Еще неизвестно, что больше сближает позиции – осознание общих утрат или общих приобретений. Какой смысл сегодня делить вину между теми, кто инициировал процесс распада Советского Союза, и теми, кто не сумел его отстоять.

И те, и другие должны осознать, что распад страны отразился не только на географических картах. Он рубанул по живому, по душам людей, по их судьбам, по сознанию и подсознанию. Мы лишились ощущения гражданской принадлежности пусть к не слишком богатой, пусть не к счастливой, безалаберной, но великой стране. Безродная идеология «новых русских», что лучше жить в крошечной, но благополучной Бельгии или Дании, чем маяться на бескрайних просторах России, вдохновила немногих.

Ощущение масштаба, размаха – не прихоть, не каприз. Это состояние души русских людей, материализация их представлений о Земле обетованной. Без возвращения им этого ощущения никакие реформы в России на лад не пойдут. На уровне личности каждого отдельного человека всякий вправе сделать любой выбор, где ему жить и как. Но там, где дело касается судеб миллионов людей, где речь идет о стране, о политике государства, никто не вправе поступать только по собственному разумению, руководствуясь только собственными интересами, тем более навязывать их кому бы то ни было.

Во-вторых, необходимо согласиться, что иного пути, кроме развития рыночных отношений, для России нет. Это не значит, что мы раз и навсегда согласились с той рыночной моделью, которая была избрана для внедрения в нашей стране. Когда в России запускали рыночные механизмы, рассуждали просто: превратим всех россиян в собственников, приватизируем и акционируем государственные предприятия, создадим средний класс, который станет опорой демократии и либерализма.

Не получилось. Да и не могло получиться. Не собственность создает благополучие, не форма владения ею сама по себе определяет эффективность производства и экономики в целом. В основе процветания, богатства страны и благополучия людей лежит труд, его полновесная оплата, уважительное отношение к нему.

Да и средний класс, во всяком случае, такова мировая практика, складывается не из собственников как таковых, а из наемных рабочих и

служащих, из представителей творческой и научной интеллигенции, получающих за свой труд плату, вполне достаточную, чтобы им было что терять, кроме своих цепей. Но российские реформы обесценили человеческий труд, лишили его созидательных функций, превратили в насмешку, хотя бы размерами его минимальной оплаты, которую иначе как издевательской не назовешь.

На рынке, где труд самый дешевый, бросовый товар, реальных стимулов для развития производства и производительных сил не бывает. Здесь будут процветать махинации, аферы, обман, мошенничество, спекуляция, подлоги, коррупция, подкуп, шантаж, рэкет, вымогательство и так далее до бесконечности.

В-третьих, несмотря на существующие идейно-политические разногласия, не должно быть двух мнений на тот счет, что не может успешно развиваться страна, благоденствовать народ, если власть не исполняет главной своей нравственной функции и духовного предназначения. Власть не должна быть олицетворением присущих людям недостатков, порочных наклонностей. Она не должна стимулировать недостойные человека качества, тем более строить на их поощрении собственную политику. Власть, осознающая свое предназначение, должна быть не олицетворением, а развоплощением всего стыдного, недостойного, тем более позорного, если это даже коренится в натуре человека.

Уверен, число вопросов и проблем, которые неизбежно встают перед российскими политическими деятелями, размышляющими над тем, как им жить дальше, как строить свои отношения с людьми и государством, далеко выходит за пределы перечисленных. Смысл не в количестве вопросов и проблем, а в понимании в общем-то простой мысли: у нынешней партийно-политической системы, в основе которой лежит принцип собственной идеологической особенности, будущего нет.

Если российским партиям не удастся приспособиться к изменившимся историческим реалиям, может случиться, что будущее, в свою очередь, вполне обойдется без партий. В конце концов, все демократические конституции гласят: не партии являются суверенным носителем верховной власти, а народ.

2008 год. Сборник статей «Восемь лет с В. Путиным». Виктор ГУЩИН. «ЧТО, КАК И ПОЧЕМУ ПОСЛЕ ПУТИНА». Стр. 162-169.

Так уж случилось, что предложение поделиться соображениями о восьми годах пребывания Владимира Путина на посту Президента

России, упало на благодатную почву, на которой в пору не то что сеять, а собирать обильный урожай. Пожалуй, уже лет двадцать пять с лишним прошло с тех пор, как я взял за правило подводить итоги минувшим событиям лишь в одном единственном ракурсе – прогностическом.

А что они, – эти события, – сулят нам в грядущем? Иначе, как мне представляется, обращение к прошлому, будь то давнему или совсем свежему, будет носить сугубо академический характер. Исторические хроники – удел летописцев, а не политических экспертов, к которым себя причисляю.

Нам следует, если и пускаться в воспоминания, то только о будущем, усматривая его признаки в том, что уже случилось. Работая таким образом, ещё в 1983 году, удалось разглядеть предпосылки распада СССР, в декабре 1990 пришёл к выводу о неизбежном политическом крахе Горбачёва и попытке Г. Янаева сотоварищи захватить власть, возглавив так называемый Комитет спасения Отечества (на самом деле его название ГКЧП).

Весной 1996 года в ответ на просьбу ельцинского штаба, руководившего избирательной кампанией по выборам президента, я высказал убеждение, если даже Ельцин и победит, что на самом деле сделать было не так уж и трудно, полностью свой президентский срок отработать не сможет. Осенью 1999 для меня уже представлялся очевидным приход к власти Путина, а главное достаточно точно предугадать функциональное наполнение выпавшего на его долю очередного исторического этапа развития страны.

В принципе в прогнозе, если подходить к нему научно, решающим достоинством должно считаться точное предсказание содержания политического процесса, а не угадывание имён и обстоятельств. Политические биографии и актуальные экспертные хроники всегда бывают изрядно обременены текущей конъюнктурой, в них слишком многое зависит от стечения обстоятельств, в том числе и случайных. В то время как в политическом процессе находят воплощение прежде всего устойчивые тенденции, а в идеальном прогнозе, закономерности и неизбежности.

В этом смысле время, проведённое В. Путиным на посту главы государства, было не слишком насыщено новыми именами и яркими событиями. Я бы охарактеризовал этот период в пику двум предыдущим разрушительным этапам накопительным. Когда Россия, её лидер, да, пожалуй, и само общество, что называется, сосредотачивались для предстоящей работы, но пока ещё не приступая к ней. Путин и себя, и

страну, и власть во всех её ипостасях, и общество тщательно и кропотливо готовил к новому историческому этапу.

В России, причём, без видимой натуги, были приостановлены разрушительные тенденции тех этапов, которые были связаны с именами двух предшественников В. Путина – М. Горбачёва и Б. Ельцина (подробнее об этом чуть ниже). Социально-экономические и общественно-политические сферы упорядочены. Непосредственно по инициативе В. Путина стала восстанавливаться управленческая вертикаль. Сформировалась устойчивая бюджетная политика. Консолидировались приоритетные направления развития, обретя форматы национальных проектов.

В стране сформировался стратегический материальный ресурс, открывавший возможность для крупных преобразований, а может быть даже и прорыва во всех сферах жизни – экономики, пауки, просвещении, здравоохранении и вообще всестороннего повышения благополучия и благосостояния страны, и народа.

Короче, налицо вроде бы все предпосылки и факторы не только для того, чтобы высоко оценить итоги президентской деятельности В. Путина, но и прийти к убеждению, что ему необходимо сохранить за собой пост главы государства и довести начатое дело до конца. Но Путин, почему-то, как только появились сюжеты о такой возможности, сразу же эту перспективу для себя лично отверг и заявил, что на третий президентский срок не пойдёт. Спрашивается, почему?

Мне представляется, что в ответе на этот вопрос кроется как раз суть понимания того, как оценивает достигнутое сам В. Путин, в чём он видит смысл дальнейших преобразований, какой ему представляется стратегия дальнейшего развития страны. В одном из обращений к избирателям, накануне выборов в Государственную Думу В. Путин, на мой взгляд, дал ключ к пониманию того, о чём идёт речь; **«Страна, – сказал Путин, – стоит на пороге важнейшего события, полного обновления исполнительной и представительной власти. И это надо осознать».**

Двух толкований сказанного быть не может: В. Путин не идёт на третий срок не потому, что этому препятствует Конституция. Это решение предопределено другим обстоятельством. «Все восемь лет, которые В. Путин находился в президентском кресле, во всех его начинаниях и решениях преследовалась главная стратегическая цель – построить в стране надёжную и эффективную систему управления и положить конец извечно существовавшему в России режиму личной власти.

Остаться на третий президентский срок значило обратить процессы создания нового управленческого механизма вспять, дать им-

пульс возрождению застарелых пороков политического и общественно-го сознания, когда судьба страны и народа, будь она плохой или хорошей, ассоциировалась с одним человеком.

В конечном итоге, все, что делал В. Путин в минувшие восемь лет, сводилось к созданию в стране совершенно нового механизма управления как в структурном, так и в кадровом смысле. Этап, который последует за Путиным, должен будет ответить на вопрос: удалось ли создать для таких коренных перемен необходимые предпосылки и условия или нет. Заработает созданная В. Путиным государственная машина хорошо без него, значит, историческая задача решена, страна действительно встала на новый путь развития. Нет – значит не судьба.

К этому новому, четвёртому по счёту этапу Путин подводил страну исподволь. О содержании первых трёх мне уже не раз приходилось писать в разное время и в разных изданиях, поэтому сейчас коснусь этой темы лишь в тех пределах, в которых она имеет непосредственное отношение к так называемому «человеческому фактору», а если точнее – кадровой политике президента, к подбору людей, которых он хотел бы видеть у государственного кормила...

Первый семилетний цикл, продолжавшийся с 1985 по 1991 год, решал задачи идейно-политической дискредитации того строя, при котором мы в ту пору жили, называя «развитым или зрелым социализмом». В те годы главными действующими лицами на антикоммунистическом и антисоциалистическом поприще были говоруны: сам Горбачёв, его ближайший сподвижник Яковлев, даже целых два (Александр и Егор), Собчак. Травкин, Старовойтова, Говорухин, Афанасьев, Пономарёв, Коротич... Короче, что ни имя, то золотоуст.

Потрудились они на славу: коммунистическую идеологию раскурочили вдрызг, хваленые «преимущества» социализма «опустили» ниже некуда, духовные и нравственные ориентиры поменяли практически на противоположные. К августу 91-го страна не только в идейно-политическом, но даже в мировоззренческом, духовно-нравственном смысле раскололась на два враждующих лагеря, столкновение между которыми становилось неизбежным. И оно, это столкновение, произошло...

Второй семилетний цикл пришёлся на 1991-1998 годы. Если завершение первого семилетнего цикла было ознаменовано военно-политическим путчем, то второго – финансово-банковским дефолтом. Он, как и первый, был демонстративно разрушительным. Но теперь атакам была подвергнута социально-экономическая основа всё того же социализма, его командно-административная, плановая система. Для такой работы пафос и красноречие были уже не нужны.

Ликвидаторы народ суровый, немногословный. Им всё равно, что водка, что паровоз, лишь бы с ног валило. Главное, чтобы на месте прежнего управленческого механизма, регулирующего как производство, так и распределение, пустое место образовалось, чтобы товарно-денежный смерч спроса и предложения смёл с магистрального рыночного пути всё без остатка.

Понятно, что и сугубо внешне, по облику, манерам поведения социально-экономические ликвидаторы второго семилетнего цикла были совершенно иными, чем их идейно-политические предшественники. Те – жар и пламень, эти – лёд и камень: Чубайс, Гайдар, Авен, Нечаев, Немцов, Христенко, Кудрин, Греф, Зурабов. От представителей разрушителей «первой волны», особенно по темпераменту, они отличались разительно. По не надо думать, что они чужды друг другу по происхождению и духу.

Вовсе нет. И те, и другие порождены предшествующей коммунистической эпохой. Просто па их долю выпали совершенно разные конкретно-исторические задачи. На смену пламенным трибунам периода «гласности» пришли новые люди, тоже рождённые в недрах советской системы, но уже готовые её не «перестраивать», а просто рушить, без какого бы то ни было сожаления, не говоря уже об угрызениях совести, которую они сподобились прикрыть ваучерами, как фиговым листком.

Практически все вышеперечисленные фигуры, от Чубайса и Гайдара до Грефа и Кудрина, должны быть отнесены к числу именно таких профессиональных революционеров-ликвидаторов. Я глубоко убеждён: не в цифрах, не в масштабах происходящего, а именно в людских характерах, в поведении политиков и государственных деятелей воплощаются наиболее важные опознавательные черты времени, его содержания. Именно такой подход помог мне с первого предъявления опознать и в Путине будущего президента.

Мне помогло здесь вовсе не то, что я как политолог пристально присматривался к Путину и его окружению. Я прислушивался не к тому, что там говорили, а к тому, чего требует время. А он, этот запрос, давал понять, во главе государства после постигших его двух разрушительных циклов должен оказаться человек, который ещё лет семь ничего не должен будет делать кроме того, чтобы производить, причем буквально на всех – на «правых», «левых», «центристов», «националистов», на «патриотов» и на «идиотов» – благоприятное впечатление. Это, собственно, до поры и времени должно было стать его работой.

Уже в октябре 1999 года в «Независимой газете» под рубрикой «Карт-бланш» появились мои размышления о В. Путине и его времени

под заголовком «**Отчизна-мать в предвкушении нового мученика**». Почему мученика? Да потому, что нет горше муки, чем имитировать бурную деятельность и глубокую озабоченность за судьбу страны и народа, когда на самом деле никакого участия в обеспечении этих судеб и отстаивании интересов принимать не можешь. Это всё равно, что бросаться грудью на амбразуру, г. которой, кроме самой дыры, ничего нет. Со стороны, быть может, этого и не видно, но ведь самого-то себя не обманешь.

Изменить же ситуацию на начальной стадии собственного президентства В. Путину было совершенно невозможно. Два предшествующих разрушительных цикла не оставляли надежды даже на попытку совершить что-либо значительное, реально осязаемое, ни физически, ни политически. Для этого в наличии не было ни кадров, ни идей.

Пока разрушали, над тем, куда идти и что строить, не задумывались. Да и смысла задумываться не было. Из двух, даже мощных бульдозеров одного подъемного крана, даже плохонького, не соорудишь, как ни старайся. Это и без размышлений ясно. Значит, без ещё одного семилетнего цикла, теперь уже имитационного, было не обойтись.

Стране нужно было дать время, чтобы всё «устаканилось», то есть упорядочилось. Причём не под воздействием какой-то специальной целенаправленной политики, а что называется, само собой. В этом, если хотите, состояла на тот момент высшая политическая мудрость.

Это только кажется, что стихия, выпущенная на волю, действует как ей заблагорассудится или злоумыслится. Закономерности стихийных процессов на самом деле оказываются ещё жёстче, чем, планомерно организованные и административно-управляемые. Вот только человеку они не подвластны.

Мне пришлось написать на эту тему за время пребывания Путина в Кремле не один материал. Недавно статьи эти вышли в свет, будучи объединены в самостоятельную главу под названием: «Исторический приговор. Семь лет имитации» в моей книге «**Я знаю Who is Putin & что есть Россия**».

Меня уже не раз спрашивали: «Почему и на президентство В. Путина отводится семь лет? Ведь ему по конституции для этого отведено восемь. Пытаются и его подогнать под идею о трёх семилетних циклах?» Отнюдь, отвечаю. Не ради того, чтобы подогнать, а дабы точно обозначить объективную логику выпавшего на долю В. Путина периода правления.

На весь срок путинского президентства приходится всего одна, зато грандиозная задача – полностью «зачистить» политическое про-

странство, создать условия для радикального обновления российских политических элит. Это нужно было делать аккордно, либо в начале президентского срока, либо в конце.

Никакого практического смысла в кадровой «зачистке» на стартовом этапе путинского президентства не было. Формировать новую команду, с которой можно было бы хоть что-то строить, а не ломать, всё равно было не из кого и не из чего. Значит, решительные действия нужно было перенести ближе к окончанию президентского срока, то есть на 2007 год, последний перед сменой кремлёвского караула. А до этого вести скрытую подготовку к этой акции. Что В. Путин и делал...

Вот и получается – семь лет на имитацию и на «устаканивание», год – бурной деятельности. Чему мы как раз и являемся свидетелями.

Преодолев два разрушительных и один имитационный цикл, Россия созрела для перехода в новую фазу развития, где о крупных масштабах созидательной работы речь ещё не пойдёт, но уже появятся чёткие контуры «послепутинской» управленческой модели. На это указывает объективная логика развивающихся процессов.

Вообще основные направления социально-экономического и общественно-политического развития складываются не в умах политиков и аналитиков. Они формируются самой жизнью, возникновением необходимых предпосылок для решения тех или иных насущных задач, в решении которых оказываются объективно заинтересованы не только политические элиты, а, главным образом, народные массы, люди, граждане, избиратели.

Настоящая политика начинается не там, где десятки, сотни и даже тысячи людей, а там, где миллионы. Так вот, судя по объективным запросам времени и наличию необходимых предпосылок удовлетворения этих запросов, предстоящий этап российских реформ будет отличаться, следующими особенностями.

Первое. В управленческом смысле это будет режим умеренного утилитарно-прагматического авторитаризма («мягкий чилийский вариант»). Влияние представительных органов власти, вообще демократических функций и процедур, будет сведено к минимуму. Эта модель втихую уже отработывалась на имитационном этапе, но она оставалась ещё очень громоздкой, крайне затратной, практически непригодной для решения задач ускорения.

Однако все эти очевидные изъяны компенсировались «подставным» предназначением Госдумы, Рост недовольства имитационной политикой, когда произносились правильные, хорошие слова, совершенно не подтверждавшиеся конкретными делами, где естественным

образом, а где-то, полагаю, и специально организованным, переадресовывался на Думу, Это В. Путина до перехода к решительным действиям по политической ликвидации кадрового наследия двух предшествующих разрушительных этапов вполне устраивало.

Претерпит серьёзные изменения и характер взаимоотношений не только с представительной, но и с исполнительной властью – правительством и кремлёвской администрацией. Авторитарный режим эффективен только тогда, когда ориентирован на поддержание «добрых отношений» с населением, а не ближайшим окружением. Его-то, это окружение, как раз необходимо хотя бы для вида держать «в чёрном теле».

Если иметь в виду не содержательную сторону, а технологические характеристики грядущего утилитарно-прагматического авторитаризма, то она, эта модель, конечно же, относится к разряду кризисных способов управления. Это совершенно закономерно для стадии перехода от имитационного цикла к формированию дееспособного управленческого механизма, способного обслуживать не стабилизационное, а ускоренное развитие. Но этого придётся дожидаться ещё лет семь.

С экономической точки зрения четвёртый реформаторский цикл может быть охарактеризован как социально ориентированный либерализм. Не только в такой специфической стране, как Россия, но вообще всюду и всегда, в смысле общих объективных закономерностей, за фазой революционных преобразований, – они в нашей стране больше всего ударили по социальным гарантиям и общественным приоритетам, ориентированным на коллективизм и государственный патернализм, – обязательно должен последовать «откат» на прежние позиции. Так гласит знаменитая «теория маятника».

Конечно, действие этой закономерности не обеспечит полного возврата к дореформенной социальной политике, но либеральный «фантомас», разбушевавшийся на стадии второго разрушительного цикла и перешедший в вялотекущую фазу на цикле имитационном, с приходом режима утилитарно-прагматического авторитаризма сдаст свои позиции, станет толерантней. Это могло бы случиться и раньше, но для этого пришлось бы убирать из правительства Кудрина, Грефа, Зурабова прежде, чем для этого созрели благоприятные условия.

Для того, чтобы их убрать с пользой для дела, нужно было сначала запустить в действие социальные механизмы, против которых «записные либералы» категорически возражали. Это и функциональное преобразование Стабилизационного Фонда, и запуск нескольких социально ориентированных национальных проектов, и реставрация неко-

торых весьма важных принципов социального государственного патернализа, включая пенсионное обеспечение и систему поощрения рождаемости.

Третье. В плане внутренней государственной политики механизм утилитарно-прагматического авторитаризма будет, скорее всего, работать в усиленном режиме на поприще универсально-патриотического федерализма. После решения не избирать, а назначать губернаторов никакой другой политики ожидать не приходится. Процесс выстраивания управленческой вертикали пока не форсируется. Да это и понятно. На данном этапе создаётся лишь нормативно-правовая система координат, а реализация стратегического замысла наверняка резервируется на то время, когда политическая система в стране будет подвергнута полному кадровому обновлению.

В общем содержательном смысле, объединяющем все три важнейшие перечисленные особенности, как, впрочем, конечно, многие другие, о которых речь пока не велась, прежде всего, из-за экономии места и времени, предстоящий четвёртый реформаторский цикл должен будет обеспечить перегруппировку сил, накопления общественно-политического и социально-экономического потенциала не только для действительного стабилизационного, но, возможно, и ускоренного развития России.

Но для этого нужны люди, способные такой проект реализовать. Всё упирается именно в это. В. Путин за шесть лет своего президентства, после первых самых необходимых кадровых замен наиболее одиозных фигур, вроде А. Волошина и П. Бородин, никаких серьёзных действий на этом направлении не предпринимал. Даже совершенно незрелую отставку М. Касьянова, которого в народе называли не иначе, как «Миша-два процента», В. Путин затянул до промежуточных выборов. Повторно став президентом, но сути дела на безальтернативной основе, В. Путин назначил председателем Правительства М. Фрадкова. Человека – это видно политически невооружённым глазом – абсолютно лишённого административного темперамента и властных амбиций.

Было ясно, Фрадков, конечно, борозды не испортит, но и на глубокую вспашку не посягнёт. Типичный представитель имитационного цикла. Фрадкову, конечно же, предстояло уйти со своего поста вместе с либеральным ядром нынешнего правительства. Но уйти без политической эпиталамы. Он делал не только то, что мог, а главное, – должен: создавал демонстративный противовес радикал-либералам Грефу, Кудрину, Зурабову, Христенко, при этом на победу над ними не претендуя. Эта роль заведомо зарезервирована за обладающим на сегодняшний

день высочайшим рейтингом В. Путиным. Без такого заоблачного рейтинга о радикальных кадровых преобразованиях под решение задач полной «политической зачистки» нечего было бы и думать.

Но, повторяю, завершение имитационного цикла должно предполагать не только выдворение неугодных, но и водворение на освободившиеся посты людей, пригодных для решения новых задач. Есть ли у В. Путина необходимый для этого кадровый резерв? Долгое время я затруднялся со всей определённойостью ответить на этот вопрос.

Было очевидно лишь то, что в кадровом отношении президент крайне бережлив, даже скуп. Порой вроде бы себе же в ущерб. Объяснение здесь может быть только одно: для чего-то, какого-то особого случая В. Путин людей берёт. Всюду «понасаждали питерских», которые кроме личной преданности В. Путину никаких других примечательных качеств не продемонстрировали. Настоящими профессионалами среди них проявили себя лишь немногие. Полагаю, «питерский призыв» был необходим в качестве «растопочного материала». Какое-никакое, а мерцание в очаге надо было поддерживать.

В этом контексте я бы обратил внимание на ещё одно немаловажное обстоятельство: уж коли В. Путин решил не баллотироваться на третий президентский срок, предстояло определиться по вопросу: по какому сценарию передачи власти отдать предпочтение – преемнику по высочайшему назначению или же «народному избраннику» по так называемой воле избирателей, «Избранник», собственно, тоже должен был олицетворять «путинский курс» и принадлежать к «путинской команде», но в то же время обладать политическим имиджем самостоятельной персоны.

Поскольку заранее сказать, какой из сценариев окажется предпочтительней на решающем этапе, было трудно, подготовительную работу стали вести сразу по двум направлениям.

Одновременное назначение вице-преьерами Дмитрия Медведева и Сергея Иванова многими было воспринято как своеобразный «праймайризм» на русский манер – рейтинговое оглашение претендентов на занятие высшего государственного поста в результате выборов 2008 года.

По второму сценарию, предполагавшему появление во главе государства «народного избранника», тоже делалось всё необходимое. Очевидные признаки этой работы дали о себе знать в июне 2005 года, когда один из ближайших сподвижников В. Путина В. Якунин стал президентом крупнейшей российской компании «Российские железные дороги».

Хотя работа с ним с прицелом на участие в президентских выборах 2008 года началась гораздо раньше. Не исключаю, что уже при внедрении В. Якунина в МПС еще в 2000 году речь, собственно, шла не столько о занятии руководящей должности, сколько об испытании человека на функциональную пригодность к участию в новой управленческой модели.

И в заключение, быть может, самое важное. С. Медведевым, Ивановым, Якуниным, с РЖД и даже с Россией, если согласиться с изложенными в материале суждениями, все более или менее ясно. Одному из перечисленных путинских сподвижников – быть президентом, два оставшихся будут «заряжены» на работу в правительстве, скорее всего в ранге вице-премьеров, но левую и правую руку В. Путина.

Согласие В. Путина возглавить кабинет министров, стать премьером, при том, что за ним уже закреплён символический титул национального лидера, не выглядит окончательным. В действиях и суждениях В. Путина чем дальше, тем больше проглядывают признаки стремления возродить Россию в имперском качестве, вернуть её в международное сообщество в роли Великой Державы. Движение в этом направлении, скорее всего, приведёт к обострению отношений соперничества с другими политическими центрами силы. Прежде всего США и ЕС, в меньшей степени с Японией и Китаем и может быть даже с Индией.

Понятие «империя» применительно к России – это вовсе не экономическая или социальная категория.

Российская Империя это, прежде всего, национально-патриотическое сплочение и державная мощь. К достижению именно этих целей, как мне представляется, будут направлены усилия В. Путина. А уж в каком качестве он предстанет перед нами, если эти цели будут достигнуты, в чём я на самом деле глубоко сомневаюсь, хотя в 1993 году сам был приверженцем этой идеи, я бы оставил на суд времени.

13.11.2010 год. Интернет-форум «Forum-MCK». «Сегодня Медведев с Путиным, завтра Путин с Медведевым и т.д.»

Скажу откровенно, меня несколько не удивило, если бы острый политический конфликт Кремля с Президентом Белоруссии А. Лукашенко и бывшим столичным мэром Ю. Лужковым разразился не сегодня, а лет эдак 10 назад. Во всяком случае, именно в ту пору я полагал такой поворот событий не только возможным, но и крайне необходимым с точки зрения интересов страны.

В статье **«Имитация союзного масштаба. О скрытых механизмах российско-белорусского Союзного государства»**, увидавший

свет в еженедельнике «ВЕК» в декабре 2001г. открытым текстом было сказано, что это государство, созданное без учёта объективных потребностей, по сути дела для политической показухи, обречено.

Первородный грех союзных договорённостей, продиктованных конъюнктурными электорально-рейтинговыми интересами раннего А. Лукашенко и позднего Б. Ельцина неизгладимой печатью легли на весь процесс союзного строительства, придав ему виртуальный, имитационный характер.

В статье было также сказано, что для В. Путина, только что пришедшего в России к президентской власти, если он относится к идее Союзного государства всерьёз, должно стать первоочередной задачей избавление Российско-белорусского Союза от лукашенко-ельцинского имитационного наследия. Для этого нужно было, как минимум, сменить А. Лукашенко на посту председателя Высшего государственного совета Союзного государства.

Возможность такой ротации была предусмотрена учредительными документами Союза. С приходом В. Путина на этот пост, как мне тогда казалось, может быть положен конец любым имитациям: идейно-политическим, социально-экономическим, организационно-управленческим, валютно-финансовым, нормативно-правовым и даже морально-психологическим. Иначе Союзное государство не спасти.

К сожалению, прозвучавшая тогда искренняя тревога за судьбу Союза, стоившая автору статьи должности начальника Департамента информации Постоянного Комитета Союзного государства, отклика не получила. Если, конечно, не считать высказывания В. Путина, что в отношениях с Лукашенко и Белоруссией надо научиться «отделять мух от котлет». Однако на деле эта процедура при всей её очевидности и санитарно-политической целесообразности была отложена на 10 лет.

Тоже самое произошло и в случае с Ю. Лужковым, о котором мне в ту пору тоже довелось высказаться в связи с надвигавшимися в России очередными губернаторскими выборами. В «Независимой газете» под рубрикой «Карт-бланш» (см. «НГ» 28.05.1999г.) было сказано, что принцип выборности губернаторов при всей его внешней демократичности нанесёт непоправимый урон федеративному устройству России, раздробит её в конечном итоге на 80 с лишним удельных княжеств.

Наглядным и наиболее красноречивым воплощением именно этой тенденции я назвал лучшего из лучших, наипреданнейшего из преданных – Юрия Лужкова, заметив, что личные и политические пороки избираемых губернаторов именно в нём расцветут пышным цветом.

В том же 1999 г. на ту же тему в книге «Глас вопиющего...» (см. стр. 241) говорилось: *«В жизни порой случаются казусы, которые вроде бы ни с того ни с сего оказываются вещими. Помню, накануне очередного праздника города, отмечаемого теперь в Москве в начале каждого сентября, при въезде на Кутузовский проспект, появился зазывной плакат-перетяжка. Крупно, белым по голубому москвичей приглашали на звезду праздника «Парад мэра». Чуть ниже и мельче под строчкой о звезде сообщалось, что в параде примут участие гигантские надувные фигуры. Я ещё тогда поймал себя на мысли, что затея с звёздём и надувными фигурами может получиться с намёком, с вредным подтекстом. Как бы на этом «звезде» самому мэру через какое-то время не проколоться, а то пролетит над Россией с надутыми упругими щеками, как лопухий Чебурашка, только его и видели... Вероятность такого исхода отнюдь не исключена».*

Согласитесь, после всего сказанного, что в случае с Лукашенко, что с Лужковым удивляться тому, что с обоими, в конце концов, Кремль всё-таки решил «расплеваться», не приходится. Озадачивает другое: политические и личные изъяны и того и другого, вред, который они наносили интересам России, находясь на своих постах, был совершенно очевиден и ранее, но случилось неизбежное лишь 10 лет спустя.

Выходит, очевидный вред для России отнюдь не всегда оборачивается ущербом для Кремля. Все политики, приходившие туда во все времена, свято блюли правило принимать решения не тогда, когда они становятся очевидными с точки зрения интересов страны и её граждан, а только в момент, когда это наиболее выгодно, наиболее своевременно, наиболее целесообразно, по кремлёвским меркам.

Так в чём же, в таком случае, актуальный смысл запоздавшего на десятилетие политического скандала Кремля с А. Лукашенко и Ю. Лужковым?

На мой досужий взгляд это связано с тем, что Кремль дозрел до понимания, что передача власти в стране от Президента к приемнику должна происходить не в режиме конкурентного политического соперничества, а исключительно по ротационному принципу, как это уже было успешно опробовано на примерах передачи кремлёвской эстафеты от Б. Ельцина к В. Путину, а затем от В. Путина к Д. Медведеву. Теперь, похоже, Кремль собирается ввести ротационную смену президентского караула в систему.

За минувшие годы для такого перехода при активном участии обоих представителей премьерско-президентского тандема была тщательно подготовлена нормативно-правовая база, созданы организаци-

онные предпосылки, включая увеличение сроков пребывания в кремлёвском кресле с 4-х до 6-ти лет. Что называется, дёшево и сердито. Расходы на избирательные компании сокращены на треть, а срок пребывания в кремлёвском президентском кресле с максимальных 8-ми лет за две конституционные ходки увеличен до 12-ти.

Теперь лишь Кремлю надо продемонстрировать, что переход на ротационную систему осуществляется не в корыстных интересах претендентов, а по соображениям здравого утилитарно-прагматического смысла, с учётом требований времени и насущных нужд страны и народа. Чтобы такое впечатление произвести, нужно не так уж много.

По сути дела, всего лишь продемонстрировать, что властная российская двуглавая птица, рудиментарно мутировавшая из пятиконечных кремлёвских звёзд, решительно стряхивает со своих крыльев обременительный тлен коммунистического и реформаторского прошлого и на глазах изумлённой публики взмывает вперёд и выше, к вождельным рубежам социального государства и заоблачным высям нанотехнологических и модернизационных достижений.

Нетрудно догадаться, что политический конфликт Кремля с А. Лукашенко и Ю. Лужковым относится непосредственно к предполётной подготовке. Все должны убедиться, что отныне спуску не будет никому – ни союзным политическим «батькам», ни удельным коррупционным «законникам». Но, то ли ещё будет!!!

За уже произведёнными отставками, последуют не менее громкие и скандальные, тоже давно заготовленные. Скажем, А. Чубайса и А. Кудрина, которые за свою перестроечно-реформаторскую жизнь накопили на своём счету такое количество непопулярных грехов, что не свалить на них ещё и чужие, было бы непростительным упущением.

Следуя исторической традиции, кремлёвская власть давно научилась тщательно и умело выращивать в своих стойлах политических «козлов отпущения». Это, по сути дела, краеугольный камень кадровой кремлёвской политики. Претендентов на «отпущение» годами продвигают по службе, холят, лелеют, закрывают глаза на ошибки, промахи, просчёты, даже человеческие и служебные пороки, чтобы в урочный час в интересах, так называемого «общего государственного дела», взвалить на их ветвистые рога накопившиеся грехи и демонстративно выдворить с кремлёвского двора.

Изгнание «козлов отпущения» за пределы тучных кремлевских угодий для большой российской политики вещь довольно удобная. Стратегически и тактически. Ведь отречение от порочного прошлого, как правило, не сопровождается принятием обязательств, что впредь ничего подобного происходить уже не будет.

А что же и как будет происходить? Это должны будут продемонстрировать не отставки «отпущенцев», а новые назначения административных зубров. Из таких «назначенцев» пока ещё публике предъявлен только один, – С. Собянин. Его появление должно символизировать собой, что Кремль кладёт конец дилетантизму в политике и управлении.

На каждый более или менее ответственный государственный пост человек должен попадать не благодаря чьим-то симпатиям и предпочтениям, пусть даже уважаемых избирателей, а с заранее разработанной программой действий и яркими масштабными инициативами, вроде очистки московской атмосферы вакуумными насосами.

Нисколько не удивлюсь, если вслед за Собяниным с его вакуумными насосами кто-нибудь из ближайшего медведевско-путинского окружения предложит что-нибудь ещё более нано-технологическое. Скажем, обеспечить пассажирские железнодорожные вагоны спальным бельём с применением ионов серебра. Мало того, что оно всегда будет сухим, оно ещё будет приятно охлаждать пассажиров летом и надёжно согревать зимой.

Может в данном конкретном случае я и не угадал, но то, что в PR-обеспечении ротационного стратегического замысла мы увидим и услышим ещё немало удивительного, это факт. Политические аттракционы с далеко идущими целями действуют на тех же принципах, что и развлекательные. Публика скучать не должна.

При переходе на ротационную систему, серьёзную модификацию претерпит, надо понимать и традиционная процедура выборов. Её, скорее всего, придётся превратить в референдум по всенародному одобрению президентских целевых программ-шестилеток. Это будет как венчание на царство.

Так и заживём в режиме «танDEMократии». С 2000-го по 2008-ой с Путиным и Медведевым, затем, с 2008-го по 2012-ый с ротационной «пересменкой» президента Путина на премьера Медведева, с 2012-го по 2024 с «обратной рокировкой» Медведева на Путина. На 2024-ый формально запрограммирован выход на Медведева же. Найденное в 2004-ом решение о ротации это на всякий случай наверняка предполагало. И никакого нарушения Конституции!..

(Что касается лично Путина, то для него вместо президентства в 2012-ом году, в связи с учреждением Общероссийского Народного Фронта, который он же предусмотрительно и возглавил, было закреплено почти что династическое звание «лидера нации». отныне за ним будет закреплено навсегда. У В. Путина и Д. Медведева нет другого выхода, как запустить безболезненный механизм смены

друг друга у кремлевского кормила до той поры, пока граждане России не вспомнят о своём супротивном предназначении...В.Г.)

Рискну напомнить, согласно Конституции РФ, носителем суверенитета и единственным источником власти в России является её многонациональный народ. Быть гражданином, значит не перепоручать свои права и полномочия даже самым изобретательным порученцам, а находить реальные возможности, организационные формы и эффективные инструменты непосредственного участия в управлении страной и принятия государственных решений.

Мир так устроен, что благополучие людей достигается только тогда, когда они умеют собственную власть в строгости держать. Иначе она такого напридумывает, что никаких племенных «козлов отпущения» не хватит, чтобы потом её грехи в пустыню оттранспортировать».

06.10.2017. Президенту В. Путину исполнилось 65 лет. Опубликовано «НОВОСТИ», Mail. ru». В.ГУЩИН О ЗАВТРАШНЕМ ПУТИНЕ. <https://news.mail.ru/society/31248569/comments/>.

Сегодня для меня в творческом отношении день особенный. У первого лица государства, президента В. Путина день рождения. Для меня это лишний повод подумать и о себе любимом. Обо всех первых лицах государства у меня написаны и опубликованы крупные политические очерки, получившие с их стороны высокую оценку. При том, что очерки откровенно критические в оценках и очень смелые, можно сказать, даже наглые в предположениях и выводах.

Горбачев оставил свою оценку уровня и мастерства публикации, с признанием моей правоты, прямо на экземпляре газеты, где была опубликована моя статья **«Объективная логика политического краха Горбачева»** (См. «НГ», 07.09.1991 г.). Б. Ельцин сказал мне об этом устно, пригласив на конфиденциальную встречу после публикации моего политического памфлета **«Геннадий Бурбулис ведет свою игру. На кон поставлена судьба страны и Президента»**. (См. «НГ», 31.11.1993 г.).

Б. Ельцин расспросил о подробностях контактов с Г. Бурбулисом, в результате которых появился памфлет. Очень скоро после этой встречи Г. Бурбулис исчез с политической арены. А я, опираясь уже на разговор с Б. Ельциным, опубликовал в урочный час благожелательную статью, с одобрением принятого им решения на третий президентский срок не ни за что не идти, хотя ближайшее окружение на этом настаивало. (См. В. Гущин. «Ельцин на третий срок не пойдет. Даже по приговору Конституционного Суда». Еженедельник «ВЕК» №50, 1997 г.).

Теперь я весь в раздумьях: о Путине мной написано в несколько раз больше, чем о его предшественниках Горбачеве и Ельцине, а вот политического очерка о нынешнем президенте, под которым бы я подписался как под завершающим, нет. Причем, дело не во мне. Мне давно уже ясны и причины его прихода к власти, и его человеческие качества, способствовавшие этому. А также способы и методы достижения намеченных целей.

Иногда мне самому кажется, что по факту я стал уже как бы политической тенью В. Путина, за что меня половина России, а может и вся, ненавидит. Ступаю, видите ли, не во след президенту, как положено тени, а всюду и всегда на корпус опережаю. Люди не хотят понимать, что место тени определяется направлением света, а не человеческой воли.

В этом смысле я вроде солнечного компаса, как воткнутый в землю черенок лопаты, который может только указать направление движения. А вот с какой скоростью, целью и нагрузкой следовать стране и народу в указанном направлении, решает только президент.

В одном из недавно опубликованном на ленте российского коммуникационного Интернет-портала «Новости» Mail.ru «материалов, связанных с проведенным В. Путиным 1 сентября нынешнего года в средней школе Ярославля открытого урока о будущем России и даже мира, он вдруг предстал не президентом, а вселенским Пророком, для которого нет тайн ни в тысячелетнем прошлом России, ни в её будущем. От него мы услышали, что внутри страны, в её исторических недрах действует мощнейший ядерный реактор, энергия которого позволяла преодолевать любые препятствия, одерживать победы над самыми могучими врагами и противниками.

Путин, сославшись на отечественного историка Льва Гумилева, заявил, этот реактор, его энергия, есть ни что иное, как пассионарная душа российского народа, в которую самой природой заложено судьбоносное предназначение стать первейшими и наилучшими, не смотря на обременения неоднозначного прошлого и довольно невнятное настоящее. И ни слова, даже звука, о конкретных проблемах, целях и задачах, что было бы так естественно накануне предстоящих президентских выборов.

К чему бы это? А всё к тому, отметил я, что сегодня главное для В. Путина вовсе не предстоящие президентские выборы и победа на них, а подготовить Россию к переходу на принципиально новую систему управления, связанную с реализацией поставленной Конституцией РФ цели, привлечь граждан страны к непосредственному участию в

принятии государственных решений, по которым предстоит жить. Прямая демократия это называется. Если мы к ней не перейдем, отметил В. Путин еще в конце прошлого года в ежегодном Послании президента Федеральному Собранию и ко всем гражданам, то **«у нас в России никакого будущего не получится»**.

Вот только похоже, эту ключевую фразу Послания кроме меня больше никто не услышал. Поэтому, полагаю, вчера, буквально накануне собственного юбилея, во время встречи с лауреатами Всероссийского конкурса «Учитель года России», В. Путин вновь заявил: **«Самое главное действующее лицо в стране — это народ, нужно углубляться в изучение, прежде всего, морально-этических качеств нашего народа. В нем вся наша сила. В нем основа основ»**. О чем я и толкую вот уже 25 лет. И опять ни слова, какое всё президентом сказанное, имеет к предстоящим выборам и собственному участию в них.

Сам В. Путин как глава государства из этого контекста что, выпадает? Он что, уже не главный кандидат в президенты? Да нет, президент останется прежним, изменится система государственного управления. Он почему-то из тактических соображений, как я считаю, притормаживает открыто говорить об этом.

* *

*

Теперь, после того, как читателям предъявлена главная в методическом отношении серия прогностических публикаций, относящихся к периоду президентского правления В. Путина, – не исключая, его, этот период, со временем станут называть эпохой, а то и эрой, – я особенно остро почувствовал: мне, как автору, настало время объясниться по поводу того, что позволяет мне считать собственные аналитические выводы и прогностические рекомендации исторически достоверными и научно состоятельными, заслуживающим общественного доверия, а может и признания.

Полагаю, читатели не забыли, посягая на аналитические выводы по поводу происходящих событий, а тем более на выдачу прогностических рекомендаций, я заранее исключал возможности, использования в качестве качественных параметров каких-либо индивидуальных характеристик или личных особенностей политических деятелей, задействованных в происходящих событиях.

У меня на первом месте всегда оказывался либо объективный запрос времени или стечение конкретных обстоятельств. Календарные даты, факты политических биографий, личные симпатии или антипатии к людям или развитию событий в содержательных оценках проис-

ходящего всегда уходили не то что на второй, в вообще на самый задний план, поскольку в конечном итоге именно там они оказывались в реальной исторической перспективе.

Этот подход лег в основу и разработанных мной **«ключевых принципов научного прогнозирования политических процессов»**, прежде всего **«прогностической градации»** и **«прогностической регистрации»**. Прежде, чем стать «научным прогнозом», его версия в соответствии с провозглашенными принципами появляется на свет как **«рабочая гипотеза»**, в которой помимо намеченной цели, как правило в качестве **«контрольных опознавательных отличий»** оказываются тщательно прописанные характерные детали практической реализации прогноза. По этим деталям и происходит дальнейшая научная идентификация прогноза.

По ходу книги я уже прибегал к демонстрации конкретных примеров того, как это делается. Число таких примеров с какого-то момента стало стремительно нарастать, постепенно обретая установочный политический характер, указывающий на формирование в сознании и поведении В. Путина как президента страны стратегической нацеленности на приоритетное значение в содержании и форме принимаемых государственных решений, «народного участия».

Особенно это становилось заметно в предопределенные Конституцией или указами самого В. Путина сроки выхода «в свет» основополагающих государственных документов регламентного характера, вроде ежегодных Посланий президентов, либо при подготовке и проведении, ставших при В. Путине регулярными крупномасштабных общественно-политических акций, обретших в итоге самостоятельный характер. Я имею в виду так называемую **«Прямую линию»** и **«Большую пресс-конференцию»**, в которой роль «заинтересованной общественности» исполняют уже профессиональные журналисты.

Оба эти **«формата общения с народом на высшем уровне»** в концептуальном отношении вполне можно считать изобретением самого В. Путина, поскольку ни прежде, ни до сих пор, ни один глава государства помимо него, не пользуется ими с такой регулярностью и в таких масштабах. И это, на мой взгляд, предопределено не просто вопросом личного выбора или предпочтений, а прежде всего целевым предназначением подобного типа общественно-политических акций как средства государственной политики и эффективного средства достижения намеченных целей.

Стоило мне это понять, как моя работа, направленная методическую кодификацию практической методики научного прогнозирования

политических процессов сильно упростилась. У меня появилась возможность не только задним числом анализировать принимаемые В.Путиным политические решения, а опережать их на ключевых направлениях. Прежде, в случаях с М. Горбачевым и Б. Ельциным у меня такой возможности не было.

Они попадали в поле моего зрения и интереса на завершающих этапах, в процессе развития мне их наблюдать не пришлось. Выносить суждения о характере и смысле политических действий предшественников В. Путина М. Горбачева и Б. Ельцина как глав государства приходилось лишь задним числом, в зависимости от уже принятых решений, точнее их содержания. Этого, быть может, и достаточно для наблюдателя, но не для экспертной оценки.

В прогнозе важно, даже должно, предвосхищать решение не на уровне реализации, а на стадии намерений. Здесь официальные правительственные и президентские документы плохой помощник. А вот, казалось бы, ни к чему не обязывающий формат живого общения рамках «**Прямой линии**» или «**Большой пресс-конференции**», как это теперь стало очевидным, превращается в уникальную возможность прогностического зондажа.

Уверенность в собственных подходах и оценках возникает лишь тогда, когда ты в состоянии отделить, где политик действует в соответствии с обстоятельствами, а где независимо, а то вопреки им, по собственному плану. Первый подход можно считать аналитическим, он незаменим для подведения итогов, второй – концептуальным, без него не бывает прогноза. Абсолютно все мои публикации о В. Путине были концептуальными, и, следовательно, прогностическими.

Сегодня я с полной уверенностью, житейской и научной, могу сказать, решающим фактором моей «выдающейся» прозорливости, стократно подтвержденной конкретными примерами, объясняется всего лишь одно решающее обстоятельство: к началу 90-ых годов мне как выпускнику Академии Общественных Наук удалось точно сориентироваться по трем основным направлениям исторического развития России на несколько десятилетий вперед.

Перечисляю все три строго по порядку. **Первое:** Провал горбачевской «перестройки», распад СССР. (См. «Объективная логика политического краха Горбачева», «НГ», 07.03.1991 г.) **Второе:** Разрушительные эксцессы либерально-демократического реформирования 90-ых годов. (См. «Эх недотепы... Человека-то забыли. Отвечают ли демократические реформы интересам людей». «НГ», 06.06.1992 г.) **Третье:** Единственная возможность обретения будущего, возрождение

имперского прошлого. (*«Быть России имперской», «И всё-таки имперской России быть», «НГ», 23.07.1993 г., 17.09.1993 г.*).

Концептуальная основа моих тогдашних прогностических рекомендаций зиждилась на том, что Россия как страна в силу своих геополитических и конкретно исторических особенностей, как и населявшие её народы в силу морально-психологических и духовно-нравственных предпосылок, появились на свет и формировались на протяжении веков в рамках имперской парадигмы, что не только предопределило их прошлое, но и предвосхищало будущее.

Быть имперской, как констатировали заголовки моих публикаций, – это не мечта, а историческая судьба России. В этом я был убежден четверть века назад, когда завершал публикацию, убежден и сейчас, когда воспроизвожу её заключительные абзацы. *«У России есть все возможности, чтобы создать более гармоничную модель добрососедских, действительно взаимовыгодных и обоюдодолезных отношений с государствами-соседями, но складываться она будет под диктовку имперского императива, для которого, однако, необходимо будет найти образцово-цивилизованную форму воплощения.*

В этом, пожалуй, и состоит сверхзадача России – создать такую модель имперской политики, которая, будучи надежным инструментом обеспечения ее державных интересов, была бы в то же время отмечена особой чуткостью к достоинству и гражданскому самолюбию других государств. Возможность достижения этой цели, судя по всему, придется искать не в экономической и политической, а скорее в нравственно-психологической плоскости. С крахом коммунистических иллюзий идеи справедливости и добра не исчезли. Идет ли речь об отношениях между людьми или же между государствами.

История очень часто бывала к России несправедливой, даже жестокой, вынуждая дорого расплачиваться за допущенные ошибки, промахи, просчеты. Сегодня Россия оказалась перед новым испытанием: сумеет попутно с политической и экономической реформой, призванной вернуть ее в цивилизованный мир, доказать свое нравственное право быть великой державой, значит, можно считать, что все пережитое было не напрасным, значит, историческое предназначение России – совершить рывок, к которому она постоянно стремилась, состоялся. Если нет, тогда ей имперская мантия действительно ни к чему, тогда она неизбежно обернется для нее шагреновой кожей, не сулящей ничего, кроме гибели.

Лимит совершенных Россией исторических попыток стать действительно великой державой исчерпан. Остался последний шанс...».

Честно признаюсь, когда четверть века назад писались только что воспроизведенные строки, я далеко не до конца понимал, что возрождение империй станет возможным, – **а в историческом смысле необходимым**, -отнюдь не через концентрацию власти в руках одной сильной личности, как апофеозе государственного могущества, а через непосредственную консолидацию народной воли на принятии конкретных государственных решений нацеленных на консолидацию ресурсов развития.

То есть только тогда, когда идея государственного самодержавия, трансформируется в идею народного самоуправления, при котором каждый гражданин страны начинает ощущать себя как бы хозяином государства под изрядно дискредитированным несвоевременным и неуместным употреблением лозунгом «Государство – это я».

Теперь я почти что уверен, что мысль о том, каким способом в наше время может быть на практике реализована идея народного самоуправления не миновала и В. Путина. Во всяком случае, впервые она была высказана им в 2001-ом году на стартовой «Прямой линии» личного прямого общения президента с гражданами России, а затем регулярно повторялась ежегодно со всё нарастающей силой вплоть до сегодняшнего дня, когда речь зашла об обеспечении уникального исторического прорыва в развитии страны.

Вот как это выглядело в 2001-ом: *«У нас проблема в том, что государственные власти у нас, к сожалению, дряблые, государство ослабло. Оно не в состоянии проводить в жизнь те решения, которые формально заложены в законе. Вот именно поэтому, кстати сказать, я все время говорю о необходимости укрепления так называемой властной вертикали, отражающей народные интересы и воплощающей народную волю...»*.

Эта констатация, как я теперь понимаю, привела и к решению о создании общественно-политических инструментов, предназначение которых могло бы обеспечить движение России в направлении обозначенных целей, то есть **«отражению народных интересов и воплощению в принятых решениях народной воли»**.

В итоге в дополнение к ежегодным президентским Посланиям Федеральному собранию, появились **«Прямые линии»** непосредственного общения В. Путина с гражданами страны по насущным аспектам жизни страны и столь же регулярные телевизионные трансляции **«Больших пресс-конференций»**, в которых непосредственными участниками активного общения с президентом были вроде бы уже профессиональные журналисты, но резонанс от таких трансляций становился таким же всеобщим, как и от **«Прямых линий»**.

Начиная где-то с 2012-го года, если судить по дневниковым записям, практически каждое из крупномасштабных общественно-политических мероприятий, – «**Прямых линий**», «**Больших пресс-конференций**» или **ежегодных Посланий президента**, – я сопровождал публикацией прогностических материалов, в которые закладывал свои представления о развитии грядущих событий на ближайшую разумно обозримую перспективу. Как правило, мои ожидания подтверждались. Некоторые из таких примеров по ходу изложения я приводил в каждой из предшествующих книг.

Для примера, полагаю, будет не лишним и в нынешней книге воспроизвести один из таких сюжетов. В дневнике ему предшествовала следующая запись: «В моем экспертном аналитическо-прогностическом подходе к информационным акциям Путин, – которыми вообще в мире регулярно никто не пользуется, – у меня выработалось твёрдое правило: готовить как можно больше содержательных версий будущих ответов Президента, на адресованные ему вопросы.

Я сам себе задавал любые по степени убывания здравого смысла, и на любые же старался найти варианты ответов в обратной последовательности: чем глупее вопрос, тем должен быть умнее ответ. Как в телеигре «Сто к одному». Постепенно угадываний становилось всё больше и больше, пока я вообще не обнаглел.

Накануне одной из «Горячих линий» широко оповестил своих детей, друзей, добрых знакомых в Госдуме, – если будет нужно, готов назвать имена, – что на очередной «Пресс-конференции» в ответе на один из вопросов В. Путин, причем, с особым нажимом, скажет о том, о чем прежде в такой манере никогда не говорил. И я даже высказал свои соображения по поводу того, почему он это сделает. Вот как это выглядело на практике. Воспроизвожу один из сюжетов моей переписки с бывшим коллегой по работе в Госдуме.

«Дорогой А.И. как договорились, высылаю финальную версию книги. Хотя работа над ней ещё продолжается в режиме "он-лайн", каждое предстоящее более или менее значительное событие я заранее программирую, а затем сверяю с реальным ходом событий. Так было с Президентским Ежегодным Посланием, этот сюжет уже вошел в книгу, теперь на очереди выступление В. Путина на Большой пресс-конференции, намеченной на 18 декабря нынешнего 2014 года, то есть всего через три дня.

*В моем контрольном прогностическом дневнике зафиксировано: «**Формат пресс-конференции не предполагает развернутых концептуальных политических заявлений, но одна из ключевых мыслей***

в ответах Владимира Путина на вопросы её участников будет сводиться к тому, что все трудности и проблемы, выпавшие на долю России, могут быть преодолены, лишь при единстве действий народа и власти.

Короче, знакомая уже мысль: «Залог будущих Побед, будущего Величия и Могущества страны, – как сказал когда-то Сталин, – зиждется на доверии русского народа к своей власти». Иными словами, "Власть и Народ Едины». Путин сегодня оказался в аналогичном положении, народная любовь ему нужна позарез. Болотная площадь всё ещё о себе напоминает. Позади куча ошибок, налицо новые угрозы, впереди – неясно что. В таком положении у В. Путина остается только одна политическая цель: добиваться единства власти и народа. Иначе полный крах и смута.

Если я вдруг ошибусь, и эта мысль не будет сильно акцентирована, а должно быть именно так, считайте, что моя "практическая методика научного прогнозирования политических процессов» на момент 18 декабря 2014 года лишь несколько опередила ход реальных событий, а вовсе не дала сбой.

Поставьте сформулированную установку на контроль, и вы убедитесь: она дает правильное направление развития. В. Путин будет стремиться к обеспечению именно такого "единства", это «единственное», – простите за вынужденную тавтологию, – что Президент не только может, но и должен противопоставить нарастающему процессу олигархической консолидации, чтобы в конечном итоге выйти победителем».

Предъявляю соответствующую выдержку из стенограммы самой «Пресс-конференции». Вопрос: А.АНИЩУК, Агентство Reuters. В последний год Россия оказалась вовлечена, пожалуй, в один из самых глубоких кризисов в своей новейшей истории. Началось всё с событий на Украине в конце прошлого года, продолжилось ухудшением отношений с Западом буквально до уровня «холодной войны».

Сейчас, в последние дни мы видим глубокий валютный кризис, который вполне рискует перерасти в финансовый и экономический, риски такие есть. Я знаю, Вы часто склонны винить во всём происходящем некие внешние силы, но я также знаю, что некоторые представители элит, люди из Вашего окружения, наиболее информированные граждане России, даже несмотря на их публичную риторику, часто склонны винить в некоторых вещах как раз именно Вас, как человека, который на протяжении 15 лет принимает все ключевые решения в России.

В. ПУТИН: Назовите по-фамильно...

А.АНИЩУК: К сожалению, не могу: часто жалуются на условиях анонимности. Но в последнее время такие, действительно, в разговорах с журналистами нотки проскальзывают. В этой связи вопрос, я не буду занимать много времени: насколько Вы уверены в Вашем окружении, в том, что оно безоговорочно Вас поддерживает? И насколько Вы видите риски государственного или даже дворцового переворота? То, что Вы будете делать в случае «оранжевой» или, не дай бог, «красной» революции, Вы говорили много раз. А есть ли у Вас некий план на случай предательства окружения и дворцового переворота?

В.ПУТИН. *На счёт дворцовых переворотов, успокойтесь: у нас нет дворцов, поэтому и дворцовых переворотов быть не может. У нас есть официальная резиденция Кремль, она хорошо защищена, и это тоже фактор нашей государственной стабильности. Но стабильность основана не на этом: она основана – не может быть никакой другой более прочной базы, чем поддержка российского народа. Я думаю, что Вы не будете со мной спорить в том, что по основным направлениям нашей внешней, да и внутренней политики такая поддержка есть...*

Почему так происходит? Потому что люди душой и сердцем чувствуют, что мы (и я, в частности) действуем в интересах подавляющего большинства граждан Российской Федерации...

Теперь по поводу элит. Вы знаете, есть элитное вино, есть элитные курорты – нет элитных людей. Вы знаете, что такое «российская элита»? Это работяга, это крестьянин, это человек, на плечах которого держится вся страна, веками держалась, сейчас держится и будет держаться. Всё остальное разделение на какие-то элиты я считаю абсолютно необоснованным...

Самым главным защитником интересов российских граждан, чем бы они ни занимались, в том числе и бизнесом, может быть только сильное Российское государство...».

В итоге, все предъявленные в письме моему коллеге прогностические расчеты с лихвой подтвердились. Путин сказал то, что я ожидал от него услышать, и сказал именно так, как и должен был по моим предположениям сказать: с сильно выраженным смысловым акцентом на ключевой мысли: «**Народ и Власть Едины**», которая, как я считаю, заложена в самой идее перехода от представительной демократии к Народному Самоуправлению.

С тех пор, пожалуй, не было ни одной «**Прямой линии**» или «**Большой пресс-конференции**», которую бы я в сугубо методических

исследовательских целях не попытался предвосхитить с точки зрения продвижения к конечной цели: переходу к новой системе государственного управления, основанного на расширении непосредственного участия граждан в принятии решений, по которым предстояло жить. Особо примечательными в этом отношении стали «**Прямые линии**», состоявшиеся в июне 2017-го и 2018 годов.

На первую из них я даже позволил себе откликнуться раньше, чем она на самом деле состоялась. Не «показухи» ради, а преследуя сугубо методические цели я «умудрился» опубликовать на прогностическом Интернет-портале Viperson. ru. от 4 июня, за десять дней до проведения самой акции, моих «**Досужих размышлениях накануне общения В. Путина с гражданами России**», чуть было не обернувшихся грандиозным провалом.

Был в тогдашней публикации и такой сюжет, который имеет смысл воспроизвести. «...*В собственной победе на предстоящих выборах В. Путин, конечно же, ни секунды не сомневается, точно также, как и в том, что сама по себе победа на выборах как у Б. Ельцина в 1996-ом году без четкой программы необходимых преобразований, предопределяющих не только текущее, но и будущее развитие России, чревата неминуемым крахом. На мой взгляд, такого рода сомнения терзали Президента вплоть до сегодняшних дней, пока не была найдена формула, по которой предстояло действовать. Не особенно рискуя ошибиться попытаюсь сформулировать как это скорее всего будет выглядеть...*

Это Программа будет призвана воплотить в себе вовсе не решение вопроса о ещё одной "шестилетней президентской ходке" В. Путина в Кремль, а неразрывную связь политической судьбы главы государства и будущего России. В результате на предстоящих выборах избиратели будут голосовать не столько за главу государства, сколько за провозглашенный В. Путиным политический курс строительства Новой России. А президентство – это уже как бы так, в придачу».

Первая реакция на прошедшую пресс-конференцию была для меня безрадостной, разочаровывающей. Формально в своем прогнозе о содержании предстоявшей 15 июня 2017 года «Прямой линии» общения В. Путина с гражданами России я оказался не прав дважды. Во-первых, в отношении того, что "Прямая линия" будет избрана В. Путиным для оглашения предвыборной Программы, во-вторых, что в основном она будет посвящена обсуждению будущего завтрашней России.

На самом же деле ни о том, ни о другом фактически не прозвучало ни слова. Такого в моей прогностической практике ещё не было. Но вот ведь парадокс: в итоге сделанные промахи не столько разочаровали меня в своей правоте, сколько, наоборот, подтвердили мою уверенность в ней. Ничего другого, ориентируясь на позицию В. Путина я предложить не мог. И до сих пор не могу. Точнее, в этом нет необходимости. Дело не в словах.

Если сегодня взглянуть на возникшую ситуацию в этом контексте у меня перед публикацией прогноза о предназначении и основном содержании "**Прямой линии**" не было выбора: если В. Путин 17 лет целенаправленно двигался в одном направлении, то при отсутствии «дополнительных вводных», никакого смысла отказываться от пройденного пути и проделанных работ, когда настала пора в интересах страны и народа, упразднить представительную демократию, как это было сделано в 2004-м году с ликвидацией прямых губернаторских выборов, совершенно не было. Во всяком случае, если иметь в виду существо дела. Вопрос может идти лишь о корректировке сроков тех или иных действий, направленных на достижение намеченной цели.

Не ошибся я, судя по всему, и в предположениях, что именно серьезного разговора о будущем страны, ждёт и российское общество. Под магию этих ожиданий подпал не только я. Одна из ведущих «Прямой линии» Татьяна Ремезова, обращаясь к Путину сказала: *«Я хотела бы заострить Ваше внимание на одном очень важном отличии этой "Прямой линии" от предыдущих. Подавляющее большинство обращений в нашу редакцию – не о настоящем, они о будущем: как будет жить наша страна в ближайшие годы, какими будут отношения России с другими государствами. Возможно, такова специфика предвыборного года...»*

Президент на эту вводную ремарку вообще никак не отреагировал, что меня, конечно же, удивило, но только постепенно по ходу «Прямой линии» я начал понимать почему: все предыдущие «линии» проходили, что называется, в информационно-фактологическом ключе, как бы в ритме что, где, когда и как надо делать.

Июньская **«Прямая линия»** была выстроена в совершенно иначе. С упором на проблемно-аналитический ракурс с акцентом ни на том, что предстоит делать, а как понимать происходящее события и предпринимаемые государством шаги. Иногда с глубокими историческими и даже элегическими экскурсами. Вроде как с Лермонтовым и Шевченко, применительно с российско-украинским отношениям, передаче Исаакиевского Собора РПЦ, или истории свой собственной семьи.

Спрашивается зачем? Ответ, на мой взгляд, мог быть только одним: чтобы попытаться подготовить российское общественное мнение к восприятию происходящих событий и принимаемых решений, не только со слов руководителя, пусть даже такого авторитетного как В. Путин, а с позиций собственного жизненного опыта, личного участия в достижении тех целей, к которым люди стремятся.

На эту особенность «Прямой линии» от 15 июня 2017 года обратил внимание не только я. Некоторые злые языки даже усмотрели в этом психо-терапевтический расчет, чего я тоже не исключаю. Просто так с бухты-барахты В. Путину объявить о переходе от представительной демократии к прямому народному самоуправлению, без морально-психологической подготовки, было бы опрометчиво и даже опасно. ***(Вспомните фразу В. Путина, сказанную сразу после победы на президентских выборах: «Некоторые из предстоящих шагов, которые предстоит предпринять, могут потребовать дополнительных разъяснений»,В.Г.).***

Нужно было, как я теперь понимаю, В. Путину осуществить своего рода информационно-политическую интригу. А именно: предварительно провести всероссийский сеанс телевизионной дискредитации нынешней системы посреднического депутатско-губернаторского корпуса управления, который свой функциональный ресурс практически полностью исчерпал, превратившись в бюрократический тормоз развития.

На его место предстояло прийти новой системе управления, ориентированная на максимальное расширение прав и возможностей непосредственного участия самих граждан в принятии решений, по которым предстоит жить.

Уже сам факт, что первые телевизионные отклики на «Прямую линию» от 15.06.2017 года на 1-ТВ канале, на России 1, на НТВ и ТВЦ в одночасье переориентировавшие все свои идейно-политические и социально-экономические ток-шоу с внешней политики на внутреннюю, не оставляют сомнения: ближайшие месяцы пройдут под знаком нарастающих общественных требований «укорота» местно-региональных властных элит, на фоне которых Путин и объявит о содержании своей предвыборной Программы, нацеленной, как и было предсказано в публикации от 4 июня, на радикальное преобразование системы государственного управления сверху до низу. Так что ошибку в сроках, даже всего лишь моменте реализации, вряд ли стоит считать серьезной.

Президент по сути дела уже предложил гражданам больше не дожидаться «**Прямых линий**», а каждому на своем месте в рамках но-

вой системы народного самоуправления «как бы самому стать Путиным», с полным набором полномочий в смысле требований к местным властям и исполнения ими своих должностных обязанностей.

В результате В. Путин одним выстрелом убивал как бы сразу двух зайцев: с отжившей свой век депутатско-чиновничьей властью расправляется; и свою четвертую президентскую ходку в Кремль оправдывает. Реализация намеченной Программы перехода к новой системе государственного управления вполне заслуживает ещё одного президентского срока.

О том, что лично В. Путин мыслью и делом нацелен именно на достижение этой цели президент прямо сказал в заключительной части своего участия в «Прямой линии». **Цитирую по стенограмме: «Дмитрий Борисов: Вы заговорили о том, что избиратели будут решать, кто будет главой государства. Можете сказать, на Ваш взгляд, с какими вызовами придётся столкнуться тому, кого граждане выберут в итоге главой государства на следующие шесть лет, и какие задачи ему предстоит решать?»**

В. Путин: У нас много задач... Из того, что следует сделать в ближайшем будущем, это прежде всего внести существенные коррективы в административные формы, причём административные формы на уровне муниципалитетов, регионов и всей страны. Здесь нам совершенно точно нужны будут серьёзные преобразования в качестве управления, которые предстоит осуществить в самое ближайшее время».

Т. Ремезова: И последнее: будет ли ещё одна "Прямая линия с Владимиром Путиным" или нынешняя последняя?

В. Путин: Если и будет какая-то линия, то она будет только прямая, как и сегодня».

В моем восприятии в этой итоговой реплике В. Путин имел в виду уже не столько самого себя как будущего президента, сколько реформированную на принципах прямого народного самоуправления российскую власть. Возникшую в результате проведенной 15 июня "Прямой линии" я расцениваю именно так.

Путинская телевизионная интрига по публичной дискредитации представительной власти и её бюрократической obsługi себя имела смысл не только по стечению обстоятельств, но и была стратегически предопределена «политическими задумками» В. Путина ещё с момента его прихода к президентской власти.

Теперь я почти что уверен, что мысль о том, каким способом в наше время может быть на практике реализована идея народного самоуправления была высказана В. Путиным в 2001-ом году на стартовой

«Прямой линии» личного прямого общения президента с гражданами России, а затем регулярно повторялась ежегодно со всё нарастающей силой вплоть до сегодняшнего дня, когда речь зашла об обеспечении уникального исторического прорыва в развитии страны.

Предлагаю читателям сравнить слова, сказанные В. Путиным на двух с интервалом в 17 лет. *«У нас проблема в том, что государственные власти у нас, к сожалению, дряблые, государство ослабло. Оно не в состоянии проводить в жизнь те решения, которые формально заложены в законе. Вот именно поэтому, кстати сказать, я все время говорю о необходимости укрепления так называемой властной вертикали, отражающей народные интересы и воплощающей народную волю...».*

А вот что сказал В. Путин о будущем, нашем и России, в нынешнем, 2018-ом году: «Ведущий «Прямой линии»: Владимир Владимирович, если вернуться к прорыву (то, о чем вы говорили и в своем Послании, и много позже, и на Питерском форуме), конечно, он невозможен без мобилизации, причем, наверное, буквально каждого человека. Чтобы сначала в порыве объединиться, а потом совершить этот прорыв. Какие бы слова вы сегодня могли сказать людям, чтобы никого не оставить равнодушным?

В. Путин: Я знаю, что когда мы говорим о прорыве, то и на экспертном уровне, и при обсуждении этих вопросов на уровне общенности всегда или очень часто вспоминают задачи, перед которыми стояла наша страна в 30-е годы, в 50-е годы. Обращаю ваше внимание на то, что и в первом, и во втором случае речь шла о выживании страны. Потому что в 30-е годы, когда были проведены мероприятия в рамках так называемой индустриализации, коллективизации, тогда мир стоял на пороге войны. В Германии к власти пришли фашисты, началась гражданская война в Испании. В мире висела эта угроза. В конце 40-х – начале 50-х годов возникла новая, ядерная опасность. И перед Советским Союзом встала остро проблема развития ракетной программы, ядерной программы. Для реализации этих задач были сконцентрированы все ресурсы страны. Тогда все понимали, насколько это важно для выживания страны.

Сегодня такой угрозы вроде бы и нет. Я сегодня только упоминал об этом применительно к нашим новейшим системам вооружений. Безопасность вроде бы обеспечена, причем на достаточно отдаленную, длительную перспективу. У нас огромная территория, колоссальные запасы минерального сырья. В целом у нас очень хорошо подготовленные, образованные люди. Но я хочу, чтобы мы все понимали, знали, имели это в виду и руководствовались этим соображением.

1. Если мы отстанем в своем технологическом развитии, если мы не сможем обеспечить нужного нам темпа роста экономики на основе увеличения производительности труда минимум до 5%, внедрения новых технологий, включая искусственный интеллект, цифровую экономику, генетику и т.д.

2. Если мы не сможем связать огромное пространство страны новыми линиями связи, новыми дорогами, не будем развивать инфраструктуру авиационного транспорта, железнодорожного, портовых сооружений и морского, и речного транспорта, если мы не будем уделять должного внимания таким важнейшим вопросам, как здравоохранение и образование, мы можем безвозвратно отстать, и это поставит под вопрос наш суверенитет.

3. Поэтому мы должны собрать все наши ресурсы – и интеллектуальные, и моральные, и финансовые, понять, что мы стоим на очень важном этапе нашего развития. Мы должны не только прыгнуть в последний вагон уходящего поезда нового технологического уклада, но и оказаться в итоге во главе этого поезда.

Можем ли мы всё это сделать? Можем, но только если будем работать вместе. Это, во-первых. А во-вторых, в современных условиях нам нет необходимости прибегать к крайним мерам, которые были использованы в 30-е и 50-е годы. Потому что, для того чтобы добиться результатов в сегодняшних условиях, нам нужно максимально раскрепостить людей, нам нужно добиться того, чтобы каждый человек максимально реализовал свой творческий потенциал. Это могут сделать только свободные люди. Поэтому нам нужно развивать свою политическую систему и систему современного эффективного управления».

Два высказывания президента России, снятые с одного листа, но относящиеся по существу к разным эпохам, красноречиво демонстрируют, что у В. Путина слова не расходятся с делом. В 2001-ом году, едва став главой государства, он нелестно указал на дряблость и слабость российского государства и взял на себя обязательство сделать всё возможное, чтобы вернуть стране статус Великой Державы, завещанный России прошлым.

Откровенно скажу, воспроизводя только что процитированные слова, взятые из «**Прямой линии**» нынешнего 2018 года, смысл которых сводился не к констатации слабости и даже дряблости российского государства, как это было перед приходом в Кремль, а к постановке стратегической задачи к 2024-му году превратить страну в высокоразвитую передовую державу, вывести страну на передовые рубежи цивили-

лизационного прогресса, очень хотелось завершить книгу, – а речь сейчас идёт именно об этом, – на какой-нибудь возвышенной ноте.

Но слава Богу, на память пришло чеховское предостережение не только не говорить, но и не размышлять о будущем с употреблением восклицательных знаков. Будущее – это если не всегда, то чаще всего, поиск ответов на ещё не заданные вопросы. Поэтому и книгу, посвященную практической методике научного прогнозирования, ничем иным, кроме постановки ключевого вопроса, имеющего прямое отношение к поднятой теме, завершать нельзя.

Такой вопрос, волнующий меня уже пятый год, у меня есть. Он относится к событию, которое, на мой взгляд, могло бы значительно ускорить продвижение России к достижению стратегической цели, на самом деле провозглашенной В. Путиным вовсе не в июне 2018-го, а в декабре 2013 – го года.

Речь идет о ежегодном **Послании президента Федеральному Собранию от 12 декабря 2013 года**, – первом после его возвращения В. Путина в Кремль, – где задача перехода к новой системе управления была сформулирована именно как стратегическая: **возродить российское Земство как народный управленческий институт**, в интересах проведения социально-экономических преобразований, которые бы по темпам, масштабам и эффективности не уступали Столыпинской реформе.

Именно тогда я понял, – **сначала возродить российское Земство, а затем довести его до полномасштабного Народного Самоуправления**, – это ключевая стратегическая идея В. Путина, от которой он уже никогда не откажется. А что ещё остаётся делать главе государства, поставившему себя в один ряд со Столыпином?! Вот эти слова, которые на тот момент должны были предопределить не только конкретные политические действия В. Путина в качестве главы государства, но и будущее самой России.

«Современной России необходима широкая общественная дискуссия, причем с практическими результатами, когда общественные инициативы становятся частью государственной политики и общество контролирует их исполнение...Мы должны поддержать гражданскую активность на местах, в муниципалитетах, чтобы у людей была реальная возможность принимать участие в управлении своим поселком или городом, в решении повседневных вопросов, которые на самом деле определяют качество жизни...»

Сегодня в системе местного самоуправления накопилось немало проблем. Объем ответственности и ресурсы муниципалитетов, к со-

жалению, и вы это хорошо знаете, не сбалансированы. Отсюда часто неразбериха с полномочиями. Они не только размыты, но и постоянно перекидываются с одного уровня власти на другой: из района в регион, с поселения на район и обратно. Органы местного самоуправления то и дело сотрясают и коррупционные скандалы.

Районный уровень фактически выхолощен. Его полномочия в сфере образования, здравоохранения, социальной защиты переданы в регионы. Кроме того, местная власть должна быть устроена так – а ведь это самая близкая власть к людям, – чтобы любой гражданин, образно говоря, мог дотянуться до нее рукой.

В этой связи обращаюсь к Всероссийскому совету местного самоуправления, Конгрессу муниципальных образований, к губернаторам, членам Федерального Собрания, правительству Российской Федерации. Давайте посмотрим на эти проблемы еще раз со всех сторон, чтобы наконец привести ситуацию в соответствие со здравым смыслом, с требованием времени.

Повторю, считаю важнейшей задачей уточнение общих принципов организации местного самоуправления, развитие сильной, независимой, финансово состоятельной власти на местах. И такую работу мы должны начать и в основном законодательно обеспечить уже в следующем, 2014 году – в год 150-летия знаменитой Земской реформы, совершить рывок, найти грамотные кадры для проведения крупных прогрессивных преобразований, подобных тем, что обеспечили успех аграрной реформе Столыпина и переустройству отечественной промышленности накануне и в годы Первой мировой войны».

Исходя из текста Послания, я предположил, скажу больше, обрел уверенность, что именно 2014 год станет стартовым на пути к созданию новой системы государственного управления. Ведь в президентском документе так прямо и намечено: «в 2014-ом году, в год 150-летия знаменитой Земской реформы, начать и законодательно обеспечить проведение крупных прогрессивных преобразований, подобных тем, что были проведены Столыпиным».

Мной в ту пору, человеком не самым наивным, сказанное было однозначно воспринято как сигнал о проведении всенародного референдума как раз по вопросу о давно назревшем переходе системы государственного управления с принципов представительной демократии, себя функционально исчерпавших, к практике народного самоуправления.

Но этого не случилось, а я до сих пор не могу понять почему. В. Путин на этот счет никаких разъяснений не дал, экспертное сообщество

во на поставленные президентом задачи никак не отреагировало, точно также повело себя и так называемое «общественное мнение», а проблема осталась.

Вот я и решил предложить читателям своей книги в качестве своеобразного домашнего прогностического задания в методических целях совместно подумать над тем, что же помешало российскому обществу и каждому из нас адекватно отреагировать на поставленные президентом РФ конкретные цели и задачи по созданию в стране новой системы государственного управления, способной обеспечить провозглашенный В. Путиным прорыв.

В предыдущей книге «**Практическая методика предвидения**» я уже делился с читателями личным опытом и навыками, обретенными мной на этом поприще. К прогностической работе нельзя прибегать от случая к случаю. Это не способ конкретных действий, а способ специфического мышления, с помощью которого человек осваивает окружающий его мир.

И это мышление необходимо постоянно тренировать. Я это делаю за счёт использования информационных ресурсов разного рода коммуникационных Интернет-порталов, чаще всего «Новости», Mail.ru, площадку которого я уже несколько лет использую в качестве ежедневного прогностического мониторинга важнейших политических событий.

Именно с этого рекомендую начать свою творческую биографию и читателям «**Уроков будущего**», желающим попробовать собственные силы в научном прогнозировании. Для этого не потребуется ни много времени, ни сил, ни средств. Достаточно в любом Интернет-поисковике набрать «позывные» «**НОВОСТИ**», **Mail.ru**, как соответствующий коммуникационный портал окажется в вашем распоряжении.

Всё, что вы пожелаете в прогностическом смысле предать огласке, исполняется вмиг, а архивное хранение авторской позиции обеспечивается навсегда. Именно это обстоятельство открыло перед прогнозированием действительно научную эпоху. Во-первых, никому не надо верить на слово, а во-вторых, – и это главное, – вашей гипотезе, пока она даже не станет впоследствии научным прогнозом, с момента рождения обеспечивается стопроцентная достоверность.

Именно соображение открыло лично передо мной перспективу появления на свет самых смелых прогностических предположений о смысле и характере политических событий, которые не то что десятилетиями, а то и веками остаются непознанной, точнее недоказанной тайной.

Не удержался я именно по этой причине и от соблазна под включить в нынешнюю книгу аналитическо-прогностический сюжет, которым я откликнулся на ещё только предстоявшую встречу двух президентов России и США, – В. Путина и Д. Трампа. Вот он.

15.07.2018 года. МИД Финляндии опубликовал подробности об организации встречи президента России Владимира Путина и президента США Дональда Трампа, которая состоится в Хельсинки в понедельник, 16 июля 2016 года.

Виктор ГУЩИН: Сегодня только два политических деятеля, – Путин и Трамп, – действительно понимают, что человечество переживает глобальный управленческий кризис, связанный с утратой так называемой представительной демократией своего созидательного потенциала. Она уже несколько десятилетий как не дает адекватных ответов на идейно-политические и социально-экономические запросы времени.

Выход из возникшей ситуации только один: это ликвидация системы управления, основанной на конкурентном партийно-политическом плюрализме, крайне громоздкой, давно утратившей свою продуктивность, в создании новой системы управления, нацеленной не на обеспечении взаимных сдержек и противовесов в процессе принятия решений, по которым странам и народам предстоит жить, а на консолидацию созидательных ресурсов развития.

Возможностей для создания такой системы осталось только две, – что как раз в отличии от своих коллег из других стран прекрасно понимают Путин и Трамп, – либо возвращение к мировому доминированию Соединенных Штатов в качестве наиболее могущественной мировой державы, либо исторический пример перехода к принципиально новой системе принятия решений, основанной не на перепоручении прав и полномочий так называемым "народным представителям" в самом широком функциональном диапазоне, – от депутатов местных органов власти до глав государств, – а непосредственное участие граждан в принятии государственных решений.

Одна лишь экономия за счет ликвидации обветшавшей тяжело-весной и обременительной системы представительной власти и депутатского корпуса, и последующая экономия управленческих ресурсов выведет мир на уровень будет настолько велика, – в России, к примеру, расходы на содержание и обслуживание представительной системы власти уходит свыше 13 процентов ВВП, – что сэкономленных средств вполне хватит чтобы преодолеть нынешний управленческий кризис.

Во время предстоящей встречи в Хельсинки Путин и Трамп вполне могут договориться, что каждый из них, а, следовательно, США

и Россия, пойдут к преодолению нынешнего глобального кризиса управления, своим путем. Соединённые Штаты за счет осуществления глобальной диктатуры сильнейшего государства в мире, Россия путем создания системы Народного Самоуправления, весь смысл которой предопределяется непосредственным участием граждан в принятии решений, по которым предстоит жить. (Опубликовано на российском коммуникационном портале «Новости» mail.ru 15.07.2018 г. в качестве комментария к информационному сообщению «Финляндия раскрыла детали проведения встречи Путина и Трампа» (<https://news.mail.ru/politics/34102704/comments/>)).

Без коммуникационного портала «Новости», mail.ru», никто бы и никогда, как это и было на протяжении минувших тысячелетий нынешней человеческой цивилизации вмешаться в качестве полномочных современников в развитие актуальных событий со своим частным мнением, способном, если окажется верным, обрести статус исторической истины. Или точнее, научной достоверности...

В.В. Гущин

**УРОКИ БУДУЩЕГО.
УЧИМСЯ ПРЕДВИДЕТЬ ВМЕСТЕ**

Обновленная методика научного прогнозирования

Монография

Подписано в печать 14.08.2018.
Формат 60×90/16. Усл. печ. л. 18,0.
Тираж 1000 экз.

ООО «Русайнс».
117218, г. Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2.
Тел.: +7 (495) 741-46-28.
E-mail: autor@ru-science.com
<http://ru-science.com>